

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

4'2025

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Выпуск 4 (240)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 4 (240) 2025

ТОМСК
2025

Главный редактор:

А.Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (Томск, Россия). E-mail: rector@tspu.ru

Редакционная коллегия:

Н.С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С.И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н.Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В.И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

А.А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

Л.Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю.Б. Дроботенко, доктор педагогических наук, доцент (Омск, Россия);

Ю.В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А.В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В.В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО,

заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

Е.А. Полева, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Н.В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г.Г. Слышик, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

А.Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

Ю.В. Шатин, доктор филологических наук, профессор (Новосибирск, Россия);

S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Korycánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония)

Научный редактор выпуска

А.В. Курьянович, Н.В. Полякова, Н.С. Болотнова, Е.А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подpisной каталог «Пресса России». Индекс 54235.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 20.03.2023).

Журнал включен:

- в систему Российской индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

634041, Томская область, г. Томск, пр-кт Комсомольский, д. 75, офис 319.

Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П.И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.

Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Издание включено в подpisной каталог «Пресса России». Индекс 54235

Подписано в печать: 20.06.2025. Дата выхода в свет: 21.07.2025. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 19,5. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1307/Н.

Выпускающий редактор: Ю.Ю. Афанасьева. Технический редактор: А.И. Альшева. Корректор: Н.В. Богданова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2025. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 4 (240) 2025

TOMSK
2025

Editor-in-Chief

*A.N. Makarenko, Doctor of Sciences in Physics and Mathematics, associate professor
(Tomsk, Russian Federation). E-mail: rector@tspu.ru*

Editorial Board:

*N.S. Bolotnova, Doctor of Sciences in Philology, professor, Honored Worker of Higher School
of the Russian Federation, (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*

S.I. Pozdeeva, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor, (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

N.F. Alefirenko, Doctor of Sciences in Philology, professor (Belgorod, Russian Federation);

V.I. Bogoslovskiy, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

A.A. Veryaev, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor (Barnaul, Russian Federation);

L.R. Duskaeva, Doctor of Sciences in Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

Yu.B. Drobotenko, Doctor of Sciences in Pedagogy, associate professor (Omsk, Russian Federation);

Yu.V. Kobenko, Doctor of Sciences in Philology, professor (Tomsk, Russian Federation);

A.V. Kuryanovich, Doctor of Sciences in Philology, professor (Tomsk, Russian Federation);

*V.V. Laptev, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor, Member of Russian Academy of Education,
Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);*

E.A. Poleva, Candidate of Sciences in Philology, associate professor (Tomsk, Russian Federation);

N.V. Polyakova, Candidate of Sciences in Philology, associate professor (Tomsk, Russian Federation);

G.G. Slyshkin, Doctor of Sciences in Philology, professor (Moscow, Russian Federation);

A.B. Tumanova, Doctor of Sciences in Philology, professor (Almaty, Kazakhstan);

Yu.V. Shatin, Doctor of Sciences in Philology, professor (Novosibirsk, Russian Federation);

S. Capozziello, Professor, University of Naples Federico II (Naples, Italy);

E. Elizalde, Professor, Institute of Space Studies of Catalonia (Barcelona, Spain);

S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);

R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);

M. Sasaki, Professor, Yukawa Institute for Theoretica Physics Kyoto University (Kyoto, Japan).

Scientific Editor of the Issue:

A.V. Kuryanovich, N.V. Polyakova, N.S. Bolotnova, E.A. Poleva

**Founder:
Tomsk State Pedagogical University**

The journal is included in the “Russian Press” subscription catalog. Index 54235.

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 20.03.2023).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of “European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)”;
- in the database of periodicals “Ulrich’s Periodical Directory”.

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol’skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P.I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 20.06.2025. Publication date: 21.07.2025. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1307/H.

Production editor: Yu.Yu. Afanas’eva. Text designer: A.I. Alysheva. Proofreading: N.V. Bogdanova

© Tomsk State Pedagogical University, 2025. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Токарев Г.В. Когнитивно-прагматическое описание ревности и ее объективации в письмах Л.Н. Толстого жене	7
Волкова Т.Ф., Орлова О.В. Концепт сибирская зима в восприятии иностранных студентов, изучающих русский язык в вузах Сибирского региона	16
Анисимов В.Е. Интертекст как элемент внутренней организации кинотекста (на материале французского кинодискурса)	25
Баранова Е.С. Архетипический подтекст сюжетов рассказов Сомерсета Моэма	33

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Таджик Нафисе, Мадаени-Аввал Али, Захраи Сейед Хасан. Сопоставительный анализ русских и персидских отадъективных существительных со значением цвета	41
Ханджани Лейла, Дианати Захра. Лексико-семантические варианты глагола «служить» в русском языке и его эквиваленты в персидском языке	51

РУССКИЙ ЯЗЫК

Пушкирева И.А., Пушкирева Ю.Е. Образ снега в лирике Татьяны Николаевой: семантико-стилистический анализ	60
Захарчевская Н.В., Болотнов А.В. Регулятивные средства и способы воплощения мегаконцепта «женщина» в лирике М.И. Цветаевой как отражение лингвокультурного тренда эпохи	69
Извекова Ю.Б., Болотнова Н.С. Особенности коммуникативного стиля писателя Анны Матвеевой в Telegram-канале	78
Харитонова И.С. Жанровые формы профессиональной интернет-коммуникации преподавателей русского языка как иностранного: запрос, совет, возражение	86

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Захарова В.М. «Жил я странною жизнью своих персонажей...»: «Я» и «Другой» в ранней лирике А.Н. Вертиńskiego	95
Колмакова О.А. Деконструкция мифологемы Пушкин в русском постмодернистском тексте конца XX – начала XXI в.	105
Денисова М.А. Имена собственные как конкретизатор авторской идеи (на материале повести Нины Дашевской «Скрипка неизвестного мастера»)	115
Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р., Шаймерденова Н.Ж. Образ собаки в современной литературе: этнические обертоны разных культур	125

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Ван Синхуа, Лю Кайдун, Сюй Чи. Патриотизм как ценность (на материале учебно-методического комплекса «Восток» для китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный)	138
Нуруллина Г.М. Формирование интеллектуально-творческого потенциала учащихся-билингвов во внеурочной деятельности (на примере олимпиады по русскому языку)	148

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Tokarev G.V. Cognitive-pragmatic description of jealousy and its objectification in Leo Tolstoy's letters to his wife	7
Volkova T.F., Orlova O.V. The concept of "Siberian winter" in the perception of Russian language learners in higher education institutions of the Siberian region	16
Anisimov V.E. Intertext as an element of the film text internal organization (based on the French film discourse)	25
Baranova E.S. The archetypal subplot of the plots of Somerset Maugham's short stories	33

COMPARATIVE LINGUISTICS

Tajik Nafiseh, Madayeni-Avval Ali, Zahraei Seyed-Hasan. Comparative analysis of Russian and Persian otadjectival syntactic derivatives denoting color	41
Khanjani L., Dianati Z. Lexico-semantic variants of the verb «serve» in Russian and its equivalents in Persian.	51

RUSSIAN LANGUAGE

Pushkareva I.A., Pushkareva Yu.E. Image of snow in the poetry by Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis	60
Zakharchevskaya N.V., Bolotnov A.V. Regulatory means and ways of implementing the mega-concept "woman" in the lyrics of M.I. Tsvetaeva as a reflection of the linguocultural trend of the epoch	69
Izvekova Yu.B., Bolotnova N.S. Features of Anna Matveeva's communicative style in the Telegram channel	78
Kharitonova I.S. Genre forms of professional Internet communication of teachers of Russian as a foreign language: enquiry, advice, objection	86

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zakharova V.M. "I lived a strange life of my characters...": "I" and "The Other" in the early lyrics of A.N. Vertinsky	95
Kolmakova O.A. Deconstruction of Pushkin mythologeme in the Russian postmodernist text of the late 20th – early 21st century	105
Denisova M.A. Proper names as a concretizer of the author's idea (based on the material of Nina Dashevskaya's "The Violin of an unknown author")	115
Shafranskaya E.F., Keshfidinov S.R., Shaimerdenova N.Zh. The image of a Dog in modern literature: ethnic overtones of different cultures	125

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Wang Xinghua, Liu Kaidong, Xu Chi. Patriotism as a value (based on the material of the educational and methodological complex "Vostok" for Chinese students studying Russian as a foreign language)	138
Nurullina G.M. Formation of intellectual and creative potential of bilingual students in extracurricular activities (on the example of the Russian language olympiad)	148

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-7-15>

Когнитивно-прагматическое описание ревности и ее объективации в письмах Л.Н. Толстого жене

Григорий Валерьевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия,
grig72@mail.ru, 0000-0002-2362-0902

Аннотация

Дается когнитивно-прагматическое описание верbalного воплощения ревности. Материалом для изучения стали письма Л.Н. Толстого жене. Исследование осуществлено методом дискурсивного, прагматического, компонентного анализа. На основе изучения семантики, сочетаемости ключевого слова данного эмоционального концепта выявлен его сценарный характер. Предложен универсальный когнитивный сценарий ревности. Установлено, что в спокойном психологическом состоянии Толстой трактовал ревность как нечто плохое, как несчастье и проявление эгоизма. Определено, что вербальное поведение человека, испытывающего чувство ревности, представляет собой сложную коммуникативную стратегию, включающую разнообразные тактики. Выявлено, что Толстым осознается цель своего коммуникативно-прагматического поведения: испытывая ревность, он хочет, чтобы Софья Андреевна прекратила отношения с С.И. Танеевым, что свидетельствует о его доминирующей роли в отношениях. Рассматривается несколько речевых тактик, которые реализует Лев Николаевич: формирование чувства вины у адресата, стимулирование сочувствия и жалости к себе с его стороны; симуляция непонимания; упрек; оценка третьего лица, выступающего в роли причины ревности; сопоставление, прогнозирование последствий с преувеличением. Используемые им тактики преимущественно деструктивны, отражают фокусирование внимания на себе. В целях манипуляции Толстой применяет разнообразные средства эмпатии. В результате анализа получен вывод о том, что Толстой использует преимущественно эксплицитные тактики, открыто и непосредственно влияющие на адресата. Основным средством верbalной объективации ревности являются разнообразные интенсификаторы. Для писем Толстого, выражавших данное чувство, характерна нелогичность и непоследовательность. Содержание речевых актов отражает тревожность адресанта, обусловленную поведением адресата. Коммуникативно-прагматическая специфика тактик заключается в том, что адресант ставит условия и выдвигает требования адресату. Изучение проявлений данного чувства в личностном дискурсе воссоздаёт полную картину природы и вербализации ревности.

Ключевые слова: *обыденный дискурс, эмоциональный концепт, ревность, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, Л.Н. Толстой*

Для цитирования: Токарев Г.В. Когнитивно-прагматическое описание ревности и ее объективации в письмах Л.Н. Толстого жене // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-7-15>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Cognitive-pragmatic description of jealousy and its objectification in Leo Tolstoy's letters to his wife

Grigory V. Tokarev

Tula State Pedagogical Tolstoy University, Tula, Russian Federation, grig72@mail.ru, 0000-0002-2362-0902

Abstract

The article gives a cognitive-pragmatic description of jealousy. The material of the study are Leo Tolstoy's letters to his wife. The research is carried out by the method of discourse, pragmatic, and component analysis. On the basis of the semantic analysis, combinability of the key word of this emotional concept it is revealed that it has a script character. The paper proposes a cognitive scenario of jealousy. The author found that in a calm psychological state Tolstoy interpreted jealousy as something bad, as a misfortune, as a manifestation of selfishness. The article determines that the feeling of jealousy is a complex communicative strategy, including tactics heterogeneous in semiotic aspect. The author reveals that Tolstoy is clearly aware of the purpose of his communicative-pragmatic behavior when feeling jealousy: he wants Sophia Andreyevna to stop her relationship with Sergey I. Taneyev, which indicates his dominant role in the relationship. The work explicates several speech tactics used by Lev Nikolayevich: formation of guilt in the addressee, stimulation of sympathy and self-pity on his part; simulation of misunderstanding; reproach; evaluation of the third person acting as the cause of jealousy; comparison, prediction of consequences with exaggeration. The tactics he uses are predominantly destructive, reflecting a focus on himself. In order to manipulate Tolstoy uses a variety of means of empathy. The paper concludes that Tolstoy uses predominantly explicit tactics, openly and directly influencing the addressee. The main means of verbal objectification of jealousy are various intensifiers. Tolstoy is opinionated. His letters expressing this feeling are characterized by being illogical and inconsistent. Tolstoy explains his psychological state as follows: his wife disturbed the usual course of life, caused him anxiety, the reason for which was only in the behavior of Sophia Andreyevna, who is able to normalize the situation. Tolstoy makes demands to his wife and sets conditions for her. The study of the written manifestations of this feeling in personal discourse reconstructs a complete picture of the nature and verbalization of jealousy.

Keywords: everyday discourse, emotional concept, jealousy, communicative strategy, communicative tactics, Leo Tolstoy

For citation: Tokarev G.V. Kognitivno-pragmatische opisaniye revnosti i yeyyo ob"yekativatsii v pis'makh L.N. Tolstogo zhene [Cognitive-pragmatic description of jealousy and its objectification in Leo Tolstoy's letters to his wife]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 7–15 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-7-15>

Введение

Изучение личности человека связано с рассмотрением его реакций на окружающую действительность. Лингвистика способна обогатить антропоцентрические исследования описаниями вербальных объективаций данных рефлексий. В этой связи проведен ряд комплексных исследований эмоциональных концептов [1–8], рассмотрена специфика их содержания, структуры, средств объективации эмоционального знания. Изучение данных эмоциональных категорий позволяет осмысливать сущность человеческой природы, выделить возрастные, гендерные, культурные особенности их понимания и переживания. Сложным эмоциональным феноменом является ревность. И.А. Куприева и М.С. Мытыцина определяют ее как «подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности» [9, с. 22]. Данная дефиниция сформулирована в прагматико-психологическом ключе и прежде всего выделяет

субъекта и его состояние. Данное чувство обычно связывают с проявлением интереса к кому-либо, любовью, дружбой, желанием контролировать что-либо, доминировать над чем-либо. В русской лингвокультуре ревность трактуется и в положительном, и отрицательном аспекте (коль муж начал ревновать, так беды не миновать, без ревности нет любви). С одной стороны, ревность выступает следствием сильного чувства (стереотип: ревнует – значит, любит), с другой – она мучительна для человека, который ее испытывает, может ограничивать сферу деятельности другого. Прилагательные, сочетающиеся с данным словом, указывают на высокую степень интенсивности: *жгучая, дикая, бесиная, мучительная*, на спонтанность, неконтролируемость, необъяснимость чувства: *безумная, глупая*. Ревность прочитывается обыденным сознанием как аномалия, болезненное состояние: *приступ ревности, муки ревности, припадки ревности, бред ревности*. Ситуативность, ограниченность проявления, спонтанность ревности отражает

ют словосочетания: *волна ревности, огонь ревности, порыв ревности*. Деструктивный характер ревности воплощают слова: *сгорать от ревности, умирать от ревности, мучиться/терзаться ревностью, задыхаться от ревности*. Словарь русского языка фиксирует следующее прототипическое значение данного слова: ‘мучительное сомнение в чьей-либо верности любви, в чьей-либо преданности, подозрение в привязанности, в большей любви к кому-то другому’ [10]. Очевидно, что стоящий за данным значением концепт имеет сценарный характер. Ревность вполне можно рассмотреть как «категориальную эмоциональную ситуацию», под которой В.И. Шаховский предлагает понимать «...тиpичные жизненные... ситуации, в которых за- действованы эмоции коммуникантов...» [11, с. 56]. А. Вежбицкая в своей книге [12] представляет разнообразные психологические состояния, используя метод семантических примитивов. Автор отмечает: «...Эмоциональные концепты – включая так называемые базисные эмоции, такие как злость или печаль, – могут быть истолкованы через универсальные семантические примитивы типа ‘хороший’, ‘плохой’, ‘делать’, ‘происходить’, ‘знать’, ‘хотеть’ [13, с. 326]. С опорой на данное исследование мы предлагаем следующий когнитивный сценарий ревности:

Х нечто чувствует,

Х испытывает интерес к У,

Х хочет, чтобы У делал, думал, чувствовал так, как хочет Х,

Х считает, что У делает, думает, чувствует не так, как хочет Х,

Х считает, что У испытывает интерес к Z,

Х не хочет этого,

Из-за этого Х испытывает нечто плохое.

Материал и методы

Целью настоящей статьи является изучение лингвистической объективации ревности на материале писем Льва Толстого жене. Поставленная цель достигается методами дискурсивного, прагматического, компонентного анализа, использования приемов моделирования содержания речевых тактик с опорой на метод семантических примитивов. Под личностным дискурсом Льва Толстого мы понимаем его речевую деятельность, нашедшую отражение в своем потенциальном измерении в дневниках, письмах, заметках. Дискурсивный анализ данного объекта включает в сферу исследования субъекта речи, его представления о себе и окружающих, прагматический анализ направлен на изучение речевых актов как поступков, выделение стратегий и тактик, а также средств их выражения. Компонентный анализ связан с анализом семного состава значений ключевых иллокутивных единиц.

А.Е. Бочкарёв отмечает: «...Руководствуясь эмпирическими правилами, определять содержание эмоционального концепта можно и путем аппроксимации к собственным переживаниям, но утверждать, каким является его содержание в языке, можно только по засвидетельствованному в корпусе словоупотреблению» [14, с. 108]. В переписке Л.Н. Толстого с женой есть три письма, в которых отчетливо проявляется себя чувство ревности пишущего. В 1897-м году, после смерти сына Вани в 1896-м, Софья Андреевна, не находя желаемой духовной поддержки мужа, ищет успокоения в музыке. Ее увлекает исполнение музыкальных произведений С.И. Танеевым. Лев Николаевич увидел в этих отношениях интерес жены к другому мужчине. Софья Андреевна тяготилась беспочвенной ревностью мужа. Ее дневник этого периода перепестрик близкими по содержанию записями: «...больно и ужасно видеть ужас и болезненную ревность Льва Николаевича при известии о приезде Танеева» (3 июня 1897) [15, с. 222], «С утра тяжелый разговор с Львом Николаевичем о Танееве. Все также невыносимая ревность. Спазма в горле, горький упрек страдающему мужу и мучительная тоска на весь день» (4 июня 1897) [15, с. 222]. Как показывают дневники Софьи Андреевны, она увлеклась Танеевым. Муж на его фоне выглядел как минимум неинтересным. Приведем выдержку из записей Софьи Андреевны, в которой дано сравнение двух мужчин: «Разница и в том, что вместо прошлогодней изящной, прекрасной музыки, доставляемой Сергеем Ивановичем, в настоящую минуту Лев Николаевич фальшиво и громко стучит на фортепьяно аккорды...» (17 июня 1897) [15, с. 232]. Лев Николаевич ревностно реагировал на эти отношения. Тот факт, что данное чувство он переживает в возрасте шестидесяти восьми лет, подчеркивает темперамент Толстого. Похоже, что он и сам удивляется этому. В своем письме он замечает: *Пробуждение мое и твое появление – одно из самых сильных, испытанных мною, радостных впечатлений; и это в 69 лет от 53-летней женщины* (12–13 мая 1897 года) [16, с. 283]. Однако серьезных оснований для ревности у Льва Николаевича, безусловно, не было. 21 июля 1897 года Софья Андреевна писала: «*Моя совесть спокойна; я чиста перед Богом, мужем и детьми – как новорожденный младенец, как телом, так и душою, и даже помыслами*» (21 июля 1897) [15, с. 251]. Уже через год увлечение прошло, и Софья Андреевна записывает в своем дневнике: «*Был Сергей Иванович. Много пришлось говорить с ним сегодня, и никогда я больше не убедилась, как сегодня, что он человек совершенно неподвижный, безжизненный, беспристрастный. Не в смысле браны, а прямо, констатируя то, что есть, про него можно сказать, что*

он только “жирный музыкант”, как Л.Н. его часто называл в припадке ревности – и большие ничего» (10 ноября 1898) [15, с. 408]. Толстой письменно зафиксировал диалектику чувства ревности как и многие другие, присущие внутреннему миру человека. Заметим, что подобные документы внутренней жизни оставили и другие известные люди. Для примера можно привести письма А.С. Пушкина К. Собаньской. Полагаем, в письмах, написанных в порыве ревности, есть как общие, так и отличительные черты. Их изучение поможет воссоздать полную картину природы и вербализации ревности. Заметим, что в своих письмах Л.Н. Толстой нечасто употребляет слово *ревность* (как показывает анализ корпуса «Слово Толстого») [17]. В письмах встречаются негативные контекстно-ситуативные дефиниции данного чувства: *Но чтобы это была радость, надо «хорошенько» стерилизовать ее от преувеличения влюбленности..., от исключительной и вытекающей из нее требовательности, ревности и всякой эгоистической гадости, прикрывающейся хорошими именами* (из письма И.И. Трегубову от 19 июля 1897. Т. 70); *...вы избавляете жену от величайшего несчастья: ревности, злобы...* (из письма Д.Г. Масло от 31 июля 1910. Т. 82) [17]. Таким образом, ревность трактуется Толстым как нечто плохое, несчастье, проявление эгоизма.

Результаты исследования

Переживание и выражение ревности мы понимаем как сложную коммуникативную стратегию, включающую разнородные в семиотическом аспекте тактики. Ее специфической чертой является рецессивность целеполагания. Субъект, испытывающий данное чувство, не всегда осознает, чего он желает, поэтому речевые тактики реализации данной стратегии могут быть спонтанными, неосмыслившими. Ревность можно просто испытывать, не желая изменить образ мыслей другого. Однако этого нельзя сказать о коммуникативных намерениях Толстого. Он четко осознает свою цель: хочет, чтобы Софья Андреевна прекратила отношения с С.И. Танеевым, что, несомненно, свидетельствует о его доминирующей роли в отношениях. Толстой использует несколько речевых тактик, испытывая чувство ревности.

Формирование чувства вины у адресата, стимулирование сочувствия и жалости к себе с его стороны: *Уезжал я грустный, и ты почувствовала это и от того приехала, но тяжелого чувства моего не рассеяла, а скорее усилила* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. Ты знаешь это, может быть, забывала, хотела забывать, но знала, и ты хорошая женщина и любишь меня и все-таки не хотела, я не хочу еще думать, чтобы не могла из-

бавить меня, да и себя от этих ненужных, ужасных страданий (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Что же должен я чувствовать после 2-летних увлечений и имеющих самые очевидные основания, когда ты после всего, что было, устроила в мое отсутствие ежедневные – если они были не ежедневные, то это было не от тебя – свидания (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. Уезжаю я тоже, потому что, не спав почти 5 ночей, я чувствую себя до такой степени нервно слабым, только попуститься, и я разрыдаюсь, и я боюсь, что не вынесу свидания с тобой и все, что может из него выйти (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Выражение данной тактики основывается на употреблении лексических средств, имеющих семантику негативного состояния: *грустный, тяжелое чувство, страдания, не вынесу, не спал* и др. Пишуший явно играет на чувствах адресата: он привык к заботе, опеке со стороны жены, поэтому ожидает, что сообщение о плохом духовном и физическом состоянии огорчит, обеспокоит ее. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Знай, что мне плохо. Причина этого кроется в тебе».

Симуляция непонимания. Пишуший якобы не так понимает происходящее. Так, Толстой делает вид, что не понимает Софью Андреевну, когда она говорит о намерении принять участие в репетиции концерта, который готовит С.И. Танеев, хотя, безусловно, хорошо осознает, о чем идет речь: *Я долго не мог понять: какую репетицию?* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. Данная тактика отражает прагматическую игру субъекта: он делает вид, что не понимает поведения адресата, тем самым пытается пристыдить его, на основании чего мы характеризуем данную тактику как имплицитную. Ее реализация основывается на подтексте, потенциальных семах. Так, слово *репетиция* включает в себя сему ‘свидание’. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Я понимаю, что происходит, но говорю об этом по-другому, так, как будто ничего плохого для меня не происходит. Я хочу пристыдить своего адресата».

Упрек: *Знаю, что и ничего из того, что ты едешь, теперь не может выйти, но ты невольно играешь этим, сама себя возбуждаешь; возбуждает тебя и (то) мое отношение к этому. И ты играешь этим* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. *Но если ты подумаешь и сама себя проанализируешь, то увидишь, что это неправда: во 1-ых, и нужды особенной нет для поездки, во 2-ых, можно (было) ехать прежде и после – постом* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. ...надо справляться, когда, куда он едет, какие репетиции когда играет... (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. Верbalная объективация данной тактики опирается на слова с процессуальной семантикой, которая наделяется

оценочной интерпретацией: *едешь, поездка* – в данной ситуации «плохо» и др., поскольку означает свидание, измену. Данная тактика имеет эксплицитный характер, указывает адресату на то, что он нарушает правила кооперации, делает что-то нежелательное для субъекта. Эта тактика рассчитана на прямое эмоциональное воздействие на адресата. Ее когнитивным оператором является установка: «Знай, что ты делаешь нечто плохо. То, что ты делаешь может привести к плохим последствиям».

Оценка третьего лица, выступающего в роли причины ревности: *...чуждый совсем и не нужный и ни в каком смысле не интересный человек руководит нашей жизнью, отправляет последние года или год нашей жизни, унизительно и мучительно...* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. Очевидно, что вербализация данной тактики опирается на употребление оценочных слов: *чуждый, не нужный, не интересный, отправляет* и др. Толстой прибегает к эксплицитной негативной, уничижительной оценке. В этом случае данную тактику следует считать эксплицитной, направленной на прямое сообщение адресанту оценки третьего лица. Она основана на эмоциональном воздействии на адресата. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Знай, что тот, кто интересен тебе, плохой».

Сопоставление: *И происходит это именно в конце нашей жизни – прожитой хорошо, чисто, именно тогда, когда мы все больше и больше сближались, несмотря на все, что могло разделять нас* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. Вербальная реализация данной тактики опирается на лексический контраст. Лев Николаевич сравнивает жизнь до появления Танеева и настоящую в целях показать никчемность последней. Сопоставление предполагает последующие выводы, которые должен сделать адресат. Данная тактика носит логический характер, она рассчитана на убеждение адресата в чем-либо. Ее когнитивным оператором является установка: «Сравни: то, что связано со мной, хорошее, то, что связано с другим, плохое. Выбери хорошее».

Прогнозирование последствий с преувеличением. Так, Толстой домысливает, что ситуация может привести одного из супругов к смерти: *Кончиться это может невольно чьей-нибудь смертью, и это, во всяком случае, как для умирающего, так и для остающегося, будет ужасный конец, и кончиться может свободно, изменением внутренним, которое произойдет в одном из нас* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. Правда, есть еще два выхода – это моя или твоя смерть, но оба они ужасны, если это случится прежде, чем успеем развязать наш грех (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Данная тактика презентируется с опорой на слова с семами ин-

тенсивности: *ужасны, грех, смерть*. Она имеет эксплицитный характер и рассчитана на эмоциональное воздействие на адресата. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Если ты будешь продолжать делать так, как делаешь, это приведет к очень плохим последствиям».

Таким образом, Толстой использует преимущественно эксплицитные тактики, открыто и непосредственно влияющие на адресата. Для него важно быть правильно понятым. Он эмоционален и категоричен. Все речевые тактики реализуют предложенный выше когнитивный сценарий.

М.С. Матышина считает основным средством объективации ревности экспрессивы и отмечает: «Иллютивная цель экспрессивов, к которым мы отчасти можем отнести речевой акт выражения зависти и ревности, чаще всего выражается не эксплицитными, а имплицитными средствами» [18, с. 114]. В дискурсе Толстого ревность вербально объективирована. В письме используется большое количество разнообразных интенсификаторов, характеризующих как собственное состояние, так и отношения Софьи Андреевны и Танеева: *больно, большие, чем не- приятно, ужасно мучительна, унизительна и страшно нравственно утомительна, ужасно, отвратительно, постыдно: ...отвратительная гадость, наложившая на все свою ужасную печать...* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. ...чтоб отнести к этому равнодушно, я должен сделать крест над всей нашей прошедшей жизнью, вырвать из сердца все те чувства, которые есть к тебе (1 февраля 1897 года) [16, с. 277]. *Грустно, грустно, ужасно грустно. Хочется плакать* (17 февраля 1897 года) [16, с. 278]. Все это свидетельствует о высокой степени беспокойства и тревожности субъекта.

Свое состояние Толстой характеризует как ужас, ад: *...всякую минуту могу сорваться и сделать что-нибудь нехорошее: без ужаса не могу думать о продолжении тех почти физических страданий...* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. *...кошмар, в продолжение года, душившего нас...* (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. *Хуже этого ада быть не может для меня...* (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Толстой пишет: *...Продолжать жить так, как мы теперь живем, я почти не могу* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Определительная частица *почти* в данном контексте презентирует психологическую неустойчивость субъекта, его попытку удержать равновесие.

Состояние жены Толстой определяет как *загнитотизированное, «самнабулизм»*, указывая на ее подвластность внешним обстоятельствам, неосознанность совершаемых поступков. Толстой прибегает к деструктивной коммуникативной тактике, которую он использует и в других письмах,

касающихся иных, принципиальных для него вопросов: он определяет границы своих уступок и заявляет, что не отступится от них ни при каких условиях: *Изменение это во мне произойти не может: перестать видеть то, что я вижу в тебе, я не могу, потому что ясно вижу твоё состояние; отнестись к этому равнодушно тоже не могу* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276].

В мае 1897 г. Толстой пишет два письма: первое не было отправлено, оно стало своеобразным черновиком второго, написанного на основе первого, дополненного и расширенного. Толстой открыто и категорично заявляет о своем неприятии общения Софьи Андреевны с С.И. Танеевым. Первое письмо написано более категорично: *Сближение твое с Т(анеевым) мне отвратительно* (18 мая 1897 года) [16, с. 284]. Ср.: *Твое сближение с Т(анеевым) мне не то что неприятно, но страшно мучительно* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Первое письмо отражает доминирование этого. В каждом предложении используется местоимение *я*: *Вот уж год, что я не живу. ...Я говорил это тебе и с раздражением, и с мольбой. Я пробовал последнее время молчание. Я все испробовал, и ничто не помогло... Я не могу больше переносить этого* (18 мая 1897 года) [16, с. 284]. Во втором письме Толстой отказывается от эгоцентрической тактики и использует средства эмпатии, описывая состояние Софьи Андреевны в случае, если он уедет: *И я решил уехать, но когда я подумал о тебе, не о том, как мне будет больно лишиться тебя, как это ни больно, а о том, как тебя это огорчит, измучит, как ты будешь страдать, я понял, что я не могу этого сделать, не могу уехать от тебя без твоего согласия* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Таким образом, Толстой явно меняет коммуникативную стратегию: он уходит от желания выплеснуть свое негодование и хочет убедить адресата следовать его просьбе.

В первом письме Лев Николаевич сообщает о своем решении расстаться с женой и уехать за границу: *Очевидно, что ты не можешь прекратить этого – остается одно – расстаться. На что я твердо решился. ...Я думаю, что лучше всего мне уехать за границу* (18 мая 1897 года) [16, с. 284]. Во втором письме Толстой со свойственной ему обстоятельностью предлагает Софье Андреевне несколько вариантов развития событий: *Выходы из этого положения мне кажутся такие...* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Самым правильным из них он считает полный разрыв отношений. Второй вариант – его отъезд за границу. Лев Николаевич характеризует его как ...*самый трудный, но все-таки возможный...* Третий вариант – это совместный с Софьей Андреевной отъезд за границу. Четвертый, по мнению пишущего, «...*самый страшный...*» продолжать жить так, как жили раньше.

И пятый вариант – не обращать внимания на происходящее и «...*ждать, чтобы это само прошло...*» (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. Без всякого сомнения, расположение предложенных вариантов отражает психологическое состояние пишущего. Толстой психологически измучен, неуравновешен, поэтому первое, что предлагает, – это расставание. Конечно, он не хочет этого, иначе бы не писал Софье Андреевне, но такое заявление отражает, с одной стороны, желание усилить воздействие на адресата, с другой – невозможность совладать с самим собой. Содержание выдвинутых Толстым предложений противоречиво. Он предлагает жене и расстаться, и быть вместе, изменив свою жизнь, и ничего не менять, оставаясь вместе. Однако это вряд ли предложения выхода из сложившейся ситуации. Скорее, это можно назвать душевными мечтаниями. Такую характеристику предложений Толстого подтверждает их нечеткость. Первое и второе, четвертое и пятое близки друг другу и, по сути, представляют собой интерпретацию одного и того же: расстаться/продолжать жить, ничего не менять. Толстой дописывает письмо, указывая на то, что если Софья Андреевна решит ничего не менять, он примет это и будет молчать. Тем самым Лев Николаевич отрицает все предложенные варианты: он уже допускает и принимает нежелательный для себя разворот событий.

Во втором письме проскальзывает одна из причин ревности – стыд. Таким образом, Толстой ориентируется на общественное мнение, его беспокоит, что о нем подумают: *Главное, как я тебе говорил, стыд и за тебя, и за себя* (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. И.А. Куприева и М.С. Матыцина отмечают: «Чувство собственного достоинства любящего в этом случае становится оскорблённым, уязвленным. Такая ревность переживается особенно остро. Человек начинает испытывать невыносимую душевную боль, стоит лишь только ему представить, что его возлюбленный встречается с кем-то другим, а не с ним. В такие моменты мысль о том, что его предали, бросили, что он никому не нужен, что он навсегда лишился чего-то очень ценного, а любовь его оказалась напрасной и бессмысленной, пронизывает человека. Возникающее сознание внутренней опустошенности, своего одиночества сопровождается обидой, стыдом, разочарованием, печалью, досадой, гневом. Человек в подобном состоянии не способен вести себя рационально» [9, с. 23]. В итоге Толстой просит Софью Андреевну саму решить сложившуюся ситуацию: «...*придумай, голубушка, сама наилучшее средство избавить не столько меня от этого, сколько себя самое от еще худших мучений, которые непременно в том или другом виде придут, если ты не изменишь свой взгляд на все это дело и не сделаешь*

усилие (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Таким образом, Толстой считает, что причина его беспокойства кроется исключительно в Софье Андреевне, она должна сделать так, как хотелось бы мужу, иначе ее ждут нравственные мучения. В этой фразе сложным образом переплется и эмпатия, и косвенная угроза, и просьба.

Следуя классификации, предложенной А.Н. Волковой, чувство ревности, которое испытывал Л.Н. Толстой в тот период, можно охарактеризовать как активное (по типу переживания), глубокое (по интенсивности), нормальное (по критерию нормы), когнитивное (по содержательному критерию) (Волкова, 1989) [19, с. 23].

Заключение

Итак, чувство ревности и его выражение представляет собой сложную коммуникативную стратегию, состоящую из разнообразных тактик, в том числе речевых. Ревность – неконтролируемое, спонтанно возникающее чувство, ввиду чего целеполагание для нее рецессивно. Однако в личностном дискурсе Толстого проявление ревности имеет выраженное намерение: он требует от жены, чтобы она прекратила общение с С.И. Танеевым. Толстой использует разнообразные речевые тактики, испытывая чувство ревности: формирование чувства вины, симуляция непонимания, сравнение, упрек, оценка третьего лица, прогнозирование последствий с преувеличением.

Выделенные тактики имеют преимущественно эксплицитный характер, направлены на открытое и непосредственное влияние на адресата, отражают его желание быть правильно понятым, эмоциональный накал и категоричность, которая находит свое выражение в определении собственных интересов, границ, за которые пишущий не намеренходить. Речевые тактики носят деструктивный характер, акцентируют внимание на состоянии пишущего, требуют от адресата изменения поведения в соответствии с интересами автора писем, дают негативную характеристику действиям получателю. В то же время Толстой использует различные

способы выражения эмпатии для того, чтобы обра- зуметь свою жену.

Все речевые тактики объективируют когнитивный сценарий ревности. Для реализации каждой коммуникативной тактики используются экспрессивные средства, среди которых регулярны экспрессивы, которые передают высокую степень тревожности пишущего. Свое состояние Толстой характеризует как ужас, ад, состояние жены Толстой определяет как загипнотизированное, «самнабулизм». Данные смыслы он ставит в отношения причины и следствия. Такая характеризация отражает понимание, что субъекты не контролируют ситуацию. Толстой объективирует причину ревности – страх перед общественным мнением. Однако и этот вербальный акт является средством манипуляции женой: Лев Николаевич совершил много поступков, не считаясь с культурными установками своего времени [20]. Софью Андреевну всегда волновало то, что о ней подумают и скажут. Важным средством объективации чувства ревности является последовательность информации. Для этих писем Толстого характерна непоследовательность, нелогичность. Итак, сущность ревности для Толстого выражается в том, что его жена нарушила обычное течение жизни, вызвала в нем тревожность, причина которой заключается только в поведении Софии Андреевны, которая способна нормализовать ситуацию. Толстой выдвигает требования жене и ставит условия ей.

Задачи антропоцентрического направления в лингвистике заключаются в том числе в осмысливании скрытых сфер человека. Мы не преследуем цель дать оценку семейной жизни Толстых. Вклад Л.Н. Толстого в духовное наследие человечества заключается не только в оставленных им художественных публицистических, философских, дидактических произведениях, но и дневниках, письмах, к которым он относился с большим трепетом и понимал, что их тоже будут читать. Заслуга Толстого в этом аспекте заключается в его умении точно выразить эмоциональное состояние, показать диалектику души. Исследование запечатленных в письмах эмоциональных состояний позволяет осмыслить их природу и генезис.

Список источников

1. Барсукова И.В. Систематизация лингвистических концептов эмоциональных состояний // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4 (63). С. 13–18.
2. Битокова С.Х. Национально-культурная специфика эмоциональных концептов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 3. С. 98–104.
3. Касаткина А.В. Психология ревности: анализ зарубежной и отечественной литературы // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2022. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50014235> (дата обращения: 30.01.2025).
4. Новицкая Т.А. Фразеологические средства вербализации эмоционального концепта «Страх» в языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 22. С. 107–111.
5. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты «Гордость» и «Стыд» в русской и английской лингвокультурах. Армавир: АГПА, 2011. 207 с.

6. Солодилова И.А. Проблемы моделирования эмоциональных концептов // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 1. С. 71–74.
7. Земичева С.С. Эмоциональные концепты «Плач» и «Смех» в дискурсе носителя народно-речевой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 116–129. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>
8. Цицкиева Р.Ю. Проблемы моделирования эмоциональных концептов // Lingua-Universum. 2017. № 4. С. 36–40.
9. Куприева И.А., Матыцина М.С. Проблемы прагмалингвистического анализа эмоций зависти и ревности в современном английском языке. Tribun EU, 2016. 93 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981.
11. Шаховский В.И. Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология. М.: URSS, 2010. 128 с.
12. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
13. Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
14. Бочкарёв А.Е. Способы и средства выражения отчаяния // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 103–110. doi: 10.15688/jvolsu2.2016.3.11
15. Толстая С.А. Дневники 1862–1910. М.: Захаров, 2022. 704 с.
16. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Письма к С.А. Толстой: в 90 т. Т. 84. М.: РГБ, 2006. 449 с. 651 с.
17. Слово Толстого. URL: <https://slovotolstogo.ru/> (дата обращения 25.01.2025).
18. Матыцина М.С. Типы речевых актов выражения ревности и зависти // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). В. 18. С. 113–116.
19. Волкова А.Н. Опыт исследования супружеской неверности // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 98–102.
20. Токарев Г.В. Гений против правил: ответ Льва Толстого на культурные установки его времени. Тула: Тульский полиграфист 1, 2024. 76 с.

References

1. Barsukova I.V. Sistematisatsiya lingvisticheskikh kontseptov emotSIONAL'nykh sostoyaniy [Systematization of linguistic concepts of emotional states]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4 (63), pp. 13–18 (in Russian).
2. Bitokova S.Kh. Natsional'no-kul'turnaya spetsifikasi emotSIONAL'nykh kontseptov [National and cultural specifics of emotional concepts]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye, 2009, no. 3, pp. 98–104 (in Russian).
3. Kasatkina A.V. Psikhologiya revnosti: analiz zarubezhnoy i otechestvennoy literatury [Psychology of jealousy: an analysis of foreign and domestic literature]. *Psikhologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya*, 2022, no. 4 (in Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50014235> (accessed 30 January 2025).
4. Novitskaya T.A. Frazeologicheskiye sredstva verbalizatsii emotSIONAL'nogo kontsepta «Strakh» v yazke [Phraseological means of verbalization of the emotional concept of “Fear” in language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 22, pp. 107–111 (in Russian).
5. Malachova S.A. *Lichnostno-emotsional'nye kontsepty «Gordost'» i «Styd» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh* [Personal-emotional concepts of “Pride” and “Shame” in Russian and English linguistic cultures]. Armavir, AGPA Publ., 2011. 207 p. (in Russian).
6. Solodilova I.A. Problemy modelirovaniya emotSIONAL'nykh kontseptov [Problems of modeling emotional concepts]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2010, vol. 15, no. 1. pp. 71–74 (in Russian).
7. Zemicheva C.C. Emotsional'nye kontsepty «Plach» i «Smekh» v diskurse nositelya narodno-rechevoy kul'tury [Emotional concepts of “Crying” and “Laughing” in the discourse of a native speaker of folk speech culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Серия 2: Языкознание, 2019, vol. 18, no. 3. pp. 116–129. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9> (in Russian).
8. Tsitskrieva R.Yu. Problemy modelirovaniya emotSIONAL'nykh kontseptov [Problems of modeling emotional concepts]. *Lingua-Universum*, 2017, no. 4, pp. 36–40 (in Russian).
9. Kuprieva I.A., Matytsina M.S. Problemy pragmalingvisticheskogo analiza emotsiy zavisti i revnosti v sovremenном angliyskom yazyke [Problems of pragmalinguistic analysis of emotions of envy and jealousy in modern English]. *Tribun EU*, 2016. 93 p. (in Russian).
10. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language]. Ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981 (in Russian).
11. Shakhovskiy V.I. *Emotsii. Dolingvistika. Lingvistika. Lingvokul'turologiya* [Emotions. Linguistics. Linguistics. Cultural linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2010. 128 p. (in Russian).
12. Vezhbietskaya A. *Yazyk. Poznaniye. Kul'tura* [Language. Cognition. Culture]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1997. 416 p. (in Russian).

13. Vezhbitzskaya A. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and language descriptions]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 780 p. (in Russian).
14. Bochkaryov A.E. Sposoby i sredstva vyrazheniya otchayaniya [Ways and means of expressing despair]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Yazykoznanie, 2016, vol. 15, no. 3. pp. 103–110. doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.11 (in Russian).
15. Tolstaya S.A. *Dnevniki 1862–1910* [Diaries of 1862-1910]. Moscow, Zakharov Publ., 2022. 704 p. (in Russian).
16. Tolstoy L.N. *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma k S.A. Tolstoy* [The complete works. Letters to S.A. Tolstoy]. Moscow, RGB Publ., 2006. 651 p. (in Russian).
17. *Slово Tolstogo: v 90 tomakh. Tom 84* [Tolstoy's Word. In 90 volumes. Vol. 84] (in Russian). URL: <https://slovotolstogo.ru/> (accessed 25 January 2025).
18. Matytsina M.S. Tipy rechevykh aktov vyrazheniya revnosti i zavisti [Types of speech acts expressing jealousy and envy]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 13 (156), vol. 18, pp. 113–116 (in Russian).
19. Volkova A.N. Opyt issledovaniya supruzheskoy nevernosti [Experience of marital infidelity research]. *Voprosy psichologii*, 1989, no. 2, pp. 98–102 (in Russian).
20. Tokarev G.V. *Geniy protiv pravil: otvet L'va Tolstogo na kul'turnye ustanovki ego vremeni* [Genius against the Rules: Leo Tolstoy's Reaction to the Cultural Attitudes of his Time]. Tula, Tul'skiy poligrafist 1 Publ., 2024. 76 p. (in Russian).

Информация об авторе

Токарев Г.В., доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (пр. Ленина, 125, Тула Россия, 300026).

E-mail: grig72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2362-0902; Researcher ID: A-6094-2017; Scopus ID: 57016822200; SPIN-код: 1580-0050

Information about the author

Tokarev G.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tula State Pedagogical Tolstoy University (pr. Lenina, 125, Tula, Russian Federation, 300026).

E-mail: grig72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2362-0902; Researcher ID: A-6094-2017; Scopus ID: 57016822200; SPIN-code: 1580-0050

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; принята к публикации 20.05.2025
The article was submitted 31.01.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 811.161.1'28

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-16-24>

Концепт *сибирская зима* в восприятии иностранных студентов, изучающих русский язык в вузах Сибирского региона

Татьяна Федоровна Волкова¹, Ольга Вячеславовна Орлова^{2,3}

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

² Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

³ Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ tatyana-volkova@bk.ru, 0000-0002-1022-9963

^{2,3} o.orlova13@yandex.ru, 0000-0003-0128-6891

Аннотация

Анализируется концепт *сибирская зима* в лингвокультурной рецепции иностранных студентов, изучающих русский язык в Сибири. Цель исследования – выявить возможности познаваемой лингвокультуры и аутентичной языковой среды, наряду с эмпирическим опытом непосредственного приобщения к инокультурной реальности способствовать трансформации этнокультурных стереотипов в сознании вторичной языковой личности. Одним из таких стереотипов является традиционный стереотип о сибирской зиме как о достаточно дискомфортной, т. е. суровой, длинной, холодной и снежной. Основным методом исследования выступил ассоциативный эксперимент, в результате которого была зафиксирована 121 реакция. При обработке результатов использовался метод моделирования и научного описания. Для сбора эмпирического материала применялись метод наблюдения, ассоциативный эксперимент и метод опроса. Всего было получено 523 ответа на поставленные вопросы. В эксперименте приняли участие 27 иностранных студентов из Китая, Монголии, Вьетнама, Индонезии, Конго, Египта, Боливии, Колумбии в возрасте от 18 до 25 лет, 13 из них видели снег у себя на родине, 14 – не видели. По результатам ассоциативного эксперимента все реципиенты назвали зиму холодной или морозной. В ядерной части присутствуют ассоциации *красивая, длинная, снежная, белая, суровая, ветреная, скользкая*. Обращают на себя внимание вербальные ассоциаты *таинственная, странная, удивительная, прекрасный опыт силы природы, сильная*, которые детализируют семантику и расширяют диапазон оценочных маркеров зимы. Вторичная лингвокультура и среда влияют на трансформацию данного стереотипа в сознании иностранцев в зависимости от времени, проведенного в чужой стране, а также типа личности. Деление участников эксперимента на две группы в зависимости от того, были они знакомы с зимним климатом или нет, значимых результатов не дало. Примерно половина относится к зиме отрицательно, другая половина – положительно или нейтрально. Холодная долгая зима не нравится никому из иностранцев. Но у тех, кто не видел ранее снега, это явление природы вызывает интерес и восхищение. В итоге становится наглядным семантическое углубление стереотипа, а также возрастающее сходство представлений иностранцев о достоинствах и недостатках зимы с восприятием жителей Сибири, в частности авторов данной статьи. Таким образом, гипотеза данного исследования о стабильности и стойкости в общественном сознании иностранцев этнокультурного стереотипа об исключительно дискомфортной сибирской зиме не подтвердилась. В результате воздействия вторичной лингвокультуры и языковой среды, наряду с непосредственным приобщением к инокультурной реальности, плоский одномерный стереотип обогащается новыми лингвосмысловыми и аксиологическими маркерами и трансформируется в полноценный концепт воспринимаемой культуры. Присутствующие в языковом сознании иностранных студентов вербальные ассоциаты, связанные с сибирской зимой, практически не отличаются от представлений самих сибиряков, напротив, приближаются к ним, происходит постепенное насыщение, расширение и детализация семантики и аксиологии концепта.

Ключевые слова: концепт, вторичная языковая личность, лингвокультура, стереотипное представление, вторичная картина мира, ассоциативный лингвистический эксперимент, лингвокультурная рецепция

Для цитирования: Волкова Т.Ф., Орлова О.В. Концепт *сибирская зима* в восприятии иностранных студентов, изучающих русский язык в вузах Сибирского региона // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 16–24. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-16-24>

The concept of "siberian winter" in the perception of Russian language learners in higher education institutions of the Siberian region

Tatyana F. Volkova¹, Olga V. Orlova^{2,3}

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation

³ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ tatyana-volkova@bk.ru, 0000-0002-1022-9963

², ³ o.orlova13@yandex.ru, 0000-0003-0128-6891

Abstract

This study is devoted to the study of the concept of Siberian winter in the linguacultural reception of foreign students studying Russian in Siberia. The purpose of the study is to identify the possibilities of the cognizable linguaculture and authentic language environment, along with the empirical experience of direct involvement in a foreign cultural reality, to promote the transformation of ethnocultural stereotypes in the consciousness of a secondary linguistic personality. One of these stereotypes is the traditional stereotype of the Siberian winter as generally uncomfortable - severe, long, cold and snowy. The main method of the study was an associative experiment. In the work, when processing the results, the method of modeling and scientific description was also used. To collect empirical material, the observation method, associative experiment and survey method were used. According to the results of the associative experiment, all recipients called the winter cold or frosty. The core part contains associations beautiful, long, snowy, white, severe, windy, slippery. The following verbal associates are noteworthy: mysterious, strange, amazing, wonderful experience of the power of nature, strong, which detail the semantics and expand the axiological image of winter. Secondary linguaculture and environment influence the transformation of this stereotype depending on the time spent in a foreign country, as well as the personality type. Dividing the participants in the experiment into two groups depending on whether they were familiar with the winter climate or not did not yield significant results. About half of the participants have a negative attitude towards winter, the other half are positive or neutral. None of the foreigners like the cold long winter. But for those who have not seen snow before, this natural phenomenon arouses interest and admiration. As a result, the nuances of the stereotype, its semantic deepening, as well as the similarity of ideas about the advantages and disadvantages of winter with the perception of the inhabitants of Siberia, in particular, the authors of this article, become noticeable. Thus, the hypothesis of this study about the formation in the public consciousness of foreigners of a persistent flat stereotype about the exclusively uncomfortable Russian and Siberian winter was not confirmed. As a result, it was shown that the flat one-dimensional stereotype is transformed into a full-fledged concept of the perceived culture, the verbal associates associated with the Siberian winter are practically no different from the ideas of the Siberians themselves, on the contrary, they are approaching them, there is a gradual enrichment, detailing of the semantics and axiology of the image of winter.

Keywords: concept, secondary linguistic personality, linguaculture, stereotype

For citation: Volkova T.F., Orlova O.V. Kontsept sibirskaya zima v vospriyatiu inostrannyykh studentov, izuchayushchikh russkiy yazyk v vuzakh Sibirskogo regiona [The concept of "siberian winter" in the perception of Russian language learners in higher education institutions of the siberian region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 16–24 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-16-24>

Введение

Освоение иностранного языка неизменно связано со знакомством с новыми культурными реалиями. Познаваемая культурно-языковая среда влияет на формирующуюся вторичную языковую личность. При этом в связи с увеличением в современном мире важности эффективной межкультурной коммуникации вполне закономерно внимание ученых, направленное на описание различных типов языковых личностей (ЯЛ), в том числе вторичной языковой личности (ВтЯЛ) иностранного студента [1]. Но до сих пор при изучении русского языка как иностранного языка недостаточно внимания уделяется формированию ВтЯЛ, что негативно влияет на качество усвоения лингвистических знаний и на эффективность «меж-

культурного взаимодействия» [2, с. 4]. При существующем многообразии подходов к трактовке ЯЛ [3, 4] это понятие определяется как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [5, с. 10]. ВтЯЛ также является предметом многочисленных исследований [6–10]. Можно понимать ВтЯЛ как субъект, изучающий иностранный язык и способный «проникнуть в культуру нации второго языка» [10, с. 21], либо считать, что ВтЯЛ – это «реализуемая средствами изучаемого языка структура языковой личности его носителя» [9, с. 62–63]. Многие исследователи задаются вопросом о методах эффективного формирования ВтЯЛ, делая акцент на активном усвоении иноязычной лингвокультуры [6, 11, 12].

Термин «концепт», начиная с 90-х годов прошлого века, находится в центре внимания многочисленных ученых. Классическим представляется определение В.И. Карасика. Концепты рассматриваются им как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [12, с. 24]. Его основными признаками называются типизируемость, осознаваемость и значимость [12, с. 24]. Концепт рассматривают как культурно значимое понятие, лингвокультурному [13], «вербализованные единицы когнитивного уровня ЯЛ, составляющие понятийную сферу языка» [11, с. 218]. Е.А. Серебренникова определила концепт как «вариант дискурсивной реализации закрепленного в сознании представителей того или иного этноса кванта знания» [14, с. 14].

Одним из ключевых концептов русской лингвокультуры является концепт *зима* и его варианты: *русская зима*, *сибирская зима*. С.В. Волошина и М.А. Толстова отмечают, что в настоящее время много внимания уделяется изучению «культуры Сибирского региона» [15]. Они утверждают, что «вербальные формы презентации Сибири» интересуют не только ученых, но и широкие внешние круги «отечественного и мирового сообщества» [15, с. 16]. Со ссылкой на «Русский ассоциативный словарь» [16] авторы указывают, что при проведении ассоциативных экспериментов среди русскоязычных реципиентов «зима не всегда оценивается сибиряками негативно, это в целом, по данным исследований, характерно для носителей русского языка» [15, с. 21]. Этот же факт зафиксирован другими исследователями, например Т.В. Салашник [17]. Она отмечает разницу в восприятии зимы в русской и английской картине мира, утверждая, что англоговорящие участники эксперимента транслируют только отрицательное восприятие русской зимы. Исследователи М.В. Терских, Е.Д. Малёнова указали, что в восприятии американцев Сибирь и сибирская зима ассоциируются с суровыми климатическими условиями зимой и оцениваются в негативном ключе [18, с. 216]. Слагаемыми концепта *Siberia* стали «суровые климатические условия, обилие снега, низкие температуры» [18, с. 219]. Данные представления можно рассматривать как стереотипные.

Иностранные студенты как реципиенты русской культуры и лингвокультуры представляют особый интерес [19]. Значимыми являются попытки выяснить особенности их восприятия сибирской зимы. Так, были проанализированы реакции китайских студентов, приехавших учиться в Красноярск, относительно сибирской зимы. Исследователи предполагали, что будут преобладать негативные реакции, так как китайские студенты испыты-

вают много трудностей в это время года. Однако было получено подавляющее большинство положительных оценок сибирской зимы. Хотя данные результаты авторы приводят с оговоркой, ссылаясь на вежливость китайского народа, нежелание в письменной форме транслировать негативное отношение и проявленные негативные оценки в ходе дополнительной устной беседы. Авторы уверены, что их исследование показало наличие у иностранных студентов способности к бикультурному мышлению, появившейся в результате усвоения русской лингвокультуры [8, с. 74].

Цель данного исследования – выявить возможности познаваемой лингвокультуры и аутентичной языковой среды, наряду с эмпирическим опытом непосредственного приобщения к инокультурной реальности способствовать трансформации этнокультурных стереотипов в сознании вторичной языковой личности. Одним из таких стереотипов является негативно окрашенное представление о сибирской зиме как о дискомфортном, суровом, длительном, холодном и снежном времени года.

Научная новизна и актуальность исследования связаны с интересом к языковому сознанию и лингвокультурной рецепции ВтЯЛ, познающей русскую лингвокультуру и ее ключевые концепты, в том числе в значимых региональных вариантах.

Теоретическая значимость определяется дальнейшей разработкой понятия *лингвокультурной рецепции*, описанного в работах о восприятии и интерпретации иноязычной бытовой и социокультурной деятельности современного Китая коллективом русскоязычной диаспоры [20–22], применительно к ВтЯЛ иностранного студента, обучающегося в России. Практическая значимость – возможностью использования результатов исследования в практике преподавания русского языка как иностранного и лингвокультурологии.

Материал и методы

Основным методом исследования явился ассоциативный эксперимент. Всего была зафиксирована 121 реакция. Для сбора эмпирического материала также использовались метод наблюдения и метод опроса. Всего было обработано 523 ответа. В эксперименте участвовали 27 иностранных студентов из Китая, Монголии, Вьетнама, Индонезии, Конго, Египта, Боливии, Колумбии в возрасте от 18 до 25 лет. Для проверки гипотезы исследования участники были изначально разделены на две значимые группы: первую группу представили студенты, которые видели снег у себя на родине, их было 13 человек, вторая группа – это 14 студентов-иностранных, ранее не видевших снега. Кроме того, для обработки полученных практических и теоретических результатов использовался метод моделирования и научного описания.

Результаты и обсуждение

Материал был получен методом опроса и ассоциативного эксперимента. Вопрос № 1 предполагал ассоциативный эксперимент: «Сибирская зима – какая? (5 и более слов)». Было указание ответить максимально быстро, не раздумывая.

Все опрошенные охарактеризовали зиму как холодную или морозную. Ассоциации *красивая, длинная, снежная, белая, суровая, ветреная, скользкая* формируют ядерную часть стереотипа. Кроме того, участники эксперимента, эмоционально оценивая зиму, находят у нее черты живого существа: *тайная, странная, удивительная, сильная*. Большая часть ассоциаций – положительная, кроме *скучная и скользкая*. При этом в одной и той же группе есть слова *скучная и веселая*. У тех, кто не видел снег ранее, более разнообразны вербальные положительные ассоциаты. В целом практически нет разницы между ассоциациями двух групп, видевших и не видевших снег до приезда в Сибирь.

Вопросы № 2 и № 3 помогли выяснить, что думали иностранцы о зиме до и после знакомства с ней. Половина видевших зиму надеялись на лучшее, половина – на худшее. Для тех, кто не видел зиму, типично представление о красоте снега: *Я думал в Томске зимой очень красиво, потому что я никогда не был в зимней стране*. У них больше опасений по поводу холода: *Я не могу жить при -45; но как ехать среди снега и даже как лететь в небе*; больше эмоций: *Я был немного взволнован; высказывания длиннее, более распространенные*. После приезда в Томск почти все видевшие зиму заявляют, что зима оказалась хуже, чем они думали: *Сейчас я думаю, что зима очень плохо. Высказывание студента подготовительного факультета составляет исключение из этого правила: Сейчас я сижу в аудитории, вижу, как идет снег. Я вспоминал китайскую пословицу: сильный снегопад приносит удачу в новом году*. Не видевшие зиму более оптимистичны: *Реально, тут не очень холодно, как я думал; И снег не очень красивый, как я думал; Как я думала раньше, очень веселая и красивая. Но холоднее, чем я думала; Сейчас я думаю о том, что зима в Томске невероятно красивая и атмосферная*.

Вопрос № 4 «Как вы понимаете эти русские слова: *холод, стужа* (разг.), *холодина* (усилит.), *холодрыга* (жарг.), *собачий холод* (разг. фам.), *тараканов морозить, холодильник* (перен. разг.)?» был направлен на выяснение восприятия и знания о разговорных синонимах, однокоренных оценочных словах и идиомах, связанных со словом *холод*. Участники эксперимента получили эти слова без стилистических помет. Семь человек не дали ответ на этот вопрос. Менее всего было понятно, что такое *холодильник*. Восемь человек написали, что это бытовой прибор, три человека пояснили, что

это тоже холодно. Один человек объединил выражения *тараканов морозить и холодильник – тараканы умерли в холодильнике от холода*. Слова *стужа и холодрыга* также были не слишком знакомы. Присутствуют и обстоятельные развернутые объяснения всех слов: «Холод – низкая температура; стужа – сильный мороз; холодина – холодная погода; холодрыга – морозное время; собачий холод – сильный мороз; тараканов морозить – очень холодно; холодильник – машины, которые сохраняют еду свежей; холод, стужа, холодина: стужа – жуткая холодина, сильный холод; холодрыга – очень холодно; собачий холод – очень холодно, когда собака не может оставаться в будке; тараканов морозить – очень холодно, тараканы могут умереть из-за холода»; стужа –10 – –20, холодина –20 – –30, холод –5 – –10, собачий холод –20 – –40, тараканов морозить –15 – –30, холодильник –10 – –20; холод, стужа, холодина, холодрыга – погода, холодно; собачий холод – собаке холодно; тараканов морозить – тараканы зимой морожены; холодильник – прибор, в котором сохраняется еда.

Есть попытки выборочного объяснения: *Холод ≤ стужа ≤ холодина; холодина – это, по-моему, очень холодно, и другие слова как холодно, тараканов морозить, холодильник – тараканы умерли в холодильнике от холода; холодрыга – не знаю; собачий холод – очень холодно; тараканов морозить – очень холодно, чтобы тараканов морозить; холодильник – устройство, внутри которого холодно; холод – понятно стужа; холодина, холодрыга, собачий холод, тараканов морозить – не ясно; тараканов морозить – так холодно, поэтому тараканов морозить; холодильник «Сибирь» как холодильник; холод – стужа, холодина, холодрыга; холод, стужа – знаю, холодина – не знаю; холодрыга, собачий холод, тараканов морозить, холодильник – безумный холод; холод – это ощущение; тараканов морозить – это словосочетание, в смысле очень холодно; холодильник – это устройство; холод – холодно, стужа – это очень сильный холод, собачий холод – очень холодно, собака не может в будке; холод, стужа, отсутствие теплоты, холодина – не знаю*.

Отмечены ответы, где участники коротко объясняют, что все слова обозначают одно и то же: *Все эти слова холодные слова; Все холодно; Все одно и то же, холодно, стужа – незнакомое*.

Отдельно приведены примеры объяснения слова «холодильник» при отсутствии понимания других лексем: *Холодильник – это для меня нужен, чтобы хранить мясо в холодном; холодильник – сохранить еду; знаю холодильник; холодильник – место для продуктов*.

Самым оригинальным стал ответ: *холодрыга – это насекомое*. Его дала девушка из Конго с очень низким уровнем владения русским языком.

Вопрос № 5 был направлен на выяснение степени освоенности лексем, связанных с зимой, и фиксацию фрагментов метаязыкового сознания реципиентов: «Вы говорите по-русски друзьям какие-то слова о зиме? Например, какое слово?».

Выяснилось, что в лексиконе почти всех опрошенных есть освоенные русские слова и фразы о зиме. По два человека в обеих группах не дали ответа. Лидируют слова *холодно*, *холод*, *холодный* (16) и его синонимы (*мороз*, *морозный*, *замерз*). Разницы между группами не отмечено. Есть отдельные реплики, развернутые предложения. Выделяется пословица со словом *холодно*: *Сибиряк – это не тот, кому холодно, а тот, кто тепло одевается*. Его дал активный студент, много общающийся с русскими, живущий в Томске три года. Кто-то не любит говорить о погоде: *Нет, редко говорю о погоде*. Есть случаи усиления негативной эмоции: *Я пожаловалась, что слишком холодное, не хочу выходить на улицу; Часто говорим, что какая холодная, как холодно, как дальше жить*. Есть сравнение погоды с родной страной: *Холодно, но не так холодно, как во Вьетнаме*. Интересен ответ с конструкциями-советами: *Холодно! Возьми такси! Застегнуться!* Есть те, кто не понял вопрос и просто перечислил слова по теме: *Снег, снег тает, шуга, снежинка, играть в снежки, снеговик, иней, изморозь*.

Вопрос № 6 был сформирован с учетом предположения, что слово «холодно» будет частотным: «Что значит холодно на улице?» Сколько это градусов...».

Также не отмечена разница между группами. Подавляющее большинство реципиентов ответили на вопрос, кроме одного человека в группе № 1. Ответы связаны в основном с температурой: *-20 градусов и ниже* стал самым популярным ответом. Есть и оригинальные ответы: *Значит, мы спросим о погоде; Какой ветер? Какой снег?* Однако они говорят о непонимании сути вопроса, заключенной в необходимости объяснить слово.

Вопрос № 7 «Видели снег на родине?» предполагал формальный ответ, который дали все участники эксперимента. Он позволил разделить их на две значимые для описания результатов группы.

Вопрос № 8 «Что такое хорошая погода зимой?» и вопрос № 9 «Что такое плохая погода зимой?» были рассчитаны на выяснение отношения иностранных студентов к зимней погоде.

В группе № 1 лидирует ответ о солнечной погоде (9), популярны ответы: *Без ветра* (2); *Небольшой снег* (2), *температура -5* (3), *температура -10* (2). Интересен ответ о собственном ощущении тепла: *Когда на улице не мерзнешь, светит солнце*. В группе № 2 идущий снег отметили пять человек, причем он характеризуется как *большой, мягкий*,

как добро. Солнечную погоду выделили два человека: *нет солнца – 1, немного солнца – 1*. Безветренную погоду считали хорошей три человека. Довольно значителен интервал «теплой» погоды: от +5 до -15. Отметили, что: *В хорошую погоду можно хорошо кататься*. Есть впечатление, что в группе № 2 более разноплановое понимание «хорошей» погоды: *У всех по-разному, теплая и светит яркое солнце или идет большой снег; Когда температура находится в районе с -20 до -30 и идет мягкий снег; Когда снег. Не ветрено и не холодно; Когда немного солнца*.

Что касается вопроса № 9, то в понимании «Что такое плохая погода зимой?» ответившие иностранные студенты были более единодушны.

В группе № 1 ответ типа *Без солнца, есть ветер, мороз* дали все. Только два человека уточнили температурные значения: -20 или -30.

В группе № 2 семь человек написали про температурные значения, диапазон значителен: от -1 до -40. Холод и ветер отметили большинство участников этой группы. В целом их ответы более распространенные, подробные: *Когда меньше -30 и на улице солнце есть; Это когда есть солнце, температура будет низкая*. Есть ответ об ощущениях: *Это где примерно хотя бы сложно дышать на улице*.

Под № 10 и № 11 были вопросы о зимней одежде и зимней обуви. Абсолютно все верно перечислили предметы зимнего гардероба. Это говорит о знании лингвокультуры на этом уровне и хотя бы минимальной адаптации к условиям сибирской зимы.

Вопрос № 12 касался выяснения знания слова, отражающего региональную специфику и стереотип о сибирской зиме: «Валенки – что это?» Также все ответили верно. Только одна девушка с низким уровнем владения дала нестандартный ответ: *День любви*, очевидно, перепутавозвучные варианты *Валенки* и *День Святого Валентина*.

Вопрос № 13 «Вы тепло одеваетесь? Что это значит?» способствовал пониманию наличия соотношения в сознании реципиентов ощущения теплоты тела с вопросами о зимнем гардеробе.

Разница между группами не обнаружена. Некоторые студенты перечислили именно предметы гардероба: *Я всегда одеваю зимнюю куртку, шапку и шарф; Это значит, не простудись, одевай зимнюю одежду*. Другие описывают собственные ощущения тепла или холода: *Достаточно тепло. Это значит, что если гуляю, мне не холодно, а если стою, то постепенно мне будет холодно; Ваша одежда спасет вас от холода?; Когда жду на улице, не замерзну; Значит, одеваюсь тепло, чтобы чувствовать тепло; Я одеваюсь тепло. Это значит берегу себя зимой; Да, я очень тепло*

одеваюсь, не хочу болеть зимой. Не ответили два человека. Один молодой человек написал: *Нет*. Есть вариант, что это вежливый вопрос-приветствие, его дали китайские студенты. Есть своеобразный ответ о времени наступления зимы: *Да. Это значит, зима пришла*.

Вопрос № 14 «Можно ли ходить зимой без шапки? Почему?» был задан, чтобы прояснить, есть ли разница между словами и поступками иностранцев, часто не надевающих шапки. На наш взгляд, она есть, поскольку все пишут, что нельзя этого делать, это вредно для здоровья. Вот типичный ответ: *Нет, потому что это заморозит вам мозг*.

Вопрос № 15 был задан, чтобы углубить представление исследователей о рецепции зимы иностранцами: «Если вам холодно, какая у вас эмоция?».

Есть ответы в обеих группах, что нет эмоции на лице, так как лицо застыло или надо просто быстро бежать, нет возможности чувствовать. У тех, кто видел снег, зафиксированы только негативные эмоции: *Застившее лицо; Несчастный*. У студентов, не видевших снег, отмечено большее разнообразие и признаки рефлексии. Негативных эмоций больше (5): *Плохая, конечно, так что я не адаптировался с зимой здесь. В наличии примеры позитивных эмоций (2): Энергичная и интересная; Нормально, но дрожжу. Остальные нельзя назвать положительными или отрицательными: немного гиперактивный. Я знаю, что мне нужно много двигаться, чтобы мне не было холодно; Когда холодно, я чувствую голод; Дискомфорт, но мне холодно только тогда, когда болею; Ий, ий, ай, ай, ти, ти. Два человека не ответили на этот вопрос*.

Вопрос № 16 «Плюсы зимы?» помогал понять, будут ли повторяться ответы из предыдущих вопросов или будут новые варианты. Большая часть студентов назвала более одного варианта.

Особенных отличий между группами видевших и не видевших снег до приезда в Сибирь не обнаружено, выделяются только некоторые детали. Те, кто видел снег, чаще называли всего возможность кататься на лыжах и коньках (6), другая группа – 4 раза. Красота зимы, снега была отмечена соответственно 2/6, Новый год 2/1, холодный чистый воздух 1/2, польза для здоровья и настроения 1/2, хорошо сохраняются продукты 1/1. Высказывания о празднике, чистом воздухе и поднятии настроения появились впервые. Есть оригинальные ответы. В группе № 1 это: *Она может обострить волю людей; Можно остаться дома и посмотреть телевизор*. В группе № 2 это: *Новые впечатления для меня; Стрессы и депрессии отступают именно в зимнее время; На каникулах можно спать до 10 (темно потому что); По-моему, у зимы в Томске нет плюсов (2)*. Два человека не ответили на данный вопрос.

Вопрос № 17 «Что самое красивое зимой?» уточнял положительные стороны зимы и предлагал один ответ, который и был чаще всего дан.

Красота зимы в обеих группах оказалась связана со снегом (6/8). Есть оригинальные ответы о красоте человека в обеих группах: *Я чувствую себя самым красивым, когда падает снег; Женщины с розовыми щеками, носом и челюстями – самые красивые; Женщина красивое зимой*. В группе № 2 два человека отметили новогодние украшения, один – солнечную погоду. В группе № 1 не ответили пять человек, в группе № 2 – только один. В итоге группа № 2, не видевшая ранее зиму, более позитивна в лингвокультурной рецепции зимы.

В вопросе № 18 «Минусы зимы?» и вопросе № 19 «Что самое плохое?» иностранцы единодушно дали одинаковые ответы, что: холодно (14 и 9), ветер (2 и 7), скользко (7 и 3), можно простудиться (8 и 2). Есть оригинальные ответы среди отмеченных минусов: *Редко бывает солнце; Не можем одеться красиво*. Примеры среди отмеченного самого плохого: *Дефицит витамина D; Мокрая обувь из-за снега; В комнате очень тепло, будет много тараканов*.

Вопрос № 20 был нацелен на выяснение итогового мнения реципиентов о зиме и сопоставления с ранее полученными реакциями: «Нравится ли вам сибирская зима? Почему?»

На данный вопрос ответили все. В группе № 1 сибирская зима не нравится шести опрошенным, нравится семи опрошенным (6/7). В группе № 2 сибирская зима не нравится пяти опрошенным, нравится восьми опрошенным (5/8). В этой же группе есть оригинальный ответ: *Не могу ответить, не с чем сравнивать. Равнодушно*. Этот студент из Колумбии, очевидно, решил выделить слово *сибирская*, до этого он уже часто давал нестандартные ответы.

Причины того, что сибирская зима не нравится, достаточно однообразны. В группе № 1 это: *холодно, долго, скучно; Нет, мне слишком холодно! И зима слишком длинная; Мне не нравится, потому что очень холодно и скучная*. В группе № 2 главной причиной негативной рецепции назван холод и сопутствующие природные явления типа ветра со снегом: *Я думаю, мне не очень нравится сибирская зима. Потому что температура всегда холодная, на улице много снега и улица всегда скользкая*. Ответы выглядят некатегоричными в большинстве случаев: *Не очень, мне вообще не нравится зима. Я люблю теплую погоду. Если я должен выбрать между жаркую и холодную погоду, то я выбираю жаркую погоду. Это удобнее для работы*.

Причины того, что сибирская зима нравится, более разнообразны, сами ответы более развернуты. В группе № 1 отмечено: *Мне это нравится, по-*

тому что мне нравится видеть заснеженное небо; Мне нравится, потому что я могу кататься на лыжах; Да, мне нравится сибирская зима, потому что зимой в Сибири полно снега, что очень красиво; Мне нравится сибирская зима, потому что сибирская зима холодная, длинная, и это то, что разница чем родина; Я люблю сибирскую зиму, потому что она делает людей сильнее. В группе № 2 названы похожие на ответы в группе № 1: Иногда да, иногда нет, зависит от погоды, но мне очень нравится снег; Да, потому что красивая, и мне нравится играть в снегу; Ну, нравится сибирская зима, потому что я люблю кататься на коньках и на лыжах; Лично да. Хороший опыт на природе. Ответы про любовь к холодной погоде немного отличаются от группы № 1 тем, что отсутствует сравнение с родной страной: Да, потому что я люблю холод в общем; Мне нравится сибирская зима, потому что я больше люблю холодную погоду, чем теплую. Первая группа в целом более категорична в своих ответах: или да, или нет. Во второй группе получилось больше оговорок: иногда да, иногда нет, хотя лично я не очень, я думаю.

Заключение

Таким образом, по сравнению со стереотипным представлением иностранца о сибирской зиме реально существующий в языковом сознании изучающих русский язык в Сибири студентов-иностранцев вербально-ассоциативный комплекс гораздо сложнее и многомернее. Вторичная языковая культура и окружающая среда значительно расширяют

границы стереотипного представления и способствуют его трансформации в концепт в зависимости от разных значимых факторов, например, количества времени, проведенного в Сибирском регионе, а также особенностей мировосприятия. Деление участников эксперимента на две группы в зависимости от того, были они знакомы с зимним климатом или нет, значимых результатов не дало. При мерно половина относится к зиме отрицательно, другая половина положительно или нейтрально. Стоит отметить, что студенты из Монголии наиболее негативно настроены, а те, кто приехал из теплых стран, положительно воспринимают холодную погоду и даже признаются, что за время жизни в Томске отвыкли от жаркого климата и оценили плюсы умеренного климатического пояса. Холодная длительная зима не вызывает положительных реакций у всех участников эксперимента. Но у тех, кто не видел ранее снег, именно это явление природы вызывает интерес и восхищение. Студенты второго и третьего года обучения, которым предстоит прожить не менее двух лет в Томске, более толерантны к сибирской зиме. Также более лояльно относятся к зиме в Сибири активные, оптимистичные люди. В итоге в языковом сознании ВтЯЛ посредством семантической и аксиологической детализации происходит разрушение плоского одномерного и однозначного стереотипа о сибирской зиме и формируется объемный личностно значимый и обогащенный вербально-ассоциативными маркерами русскоязычной лингвокультуры концепт.

Список источников

1. Волкова Т.Ф. Иностранный студент как языковая личность: прикладные аспекты лингвоперсонологии в практике преподавания русского языка как иностранного // Прикладная филология: идеи, концепции, проекты: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. Томск: Томский политехнический университет, 2008. С. 239–244.
2. Лычагина А.А. Формирование вторичной языковой личности при изучении иностранного языка: магистерская диссертация. Тюмень, 2022. 70 с.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.
4. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября: тез. докл. М., 2003. С. 362–363.
5. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
6. Абсалямова Р.А. Условия формирования вторичной языковой личности студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). С. 13–15.
7. Гурулева Т.Л. Теоретико-методологические основы формирования поликультурной полилингвальной личности в системе высшего языкового образования // Вестник ЧитГУ. 2009. № 4. (55). С. 37–45.
8. Лю Шуаншуан. Вторичная языковая личность китайского студента, изучающего русский язык в СФУ: магистерская диссертация. Красноярск, 2019. 99 с.
9. Потёмкина Е.В. Вторичная языковая личность как объект лингводидактики // Вестник ЦМО МГУ. 2012. № 4. С. 59–64.
10. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: РАН ИРЯ, 1995. С. 7–286.
11. Потёмкина Е.В. К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2013. № 2. С. 215–224.

12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
13. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН. 2008. 340 с.
14. Серебренникова Е. А. Дискурсивное моделирование концептосферы учебника русского языка как иностранного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2023. 27 с.
15. Волошина С.В., Толстова М.А. Языковая репрезентация концепта «Зима» (на материале устной речи жителей сибирских сёл) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 13–26.
16. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка, ч. II / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1996. 212 с.
17. Салашник Т.В. Концепты «зима» и «весна» в национальном сознании носителей русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2 (11). С. 35–40.
18. Терских М.В., Малёнова Е.Д. Специфика метафорической объективации концепта «SIBERIA» в современном американском медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 211–220.
19. Чоудхури О.Л. Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 25 с.
20. Ван Юаньин. Ксенонимы-китаизмы в сетевом дискурсе современной русскоязычной диаспоры Китая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2024. 26 с.
21. Орлова О.В., Ли Ч. Китай, китайцы и китайское в современной русскоязычной диаспоральной лингвокультуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 66–83.
22. Орлова О.В. Лаовайский сетевой жаргон: китайский язык и культура в рецепции русскоязычных экспатов (введение в тему) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 2 (191). С. 103–108.

References

1. Volkova T.F. Inostrannyy student kak yazykovaya lichnost': prikladnye aspekty lingvopersonologii v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Foreign student as a linguistic personality: applied aspects of linguopersonology in the practice of teaching Russian as a foreign language]. *Prikladnaya filologiya: idei, kontseptsii, proekty: sbornik statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chast' I* [Applied philology: ideas, concepts, projects: Collection of articles of the VI International scientific and practical conference. Part I]. Tomsk, Tomskiy politekhnicheskiy universitet Publ., 2008. Pp. 239–244 (in Russian).
2. Lychagina A.A. *Formirovaniye vtorichnoy yazykovoy lichnosti pri izuchenii inostrannogo yazyka* [Formation of a secondary linguistic personality in the study of a foreign language]. Tyumen, 2022. 70 p. (in Russian).
3. Bogin G.I. *Model'yazykovoy lichnosti v eye otnoshenii k raznovidnostyam tekstov. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Model of linguistic personality in its relation to types of texts. Abstract of thesis ... doct. philol. sci.]. Leningrad, 1984. 31 p. (in Russian).
4. Karasik V.I. *Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya* [Linguistic personality: aspects of study]. *II Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Yazyk i kul'tura», Moskva, 17–21 sentyabrya* [II International scientific conference "Language and Culture", Moscow, September 17–21]. Moscow, 2003. P. 362–363 (in Russian).
5. Ivantsova E.V. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Phenomenon of Dialectal Language Personality]. Tomsk, Tom. un-ta Publ., 2002. 312 p (in Russian).
6. Absalyamova R.A. *Usloviya formirovaniya vtorichnoy yazykovoy lichnosti studentov* [Conditions for the formation of secondary linguistic personality of students]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 2013, no. 7 (25), pp. 13–15 (in Russian).
7. Guruleva T.L. *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy formirovaniya polikul'turnoy polilingval'noy lichnosti v sisteme vysshego yazykovogo obrazovaniya* [Theoretical and methodological foundations of the formation of a multicultural multilingual personality in the system of higher language education]. *Vestnik ChitGU – Bulletin of the Chita State University*, 2009, no. 4 (55), pp. 37–45 (in Russian).
8. Lyu Shuanshuan. *Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kitayskogo studenta, izuchayushchego russkiy yazyk v SFU* [Secondary linguistic identity of a Chinese student studying Russian at SFU]. Krasnoyarsk, 2019. 99 p. (in Russian).
9. Potyomkina E.V. *Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak ob'ekt lingvodidaktiki* [Secondary linguistic personality as an object of linguodidactics]. *Vestnik CMO MGU – Vestnik of the Central International Relations Department of Moscow State University*, 2012, no. 4, pp. 59–64 (in Russian).
10. Khaleeva I.I. *Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak retsipient inofonnogo teksta* [Secondary language personality as a recipient of non-phonetic text]. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language is a system. Language is text. Language is an ability]. Moscow, RAN IRYa Publ., 1995. Pp. 7 86 (in Russian).
11. Potyomkina E.V. *K voprosu o metodakh formirovaniya vtorichnoy yazykovoy lichnosti* [On the Methods of Forming a Secondary Linguistic Personality]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filologiya – Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Series: Philology*, 2013, no. 2, pp. 215–224 (in Russian).

12. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
13. Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and cultural studies]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 340 p. (in Russian).
14. Serebrennikova E.A. *Diskursivnoye modelirovaniye kontseptosfery uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Discursive modeling of the conceptual sphere of the textbook of Russian as a foreign language. Abstract of thesis ... cand. philol.]. Tomsk, 2023. 27 p. (in Russian).
15. Voloshina S.V., Tolstova M.A. *Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta «Zima» (na materiale ustnoy rechi zhiteley sibirskikh syol)* [Linguistic representation of the concept "Winter" (based on the oral speech of residents of Siberian villages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, 2022, vol. 484, pp. 13–26 (in Russian).
16. *Russkiy assotsiativnyy slovar'. Kniga. 3: Pryamoy slovar': ot stimula k reaktsii. Assotsiativnyy tezaurus sovremennoy russkogo yazyka. Chast' II* [Russian Associative Dictionary. Book 3: Direct Dictionary: from Stimulus to Reaction. Associative Thesaurus of the Modern Russian Language. Part II]. Yu.N. Karaulov, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova. Moscow, IRYa RAN Publ., 1996. 212 p. (in Russian).
17. Salashnik T.V. *Kontsepty «zima» i «vesna» v natsional'nom soznanii nositeley russkogo i angliyskogo yazykov* [The concepts of "winter" and "spring" in the national consciousness of native speakers of Russian and English]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Questions of cognitive linguistics*, 2007, no. 2 (11), pp. 35–40 (in Russian).
18. Terskikh M.V., Malyonova E.D. *Spetsifika metaforicheskoy ob"ektivatsii kontsepta «SIBERIA» v sovremennom amerikanskom mediadiskurse* [Specificity of metaphorical objectification of the concept "SIBERIA" in modern American media discourse]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, 2012, no 4 (42), pp. 211–220 (in Russian).
19. Choudhuri O.L. *Nominativnoye pole kontsepta «zima» kak predmet obucheniya russkomu yazyku finskikh studentov. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The nominative field of the concept "winter" as a subject of teaching Russian to Finnish students. Abstract of thesis ... cand. ped. sci.]. Saint Petersburg, 2011. 25 p. (in Russian).
20. Van Yuan'in. *Ksenonimy-kitaizmy v setevom diskurse sovremennoy russkoyazychnoy diasporы Kitaya. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Xenonyms-Sinicisms in the Online Discourse of the Modern Russian-Speaking Diaspora in China. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Tomsk, 2024. 26 p. (in Russian).
21. Orlova O.V., Li Ch. Kitay, kitaytsy i kitayskoye v sovremennoy russkoyazychnoy diasporal'noy lingvokul'ture [China, Chinese and Chinese in the modern Russian-speaking diaspora linguaculture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal. Philology*, 2023, no. 86, pp. 66–83 (in Russian).
22. Orlova O.V. Laovayskiy setevoy zhargon: kitayskiy yazyk i kul'ura v retseptsii russkoyazychnykh ekspatov (vvedeniye v temu) [The laowai network jargon: the Chinese language and culture in the reception of Russian expats (introduction to topic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 2, pp. 103–108 (in Russian).

Информация об авторах

Волкова Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

E-mail: tatyana-volkova@bk.ru; ORCID: 0000-0002-1022-9963; SPIN-код: 3855-5480; Elibrary Author ID: 290160.

Орлова О.В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003); Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: o.orlova13@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0128-6891; SPIN-код: 2791-1515; Elibrary Author ID: 617313.

Information about the authors

Volkova T.F., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: tatyana-volkova@bk.ru; ORCID: 0000-0002-1022-9963; SPIN-code: 3855-5480; Elibrary Author ID: 290160.

Orlova O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003); Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: o.orlova13@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0128-6891; SPIN-code: 2791-1515; Elibrary Author ID: 617313.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 29.01.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 81'42
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-25-32>

Интертекст как элемент внутренней организации кинотекста (на материале французского кинодискурса)

Владислав Евгеньевич Анисимов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, anisimov.vladislav.95@mail.ru,
0000-0002-6006-3965

Аннотация

Теория интертекстуальности, возникшая в работах французских постструктураллистов и первоначально использовавшаяся в русле анализа произведений художественной литературы, в настоящее время используется для изучения текстов иных дискурсов, в числе которых особое место отводится, в частности, научному, политическому, медиа- и рекламному дискурсам. Не является исключением и рассматриваемый в данной работе кинодискурс. В фокусе данного исследования находится анализ интертекста как одного из элементов внутренней организации кинотекста в рамках французского кинодискурса. Цель статьи заключается в выявлении ключевых особенностей интертекста как элемента внутренней организации кинотекста и определении и систематизации функций, которые интертекст выполняет во французском кинодискурсе. Эмпирическим материалом исследования послужили 250 современных французских кинофильмов периода 2010–2024 гг. Были использованы методы теоретического анализа и обобщения, метод сплошной выборки, методы контент- и дискурс-анализа, описательно-аналитический метод. Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам: рассматривая интертекст в качестве элементов текста одного дискурса, которые присутствуют в форме реализации другого дискурса, и принимая во внимание креативный и мультимодальный формат кинодискурса, представляется возможным выявить реальные или искусственные элементы других видов дискурса, в частности рекламного, художественного, медиа- и интернет-дискурсов, присутствующих в кинофильме как его основной форме реализации. Данные элементы были классифицированы на «реальные», т. е. принадлежащие реальному миру, и «искусственные» – специально созданные для функционирования (полностью, частично и в качестве отсылок) в рамках сюжета определенного кинопроизведения. Подобная двойственная природа позволяет интертексту выступать в качестве элемента внутренней организации кинотекста. Определены основные функции интертекста в кинофильме, к которым относятся интегративная, сюжетообразующая и имитирующая. В качестве дополнительных функций интертекста выявлены эстетическая и комическая. Отдельно рассмотрены случаи использования самого кинотекста, т. е. элементов других кинофильмов, в качестве интертекста при конструировании нового кинопроизведения. Перспективы дальнейших исследований лежат в области изучения проявления интертекста в кинодискурсе, а также рассмотрения природы и функций интертекста в других дискурсах.

Ключевые слова: кинодискурс, кинотекст, интертекстуальность, интертекст, внутренняя организация

Для цитирования: Анисимов В.Е. Интертекст как элемент внутренней организации кинотекста (на материале французского кинодискурса) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 25–32. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-25-32>

Intertext as an element of the film text internal organization (based on the French film discourse)

Vladislav E. Anisimov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation, anisimov.vladislav.95@mail.ru, 0000-0002-6006-3965

Abstract

The theory of intertextuality that arose among French poststructuralists and was initially used in the analysis of fiction, is now implemented to study the texts of other discourses, such as scientific, political, media and advertising discourses. The film discourse is no exception. The focus of this study is analysis of the intertext as one of the elements of the film text internal organization in the framework of the French film discourse. The purpose of the article is to identify the key features of the intertext as an element of the film text internal organization and to identify and systematize the functions that the intertext performs in the French film discourse. The research material was 250

modern French films from the period 2010-2024. In the course of the study we used a set of methods, especially the methods of theoretical analysis and generalization, the continuous sampling method, the methods of content and discourse analysis, and the descriptive analytical method were used. The results of the study made it possible to come to the following conclusions: considering intertext as elements of the text of one discourse that are present in the object of another discourse and taking into account the creative and multimodal format of film discourse, we identified real or artificial elements of other discourse types, in particular, advertising, artistic, media and Internet discourses presented in the film as the main object of film discourse. We classified these elements into real ones, i.e. belonging to the real world, and artificial ones that are specially created for functioning (fully, partially and as references) within the framework of the plot of a certain film production. This dual nature allows the intertext to act as an element of the film text internal organization. As main functions of the intertext in a film we defined integrative, plot-forming and imitating ones. Aesthetic and comic features are identified as additional functions of the intertext. The cases of using the film text itself, i.e. elements of other films, as an intertext in the construction of a new film production are considered separately. The prospects for further research lie in the field of studying the manifestation of intertext in film discourse, as well as considering the intertext nature and functions in other discourses.

Keywords: film discourse, film text, intertextuality, intertext, internal organization

For citation: AAnisimov V.E. Intertekst kak element vnutrenney organizatsii kinoteksta (na materiale frantsuzskogo kinodiskursa) [Intertext as an element of the film text internal organization (based on the French film discourse)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 25–32 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-25-32>

Введение

В фокусе данного исследования находится феномен интертекста и его функционирование в качестве элемента внутренней организации кинотекста.

Цель работы – выявить особенности интертекста как элемента внутренней организации кинотекста, определить и систематизировать функции, выполняемые интертекстом во французском кинодискурсе. Актуальность представленной проблемы обусловлена, с одной стороны, повышенным интересом исследователей к теории интертекстуальности и интертексту и, с другой стороны, необходимостью определения роли интертекста в современном французском кинодискурсе, в частности в его основной форме реализации – кинофильме. Объектом исследования являются элементы текстов различных дискурсов – медиа-, интернет-, художественного, рекламного и самого кинодискурса – в кинотексте. Научная новизна работы заключается в том, что впервые на материале французского кинодискурса выявлены особенности интертекста как элемента внутренней организации кинотекста, определены его функции в семиотическом пространстве кинофильма. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных материалов специалистами в области лингвистики, семиотики и кинематографа при подготовке практических и теоретических курсов по дискурс-анализу, лингвокультуре страны изучаемого языка и интертекстуальности кинодискурса.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 250 современных французских кинофильмов периода 2010–2024 гг. В работе использовались методы теоретического анализа и обобщения при рассмотрении истории анализируемой проблемы; метод

сплошной выборки для отбора кинофильмов и элементов интертекста; методы контент- и дискурс-анализа в части анализа элементов различных дискурсов, выступающих в кинотексте в качестве интертекста; описательно-аналитический метод в части рассмотрения и описания функций интертекста в кинотексте.

Теория интертекстуальности берет свое начало в трудах представителей постструктурализма, а основное обоснование данному феномену, «существовавшему безымянно еще со времен Сократа и Аристотеля» [1, с. 52], было дано в коллективной работе М. Фуко, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ф. Соллерса и Ю. Кристевой «Общая теория» (Théorie d'ensemble) и исследовании Ю. Кристевой «Семиотика. Исследования по семаанализу» (Séméiôtikè. Recherches pour une sémanalyse), объединившим собой серию работ ученого в период с 1966 по 1969 г.

Выдвинув положение о том, что «всякий текст представляет собой пермутацию других текстов, интертекстуальность: в пространстве каждого текста перекрециваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» ([Le texte] est une permutation de textes, une intertextualité: dans l'espace d'un texte plusieurs énoncés, pris à d'autres textes, se croisent et se neutralisent) [2, p. 52], Ю. Кристева определила границы исследуемого феномена, рассмотрев его в рамках художественного дискурса.

Несмотря на то, что как интертекстуальность, так и интертекст «представляют собой текстуальный обмен, т. е. проникновение двух и более текстов друг в друга» [1, с. 176], важным является разграничение данных понятий. Так, отечественными и зарубежными исследователями предложены разнообразные трактовки интертекстуальности.

В.П. Москвин рассматривает данный феномен как ассоциативное взаимодействие ряда текстов [1], что соотносится с определением Ю. Кристевой. Французский исследователь Н. Пьеге-Гро видит в феномене интертекстуальности «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст» [3, с. 48], утверждая, что с помощью интертекстуальности происходит осмысление формы эксплицитного и имплицитного пересечения двух текстов. В свою очередь, Ж. Женетт пишет об интертекстуальности как отношении соприсутствия между двумя и более текстами, т. е. фактическом присутствии одного текста в другом, рассматривая феномен интертекстуальности как одну из категорий более широкого понятия «транстекстуальности» [4]. О соприсутствии ряда текстов в одном тексте как основном свойстве интертекстуальности также говорят Р. Лахманн и Х.Ф. Плетт [5, 6].

Интертекст, в свою очередь, понимается как все тексты, отражаемые в анализируемом тексте, вне зависимости от их взаимодействия [3, с. 48], и как пространство «схождения всевозможных цитаций, принадлежащих разнообразным дискурсам, из которых и состоит культура как способность любого текста быть переходным звеном от одного текста к другому в некотором едином языковом пространстве с неограниченной возможностью связей...» [7, с. 214]. Радикальным в данном случае можно считать утверждение Р. Барта о том, что любой текст может быть интертекстом, поскольку в нем присутствуют другие тексты в более или менее опознаваемой форме [8].

Если ранее интертекстуальность и интертекст изучались в рамках художественного дискурса, то на сегодняшний день их рассмотрение вышло далеко за его пределы: данные феномены являются предметом анализа, например, политического [9, 10], научного [11], музыкального [12], медиа- [13] и рекламного [14, 15] дискурсов. Интертекстуальность рассматривается как одна из категорий перевода [16], феномен живописи [17] и бизнес-коммуникации [18].

Обращаясь к кинодискурсу, отметим, что исследователями подчеркивается важная роль интертекстуальности в формировании и восприятии кинофильма зрителем. Отмечается, что при отсутствии установления интертекстуальной связи между кинотекстом и его претекстом могут возникнуть серьезные смысловые проблемы и даже непонимание самого кинофильма зрителем [19], а их применение позволяет «не только воссоздать картину происходящего, но и лучше понять замысел режиссера» [20, с. 201].

Таким образом, исследователями подчеркивается процессуальность феномена интертекстуальности как собственно феномена и «предметность»

интертекста, воспринимаемого в качестве статического объекта – текста, присутствующего в другом тексте. В нашем понимании интертекстуальность представляет собой *свойство и способность текстов различных дискурсов к взаимодействию между собой, воплощенное в рамках конкретного текста конкретного дискурса*. Интертекст, в свою очередь, трактуется нами как *элементы текста одного дискурса, присутствующие в тексте другого дискурса*. При этом в случае с креативными видами дискурса, такими как кинодискурс, данные элементы могут быть как реальными (цитата из существующей книги), так и искусственными (реклама в кинофильме, специально созданная в рамках его сюжета). Подчеркнем, что в данном исследовании мы не оперируем термином *интердискурсивность*, понимаемым как «способность дискурса манифестировать свои базовые системообразующие признаки в нетипичной для данного типа дискурса ситуации» [21], поскольку в фокусе нашего внимания находится рассмотрение конкретных текстов или типов текстов одного дискурса в другом, а не взаимодействие дискурсов между собой.

Результаты исследования

Анализ интертекста в качестве структурного компонента кинотекста потребует необходимости определиться с терминологией. Кинодискурс включает в себя ряд гипонимических компонентов, таких как кинотекст и его элементы, кинофильм, кинодиалог и др. Кинотекст понимается нами как гипоним по отношению к кинодискурсу как гиперонимической категории и рассматривается в качестве его основной составляющей, выступающей базисом для создания кинофильма и взаимодействующей с адресатом-зрителем [22]. Исследователи также отождествляют кинотекст с самим кинофильмом, определяя его как «связное, цельное, завершенное сообщение, выраженное при помощи верbalных (лингвистических) и неверbalных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференциированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначеннное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия кинозрителями» [23]. Принимая во внимание подобное утверждение и наше видение кинотекста, считаем правомерным рассмотреть интертекст в качестве структурного компонента кинотекста. В данном случае целесообразно провести анализ элементов интертекста в полноформатных текстах кинодискурса – кинофильмах.

В качестве основных элементов интертекста, фигурирующих в кинофильме, правомерно выделить элементы текстов других дискурсов, в частно-

сти медиа-, интернет-, рекламного и литературного. Данные элементы органично встроены в канву повествования и сюжет кинофильма, функционируя в качестве интертекста как посредством своего содержания, так и формы.

Элементы рекламного текста, выполняющие роль интертекста в кинофильме, могут быть представлены рекламными афишами, объявлениями, листовками, анонсами по ТВ и радио и т. д. При этом важной характеристикой данных элементов является их двойственная природа с точки зрения содержания: они могут быть как элементами реального мира, включенными в кинофильм, так и «искусственными», т. е. специально придуманными для сюжета кинопроизведения его авторами. Элементы второго типа структурно полностью соответствуют «реальным» объектам рекламы. Отметим, что в рамках рассмотрения интертекста мы сознательно не рассматриваем так называемые элементы *product placement* как целенаправленное размещение рекламной продукции в кинофильме. К элементам рекламного дискурса, функционирующим в качестве интертекста к кинофильмам, мы относим объекты как коммерческой, так и социальной рекламы.

Рис. 1. Пример реального рекламного объекта в кинофильме *Le sens de la famille*

В качестве примера (рис. 1), иллюстрирующего размещение рекламных элементов, не относящихся к формату *product placement*, является фигурирующий в одном из кадров кинофильма *Le sens de la famille* (дословный перевод – «Чувство семьи», российская локализация – «Махнемся телами»; 2020, реж. Ж.-П. Бенес) плакат *Soigner c'est un métier; respectons les infirmières/infirmiers* («Ухаживать за больными – это профессия, давайте уважать медсестер/медбратьев» (здесь и далее перевод наш. – В.А.). В большинстве случаев элементы коммерческой и социальной рекламы оказываются в кадре ситуативно: представленный рекламный плакат мог находиться в медицинском учреждении, где проходили съемки кинофильма. Кроме того, прием использования реального элемента рекламного текста в кинофильме позволяет приблизить происходящие в нем события к действительности. Подчеркнем, что рекламные элементы ре-

ального мира, появляющиеся в кинопроизведении, в большинстве случаев не влияют на его сюжетную линию, а являются фоном происходящего действия.

Рис. 2. Пример функционирования искусственных рекламных объектов в кинофильме *Alibi.com*

Примером искусственного рекламного элемента, специально созданного для развития сюжета кинофильма, является баннер *Vous voulez la récupérer?* («Хотите завоевать ее вновь?») для кинофильма *Alibi.com* (дословный перевод – «Алиби. com», российская локализация – «SuperАлиби»; 2017, реж. Филипп Лашо) (рис. 2), представляющий рекламу вымышленной компании, в которой работают друзья главного героя *SOS-Couples*.

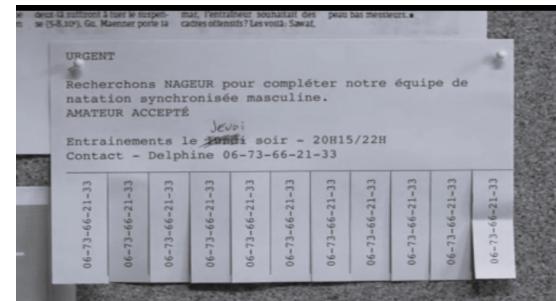

Рис. 3. Пример функционирования искусственных рекламных объектов в кинофильме *Le grand bain*

Другим примером рекламного текста, созданным для кинопроизведения, может служить объявление о наборе пловцов в мужскую команду по синхронному плаванию (рис. 3), которая является центральным элементом кинофильма *Le grand bain* (дословный перевод – «Большое купание», российская локализация – «Непотопляемые»; 2018, реж. Жиль Лелуш). Данный искусственный рекламный объект выполняет схожие функции в развитии сюжета и создает обоснование для дальнейших действий персонажа.

Основными функциями рекламного текста в кинофильме являются интегративная – соединение и связывание воедино сюжетных линий кинофильма или развитие основной сюжетной линии, а также имитирующая, связанная с воссозданием для зрителя сходства происходящего в кинофильме с объ-

ективной реальностью или создание «новой реальности» (для фильмов, снятых в жанре кинофантастики). Реже внедрение специально созданных для кинопроизведения элементов рекламного текста или дискурса может способствовать выполнению сюжетообразующей функции при условии, что тот или иной элемент рекламного текста или дискурса является важной частью сюжета кинофильма.

Элементами художественного дискурса, присутствующими в кинофильмах в качестве интертекста, являются названия художественных произведений и отрывки из них, в том числе цитаты. Иногда они могут быть полноценно введены в канву повествования. Так, в уже упомянутом кинофильме *Le grand bain* тренер команды по синхронному плаванию во время тренировок читает стихотворения Поля Верлена (Paul Verlaine) и Райнера Марии Рильке (Rainer Maria Rilke) для поддержания ритма выполнения упражнений. Как и в случае с рекламными текстами, авторами кинофильма могут искусственно создаваться тексты художественной литературы для функционирования в сюжете кинофильма. В качестве примера подобных искусственных произведений представляется возможным привести роман *Galerie des égares*, написанный главной героиней кинофильма *Le Bonheur des uns...* (дословный перевод – «Счастье одних», основанный на французской поговорке *le bonheur des uns fait le malheur des autres* – «счастье одних – несчастье других», российская локализация – «Друзья на всю голову»; 2020, реж. Даниэль Коэн) Леей, – центральная деталь сюжета кинопроизведения, публикация которого в престижном издастельстве радикально меняет жизнь женщины. Как и в случае с рекламным текстом, художественный текст, помещенный в кинотекст, выполняет интегративную, имитирующую и сюжетообразующие функции. Дополнительной функцией художественных произведений как интертекста в кинофильме является эстетическая.

К элементам медиатекста, которые выступают в кинофильмах в качестве интертекста, можно отнести газеты, журналы, телепередачи. Как и в случае с вышеописанными элементами текстов других дискурсов, элементы медиатекста, фигурирующие в кинофильме, подразделяются на принадлежащие реальному миру и вымышенные, созданные специально для конкретного кинопроизведения. Например, кинофильм *Une année difficile* (дословный перевод – «Трудный год», российская локализация – «Шопоголики»; 2023, реж. О. Накаш, Э. Толедано) начинается с новогодних выступлений президентов Франции с 1974 по 2013 г., органично встроенных в сюжет: из каждого выступления взят фрагмент с фразой о том, что уходящий год был трудным или что наступающий год также будет

трудным для страны. Данные отрывки выступлений, кроме того, обладают интертекстуальной связью с заголовком кинофильма, дословный перевод которого – «Тяжелый год». Использование реальных элементов медиатекста в рассматриваемом кинофильме позволяет его авторам проиллюстрировать основную сюжетную идею: главные герои переживают тяжелые времена в своей жизни, а само сюжетное действие длится в течение календарного года. В свою очередь, в кинофильме *La Ch'tite Famille* (дословный перевод – «Семья шти/Штитная семья», основан на прозвище жителей северной Франции, говорящих на пикардском диалекте), российская локализация – «От семьи не убежишь»; 2018, реж. Дани Бун) для иллюстрации успеха в индустрии дизайна главных героев Валентина и Констанс используется искусственный элемент медиатекста – интервью с персонажами, помещенное на обложку французского еженедельника *Paris Match*. Подобный ход помогает авторам кинофильма охарактеризовать героев, их положение в обществе и нежелание Валентина общаться с семьей, от которой он уехал сразу после окончания школы (в интервью дизайнер признается, что он сирота, несмотря на то, что у него есть родители и брат). Таким образом, элементы медиатекста, присутствующие в кинотексте, выполняют интегративную, имитирующую и сюжетообразующую функции.

Роль интертекста во французских кинофильмах могут выполнять элементы текстов дискурса социальных сетей и шире интернет-дискурса, основными из которых являются социальные сети и мессенджеры, интернет-сайты, приложения для смартфонов и хакерские программы. Ярким примером, иллюстрирующим интеграцию элементов интернет-дискурса в кинофильме, может служить поиск различной информации в браузере Гугл Хром главным героем кинофильма *Inséparables* (дословный перевод – «Неразлучные», российская локализация – «Дружить по-русски»; 2018, реж. В. Суджян) Микой. Наиболее широко элементы интернет-дискурса представлены в специализированных кинофильмах. Например, во французском триллере *Aux yeux de tous* (дословный перевод – «На глазах у всех», российская локализация – «Тайна в их глазах»; 2011, реж. Седрик Жименес, Арно Дюпрай), одним из основных персонажей которого является хакер, ведущий собственное расследование произошедшего теракта на вокзале Аустерлиц в Париже, представлена переписка хакера в интернете, его работа и взлом камер видеонаблюдения города. В кинокомедии *Selfie* («Селфи»; 2020, реж. Тристан Оруэт, Тома Бидеген, Марк Фитусси и др.), являющейся пародией на современного Homo Numericus, также присутствуют многочисленные

элементы интернет-дискурса, например, съемки видеороликов для видеохостингов и переговоры по видеосвязи при помощи программы Skype. Как показал проведенный нами анализ, чаще всего во французском кинематографе применяются ссылки к реально существующим социальным сетям, приложениям и видеохостингам, что приближает действие фильма к материальному миру. Однако существуют и случаи использования персонажами кинофильма специально созданных для произведения инструментов индустрии массовой культуры. Так, герои фильма *Iris et les hommes* (дословный перевод – «Ирис и мужчины», российская локализация – «Дождь из мужчин»; 2023, реж. К. Виньяль) активно пользуются вымышленным приложением онлайн-знакомств Deelove. В свою очередь, размещение в них видео и сообщений, создаваемых персонажами кинофильма, можно классифицировать как специально созданный для кинофильма элемент интернет-дискурса, играющий роль интертекста. Помимо основных функций интертекста (интегративной, имитирующей, сюжетообразующей), элементы интернет-дискурса, выступающие в качестве интертекста, выполняют также комическую функцию, направленную на создание комического эффекта кинопроизведения.

Роль интертекста в кинофильме также может выполнять и сам кинотекст. Классифицировать кинотекст в качестве интертекста представляется возможным в случае, если речь идет о подражании культовому и хорошо узнаваемому для широкой или целевой аудитории зрителей кинофильму в части копирования и разыгрывания известных сцен в рамках сюжета другого кинофильма или функционировании отрывков одного кинофильма в другом. В данном случае интертекст представляется в качестве включенных в произведение текстов, которые «хоть и ощущаются, но с трудом поддаются формализации» [3, с. 48]. Так, в кинофильме *Super-héros malgré lui* (дословный перевод – «Супер-герой поневоле», российская локализация – «Суперчел»; 2022, реж. Филипп Лашо) присутствуют сцены, апеллирующие к фильмам киновселенной «Марвел» (Marvel), посвященным супергероям, а также к кинофильму «Человек-паук» (Spider-man, 2002, реж. С. Рейми). Подобные сцены пародийного характера позволяют провести параллели между кинофильмами, в том числе их жанрами, и провоцируют у зрителя эмоциональный отклик, связанный с узнаваемостью сцены. Отметим, что в большинстве случаев авторы кинопроизведения прибегают к подражанию сценам культового кино, которое легко узнается зрителем. Дополнительными

элементами кинотекста, которые могут присутствовать в кинофильме в качестве интертекста, являются телепрограммы, постеры и отрывки из фильмов, которые смотрят персонажи или на которые они идут в кинотеатры. Элементы кинотекста, выступающие в качестве интертекста в другом кинофильме, в основном выполняют имитирующую функцию.

Таким образом, в качестве интертекста в основной форме реализации кинодискурса – кинофильме и, соответственно, кинотексте, выступают элементы рекламного, художественного (литературного), медиа-, интернет-дискурсов и самого кинодискурса. Данные элементы преимущественно выполняют интегративную, имитирующую и сюжетообразующую функции в кинопроизведении. Дополнительными функциями элементов интертекста в кинофильме могут являться эстетическая и комическая.

Заключение

Понимание интертекста как элементов текста одного дискурса, присутствующих в тексте другого дискурса, и обращение к кинодискурсу как мультимодальному виду дискурса позволяет выявить особенности интертекста в качестве элемента внутренней организации кинотекста, определить и систематизировать выполняемые интертекстом в кинотексте функции.

В качестве интертекста выступают элементы текстов рекламного, художественного, медиа-, интернет-дискурса. Двойственная природа содержания вышеперечисленных элементов (элементы реального мира, включенные в кинофильм, и специально созданные элементы дискурса, с точки зрения формы повторяющие реальные объекты) позволяет интертексту выступать в качестве структурного компонента кинотекста и элемента его внутренней организации. Интегрированный в сюжет кинофильма интертекст участвует в развитии сюжета, характеристике и становлении персонажей. В качестве основных функций интертекста в кинофильме и, соответственно, кинодискурсе, правомерно выделить интегративную, сюжетообразующую и имитирующую функции.

В качестве перспектив исследования представляется возможным расширение изучения проявления интертекста в кинодискурсе не только на уровне кинопроизведения, но и его структурных элементов – синописса, трейлера, постера кинофильма. Целесообразным также является рассмотрение интертекста в текстах других дискурсов и основных формах реализации дискурсов в качестве элемента внутренней организации.

Список источников

1. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах различных типов / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
2. Kristeva J. *Sémiotikè-Recherches pour une sémanalyse*. Seuil; Paris, 1969. 384 p.
3. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Genette G. *Palimpsestes, La littérature au second degré*. Seuil; Paris, 1982. 480 p.
5. Lachmann R. *Gedächtnis und Literatur: Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Mein: Suhrkampf, 1990. 350 p.
6. Plett H.F. *Intertextuality // Research in Text Theory*. Berlin, New York: De Gruyter, 1991. P. 3–29.
7. Красина Е.А., Чеснокова О.С. «Сюжет» Х.Л. Борхеса: опыт интертекстуального прочтения // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2019. № 57. С. 206–223.
8. Barthes R. *Texte (théorie du) // Encyclopaedia universalis*. 1973. T. 22. P. 370–374.
9. Светоносова Т.А. Интертекстуальность как риторический прием инаугурационных речей американских политиков (функционально-лингвистический анализ) // Дискурс профессиональной коммуникации, 2022. Т. 4, № 2. С. 18–30. doi: 10.24833/2687-0126-2022-4-2-18-30.
10. Baranova M.I., Pavlina S.Yu. Intertextuality as a Driver of Multimodal Creativity in Political Advertising // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 17, №. 5. P. 950–962.
11. Боднарук Е.В., Астахова Т.Н. Эвиденциальные маркеры в немецкоязычном научном и научно-популярном дискурсе: сравнительный анализ // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 3. С. 28–46. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-28-46
12. Абрамичева Е.Н., Петраков А.А. Реализация интертекста в современном рок-дискурсе (на материале английского и испанского языков) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31, № 2. С. 236–245. doi: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-236-245
13. Kryachkov D. *Intertextuality in media texts // Lege Artis*. 2023. P. 62–78. doi: 10.34135/10.34135/lartis.23.8.1.05
14. Opran E. Elements of intertextuality in advertising discourse // Social Sciences And Education Research Review. 2022. № 9 (1). P. 200–203. doi: 10.5281/zenodo.6795785
15. Xing C., Feng D. Multimodal intertextuality and persuasion in advertising discourse // Discourse & Communication, 2023. № 17 (5). P. 613–629. doi: 10.1177/17504813231170
16. Ezeafulukwe O. Traduction et Intertextualité // International Journal of Arts and Humanities (IJAH). 2019. Vol. 8 (3), № 30. P. 61–70.
17. Лукичева К.Л. Актуальность и интертекстуальность в живописи Эдуарда Мане // Academia, 2020. № 1. С. 15–32. doi: 10.37953/2079-0341-2020-1-1-15-32
18. Aleksandrova O.V., Sibul V. Manipulative Potential of Intertextual References in Business Discourse: Functional Analysis of Business Documents // Forum for Linguistic Studies. 2024. № 6(6). P. 702–712. doi: 10.30564/fls.v6i6.7521
19. Иванова Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 178 с.
20. Гаврилова А.В. Реализация категории интертекстуальности в кинодискурсе (на материале американского телесериала «Декстер») // VIII Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом, культурологическом аспектах». Челябинск, 2016. С. 200–205.
21. Олизько Н.С. Интердискурсивность постмодернистского письма. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009. 162 с.
22. Анисимов В.Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса: дис. канд. филол. наук. М., 2021. 311 с.
23. Слыскин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

References

1. *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh razlichnykh tipov* [Intertextuality and the figures of the intertext in different discourses]. Ed. T.N. Kolokol'tseva, V.P. Moskvin. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 352 p. (in Russian).
2. Kristeva J. *Sémiotikè-Recherches pour une sémanalyse*. Seuil, Paris, 1969. 384 p.
3. Piegu-Gros N. *Vvedeniye v teoriyu intertekstua 'Inosti'* [Introduction to the theory of intertextuality]. Translation from French, ed. G.K. Kosikova. Moscow, LKI Publ., 2008. 240 p. (in Russian).
4. Genette G. *Palimpsestes, La littérature au second degré*. Seuil, Paris, 1982. 480 p.
5. Lachmann R. *Gedächtnis und Literatur: Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Mein, Suhrkampf, 1990. 350 p.
6. Plett H.F. *Intertextuality. Research in Text Theory*. Berlin, New York: De Gruyter, 1991. P. 3–29.
7. Krasina E.A., Chesnokova O.S. «Syuzhet» H.L. Borhesa: opyt intertekstualnogo prochteniya ['Plot' by J.L. Borges: the experience of intertextual reading]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Bulletin. Philology*, 2019, no. 57, pp. 206–223 (in Russian).

8. Barthes R. Texte (théorie du). *Encyclopaedia universalis*, 1973. T. 22. P. 370–374.
9. Svetonosova T.A. Intertekstual'nost' kak ritoricheskiy priem inauguracionnykh rechey amerikanskikh politikov (funktional'no-lingvisticheskiy analiz) [Intertextuality as a rhetorical device in inaugural speeches of American politicians (functional-linguistic analysis)]. *Diskurs professional'noy kommunikatsii – Discours of Professional Communication*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 18–30. doi: 10.24833/2687-0126-2022-4-2-18-30 (in Russian).
10. Baranova M.I., Pavlina S.Yu. Intertextuality as a Driver of Multimodal Creativity in Political Advertising. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2024, vol. 17, no. 5, pp. 950–962.
11. Bodnaruk E.V., Astakhova T.N. Evidentsial'nye markery v nemetskoyazychnom nauchnom i nauchno-populyarnom diskurse: sravnitel'nyy analiz [Evidential markers in German-language scientific and popular scientific discourse: a comparative analysis]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2023, vol. 12, no. 3, pp. 28–46. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-28-46 (in Russian).
12. Abramicheva E.N., Petrakov A.A. Realizatsiya interteksta v sovremennom rok-diskurse (na materiale angliyskogo i ispanskogo jazykov) [Realisation of intertext in modern rock discourse (on the material of English and Spanish languages)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologija – Bulletin of Udmurt University. Series of History and Philology*, 2021, vol. 31, no. 2, pp. 236–245. doi: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-236-245 (in Russian).
13. Kryachkov D. Intertextuality in media texts, *Lege Artis*, 2023, pp. 62–78. doi: 10.34135/10.34135/lartis.23.8.1.05
14. Opran E. Elements of intertextuality in advertising discourse. *Social Sciences And Education Research Review*, 2022, no. 9 (1), pp. 200–203. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6795785>
15. Xing C., Feng D. Multimodal intertextuality and persuasion in advertising discourse. *Discourse & Communication*, 2023, no. 17 (5), pp. 613–629. doi: 10.1177/17504813231170
16. Ezeafulukwe O. Traduction et Intertextualité. *International Journal of Arts and Humanities (IJAH)*, 2019, vol. 8 (3), no. 30, pp. 61–70.
17. Lukicheva K.L. Aktual'nost' i intertekstual'nost' v zhivopisi Eduarda Mane [Actuality and intertextuality in the painting of Édouard Manet]. *Academia*, 2020, no. 1, pp. 15–32. doi: 10.37953/2079-0341-2020-1-1-15-32 (in Russian).
18. Aleksandrova O.V., Sibul V. Manipulative Potential of Intertextual References in Business Discourse: Functional Analysis of Business Documents. *Forum for Linguistic Studies*, 2024, no. 6 (6), pp. 702–712. <https://doi.org/10.30564/fls.v6i6.7521>
19. Ivanova E.B. *Intertekstual'nye svyazi v khudozhestvennykh fil'makh. Dis. ... kand. filol. nauk* [Intertextuality in feature films. Dis. ... cand. philol. sci.]. Volgograd, 2001. 178 p. (in Russian).
20. Gavrilova A.V. Realizatsiya kategorii intertekstual'nosti v kinodiskurse (na materiale amerikanskogo teleseriala "Dekster") [Realisation of the category of intertextuality in film discourse (on the material of the American TV series 'Dexter')]. *VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmatischeskom, kul'turologicheskem aspektakh»* [VIII International Scientific Conference "Word, sentence and text in the cognitive, pragmatic, cultural aspects"]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 200–205 (in Russian).
21. Oliz'ko N.S. *Interdiskursivnost' postmodernistskogo pis'ma* [The interdiscursivity of postmodern writing]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2009. 162 p. (in Russian).
22. Anisimov V.E. *Intertekstual'nye parametry maloformatnykh tekstov frantsuzskogo kinodiskursa. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Intertextual parameters of small-format texts of French film discourse. Abstracct of thesis ... cand. ped. sci.]. Moscow, 2021. 311 p. (in Russian).
23. Slyshkin G.G., Efremova M.A. *Kinotekst: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza* [Film text: experience of linguocultural analysis]. Moscow, Vodoley Publ., 2004. 153 p. (in Russian).

Информация об авторе

Анисимов В.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454).
E-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6006-3965; SPIN-код: 3521-9813; Researcher ID: KHW-1168-2024; Профиль в Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222390645>.

Information about the author

Anisimov V.E., Candidate of Philological Sciences, Associate professor, MGIMO University (pr. Vernadskogo, 76, Moscow, Russian Federation, 119454).
E-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru; ORCID 0000-0002-6006-3965; SPIN-code: 3521-9813; Researcher ID: KHW-1168-2024; Scopus Profile: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222390645>.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 23.01.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 81-139
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-33-40>

Архетипический подтекст сюжетов рассказов Сомерсета Моэма

Евгения Сергеевна Баранова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия,
evgeniya_chita@mail.ru, 0009-0001-8928-5908

Аннотация

Современная лингвистика текста как динамично развивающееся направление лингвистических исследований способна выявить архетипическую суть сюжетной линии авторского текста в том числе. Тексты коротких рассказов Сомерсета Моэма в данном аспекте являются собой пример синергии авторских сюжетов и архетипического подтекста, обусловленного смысловым посылом самого автора как «метаморфозы» сюжета. Подтекстовой смысл сюжетов Моэма – это проявление имманентности архетипа, который имеет, на наш взгляд, трансцендентную основу, но транслируется как авторский посыл Автора Читателю. Именно такой подход позволяет рассматривать творчество Моэма не только как совокупность увлекательных историй, но и как своеобразный «диалог» с коллективным бессознательным, обращение к глубинным структурам человеческой психики. Представлено описание архетипического концепта «Мать» в текстах рассказов У. Сомерсета Моэма. Являясь одним из фундаментальных архетипов, образ матери приобретает в тексте рассказов Моэма многогранные и порой неожиданные черты. Цель достигается посредством разрешения нескольких задач, а именно: определения логики сюжета Автора; описания речевых портретов героев и персонажей с точки зрения иронической виктимизации сюжета (сценария); демонстрации возможности аксиологического подхода к тексту. Методологической основой исследования послужили когнитивно-дискурсивный метод анализа художественного текста наряду с описательным методом. Выяснилось, что в текстах рассказов С. Моэма возможно выявить бинарность архетипа «Мать» – «Мать» и «Мачеха». При этом выявляется сложность сценария Моэма, когда так называемая «мать» в процессе повествования «превращается» в «мачеху», обнаруживая тем самым категорию иронической виктимизации сюжета (сценария). Анализируются тексты коротких рассказов: «Unconquered», «The Mother», «Louise/Луиза».

Ключевые слова: рассказы С. Моэма, Автор, Читатель, ироническая виктимизация, сюжет, архетип, архетипический концепт «Мать», метаморфоза, трансцендентность, имманентность, сценарий

Для цитирования: Баранова Е.С. Архетипический подтекст сюжетов рассказов Сомерсета Моэма // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 33–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-33-40>

The archetypal subtext of the plots of Somerset Maugham's short stories

Evgeniya S. Baranova

Transbaikal State University, Chita, Russian Federation, *evgeniya_chita@mail.ru, 0009-0001-8928-5908*

Abstract

The linguistics of the text as a modern direction is able to reveal the archetypal essence of the storyline including the author's text. The texts of Somerset Maugham's short stories in this aspect are an example of the synergy of the author's plots and archetypal subtext, due to the semantic premise of the author himself as a "metamorphosis" of the plot. The subtext meaning of Maugham's plots is a manifestation of the immanence of the archetype, which, in our opinion, has a transcendental basis, but is transmitted as the Author's message to the Reader. The article is devoted to the description of the archetypal linguistic concept of "Mother" in the texts of Somerset Maugham's stories. The goal is achieved by solving several tasks: determining the logic of the Author's plot; describing speech portraits of heroes and characters from the point of view of ironic victimization of the plot (scenario); demonstrating the possibility of an axiological approach to the text. The methodological basis of the study are the cognitive and discourse analyses of the fiction along with the descriptive method. It turned out that in the texts of S. Maugham's stories it is possible to identify the binarity of the archetype "Mother" - "Mother" and "Stepmother". At the same time, the complexity of the Maugham's scenario is revealed when the so-called "Mother" in the process of narration "turns" into a "Stepmother", thereby revealing the

category of ironic victimization of the plot (scenario). The article analyzes the texts of short stories: "Unconquered", "The Mother", "Louise".

Keywords: the stories of S. Maugham, Author, Reader, ironic victimization, plot, archetype, archetypal concept of "Mother", metamorphosis, transcendence, immanence, scenario

For citation: Baranova E.S. Arkhetipicheskiy podtekst syuzhetov rasskazov Somerseta Moema [The archetypal subtext of the plots of Somerset Maugham's short stories]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 33–40 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-33-40>

Введение

Нarrативные структуры произведений англоязычных авторов, в частности сюжеты рассказов Сомерсета Моэма, представляют собой ценный материал для лингвистического анализа, особенно в рамках современной лингвистики текста. Фокус исследования направлен на выявление интенционально заложенных автором идей, концептов и смыслов.

Лингвистический анализ сюжетов позволяет не только выявить типологические характеристики сюжета как трансцендентной объективности, но и раскрыть имманентную сущность авторских «подсюжетов».

Привлекательность «подсюжетов» в коротких рассказах Сомерсета Моэма обусловлена, по нашему мнению, наличием глубинного смыслового посыла автора, интерпретируемого как архетипический подтекст.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом современной науки к изучению архетипов, которые выступают в качестве ключевых элементов для понимания глубинных смыслов и культурных кодов художественных текстов. В условиях глобализации и межкультурного обмена анализ архетипических структур в произведениях англоязычных авторов, таких как Сомерсет Моэм, приобретает особую значимость. Архетипы как универсальные символы играют важную роль в установлении культурных и исторических связей, а также в освещении коллективного бессознательного, проявляющегося в нарративных структурах. Иными словами, архетипы позволяют исследователям выявлять скрытые смыслы и интерпретировать тексты на более глубоком уровне, что особенно важно в контексте современной текстовой лингвистики.

Результаты данного исследования позволяют достичь более тщательного понимания нарративных структур и их архетипического подтекста, что способствует расширению знаний о механизмах повествования и авторском замысле. Это, в свою очередь, открывает новые перспективы для анализа и интерпретации англоязычных текстов и разработки методологий лингвистического анализа сюжетов и подсюжетов. Таким образом, данное ис-

следование вносит вклад в развитие теоретической базы текстовой лингвистики и способствует обогащению методов изучения художественных текстов.

Материал и методы

Тексты коротких рассказов С. Моэма представляют собой ценный лингвистический материал для изучения вопросов коммуникативной прагматики и идиоматики [1, с. 29–33; 2, с. 54–55], художественной стилистики автора [3, с. 111–121]. При этом работы, посвященные описанию архетипического подтекста сюжетов коротких рассказов С. Моэма, отсутствуют. Статья посвящена анализу текстов нескольких рассказов У. Сомерсета Моэма с позиции лингвистики текста и ряда реализованных частных задач: описание, во-первых, релевантных смыслов, авторских прежде всего; во-вторых, описание категории иронической виктимизации сюжета (сценария) в аспекте выявления архетипического подтекста; в-третьих, описание «речевых портретов» героев и персонажей.

Методологической основой исследования послужили когнитивно-дискурсивный метод анализа художественного текста наряду с описательным методом. Когнитивно-дискурсивный метод предполагает рассмотрение лингвистических факторов, играющих важную роль в адекватной интерпретации архетипических образов в художественном тексте.

В этом смысле особое внимание уделяется категории модальности, являющейся фундаментальной категорией языка, мышления и логики. Модальность, эксплицируя авторскую точку зрения, устанавливает отношение пропозиционального содержания высказывания к действительности. Следует отметить, что категория модальности (от лат. *modus* – мера, способ) существует в различных языках и проявляется в разных формах лексического выражения [4, с. 586–592].

Также известно, что модальность в логике представляет собой «категорию, отражающую отношение говорящего к содержанию высказывания» [5]. В лингвистике модальность также играет важную роль – это «грамматическая категория, выраженная формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. отношение говорящего к содержанию высказывания» [5]. На основании это-

го в рамках данной статьи мы опираемся и на аксиологический подход, который затрагивает вопросы логики и текста.

Результаты исследования

Данная статья продолжает исследование текстов С. Моэма как лингвистического материала в аспекте художественного дискурса [6, с. 3–5; 7, с. 161–165; 8, с. 12–21]. В текстах С. Моэма при детальном рассмотрении логики сюжетной канвы мы, возможно, «сталкиваемся» с манифестиацией архетипического концепта как некой смысловой системы, имея в виду авторский сюжет (сценарий) короткого рассказа.

В своих работах выдающийся советский психолог А.А. Леонтьев глубоко исследовал феномен архетипа, подчеркивая его исключительную роль в искусстве и культуре. Он описывает архетип как своего рода «аккумулятор» наиболее ценного человеческого опыта, который художник постигает бессознательно в процессе творческого созидания. Этот опыт передается из поколения в поколение, накапливаясь в коллективной памяти человечества, и обретает форму универсальных, первозданных образов [9].

А.А. Леонтьев подчеркивает, что при попытке сознательно анализировать и рационально объяснить архетип его первоначальная глубинная сущность может разрушиться. Однако, даже подвергаясь анализу, архетип не исчезает бесследно. Сохраняя свое значение и функцию, архетип продолжает существовать в сознании в измененном виде, проявляясь в образах, соответствующих конкретной реальности времени и пространства.

Архетипы подобно древним ключам открывают доступ к универсальным человеческим опытам, отражающим фундаментальные ценности и страхи человечества. В них отражается наша глубокая связь с природой, миром предков и самой сутью бытия. В этом смысле архетипы можно сравнить с неизменными звездами на ночном небе, которые всегда на своих местах, несмотря на то, что земля вращается вокруг Солнца.

Архетипы – не просто универсальные образы. Они являются «осадками» опыта, накопленного человечеством в ходе эволюции. Архетипы формируют наше восприятие мира и влияют на наши мысли, чувства и действия, даже если мы этого не осознаем. Они тесно связаны с нашими эмоциями и играют важную роль в формировании нашего мировоззрения [10].

Несмотря на свою универсальность, архетипы могут проявлять национальные и этнические особенности. Они, как река, текущая по разным землям, вбирают в себя характеристики конкретной культуры, формируя свой уникальный ландшафт.

Важной особенностью архетипов является их узнаваемость. Независимо от времени и пространства, они прочитываются как универсальный язык, понимаемый всеми людьми, независимо от их культурного фона. Эта узнаваемость позволяет видеть свою собственную историю в творчестве других народов и культур, создавая чувство общности и взаимопонимания. Они являются отражением ценностных ориентаций культуры и передаются из поколения в поколение через коллективный опыт, формируя врожденные структуры индивидуального сознания [11].

Архетипы подобно магниту притягивают и направляют переживания и мысли художника, превращая их в мощный источник творческой энергии. Они дают ему возможность выразить глубинные истины человеческого бытия, создавая произведения искусства, которые отражают как индивидуальный опыт, так и коллективный дух человечества.

Таким образом, архетипы являются не просто образами, а живыми силами, которые определяют наш мир и способствуют созданию всего нового и прекрасного. Они свидетельствуют о непрерывности жизни и о непреходящей силе человеческого духа.

В диссертационном исследовании У.А. Савельевой архетипический концепт определяется как комплексная ментальная структура, характеризующаяся следующими конститутивными признаками:

- неопределенный оценочно-маркированный образ: архетипический концепт не обладает четкой семантической демаркацией и не поддается формально-логическому анализу. Его формирование базируется на дихотомическом восприятии действительности (например, оппозиции добро/зло, свет/тьма) и обусловлено коллективным опытом, актуализирующимся в индивидуальном сознании;

- универсальность: архетипический концепт связан с фундаментальными ценностями человеческого бытия, что делает его универсальным для всех людей независимо от культуры и времени;

- бинарный оценочный характер: архетипический концепт всегда обладает двойственной природой, включая как положительные, так и отрицательные оценки. Например, архетип «мать» может ассоциироваться как с заботой и любовью, так и с подавлением и контролем [12].

Таким образом, архетипический концепт представляет собой сложное, многогранное явление, глубоко укорененное в коллективном бессознательном и играющее важную роль в формировании нашего мировоззрения и ценностных ориентаций.

В диссертационном исследовании И.А. Богдановой постулируется тезис о слове как первичном носителе архетипического концепта в языковой системе. Автор дифференцирует семантическую структуру слова на три уровня, каждый из которых

характеризуется специфической степенью воздействия архетипа. Эти уровни «отличаются друг от друга степенью абстракции, проявленности и сложности. Низший, наиболее проявленный уровень образуют значения слов. На втором уровне находятся скрытые значения, которые описываются как коннотации. И третий уровень слова формируют архетипические смыслы, которые можно выделить путем анализа функционирования языковых средств, объективирующих концепт в языке» [13].

В исследовании А.Ю. Большакова анализирует архетип в качестве фундаментального концепта, детерминирующего базовые структуры культуры, «объединяющие множество единичных проявлений той или иной сущности, а также наиболее устойчивые в исторических изменениях и определяющие строй мировоззрения (личности, нации, народа)» [14].

А. Машаева, рассматривая взаимосвязь между смыслом и архетипическим концептом, утверждает, что «архетипический концепт – это саморазвивающаяся смысловая (синергетическая) система. Особенность смысловой структуры архетипического концепта (АК) заключается в ее неоднородности. Это обусловлено, по нашему мнению, тезисом Ю.С. Степанова, что в обширном поле культуры эволюционные ряды культурных явлений могут быть подразделены на чисто концептуальные ряды, чисто материальные ряды, смешанные концептуально-материальные ряды» [15, с. 266].

Таким образом, архетипический концепт представляет собой сложное, многогранное явление, глубоко укорененное в коллективном бессознательном и играющее важную роль в формировании мировоззрения и ценностных ориентаций человека.

Архетипический концепт «мать» в сюжетах коротких рассказов С. Моэма возможно «выявить» посредством использования категории так называемой «иронической виктимизации».

Согласно И.А. Антонио, ирония представляется как семантический механизм, позволяющий переключаться между противоположными значениями высказывания. Это может быть переход от отрицания к утверждению или наоборот, а также изменение оценки объекта высказывания с положительной на отрицательную или наоборот. Такое переключение достигается с помощью интонации и контекста, который может быть как экстралингвистическим, так и текстовым. Иначе говоря, использование иронии в сюжете иллюстрирует категорию модальности текста [16].

Понимая под категорией модальности манифестиацию смыслов, логических штаммов, авторских умозаключений и т. д., мы полагаем, что тексты Сомерсета Моэма в аспекте дискурс-анализа текста, особенно художественного, возможно «десиф-

ровать» посредством описания такой категориальной элемента, как ироническая виктимизация.

Полагаем, что категория иронической виктимизации обнаруживается в ткани текста рассказов Сомерсета Моэма и служит своеобразным кодом, с помощью которого автор зашифровывает скрытый смысл своих произведений – с одной стороны.

С другой стороны, парадоксальное развитие сюжетных линий в сочетании с иронией позволяет Моэму не только скрыть свой подтекст, но и активно вовлечь читателя в процесс его расшифровки, делая его соучастником творческого процесса.

Например, если Читатель ошибочно истолковывает (как будто бы) иронические намерения автора (или наоборот, когда ирония читается там, где она не подразумевалась), это иллюстрирует наличие элемента непреднамеренной виктимизации сценария (сюжета) в сознании Читателя. Читатель может стать жертвой иронии в двух случаях: когда не заметил иронического парадокса и когда ирония намеренно направлена против него: Автор скрывает свои действительные убеждения, так что Читатель не может однозначно распознать, что над ним иронизируют.

Исследование трансформации архетипических нарративов в новеллистике Сомерсета Моэма демонстрирует влияние идеологических установок автора, сформированных под воздействием как индивидуального отношения к догматам традиционной религии, так и профессионального опыта, полученного в период службы военным врачом в составе Британского Красного Креста. Нарративные структуры, зачастую отмеченные циническим мировоззрением, репрезентируют экзистенциальный опыт представителей различных социальных страт, акцентируя внимание на индивидуумах, находящихся в ситуации экзистенциальной отчужденности, аналогичной опыту самого автора. Тексты Моэма представляют собой комплексный объект лингвистического анализа, характеризующийся взаимопроникновением авторской интенции и архетипической символики, декодируемой посредством дискурсивного анализа.

С одной стороны, «текст имеет довербальную основу в виде авторских смыслов и значений, раскодирование которых возможно посредством дискурса» [17, с. 888]. С другой стороны, интерпретация текста опирается на универсальные когнитивные структуры, а именно – архетипические представления о мужском и женском началах, существующие на уровне коллективного бессознательного и вызывающие у реципиента глубинные эмоциональные реакции [18].

Например, в рассказе С. Моэма «Unconquered/ Непокоренная» неожиданный финал сюжета является следствием авторской интенции «метаморфи-

зации» архетипа «материнская любовь»: *«I hate you and I hate this child that you've given me» / Я не-навижу тебя и ребенка», *«I've done what I had to do. I took it down to the brook and held it under water till it was dead / Я опустила его в ручей и держала под водой пока он не умер»* [19]. Вместо ожидаемого раскрытия женской сущности в finale происходит ее трансформация в другую ипостась – «патриотизм» или «любовь к Родине».*

Наряду с другими архетипическими сюжетами, идентифицируемыми в контексте сюжетов Сомерсета Моэма, трансформация архетипа «материнская любовь» наблюдается и в ряде других произведений автора («The Mother»/«Мать», «Louise»/«Луиза» и др.).

Например, в тексте одноименного рассказа «Louise»/«Луиза» главная героиня воплощает в себе двойственную природу архетипа «мать», представляя как «любящая мать» и «ужасная мать/мачеха»: *«a mistress of cold praise / мастерница на язвительные комплименты», «a disagreeable thing / нелестные слова», «devilish woman / дьявольская женщина»* одновременно. Эта «двуликость» подчеркивается контрастом между образом матери: *«frail little thing, a sacred figure, uncomplaining / хрупкая, святая, безропотная»* и образом мачехи, которая описывается как *«a mistress of cold praise, a disagreeable thing, devilish woman / холодная, язвительная и дьявольская женщина»*.

Необходимо отметить, что автор строит рассказ посредством использования иронии для более продуктивного описания речевого портрета противоречивой сущности главной героини: *«she smiled still her eyes were hard and angry» / «улыбалась, но глаза ее смотрели холодно и зло», «strong enough to do anything she wants and a weak heart prevents her from doing things that bore» / «сил хватает лишь исполнять свои желания, а слабое сердце мешает делать все, что не по душе», «She died gently forgiving daughter for having killed her» / Умерла, великодушно простив дочь, которая ее убила»* [20].

В рамках художественного дискурса наблюдается процесс семантической трансформации архетипических структур, характеризующийся переходом от трансцендентной модальности к имманентной. Данный процесс способствует формированию интертекстуальных связей между сюжетной линией и архетипическим ядерным элементом, а также обеспечивает когерентность авторской интенции и экстралингвистической реальности, отраженной в произведении. Семантический сдвиг в сторону имманентности коррелирует с антропоцентрической парадигмой, акцентирующющей внимание на глубинных структурах человеческого бытия [21]. Трансформация трансцендентного измерения культуры в имманентный компонент представляет собой акту-

альную проблематику, нуждающуюся в дальнейшем детальном анализе.

В рассказе «The Mother»/«Мать» описана женщина Ла Качирра, убившая любимую женщину своего сына из ревности: *«she could not bear him to look at a woman and she writhed at the bare idea that he might pay court to some girl» / «она не могла вынести, когда он смотрел на женщину, и ее корчило от одной мысли, что он может ухаживать за какой-нибудь девушки», «when she saw Rosalia's provoking glance and Currito's answering smile, rage leap to her throat» / «когда она увидела вызывающий взгляд Розалии и ответную улыбку Куррито, ярость охватила ее», «stood [...] with fury gnawing at her heart» / «стояла [...] с яростью, гложущей ее сердце», «her eyes glowed like coals of fire and she felt them burning in the sockets» / «ее глаза пылали, как огненные угли, и она чувствовала, как они горят в глазницах»* [20, с. 240].

В рассказах Сомерсета Моэма часто наблюдается трансформация сюжетных линий, что, вероятно, связано с его религиозными взглядами и жизненным опытом. С точки зрения лингвистики текста эти изменения можно описать как «метаморфозы» архетипических сюжетов, где исходный архетип преобразуется в нечто новое под влиянием авторского замысла. Именно эта синергия трансцендентного (архетипа) и имманентного (метаморфозы архетипа) делает сюжеты Моэма такими привлекательными для Читателя.

Таким образом, в результате удалось выявить, что, во-первых, возможно исследовать наличие вербализованного амбивалентного архетипического концепта «Мать»/«Мачеха» в смысловом содержании текстов коротких рассказов С. Моэма, где героинями рассказов выступают женщины; во-вторых, на основе выявленного архетипического концепта «Мать» обнаружился авторский подтекст как метаморфоза исходного архетипа «мать»; в-третьих, доказано наличие авторской интенции при описании архетипического концепта и описании категории иронической виктимизации как двойкой сущности образов героинь-женщин, что верифицирует релевантность авторских смыслов.

Описанная С. Моэмом двоякая суть образов главных героинь рассказов подтвердила посредством применения аксиологического подхода результивность применения категории модальности текста при дискурс-анализе текста. Выяснилось, что С. Моэму удалось описать перипетии концептуальных характеристик женских образов: патриотизм и любовь к Родине в противовес материнскому инстинкту защиты новорожденного ребенка (образ Аннет: «Unconquered»/«Непокоренная»), двуличную суть образа, почти актерской игры, умелое использование людей в своих корыстных

интересах, обман преданных ей людей в угоду собственным корыстным целям в антиномии с чувствами нежной матери (образ Луизы: «Louise»/«Луиза» и образ Ла Качирры: «The Mother»/«Мать») как амбивалентно значимых образов для сюжетных линий авторского текста. «Приближенная» к реалиям действительности сюжетная линия рассказов С. Моэма «обнажает» таким образом смысловую интенцию автора, затрагивая и влияя в итоге на эмотивную составную Читателя как реципиента авторского подтекста.

В-третьих, художественно-эстетический эффект, произведенный Автором на Читателя посредством смыслового подтекста сюжета, отличается от классических сюжетов об образах классической матери. Тем самым нарушается традиционный образ архетипа «мать»: в то время как мать должна любить, заботиться и желать лучшего своему ребенку, в рассказах С. Моэма мать превращается в мачеху: убийство своего ребенка Аннет («Unconquered»/«Непокоренная»), убийство сына любимого человека («The Mother»/«Мать») и смерть матери в день свадьбы дочери («Louise»/«Луиза»).

Все эти исследуемые смыслы вербализованы в следующих лексических примерах («*I hate this child*», «*I took it down to the brook and held it under water till it was dead*» / «отнесла его к ручью и держала под водой, пока он не перестал дышать»: «Unconquered»/«Непокоренная»), где значения и смыслы отдельных слов являются несочетаемыми так же, как, к примеру, именование живого ребенка посредством английского местоименного *it*. В тексте рассказа «Louise»/«Луиза»: «*a sacred figure / святыня*», – «*devilish woman / дьявольская женщина*», «*smiles but her eyes are hard and angry /*

улыбаясь, глаза смотрели холодно и зло», где лексика «речевого портрета» героини описывает ее противоречивую суть; в тексте рассказа «The Mother»/«Мать»: «*she could not bear him to look at a woman and she writhed at the bare idea that he might pay court to some girl*» / «она не могла вынести, когда он смотрел на женщину, и ее корчило от одной мысли, что он может ухаживать за какой-нибудь девушки», где так называемая слепая любовь матери «превращает» ее в убийцу своего сына.

Заключение

В итоге данного исследования сюжетов рассказов С. Моэма выявились амбивалентная суть архетипического концепта «мать» как мать/мачеха, описанию которого и посвящена статья. Выявлена результативность применения методологического инструментария как дискурсивного, так и аксиологического подходов, использованных для достижения цели описания. В ходе научно-исследовательского описания одного из базовых архетипических концептов как смыслового компонента сюжета обнаружилось наличие авторских подсюжетов, обусловленных метаморфозой как категориального значимого элемента. При этом обнаружилась также значимая как факультативно референтная категория иронической виктимизации, присущая в авторском тексте. Лексические примеры описания имманентной сути авторских подсюжетов, определяемых как метаморфоз трансцендентного начала архетипического концепта «Мать», предопределяют наличие авторского подтекста в содержательной стороне текстов коротких рассказов С. Моэма.

Список источников

1. Катунина Е.С. Коммуникативные фрагменты в творчестве Сомерсета Моэма // Иностранные языки в контексте культуры: сб. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвященной 115-летию со дня рождения В.В. Вейдле. Т. 1. Пермь: Пермский государственный университет, 2010. С. 29–33.
2. Катунина Е.С. Идиоматика в текстах Сомерсета Моэма // Наука и мир. 2018. № 10-2 (62). С. 54–55.
3. Бизикова Л.С. Сомерсет Моэм – мастер создания художественного образа // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 4-2. С. 111–121.
4. Серганова Д.А. Модальность и текст: смещение акцентов в исследовании категории модальности // E-Scio. 2021. № 5 (56). С. 586–592.
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт; 2000. 1536 с.
6. Баранова Е.С. Тема-рематическая связность как импликация эмоционального концепта «ненависть» в произведении Сомерсета Моэма «Непокоренная» // Евразийский союз ученых. Серия: Филология, искусствоведение и культурология. 2021. № 6 (87). С. 3–5.
7. Баранова Е.С. Импликатура как единица дискурс-анализа в рассказе Сомерсета Моэма «Mr. Know-all» // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ, Улан-Удэ, 2023. Улан-Удэ: Восточно-сибирский государственный университет технологий и управления, 2023. С. 161–165.
8. Жамсаранова Р.Г. Макро- и микротемы в тексте рассказа Сомерсета Моэма «Rain» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8, № 2. С. 12–21.
9. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 92–100.

10. Błocian I. Archetype and matrix image (Potential Forms of an Image) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, вып. 1. С. 154–161. doi: 10.21638/spbu17.2021.112
11. Афанасьева Е.Н. Архетипический концепт БОГ и его идеологическая трансформация по данным якутского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 122–130.
12. Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008. 29 с.
13. Богданова И.А. Архетипические формулы в смысловом пространстве архетипического концепта «вода». URL: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/3_bogdanova%20i..doc.htm (дата обращения: 27.04.2024).
14. Больщакова А.Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 (дата обращения: 27.04.2024).
15. Машаева А. Архетипический концепт и смыслосодержание: проблемы соотношения // Проблемы современного мира глазами молодежи: сб. тр. М., 2015. С. 265–268.
16. Антонио И.А. Терминология комического в лингвистических исследованиях. Опыт интерпретации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 16 с.
17. Жамсаарнова Р.Г., Трофимова С.М. Фоносемантический аспект слова в произведениях Сомерсета Моэма // Образование и наука: материалы национальной конференции. Улан-Удэ, 2019. С. 887–892.
18. Юнг К.Г. Архетип и символ: сб. работ Юнга. М., 1991. 304 с.
19. Maugham S. *The Unconquered*. London, 1943.
20. Maugham W.S. *The World Over: The Collected Stories. Vol. 2*. London: The Reprint Society, 1954
21. Пелипенко А.А., Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
22. Online Etymology Dictionary. 2001. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 28.04.2024).

References

1. Katunina E.S. Kommunikativnye fragmenty v proizvedeniyakh Somerseta Moema [Communicative fragments in the works of Somerset Maugham]. *Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury: sbornik statey po materialam VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Inostrannye yazyki i literatury v kontekste kul'tury", posvyashchennoy 115-letiyu so dnya rozhdeniya V.V. Veydle. Tom 1* [Foreign languages in the context of culture: A collection of articles based on the materials of the VII International scientific and practical conference "Foreign Languages and Literatures in the context of culture" dedicated to the 115th anniversary of the birth of V. V. Weidle]. Perm, Perm State University Publ., 2010, vol. 1, pp. 29–33 (in Russian).
2. Katunina E.S. Idiomatika v tekstakh Somerseta Moema [Idiomatics in the texts of Somerset Maugham]. *Nauka i mir*, 2018, no. 10 (62), pp. 54–55 (in Russian).
3. Bizikoeva L.S. Somerset Moem – master sozdaniya khudozhestvennogo obraza [Somerset Maugham – the master of creating an artistic image]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern studies of social problems*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 111–121 (in Russian).
4. Serganova D.A. Modal'nost' i tekst: smeshcheniye aktsentov v issledovanii kategorii modal'nosti [Modality and text: a shift in emphasis in the study of the category of modality]. *E-Scio*, 2021, no. 5 (56), pp. 586–592 (in Russian).
5. Kuznetsov S.A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p. (in Russian).
6. Baranova E.S. Tema-rematicheskaya svyaznost' kak implikatsiya emotsiional'nogo kontsepta "nenavist'" v proizvedenii Somerseta Moema "Nepokorennaya" [Theme-rhematic coherence as an implication of the emotional concept of "hate" in Somerset Maugham's work "Unconquered"]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh. Seriya: Filologiya, iskusstvovedeniye i kul'turologiya* [Eurasian Union of Scientists. Series: philology, art history and cultural studies]. 2021, no. 6(87), pp. 3–5 (in Russian).
7. Baranova E.S. Implikatura kak edinitsa diskurs-analiza v rasskaze Somerseta Moema "Mr. Know-all" [Implicature as a unit of discourse analysis in Somerset Maugham's short story "Mr. Know-all"]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Jurisprudentsiya: materialy Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii VSGUTU* [Social and Humanitarian Sciences. Jurisprudence: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference of VSGUTU]. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management, 2023, pp. 161–165 (in Russian).
8. Zhamsaranova R.G. Makro- i mikrotemy v tekste rasskaza Somerseta Moema "Rain" [Macro- and microtemes in the text of Somerset Maugham's story "Rain"]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki – Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 12–21 (in Russian).
9. Leont'ev A.A. Bessoznatel'noye i arkhetipy kak osnova intertekstual'nosti [The unconscious and archetypes as the basis of intertextuality]. *Struktura i semantika* [Structure and Semantics]. Moscow, 2001. Vol. 1. P. 92–100 (in Russian).
10. Błocian I. Archetype and matrix image (Potential Forms of an Image). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 2021, vol. 37, pp. 154–161. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.112> (accessed 17 June 2024).

11. Afanas'eva E.N. *Arkhetipicheskiy kontsept BOG i ego ideologicheskaya transformatsiya po dannym yakutskogo yazyka* [The archetypal concept of God and his ideological transformation according to the Yakut language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2019, no 1, pp. 122–130 (in Russian).
12. Savel'eva U.A. *Arhetipicheskiy lingvokul'turnyy kontsept «predatel'stvo»*. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk [The archetypal linguistic and cultural concept of "betrayal"]. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Astrakhan, 2008. 29 p. (in Russian).
13. Bogdanova I.A. *Arkhetipicheskiye formuly v smyslovom prostranstve arkhetipicheskogo kontsepta "voda"* [Archetypal formulas in the semantic space of the archetypal concept of water] (in Russian). URL: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/3_bogdanova%20i.a..doc.htm (accessed 27 April 2024).
14. Bol'shakova A.Yu. *Teoriya arkhetipa i kontseptologiya* [Archetype theory and conceptology]. *Kul'turologicheskiy zhurnal* [Cultural journal. An electronic periodical peer-reviewed scientific publication] (in Russian). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 (accessed 27 April 2024).
15. Mashaeva A. *Arkhetipicheskiy kontsept i smyslosoderzhaniye: problemy sootnosheniya* [Archetypal concept and semantic content: problems of correlation]. *Problemy sovremennoy mira glazami molodezhi: sbornik trudov* [Problems of the modern world through the eyes of youth: A collection of works]. 2015, pp. 265–268 (in Russian).
16. Antonio I.A. *Terminologiya komicheskogo v lingvisticheskikh issledovaniyakh*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The terminology of the comic in linguistic research. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. 2009, 16 p. (in Russian).
17. Zhamsharova R.G., Trofimova S.M. *Fonosemanticskiy aspekt slova v proizvedeniakh Somerseta Moema* [The phonosemantic aspect of the word in the works of Somerset Maugham]. *Obrazovaniye i nauka: materialy natsional'noy konferentsii* [Education and Science. Materials of the national conference]. Ulan-Ude, 2019. P. 887–892 (in Russian).
18. Jung K. *Arkhetip i simvol: sbornik rabot Yunga* [Archetype and symbol: collection of work by]. Moscow, 304 p. (in Russian).
19. Maugham S. *The Unconquered*. London, 1943.
20. Maugham W.S. *The World Over: The Collected Stories*. V 2. London, The Reprint Society.
21. Pelipenko A.A. *Kul'tura kak sistema* [Culture as a system]. Moscow, Yazyki Russkoy kul'tury Publ., 1998. 376 p. (in Russian).
22. *Online Etymology Dictionary*, 2001. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed 28 April 2024).

Информация об авторе

Баранова Е.С., аспирант, Забайкальский государственный университет (ул. Александро-Заводская, 30, Чита, Россия, 672039).
E-mail: evgeniya_chita@mail.ru; ORCID ID: 0009-0001-8928-5908; SPIN-код: 7565-4873.

Information about the author

Baranova E.S., postgraduate student, Transbaikal State University (ul. Aleksandro-Zavodskaya, 30, Chita, Russian Federation, 672039).
E-mail: evgeniya_chita@mail.ru; ORCID ID: 0009-0001-8928-5908; SPIN-code: 7565-4873.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 01.07.2024; accepted for publication 20.05.2025

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-41-50>

Сопоставительный анализ русских и персидских отадъективных существительных со значением цвета

Таджик Нафисе¹, Мадаени-Аввал Али², Захраи Сейед-Хасан³

^{1, 2, 3} Тегеранский университет, Тегеран, Иран

¹ ntajik@ut.ac.ir, 0009-0001-0231-9483

² amadayen@ut.ac.ir

³ hzahraee@ut.ac.ir

Аннотация

Проводится сравнительный анализ русских отадъективных синтаксических дериватов, образованных от прилагательных с семантикой цвета, с их аналогами в персидском языке. Исследование охватывает двенадцать основных цветовых терминов, принятых в русском и персидском языках, такие как: белый (сфید *sefid*), черный (سیاه *siyāh*), желтый (زر *zard*), красный (قرمز *qermez*), синий (زرخ *sorx*), зеленый (سبز *sabz*), фиолетовый (بنفش *banafš*), розовый (صورتی *surati*), оранжевый (نارنجی *nārenji*), голубой (آبی *ābi*), голубой (نیلگون *nilgun*), серый (خاکستری *xākestari*) и коричневый (قهوه ای *qahve'i*) (по определению Б. Берлина и П. Кея). Осуществляется рассмотрение некоторых структурно-семантических сходств и различий между русскими цветообозначениями-существительными и их персидскими эквивалентами. Теоретическая часть включает наиболее важные и известные взгляды русских и иранских ученых, лингвистов и исследователей, которые внесли значительный вклад в изучение данной темы. Целью данной работы является оказание помощи русским и иранским студентам в преодолении трудностей, с которыми они сталкиваются при переводе данных производных. В результате анализа было выявлено, что для русских отадъективных существительных с семантикой цвета характерны два типа значений: отвлеченное и опредмеченное, в то время как для персидских – еще и инфинитивное. Представлены рекомендации по правильному переводу данных дериватов. Результаты исследования могут быть использованы в исследовательской и переводческой деятельности, а также при уточнении значений отадъективных цветообозначений-существительных в русско-персидских и персидско-русских толковых словарях. Кроме того, результаты могут быть полезны для расширения словарных баз онлайн-словарей и повышения точности нейронного машинного перевода. Следует отметить, что данная проблема недостаточно изучена и требует проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: отадъективные существительные, синтаксическая деривация, основные цветовые термины, лексика цветообозначений, семантика цветовых терминов, лингвистический перевод, русский язык, персидский язык, контрастивная лингвистика, структурно-семантическое сопоставление

Для цитирования: Таджик Нафисе, Мадаени-Аввал Али, Захраи Сейед Хасан. Сопоставительный анализ русских и персидских отадъективных существительных со значением цвета // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 41–50. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-41-50>

COMPARATIVE LINGUISTICS

Comparative analysis of Russian and Persian otadjectival syntactic derivatives denoting color

Tajik Nafiseh¹, Madayeni-Avval Ali², Zahraei Seyed-Hasan³

^{1, 2, 3} University of Tehran (Faculty of foreign languages and literature), Tehran, Iran

¹ ntajik@ut.ac.ir, 0009-0001-0231-9483

² amadayen@ut.ac.ir

³ hzahraee@ut.ac.ir

Abstract

The article provides a comparative analysis of Russian syntactic derivatives formed from adjectives with color semantics and their analogues in the Persian language. The study focuses on twelve basic color terms that are accepted in Russian and Persian languages, such as: *white* (белый *sefid*), *black* (черный *siyāh*), *yellow* (желтый *zard*), *red* (красный *qermez*), *green* (зеленый *sorx*), *purple* (фиолетовый *sabz*), *pink* (розовый *surati*), *orange* (оранжевый *nārenji*), *blue* (синий *ābi*), *light blue* (голубой *nilgun*), *gray* (серый *xākestari*) and *brown* (коричневый *qahve'i*) (as defined by B. Berlin and P. Kay). The article explores the structural and semantic similarities and differences between these deadjectival derivatives in Russian and their equivalents in Persian. The theoretical part of the article presents the views of some of the most prominent Russian and Iranian scholars, linguists, and researchers who have contributed to the study of this topic. The purpose of this study is to assist Russian and Iranian students in overcoming the difficulties they encounter when translating these derivative words. During the research, a descriptive approach to linguistic analysis was employed, including the observation and comparison of linguistic data obtained from the National Corpus of the Russian Language (NCRL). As a result of the analysis, it was revealed that Russian deadjectival nouns representing color are characterized by two meanings: abstract and objectified, while Persian ones also have the meaning of infinitives. The article offers recommendations for the correct translation of these derivative words. The findings of this research can be utilized in research and translation efforts, as well as for clarifying the meanings of Russian deadjectival derivatives denoting color in both Russian-Persian and Persian-Russian bilingual dictionaries. In addition, the findings can be beneficial for enhancing online dictionary databases and enhancing the accuracy of neural machine translation. However, it should be noted that this issue has not been thoroughly investigated and requires further study.

Keywords: deadjectival nominals, syntactic derivation, basic color terms, color term lexicon, semantics of color terminology, linguistic translation, Russian language, Persian language, contrastive linguistics, structural-semantic comparison

For citation: Tajik Nafiseh, Madayeni-Avval Ali, Zahraei Seyed-Hasan. Sopostavitel'nyy analiz russkikh i persidskikh otad'yektivnykh sushchestvitel'nykh so znacheniyem tsveta [Comparative analysis of Russian and Persian otadjectival syntactic derivatives denoting color]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 41–50 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-41-50>

Введение

Синтаксические дериваты представляют интерес для многих исследователей. Среди работ, посвященных синтаксической деривации, можно выделить исследования таких выдающихся ученых и лингвистов, как Е. Курилович (1936), Е.С. Кубрякова (1981), Н.Ю. Шведова (1980) и Д.Р. Шарафутдинов (1998). В настоящее время в области русского словообразования заслуживают упоминания работы Е.А. Земской (2011), Н.В. Беловой (2007) и М.Б. Ташлыковой (2013).

Что касается современного состояния деривации в персидском языке, то ему посвящены работы видных лингвистов и исследователей, среди

которых можно назвать Мохаммад Моин, Навид Фазел, Хосро Фаршидвард, Парвиз Натель-Ханляри, Махди Мешкатоддини, Иран Калбаси и Хосро Кешани.

Несмотря на многочисленные исследования в области синтаксической деривации, вопрос о различных особенностях отадъективных существительных остается недостаточно изученным, особенно в контексте существительных, образованных от цветовых обозначений. Это подтверждается замечанием М.Б. Ташлыковой, которая в своей статье отмечает, что «системное обследование всего массива отвлеченных имен не проводилось» [1, с. 33].

Насколько известно, до настоящего времени не проводилось сравнительного исследования, в рамках которого сопоставлялись бы, например, русское слово «белизна» и персидское «سفیدی [sefid-i]» с целью выявления сходств и различий в структурах и значениях этих понятий в русском и персидском языках.

Кроме того, иранские студенты сталкиваются с трудностями при переводе текстов, содержащих слова «синева», «серость» и другие подобные, поскольку в таких случаях суффиксальный способ образования отадъективных существительных в персидском языке уже не так эффективен, и сочетания, такие как «*ابی ای [ābi i]» и «*خاکستری ای [xākestari i]», вообще недопустимы в персидской грамматике.

А насчет принятой в обоих языках терминологии, следует отметить то, что в русском языке понимается под термином «отадъективное существительное» в персидском словообразовании именуется как «اسم مصدر [esm-e masdar]», «اسم مصدر [hāsel-e masdar]», «اسم معنی [esm-e ma'ni]», «مشتق از صفت [moštaq az sefat]» или «مشتق از صفت [moštaq az sefat]». Однако среди исследователей нет единого мнения о том, какое из этих названий наиболее подходит для данной лексико-семантической парадигмы [2]. В качестве синонима этих понятий предлагается термин «اسم صفت [esm-e sefat]», который понимается авторами в настоящей статье как «существительные, образованные от двенадцати основных цветовых терминов».

Что касается русского языка, то существует несколько взаимозаменяемых терминов: отадъективное существительное – деадъектив – отадъективный синтаксический дериват – имя признака/качества – *nomen qualitatis*.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена широкой распространностью отадъективных существительных, обозначающих цвет, как в художественных произведениях, так и в живой разговорной и письменной речи. По справедливому замечанию Д.Р. Шарафутдинова, «задача трансформации прилагательного в существительное возникает перед говорящим весьма нередко. Ее решение позволяет максимально точно выражать мысль и существенно упрощать синтаксическую организацию предложения и текста в целом» [3, с. 3].

Целью данной статьи является проведение сопоставительного анализа отадъективных существительных, обозначающих цвет, в русском и

персидском языках. Это позволит выявить сходства и различия в их структуре и семантике, что, по словам Л.А. Козловой, необходимо «для осознанного усвоения иностранного языка и для его преподавания на основе принципа сознательной опоры на родной язык» [4, с. 25].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Объяснить основные понятия, необходимые для изучения отадъективных существительных с семантикой цвета, такие как «синтаксическая деривация», «основные цветовые термины», «транспозиция» и т. д.

2. Определить словообразовательную структуру и способы образования данных существительных, а также их соотношение с лексической семантикой аналогичных дериватов в русском и персидском языках.

3. Охарактеризовать ряд контекстуальных факторов, влияющих на выбор и употребление той или иной словоформы.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится структурно-семантическое сопоставление 12 русских цветообозначений-существительных с их аналогами в персидском языке.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования этого словообразовательного типа в практике перевода художественных текстов с русского языка на персидский и, наоборот, на занятиях по словообразованию обоих языков, в процессе обучения студентов, изучающих русский или персидский как иностранный, а также в исследовательской деятельности в данной области. Полученные результаты также могут быть полезны при уточнении значений отадъективных цветообозначений-существительных в русско-персидских и персидско-русских толковых словарях. Кроме того, они могут быть использованы для расширения словарных баз онлайн-словарей и повышения точности нейронного машинного перевода.

Материал и методы

В ходе исследования применялся описательный метод лингвистического анализа, который включает в себя наблюдение и сопоставление материалов, извлеченных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5].

Об отадъективных цветообозначениях-существительных в русском языке

В последние годы понятие «синтаксическая деривация» стало предметом изучения в ряде научных работ, включая диссертации и статьи. Эти существительные благодаря своей способности одновременно выражать предметность и признаковость предоставляют говорящим широкие возможности для выполнения «определенных синтаксических и дискурсивных функций» [6, с. 219]. «Говорящий в зависимости от интенции и особенностей коммуникативной ситуации выбирает из целостного фрейма определенный концепт, в результате чего в сознании формируется пропозициональная структура, которая в зависимости от условий коммуникации может быть вербализована как однословная номинация (транспозит) либо как полилексемный комплекс (словосочетание или предложение)» [7, с. 7].

Термин «синтаксическая деривация» связан с именем польского лингвиста Ежи Куриловича. Он первым разграничил понятия лексической и синтаксической деривации. По его мнению, лексическая деривация изменяет только лексическое значение производного, например, *желтый* → *желток*. Синтаксическая деривация, в свою очередь, изменяет только частеречную принадлежность производящего слова, сохраняя при этом его лексико-семантическую идентичность, как это видно на примере *желтый* → *желтизна*. [8]. «Деление словообразовательных типов на область лексической и синтаксической деривации есть основное, принципиальное деление всей системы словообразования» [9, с. 85].

В области синтаксических дериватов наибольшее внимание уделяется отглагольным и отадъективным существительным. Уже известно, что «все существующие в современном русском языке словообразовательные типы распределяются по этим двум сферам деривации» [10, с. 228].

В настоящей статье центральное внимание уделяется второму типу трансформации, который заключается в преобразовании прилагательного, обозначающего цвет, в отвлеченное существительное.

В ходе эксперимента, проведенного в 1969 г., Брент Берлин и Пол Кей выделили одиннадцать основных цветовых терминов для большинства языков мира. Что касается русского языка, то к

этим цветовым терминам они добавили цвет *голубой* (nilgun), который считается разновидностью цвета *синий* (ābi).

Б. Берлин и П. Кей утверждают, что «русский голубой «light-blue» (белый + синий) – потенциальный пример двенадцатого основного цветового термина; это, безусловно, основной термин для некоторых носителей русского языка, хотя, вероятно, не для всех» [11, с. 640]. И. Дэвис и Г. Корбетт в своей статье [12] исследовали теорию Б. Берлина и П. Кея и пришли к выводу, что в русском языке действительно существуют двенадцать основных цветовых терминов, включая два цветообозначения *синий* и *голубой*. Об этом свидетельствует статья А.П. Василевича, в которой написано, что «сопоставляя системы цветообозначений в разных языках, исследователи неизменно отмечают особенность русского и некоторых других языков, в которых для области синего цвета существует два основных названия *синий* и *голубой*. Соответственно, если в других индоевропейских группах основных цветообозначений включает 11 слов, в русском языке она состоит из 12» [13].

Таким образом, в русском языке существуют двенадцать основных цветообозначений: белый (sefid), черный (siyah), желтый (zard), красный (qermez), зеленый (sabz), фиолетовый (banaſš), голубой (nilgun), розовый (surati), оранжевый (nārenji), синий (ābi), серый (xākestari) и коричневый (qahve'i).

В своей магистерской диссертации П.Д. Муршова пишет, что «в русском языке есть три типа цветообозначений-существительных. Первым является субстантивированное прилагательное – красный, белый, зеленый («в Гражданской войне победили красные»). Второе – это существительное, характеризующее свойство объекта. При этом особо интересным представляется словообразовательный аспект, так как цветообозначение-существительное данного типа образовано по-своему: *белизна*, *голубизна*, *желтизна*, *чернота*, *краснота*, *серость*, *синева*, *зелень*. Любопытно, что *коричневый*, *оранжевый* и *фиолетовый* в русском языке существительных не имеют, в отличие от *пурпурного* – *пурпур*. К третьему типу относятся бытовые названия болезней – *краснуха* и *желтуха*, а также лекарств – *зеленка*, *ягод* – *голубика*, *черника*» [14, с. 36–37].

Интересным представляется и то, что в персидском языке как и в русском не существует существительных, образованных от цветообозначений *коричневый* и *оранжевый*. Однако от персидского колоратива «*بنفش*» (что означает «фиолетовый») можно образовать существительное «*بنفسی*» [banafši], но оно используется крайне редко.

Хотя в некоторых текстах на русском языке можно встретить такие образования, как *фиолетовость*, *оранжевость* и *коричнева*, но, по-видимому, они используются исключительно в художественных целях. Вот несколько примеров, которые можно найти на сайте Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5]:

Незабываемо чувство, что только на испанском подлинно выражена прозрачно-зеленая красота апреля и фиолетовость теней лунной ночью (Р.М. Фрумкина. О нас – наискосок (1995)).
این یک احساس فراموش نشدنی است که تنها به زبان اسپانیایی، زیبایی سبز و شفاف آوریل و بنفشی (banafši-ye) سایه های شب مهتابی حقیقتاً قابل بیان است.

Некоторые гильзы были стреляные, темные, с прозеленью. Зато остальные – новенькие, золотистого, переходящего в оранжевость цвета (Юрий Казаков. Долгие крики (1966–1972)).
بعضی از پوکه های فشنگ ها، شلیک شده، تیره و سبز رنگ بودند.
در عوض، بقیه آن ها کاملاً نو و به رنگ طلایی در حال تبدیل شدن به رنگ [نارنجی] (rang-e) [nārenji] (zard) بودند.

На этот раз причина была в последнем, она не сразу поняла, что я имею в виду, а когда поняла, теплая коричнева изгнала накат холодающей белизны (Ю.М. Нагибин. В те юные годы (1983)).

این بار دلیلش مورد آخر بود، او بالافصله متوجه نشد که منظور من چیست و وقتی که فهمید، رنگ قهوه ای (rang-e qahve-i-ye) گرمی، پوششی از سفیدی (sefidi-ye) سرد را از بین برد (در مورد چشم ها).

От остальных русских основных цветообозначений также можно образовать синтаксические дериваты, хотя некоторые из них не имеют точного соответствия в персидском языке. Например:

Казалось настоящей загадкой природы, откуда из сплошной крепкой зелени при нагревании возникает эта розовость (Катя Метелица. Гусиные ягоды (1997) // «Столица», 26.08.1997).

این موضوع که هنگام گرم شدن، این رنگ صورتی (rang-e surati) از کجای آن [رنگ] سبز (rang-e sabz-e) پر رنگ و یک دست ناشی می شود، معماً واقعی طبیعت به نظر می رسید.

Дорога совсем выпала из памяти. Первое впечатление от Петербурга – серость. Все было серым: и дома, и небо, и мостовые (И. Грекова. Фазан (1984)).

جاده به طور کامل از حافظه ام پاک شده است. اولین برداشت [من] از سن پنzesیورگ، رنگ خاکستری (rang-e xākestari) است. همه چیز خاکستری بود: هم خانه ها، هم آسمان، هم پیاده رو ها.

День был серого света, и обе части – серость и свет – работали в свою обычную, ленинградскую, начала марта, силу (Анатолий Найман. Колыбель (2012) // «Октябрь», 2013).

روز، نوری خاکستری داشت و هر دو قسمت، یعنی رنگ خاکستری (rang-e xākestari) و نور، به قوت معمول روزهای اول مارس نینگراد باقی بودند.

Исчезла краснота, но после этого ноги стали быстро замерзать даже при небольшом морозе (Юрий Никулин. Семь долгих лет (1979)).

قرمزی (qermizi) از بین رفت، اما بعد از آن، پاها حتی با وجود سرمای اندک به سرعت شروع به بخ زدن کردند.

Причем, скорее, не потемнело, а свет стал холдний, сероватый, желтизна исчезла (И. Костецкий. Солнечное затмение в августе // «Наука и жизнь», 2008).

علاوه بر این، به احتمال زیاد هوا تاریک نشد بلکه نور، سرد و خاکستری رنگ شد، زردی (zardi) از بین رفت.

Это просто лента из ниоткуда в никуда. Две краски: белизна дороги, чернота ночи. И я иду по этой дороге (Марина Палей. Поминование (1987)).

این [جاده] فقط یک نوار از هیچ کجا به هیچ کجا است. دو رنگ (دیده می شود): سفیدی (sefidi-ye) جاده و سیاهی (siyāhi-ye) شب. و من، پیاده از این جاده می روم.

Касательно разграничения между колоративом «белый» и образованным от него синтаксическим дериватом «белизна», М.Б. Ташлыкова в своем труде, ссылаясь на мнение У. Крофта, отмечает, что «различие между словами типа whiteness (белизна) и white (белый) состоит в том, что здесь мыслятся разные вещи. Один раз человек хочет отослать непосредственно к свойству, не приписывая его никакому объекту, в другом случае, напротив, он хочет охарактеризовать им определенный объект» [15, с. 31].

О таком различии Е.С. Кубрякова пишет, что «сдвиг в категориальной принадлежности слова (переход в другую ЧР) влечет за собой сдвиг и в том, что находится при этом в фокусе внимания. Так, <...> в *белой скатерти* внимание фокусируется скорее на скатерти, а в *белизне скатерти* – на белизне как ее отдельном свойстве» [6, с. 207].

Иными словами, «в процессе деривации осуществляется перенос синтаксического центра в семантически подчиненный, зависимый элемент с целью его выделения» [16, с. 131]. В предложениях, где отадъективное существительное выступает в роли подлежащего, «субъект действия становится перифразтическим, вместо предмета называется его характерный признак <...>: *белизна размножается*» [17, с. 174].

Касаясь разницы между *белизной* и *белым* или *чернотой* и *черным* и т. д., Е.А. Земская отмечает, что такие существительные, как *белизна*, *чернота*, *желтизна*, *синева* и т. п., обозначают «без всякой семантической добавки опредмеченный признак, выражаемый прилагательным» и выражают отвлеченный признак «или точнее, признак в отвлечении от его носителя» [18, с. 194].

В своей книге М.Н. Янценецкая семантически делит все словообразовательные отношения типа «прилагательное – существительное» на два типа: «признак – носитель признака» и «признак – отвлеченный признак». По ее словам, производные существительные первого вида значения «естественно получают значение “обладающий признаком” (слепец, чужак, кругляшка и т. п.)», а «значение отвлеченного свойства (второй вид) возникает путем устранения указания на носителя признака» [19, с. 123–127].

Н.В. Белова более подробно рассматривает структуру словообразовательной парадигмы прилагательных-цветообозначений. В результате проведенного в ее диссертации анализа было выявлено, что «функционируя в тексте, отвлеченные существительные способны актуализовать два основных типа значений: 1) отвлеченное значение, тождественное значению исходного прилагательного (*синева неба*); 2) «определенное» (контекстуальное), являющееся производным от первичного отвлеченного значения (*Птицы кружатся в синеве = в синем небе*)» [7, с. 12].

Например, *синева* в нижеследующем предложении обозначает *синее небо* в зависимости от его положения в предложении и контекста, в котором оно используется.

Глубокая легкая синева, ни облачка, ни ветерка (Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003).

آسمان‌آبی (āseman-e ābi-ye) (روشن مطلق، نه ابری، نه نسیمی

Однако в другом предложении она обозначает сам признак (*rang-e ābi* (رنگ آبی) в отвлечении от своего носителя:

Синева неба становилась глубже и как будто холоднее, а зарево заката окрасило снег тревожным пурпуром (Сергей Лапоников. Охота // «Дальний Восток», 2019).

رنگ آبی (rang-e ābi-ye) (آسمان تیره تر و گویی سردرت می شد، و نور آتشین غروب خورشید، برف را ارغوانی دلهزه آوری رنگ آمیزی کرد.

Еще другие примеры:

Помню только, там были такие строчки: «Я пишу твой портрет, за окном *синева*...» (И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)).

فقط به خاطر دارم که آن جا چنین سطرهایی بود: «من در حال کشیدن تصویری از تو هستم، پشت پنجره آسمان آبی (āseman-e ābi) است...».

Январь. За окном – *синева* вперемешку с *желтизной* (Родион Вореск. Альбом // «Бельские просторы», 2013).

رُانویه است. پشت پنجره، آسمان به رنگ آبی [rang-e zard] (زرد) است.

Снег еще не стаял и казался синеватым. В его крупных шершавых кристаллах зарождалась, наливалась *синева* озерной воды (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)).

برف هنوز آب نشده بود و مایل به آبی به نظر می رسد. در کربستال های زبر و درشت آن رنگ آبی (rang-e ābi-ye) آب دریاچه، پدیدار و مملو از آن می شد.

В данном случае небесная *синева* ромовских глаз померкла и приобрела сине-чернильную густоту (Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019).

در آن حالت، رنگ آبی (rang-e ābi) (آسمانی چشمان روموف درخشش خود را از دست داد و غلظت جوهر آبی به خود گرفت.

Как видно из вышеуказанных примеров русское отадъективное цветообозначение-существительное в некоторых случаях обозначает отвлеченный признак, а в других – выражает опредмеченное значение, т. е. указывает на предмет, обладающий данным признаком. В подобных случаях выбор адекватного эквивалента зависит от контекста.

Об отадъективных существительных в персидском языке

М. Моин в своей книге о персидских отглагольных и отадъективных существительных пишет, что «авторы “Современной грамматики” различают понятия «اسم مصدر» [esm-e masdar] и «حاصل» [hāsel-e masdar]. Существительные, оканчивающиеся на «-ش» [-š] и «-ه» [-e] они называют «اسم مصدر»، а существительные с суффиксом «-ار» [-ār] – «حاصل مصدر»», и ничего о

«باء مصدری» [yā-e masdarī] не говорили. Однако в других книгах об одном из значений суффикса «-ی» [-i] написано: «دشمی [došmāni], دوستی [dustī], بستگی [bastegī], خوبی [xubi] и بدی [bādi]», а никаких указаний на то, как называются эти слова, в них нет» [3, с. 7].

М. Моин в итоге своих исследований о том, какие дериваты считаются «اسم مصدر» [esm-e masdar] и какие – «حاصل مصدر» [hāsel-e masdar], предлагает новую классификацию. По его мнению, «اسم مصدر» – это слова, отвлеченные от глагола и имеющие лексическое значение, тождественное семантике инфинитива и которые имеют суффиксы «-ش» [-eš], «-ا» [-ār] и «-ه» [-e]. Например: دانش [dāneš], خنده [xānde], کردار [kerdār], کشتار [koštār] (от инфинитивов: دانستن [dānestan], خندیدن [xāndidān], کردن [kardān] и کشتن [koštān]). А «حاصل مصدر» – это существительные, образованные от существительных или прилагательных и имеющие значение инфинитива, например: نیکی [niki] زندگی [zendegi] (نیکی کردن [niki kardān], زندگی کردن [zendegi kardān]). Итак, русское существительное, образованное от прилагательного, по своему значению ближе к персидскому «حاصل مصدر» [hāsel-e masdar] и может служить его аналогом.

В персидском языке одним из наиболее продуктивных способов образования существительных со значением отвлеченного признака является суффиксация, а именно образование отадъективных существительных с ударным суффиксом «-ی». Этот суффикс обладает широким спектром значений.

Ю.А. Рубинчик в книге «Грамматика современного персидского литературного языка» пишет, что «ی مصدری» [i-ye masdarī] «образует имена с отвлеченным значением: سرخی [sorxi] краснота – سرخ [sorx] красный» [20, с. 143].

Х. Фаршивард о словообразовательном суффиксе «-ی» [-i] пишет, что «иногда словообразовательные средства изменяют частеречную принадлежность слова; т. е. способствует тому, что существительное преобразуется в прилагательное, а прилагательное – в существительное. Как, например, суффикс «-ی», образующий существительные (т. е. [i-ye masdarī]), который преобразует прилагательные в «اسم ذات» [esm-e zāt] и «اسم معنی» [esm-e ma'ni]. Например: سیاهی [siyāhi], زمین و سبزی [sabzī]» [21, с. 81]. Далее автор разделяет все отвлеченные существительные персидского языка на «глагольные дериваты» (مشتق) [moštaqq-e fe'li]), образованные от корня глагола (например: دانا [dānā] и نادان [nādān]) и «неглагольные дериваты» (مشتق غير فلی) [moštaqq-e qeyr-e fe'li]), отвлеченные не от глаголов, а от других частей речи (например: تهرانی [tehrāni] и ستمگر [setamgar]) [21, с. 82].

Н. Фазел в своей книге более подробно рассматривает словообразовательные значения данного суффикса. Он пишет, что суффикс «-ی» происходит из двух разных источников в языке пехлеви. Поэтому следует подразделить его на две разновидности:

1. «[i]», происходящий от «[ih]»;
2. «[i]», происходящий от «[ik]».

К первой группе автор относит суффиксы со значением:

1. «Nomen qualitatis»: برادر بودن [barādāri] ([barādar budān]), خوب بودن [xubi] ([xub budān]).
2. «Nomen actionis»: دگرگونی [degarguni], قبولی [qabuli].
3. «размерных характеристик»: تازگی [tāzegi], بلندی [bolandi].
4. «процесса»: زاری [zāri], عروسی [arusi], دیدنی [didāni] [22, с. 23, 24].

Среди названных значений только первая разновидность относится к отвлеченным существительным со значением цвета. Следует отметить, что хотя дериваты «سفیده (sefide)», «زرده (zarde)», «بنفسه (banafše)» и т. п. образованы от прилагательных, но их относят не к синтаксическим дериватам, а к явлению лексической деривации, потому что их лексическое значение не тождественно значению соответствующих производящих.

Можно полагать вследствие этого, что при русско-персидском переводе основных цветовых обозначений следует употребить ударный суффикс «-ی», или предлагается, кроме указания на цвет предмета (при употреблении персидских дериватов, оканчивающихся на «-ی»), упомянуть слово «رنگ [rang]», потому что сочетания типа «آبی ی [ābi i]» в персидском языке не допустимы. Например:

Краски мешались, вплавлялись друг в друга: **чернота земли и краснота листьев, древесная серость и зелень** мха – все текло, медленно, вниз (Гузель Яхина. Дети мои (2018)).

رنگ ها ادغام و در یکدیگر ذوب می شدند. سیاهی [siyāhi-ye] زمین و سبزی [sabzī-ye]، رنگ خاکستری [sorxi-ye] سبزی [sabzī-ye] خزه - همگی آرام به xākestari-ye] پایین می ریختند».

Заключение

В результате сопоставительного рассмотрения русских и персидских основных цветовых терминов было установлено, что субстантивы и субстантивы обоих языков обладают тождеством номинативной семантики с исходными прилагательными. Было выявлено, что русские отадъективные дериваты выражают два основных типа значений – отвлеченное и опредмеченное значение.

Однако для персидских отадъективных существительных характерно не только отвлеченное, но и инфинитивное значение. Например: «*синева* – آبی بودن [ābi budan]».

آبی بودن (ābi budan-e) آسمان نتیجه انتشار نور خورشید در تمامی جهات توسط مولکول های گاز در اتمسفر است.

Синева неба – результат рассеяния в атмосфере солнечного света во всех направлениях молекулами воздуха.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что при переводе отадъективных субстантивов с русского на персидский язык необходимо учитывать контекст и выбирать один из следующих вариантов:

1. Употребить ударный суффикс «*ی*» [-i] (سفیدی *dandānhā*).

2. Поставить слово «*رنگ* [rang]» перед прилагательным, обозначающим цвет (رنگ آبی آسمان) [rang-e ābi-ye āsemān].

3. Употребить инфинитив «*بودن* [budan]» после соответствующего прилагательного (آبی بودن آسمان) [ābi budan-e āsemān].

А при переводе с персидского языка на русский необходимо выбрать подходящий отадъективный дериват. Следует отметить, что в некоторых случаях требуется изменить структуру предложения, что может привести к замене отадъективного деривата прилагательным. Например:

علت اصلی آبی بودن [ābi budan-e] نگ آسمان را می دانید؟

Знаете ли вы главную причину, по которой небо голубое?

Иными словами, при переводе отадъективных цветообозначений-существительных с русского языка на персидский и наоборот необходимо учитывать словообразовательный, семантический и контекстуальный аспекты.

Список источников

1. Ташлыкова М.Б. Семантика пристрастия в современном русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 32–38.
2. معین، م. اسم مصدر – حاصل مصدر. چاپ چهارم، تهران: امیرکبیر، ۱۳۶۳. ۱۶۸ صفحه. Моин М. Эсм-е масдар – Хāсел-е масдар (Имя действия – Результат действия). 4-е изд. Тегеран: Амир-Кабир, 1984. 168 с.
3. Шарафутдинов Д.Р. Определение возможности синтаксической деривации существительного от прилагательного в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 23 с.
4. Козлова Л.А. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 180 с.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.11.2024).
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Белова Н.В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и ее семантико-коммуникативный потенциал (на материале прилагательных со значением цвета и интенсивности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
8. Кирилович Е. Очерки по лингвистике: сб. ст. // Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 57–70. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kurilovich/text.pdf> (дата обращения: 28.11.2024).
9. Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология: учеб.-метод. комплекс. М.: ФЛИНТА, 2014. 328 с.
10. Шарафутдинов Д.Р. Особенности представления субстантивных синтаксических дериватов в толковых словарях современного русского языка // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 228–237. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/24061> (дата обращения: 28.11.2024).
11. Kay P., McDaniel Chad K. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. Language. 1978. Vol. 54, № 3. P. 610–646. URL: https://www.researchgate.net/publication/239023114_The_Linguistic_Significance_of_the_Meanings_of_Basic_Color_Terms (дата обращения: 28.11.2024).
12. Davies I., Corbett G. The basic color terms of Russian // Linguistics. 1994. № 32 (1). P. 65–90. URL: https://www.researchgate.net/publication/238337410_The_basic_color_terms_of_Russian (дата обращения: 28.11.2024).
13. Василевич А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М., 2007. С. 9–28. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vasilevich-07.htm> (дата обращения: 28.11.2024).

14. Мурашова П.Д. Цветообозначения в художественном тексте на английском, немецком и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале современной английской и немецкой литературы и ее переводов): магистерская диссертация. Саранск, 2017. 164 с.
15. Ташлыкова М.Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: ИГУ, 2013. 277 с.
16. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 382 с.
17. Шанявская Н.Е. Синкетизм как черта отадъективных абстрактных существительных (на материале поэтических текстов) // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6, № 3. С. 170–175.
18. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
19. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словаобразования. Томск: Изд-во Томского университета, 1979. 242 с.
20. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература, 2001. 600 с.
21. فرشیدوارد خ. جمله و تحول آن در زبان فارسی. چاپ سوم، تهران: امیرکبیر، ۱۳۸۲. ۵۵۶ صفحه
22. فاضل ن. جنگ دستور: گامی در راه آشنایی با دستور زبان فارسی. چاپ اول، -: مؤلف، ۱۳۷۴. ۴۹۲ صفحه

References

1. Tashlykova M.B. *Semantika pristrastiya v sovremenном russkom yazyke* [Semantics of predilection in modern Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Tomsk State University Journal*, 2009, no. 322. Pp. 32–38 (in Russian).
2. Moin M. *Nomina – actionis* (Verbal noun). Tehran, Amir-Kabir Publ., 1984. 168 p. (in Persian).
3. Sharafutdinov D.R. *Opredeleniye vozmozhnosti sintaksicheskoy derivatsii sushchestvitel'nogo ot prilagatel'nogo v sovremennom russkom yazyke*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Determination of the possibility of syntactic derivation of a noun from an adjective in modern Russian. Abstract of thesis ... cand. of philol. sci.]. Ekaterinburg, 1998. 23 p. (in Russian).
4. Kozlova L.A. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov: uchebnoye posobiye* [Comparative typology of English and Russian languages: a textbook]. Barnaul, AltSPU Publ., 2019. 180 p. (in Russian).
5. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [The Russian National Corpus (RNC)]. URL: www.ruscorpora.ru (accessed 28 November 2024).
6. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznaniii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
7. Belova N.V. *Slovoobrazovatel'naya transpozitsionnaya paradigma russkikh prilagatel'nykh i eye semantiko-kommunikativnyy potentsial (na materiale prilagatel'nykh so znacheniem tsveta i intensivnosti)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The word-formation transpositional paradigm of Russian adjectives and its semantic and communicative potential (based on adjectives with the meaning of color and intensity). Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Moscow, 2007. 25 p. (in Russian).
8. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike: sbornik statey* [Essays on linguistics, collection of articles]. *Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya. K teorii chastej rechi* [Lexical derivation and syntactic derivation. Towards the theory of parts of speech]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1962. Pp. 57–70 (in Russian). URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kurilovich/text.pdf> (accessed 28 November 2024).
9. Malysheva E.G., Rogaleva O.S. *Sovremennyiy russkiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovaniye. Morfologiya: uchebno-metodicheskiy kompleks* [Modern Russian language. Morphemics. Word formation. Morphology: educational and methodical complex]. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 328 p. (in Russian).
10. Sharafutdinov D.R. *Osobennosti predstavleniya substantivnykh sintaksicheskikh derivatov v tolkovykh slovaryakh sovremennoy russkogo yazyka* [Features of the representation of substantive syntactic derivatives in explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta - Izvestia. Ural State University Journal*, 2002, no. 24, pp. 228–237 (in Russian). URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/24061> (accessed 28 November 2024)
11. Kay P., McDaniel Chad K. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. *Language*, 1978, vol. 54, no. 3: 610–646 / URL: https://www.researchgate.net/publication/239023114_The_Linguistic_Significance_of_the_Meanings_of_Basic_Color_Terms (accessed 28 November 2024).
12. Davies I., Corbett G. *The basic color terms of Russian*. *Linguistics*, 1994, no. 32(1), pp. 65–90. URL: https://www.researchgate.net/publication/238337410_The_basic_color_terms_of_Russian (accessed 28 November 2024).
13. Vasilevich A.P. *Etimologiya tsvetonaimenovaniy kak zerkalo natsional'no-kul'turnogo soznaniya* [The etymology of color names as a mirror of national and cultural consciousness]. *Naimenovaniya tsveta v indoevropeiskikh yazykakh: Sistemnyy i istoricheskiy analiz* [Color names in Indo-European languages: A systematic and historical analysis]. Moscow, 2007. P. 9–28 (in Russian). URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vasilevich-07.htm> (accessed 28 November 2024).
14. Murashova P.D. *Tsvetooboznameniya v khudozhestvennom tekste na angliyskom, nemetskom i russkom yazykakh v sопоставительно-переводческом аспекте (na materiale sovremennoi angliiskoi i nemetskoi literatury i ee perevodov)* [Color terms in a literary text in English, German and Russian in a comparative translation aspect (based on the material of modern English and

- German literature and its translations]. Saransk, 2017. 164 p. (in Russian). URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5bb5c9577966e1073081bf78.pdf> (accessed 28 November 2024).
- 15. Tashlykova M.B. *Semanticheskiye etyudy o «sintaksicheskoiy derivatsii»* [Semantic studies on "syntactic derivation"]. Irkutsk, ISU Publ., 2013. 277 p. (in Russian).
 - 16. Arutyunova N.D. *Predlozheniye i ego smysl: Logiko-semanticheskiye problemy* [The sentence and its meaning: Logical and semantic problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 382 p. (in Russian).
 - 17. Shanyavskaya N.E. *Sinkretizm kak cherta otad'ekтивnykh abstraktnykh sushchestvit'nykh (na materiale poeticheskikh tekstov)* [Syncretism as a feature of deadjectival abstract nouns (based on the material of poetic texts)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 170–175 (in Russian).
 - 18. Zemskaya E.A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye: uchebnoye posobiye* [Modern Russian language. Word formation: a textbook]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2011. 328 p. (in Russian).
 - 19. Yantsenetskaya M.N. *Semanticheskiye voprosy teorii slovoobrazovaniya* [Semantic issues of the theory of word formation]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1979. 242 p. (in Russian).
 - 20. Rubinchik Yu.A. *Grammatika sovremennoego persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Persian literary language]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2001. 600 p. (in Russian).
 - 21. Farshidvard Kh. *Jomle va tahavvol-e ān dar zabān-e fārsi* [Sentence and its transformation in Persian]. Tehran, Amir-Kabir Publication, 2003. 556 p. (in Persian).
 - 22. Fazel N. *Jong-e dastur: gāmi dar rāh-e āšnaii bā dastur-e zabān-e farsi* [Persian grammar: A step towards getting to know the grammar of the Persian language]. Moallef, 1995. 492 p. (in Persian).

Информация об авторах

Таджик Н., аспирантка, Тегеранский университет (ул. Северный Каргар, Тегеран, Иран, 1439813164).
E-mail: ntajik@ut.ac.ir; ORCID ID: 0009-0001-0231-9483

Мадаени-Аввал А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Тегеранский университет (ул. Северный Каргар, Тегеран, Иран, 1439813164).
E-mail: amadayen@ut.ac.ir

Захраи С.Х., кандидат филологических наук, профессор, Тегеранский университет (ул. Северный Каргар, Тегеран, Иран, 1439813164),
E-mail: hzahraee@ut.ac.ir

Information about the authors

Tajik N., postgraduate student, University of Tehran (North Kargar St., between 15th and 16th St., Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: ntajik@ut.ac.ir; ORCID ID: 0009-0001-0231-9483

Madayeni Avval A., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, University of Tehran (North Kargar St., Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: amadayen@ut.ac.ir

Zahraei S.H., Candidate of Philological Sciences, Professor, University of Tehran (North Kargar St., Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: hzahraee@ut.ac.ir

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 03.12.2024; accepted for publication 20.05.2025

УДК 811.161.1; 811.222.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-51-59>

Лексико-семантические варианты глагола «служить» в русском языке и его эквиваленты в персидском языке

Лейла Ханджани¹, Захра Дианати²

¹ Гилянский университет, Решт, Иран

² Тегеранский университет, Тегеран, Иран

¹ lkhanjani@guilan.ac.ir; 0000-0001-7944-5456

² sara.dianati@yahoo.com

Аннотация

Анализируется образование полисемии глагола «служить» с точки зрения прототипической теории, а также проводится сравнение этого глагола с его персидскими эквивалентами. Прототипический подход или теория прототипов – новый подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами. Однако из-за многозначности глагола «служить» иностранные студенты, изучающие русский язык, часто ошибаются при его употреблении и переводе на персидский. Чтобы избежать таких ошибок, следует сначала найти лексико-семантические варианты слова «служить» в русском языке и подходящие эквиваленты для этих значений. Итак, цель статьи заключается в том, чтобы, во-первых, определить лексико-семантические варианты слова «служить» с помощью прототипического подхода и, во-вторых, найти эквиваленты для этих значений в персидском языке. Для достижения этой цели, проанализировав толковые словари С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова и В.И. Даля, на основе прототипического подхода были определены три лексико-семантических варианта. Для того чтобы определить частотность употребления глагола «служить» и выявить его эквиваленты в персидском языке, мы рассматривали четыре произведения русской классической литературы XVIII и XIX вв., включая романы «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Мать» М. Горького и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. В ходе анализа было выявлено 156 предложений с глаголом «служить» в различных лексико-семантических вариантах и с переводами на персидский язык. Статистический метод был использован для определения частотности. Сбор материала производился методом сплошной выборки. Выявлено, что лексико-семантический вариант слова «служить» – «делать что-н.» является наиболее употребительным, тогда как лексико-семантический вариант данного слова «совершить церковную службу» употребляется реже.

Ключевые слова: служить, прототипическая теория, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Ханджани Л., Дианати З. Лексико-семантические варианты глагола «служить» в русском языке и его эквиваленты в персидском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 51–59. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-51-59>

Lexico-semantic variants of the verb "serve" in Russian and its equivalents in Persian

Leyla Khanjani¹, Zakhra Dianati²

¹ University of Guilan, Rasht, Iran

² University of Tehran, Tehran, Iran

¹ lkhanjani@guilan.ac.ir; 0000-0001-7944-5456

² sara.dianati@yahoo.com

Abstract

This article analyzes the formation of polysemy of the verb "to serve" from the point of view of the prototypical theory and compares the Russian word "to serve" with its Persian equivalents. The prototypical approach or prototype theory is a new approach to the phenomena of categorization, to the concept as a structure containing indications of which elements of the concept are prototypes. However, due to the polysemy of this verb in the Russian language, foreign students studying Russian as a non-native language make mistakes when using and translating this verb into Persian. To avoid such mistakes, one should first find the lexical-semantic variants of the word "to serve" in Russian

and find suitable equivalents for these meanings. Thus, the purpose of the article is, firstly, to determine the lexical-semantic variants of the word "to serve" using the prototypical approach and, secondly, to find equivalents for these meanings in the Persian language. To achieve this goal, having analyzed the explanatory dictionaries of S. I. Ozhegov, F.F. Ushakov and V.I. Dahl, three lexical-semantic variants were identified on the basis of the prototypical approach. In order to determine the frequency of the verb "to serve" and identify its equivalents in Persian, we considered four works of Russian classical literature of the 18th and 19th centuries, including the novels "War and Peace" by L.N. Tolstoy, "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky, "Mother" by M. Gorky, and "The Master and Margarita" by M.A. Bulgakov. We found 156 sentences containing the verb "to serve" in its different lexical-semantic variants along with their translations into Persian. Statistical method was used to determine the frequency. The material was collected using the continuous sampling method. It was revealed that the lexical-semantic variant of the word "to serve": "to do something" is the most commonly used, while the lexical-semantic variant of this word: "to perform a church service" is used less frequently.

Keywords: *serve, prototypical theory, Russian language, Persian language*

For citation: Khanjani L., Dianati Z. Leksiko-semancheskiye varianta glagola «sluzhit» v russkom yazyke i yego ekvivalenty v persidskom yazyke [Lexico-semantic variants of the verb "serve" in Russian and its equivalents in Persian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 51–59 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-51-59>

Введение

Слова в целом несут два явных и неявных значения. Явное, референциальное или лексическое значение слова отражает существование основного значения, действия или качества, которое обычно используется пользователями языка. С другой стороны, имплицитное значение требует сети ассоциаций, которые приходят в голову слушателю через слово и бывают сильными и слабыми в зависимости от его когнитивных способностей и опыта. К нему добавляется значение, не противоречащее яственному значению слова. Слова, имеющие одно и то же явное значение, могут иметь разные значения.

По мнению Ф. Суджуди, обычно под явным значением понимают «значение, основанное на определении, буквальное значение, очевидное значение или значение, основанное на общем восприятии» [1, с. 102].

Лоуренса Перрена отмечает что, каждое слово состоит из трех компонентов: звучания, словарного значения (денотата) и подразумеваемого значения (коннотации). Звучание слова – это произношение слова, воспроизведимого с помощью голосовых органов. Словарное значение или значение слова под ним подтверждаются в словаре, а подразумеваемые значения являются четкими тенями значений, существующих в сознании пользователей языка. Отметим, что эти тени значения меняются со временем и в ходе социальных и культурных взаимодействий, а история существует. Они приходят и постепенно занимают свое место в сознании публики [2, с. 141].

К. Сафави считает полисемию одним из самых известных концептуальных отношений, которые рассматривались в традиции изучения значения, и определяет ее как состояние, при котором языковая единица имеет несколько значений. Он утверждает, что хотя полисемию можно изучать на разных

языковых уровнях, она приобрела большую значимость на уровне слов, и ее анализ был ограничен этим уровнем [3, с. 111]. Другими словами, данная языковая единица может быть морфемой, словом или предложением, однако, согласно проведенным исследованиям, наблюдается, что исследование этого явления приобрело значение только на уровне слова [4, с. 151]. По его мнению, в схеме лексической полисемии семантики обращали внимание на слова, независимые друг от друга и вне отношений замены и совместного употребления языковых единиц, и в таких обстоятельствах они чувствовали, что некоторые слова имеют только одно значение, а некоторые – несколько; в то время как в автоматическом языке (общеупотребительном, повседневном) редко можно найти слово, которое не меняет своего значения при совместном употреблении с другими словами [5, с. 71; 6, с. 266].

В когнитивном подходе лингвистические категории не отличаются от концептуальных категорий, и большинство значений слов рассматриваются как тип радиальной категории, то есть категория как подкатегория прототипической и центральной категории, которая сочетается с набором нецентральных семантических расширений. В этой радиальной категории различные значения слова формируются и организуются в соответствии со значением прототипа.

Что касается многозначности, то следует учитывать тот момент, что слово может иметь метафорическое значение в определенном контексте или в конструкции сложных слов, и это значение не упоминается в списке реальных значений этого слова в словаре, потому что это виртуальное значение зависит только от контекста и его применение ограничено конкретным контекстом. Полисемия включает в себя реальные понятия этого слова, невиртуальные и метафорические значения и зависимый

контекст. Хотя при полисемии контекст также оказывает влияние на выбор одного значения среди других значений, метафорическое значение, возникающее в результате выбора слова из оси замещения вместо предполагаемого примера, обусловлено наличием некоторого рода сходства и не является часть реального смысла. Наличие этого сходства приводит к тому, что слово имеет второстепенное значение в конкретном контексте, сохраняя при этом центральное и прототипическое значение.

Цель данной работы заключается в том, чтобы, во-первых, определить лексико-семантические варианты слова «служить» с помощью прототипического подхода и, во-вторых, найти эквиваленты для этих значений в персидском языке.

Материал и методы

В ходе данного исследования использовался метод сопоставительно-сравнительного анализа. К фактическому материалу исследования относятся русские толковые словари и примеры из русской литературы XIX–XX вв. и их переводы на персидский язык. Для определения частотности выявленного явления использовался статистический метод. Сбор материала производился методом сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

Глагол «служить» в русском языке многозначен. Относительно многозначности, или по-другому полисемии, Д.Э. Розенталь пишет в своей книге «Современный русский язык»: «Слово приобретает многозначность в процессе исторического развития языка, отражающего изменения в обществе и природе, познания их человеком. В итоге наше мышление обогащается новыми понятиями. Объем словаря любого языка ограничен, поэтому развитие лексики происходит не только благодаря созданию новых слов, но и в результате увеличения числа значений у ранее известных, отмежевания одних значений и возникновения новых» [7, с. 31–32]. Как упоминалось выше, в персидском языке в полисемии одна языковая единица имеет несколько значений. Данная языковая единица может быть морфемой, словом или предложением, однако, согласно проведенным исследованиям, наблюдается, что это явление приобрело значение только на уровне слова. Но из-за многозначности данного глагола в русском языке студенты-иностранцы, изучающие русский язык как неродной, допускают ошибки при употреблении и переводе этого глагола на персидский язык. Чтобы избежать подобных ошибок, следует сначала найти лексико-семантические варианты слова «служить» в русском языке и подобрать им подходящие эквиваленты для этих значений. Для достижения этой цели в данной статье используется прототипический подход.

Понятие прототипического подхода в «Кратком словаре когнитивных терминов» определяется следующим образом: «Прототипический подход или теория прототипов – новый подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами. В отличие от философского структурализма, в котором предполагалось, что значимость индивидуальных знаков в рамках системы производна от системы оппозиций, теория прототипов утверждает, что множество оппозиций зависит от сигнifikативного содержания индивидуальных знаков» [8, с. 140].

Проанализировав глагол «служить» в толковых словарях Д.Н. Ушакова [9], С.И. Ожегова [10] и В.И. Даля [11], мы пришли к выводу, что глагол «служить» имеет разные лексико-семантические варианты в русском языке (табл. 1). В рассмотренных толковых словарях упомянутые лексико-семантические варианты для глагола «служить» почти одинаковы, и больше всего встречаются следующие значения.

Эквивалентом многозначного глагола «служить» в персидском языке является глагол *تَمْدُخ* نَدْرَك «хэдмэт кардэн». Основные его значения следующие [12]:

1. *یَگَدَنَبْ نَدْرَک رَاکِ تَسْدِیْسْ کَتْمَدْخِ* «бэндэги кардан» – служить кому, работать на кого. Например: *وَیَدْرَک نَاطَلَسْ تَمْدُخِی رَادَرِبْ وَدِ* «до бэрэдэр йэки хэдмэт солтан кэргди вэ дигари вэ зурэ базу нан хорди»

Жили-были два брата. Один из них служил султану, а другой работал на себя.

2. *نَدْرَک تَعَاطَا نَدْرَبْ نَامَرَفْ* «фэрман бордэн, эта-эт кэргди» – подчиняться, покоряться чьей-либо силе. Например: *دَرَک دَیَابِ اَرْجِی دَوْخِنَوْجِ تَمْدُخِی اَرْجِی* «до хэдмата чон ходи чэра байэд кэргд?

Почему вы должны подчиняться тому, кто равен вам?

3. *مَاجَنَا یَسْ کَقْحِ رَدْ کَیِن رَاکِ نَدْرَک رَامَیِت وَیَرَاتِسِرَپْ* «чон дэр-амад-хэдмэт кэргди» – пэрэстари вэ тимар кэргди, карэ ник дэр хэгэ кэси ёнджам дэдэн – ухаживать, заботиться, делать добро. Например: *دَادَوْذِی مَنْ کَتَمْدُخِ دَصْ تَفَگِ* «гофт сэд хэдмэт конэм эй зу-вэдэд»

Сказал: «О Боже дружбы! Я сделаю для него сто добрых дел».

4. *نَدْرَک اَدَایِ اَخْتَرَامِ کَارْدَنْ* – уважать, почитать. Например: *وَمَدْرَک تَمْدُخِ دَمَآرَد نَوْجِ مَتَسْشَنْبِ شَیْوَخِی اَجَبِ* «чон дэр-амад хэдмэт кэргди вэ бэ джа-йэ хиш беншастам»

Как только он вошел, я почитал его и сел на своем месте.

На основе прототипического подхода мы выбрали следующие лексико-семантические варианты слова «служить» в русском языке:

1) служить кому, чему; делать что-л.;

Таблица 1

Разные лексико-семантические варианты «служить» в толковых словарях

Толковый словарь	Лексико-семантический вариант		
	Первый	Второй	Третий
Толковый словарь Д.Н. Ушакова	служить кому-чему, делать что-н., исполнять какую-н. работу для кого-н., подчиняясь чьим-н. указаниям, приказаниям. <i>Буду служить тебе славно, усердно и очень исправно. Пушкин. Себе лишь самому служить и угодствовать. Пушкин. Служить кому-н. верой и правдой. Служить хозяину. Служить нерадиво</i>	кому-чему. Работать, делать что-н. для чьей-н. пользы, быть полезным в чем-н. <i>Я служить не соглашусь дурному делу. Некрасов. Служба искусству, для блага ближнего живи. Некрасов. Кто служит делу, а не лицам. Грибоедов. Служить науке. Служить революции</i>	Отправлять церковную службу. <i>Служить обедню. В церкви служат</i>
Толковый словарь В.И. Даля	О человеке, кому, на кого, по воле своей оказывать услуги, подавать помошь, услуживать, прислуживаться. <i>Он не раз на меня службы служил, угоджал. Надо служить друг другу или друг на друга. Служить кому знанием, богатством своим. Служить где, чем, при чем, быть, состоять на государственной, либо общественной службе</i>	годиться, пригожаться, быть пригодным, полезным; быть орудием, средством для цели, идти в дело, на дело, быть нужным, надобным. <i>Недеятельный человек ни к чему не служит. К чему служат побрякушки эти? Сапоги эти служат мне целый год. Твои увертки ни к чему не служат. Одежда служит для тепла</i>	Служить что, совершать церковную службу, отправлять служение по уставу. <i>В церкви служат, служба началась, идет. Наши поп хорошо служат. Архиерей служил соборне. Отслужив обедню, стали молебен служить. Поп служит – а попадья тужит</i>
Толковый словарь С.И. Ожегова	Исполнять где-н., какие-н. обязанности, работать в качестве кого-н. С. в армии. С. секретарем	служить кому-чему. Делать что-н. для кого-чего-н., выполняя чью-н. волю, приказания, работать на пользу чего-н. С. народу. С. Искусству. Чем. Иметь своим назначением что-н., быть пригодным для чего-н. <i>Диван служит постелью. С. примерам. С. доказательством. Выполнять свое назначение. Старые сапоги еще продолжают мне служить</i>	Что. У верующих: совершать богослужение. с. Обедню

- 2) быть полезным, пригодным; приносить кому-л. пользу;
 3) совершать церковную службу.

Как указано выше, глагол «служить» в русском языке имеет разнообразные лексические значения и выделенные лексико-семантические варианты являются наиболее встречающими. Для того чтобы определить, в каком значении глагол «служить» преимущественно употребляется, мы рассматривали четыре произведения русской классической литературы XVIII и XIX вв., в том числе романы «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Мать» М. Горького и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. В целом проанализировали 156 примеров и в нижеследующей таблице определили частотность употребления глагола «служить» в каждом лексико-семантическом варианте. Нужно отметить, что мы рассматривали глагол «служить» во всех его грамматических формах, включая причастия и деепричастия.

Итак, в таблице 2 выделили три лексико-семантических варианта для «служить» и затем привели примеры для каждого варианта.

▪ Первый лексико-семантический вариант слова «служить»: служить кому, чему.; делать что-н. Примеры:

И не буду, ежели бы Бонапарт стоял тут, у Смоленска, угрожая Лысым Горам, и тогда бы я не стал служить в русской армии [13, с. 487].

دی دهت ار یروگ هی سیل و دی ایب کس نل و مس هب ترا پاپان ب رگا دی تچ درک مه او خن و من کن لعاف تم دخ سور ش ترا رد رگی د

Дигэр дэр ёртэшэ рус хэдмээт фä-ал нäконäm вä нäхахäm кäрд. Хäтта ёгар бонапарт бэ сэмоленск бийайäд вä лиси гори ра тäхдид конäд баз хäm дэр ёртэш хэдмээт хахäm кäрд.

Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника [15, с. 4].

Таблица 2

Частотность употребления глагола «служить» в каждом лексико-семантическом варианте

Количество лексико-семантических вариантов слова «служить» в рассмотренных произведениях			
Произведение	Лексико-семантические варианты слова «служить»		
	Первый вариант	Второй вариант	Третий вариант
Война и мир	80	26	6
Преступление и наказание	21	10	3
Мастер и Маргарита	4	3	1
Мать	1	1	0

هـب یدورو رد ود زا بـترم نـاگـدنـوـش جـراـخ و نـاگـدنـوـش درـاوـی هـس روـبـزم هـنـاخـ دـنـدـیـ وـدـیـ هـنـاخـ نـیـ اـطـایـحـ وـدـ جـراـخـ اـیـ لـخـادـ[16, c. 27].

Бэрэд шэвэндэгэн вэ хареджс шэвэндэгэн морятабд ёз до дээрэ воруди бэ дахэл уа харэджс до хэйатэ ин хэнэ ми-дэвийдэнд. Ханэйэ мэзбур сэ ѹа чахар дээрбэн дашиг.

Когда она служила в кафе, хозяин как-то ее за- звал в кладовую, а через девять месяцев она родила мальчика, унесла его в лес и засунула ему в рот пла- ток, а потом закопала мальчика в земле [17, с. 232].

بحاصل، دوب تمدخشی پ یعنی اروتسر رد نز هک یعنی امز نز دعب هام و ش درب وتس پ هب و درک اوغا ار وا ن اروتسر [18, c. 297] دی ایاز یرس پ

Замани кээндээр рэстураны пиши-хэдмээт бууд, сахэбээ рэстуран ураа эгва кэрд вээ бэ насту бордэши вээ нох мах байд зэн пэсэри зайид.

После тюрьмы – служил приказчиком в книжном магазине, но – вел себя неосторожно и снова попал в тюрьму, потом – в Архангельск выслали [19, с. 118].

مه اجنآ. بدش مادختسای شورفباتک کی رد ن آزا دعب
دی عبت ل گن اخرا تلای هب هرابود و مدرک ی طایتحا ی ب
[20, c. 150].

Бэд ёз ан дээр үйл кетаб-форуши эстэхдам шодäm, анджа хäm би-эхтийати кäрдам вëй добарë бë ийалтэй архангэл тëбшид шодäm.

- Второй лексико-семантический вариант слова «служить»: быть полезным, пригодным; принести кому-н пользу. Примеры:

Император Австрии считает за милость то, что человек этот принимает в свое ложе дочь Кесарей; пана, блюститель святыни народов, служит своею религией возвышению великого человека [13, с. 1391].

یم درم نیا رتسیب هب ار دوخ رتخد شیئرتا روتارپم
شرتخد و هدش عق او واتبحم فرط هک تسا لاحش و دتس رف
ار دوخ بهذم ، للم تاسدقم رادس اپ ، بپاپ و بتسا متفری ذپ ار
[14، c. 1419] دن کیم درم نیا دوعص نا اکلیپ

Эмнэртүрэ *отриши дохтэрэ ход ра бэ бастэрэ* и н мэрд *миферестэд* вэ хошхал *астан кэ тэрэфэ* *мохаббатэ* у *вагэ* *шодэ* *астан вэ дохтэрэши ра*

пэзирофтэ ёст вэ *нан*, пастарэ могддасатэ мэлал, мэзхэбэ ход *ра* пэлэканэ соудэ ин мэрд ми-конад.

Разум-то ведь страсти служит; я, пожалуй, себя еще большие губил, помилуйте!.. [15, с. 166].

مدوخ هب نم دی اش؟ تاسا اسحا تمدخ رد لقوع رخآ [16, c. 190]. دی امر رفب هجوت مدرکیم مل ظرتشیب

Ахар ыгэл дэр хэдмээтэ эхсэг ёст? Шайад ман бэ ходэм биштэр золм ми-кэрдэм тэвээджсо бэфэрмайид.

И тут прокуратор подумал: «О, боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне большие...» и опять померещилась ему чаша с темною жидкостью. «Яду мне, яду!» [17, с. 18].

هم کحم نی انای ادخ هلب» در ک رکف مکاح، نی انتفگ اب
یل و ...ما هدیس رپ طوب رمان یل اویس وا زا و تسا یونوناق یا
ولم میاج ری وصت هراب ود «ستسین هرای تختا رد رگید من هذ
زاین ره زیمک هب، ره ز» تفای هار شن هد هب هایس لول حم زا
[18، c. 22].

Ба гофтэнэ ин, хакэм фэкр кэрд «бэлэ ходайан ин мэхкэмэ-и ганууны ёст вэ ёз у соали намэрбут порцидэ-эм ... вэли зэхнэм дигэр дэр эхтийарэм нист». добарэ тэсвирэ джами мэмлов ёз махлулэ сийа бэ зэхнэши раж няфт «зэхр бэ ками зэхр нийаз дарэм»

И то и другое может служить препровождением – предоставь судить тому, кто все знает, а не нам [13, с. 486].

۵۰۹ ه ک ای ارب راذگب ار کین راک و قحرب تواضق...
[14, c. 514].

Сначала Раскольников указал было ей место в углу дивана, где сидел Зосимов, но, вспомнив, что этот диван был слишком фамильярное место и служит ему постелью, поспешил указать ей на стул Разумихина [15, с. 140].

تکمین هشوگ رد یناجتساوخ فکرینکسار ادتبا
هک دروآدایب نوجاما دهد ناشن واهب ارفومیسوز یاج ینعی

هـل زـنـم هـب وـيـنـاـمـدـوـخـ ـلـيـخـ تـسـاـيـنـاـجـ تـكـمـيـنـ نـيـاـهـ رـاـشـاـ نـيـخـيـمـوـزـارـ ـلـيـلـدـنـصـ هـبـ آـرـوـفـ،ـدـشـابـ ـيـمـ شـبـاـوـخـتـخـتـ [16, с. 163].

Эбтэдэа расколников хаст джса-и дэр гүшэ-йэ нимкэтт ий-ни джайэ зосимов ра бэ у нэшан дäхäд ёмма чон бэ ийад авäрд кэ ин нимкэтэ джанист хэйли ходэмани вэ бэ мäнзэлэй тäхтэхбäши ми-башäд форэн бэ сэндэли-йэ разумихин эшарэ кäрд.

Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем другой теории, о том, что ваша теория и солидна, и остроумна [17, с. 237].

نـاـشـرـوـضـحـ هـكـ نـاـنـاـمـهـمـ هـمـ لـبـاقـمـ رـدـ مـنـاـوـتـيـمـ هـكـ مـلـاحـشـوـخـ ـيـرـوـئـتـ هـكـ مـىـوـگـبـ -ـتـسـاـمـشـ ـىـرـوـئـتـ ـضـقـانـ دـوـخـ اـجـنـىـ رـدـ [18, с. 304].

Хошхалам кэ митäваним дэр могабэлэ хäмэ-йэ мэхманан кэ хозурэшан дэр ин-джса ход нагээш тэори-йэ шомаст - бэгүйäm кэ тэори-йэ шома мäгул вэ мохжäm åст.

...просит вас не беспокоиться и сказать вам, что на пути его местом отдыха человеку всегда служит тюрьма... [19, с. 47].

نـوـتـدـوـخـ هـبـ وـدـىـشـاـبـنـ نـاـرـگـنـ هـكـ هـدـرـكـ شـهـاـوـخـ اـمـشـ زـاـ... نـوـدـنـزـ هـتـفـرـگـ شـىـپـ رـدـ وـاـ هـكـىـ هـارـ رـدـ هـكـ دـىـنـ كـ نـىـقـلـتـ [20, с. 79].

Аз шома хахэи кäрдэ кэ нэгäран нäбäшид вэ бэ ходэ-тун тäлгин конид кэ дэр рахи кэ у дэр тии гэрэфти зэн-дун хäмииэ бäраи мэслэ асайэйка мимунэ.

▪ Третий лексико-семантический вариант слова «служить»: совершить церковную службу; совершить молебны. Примеры:

Дьячок, спаситель Пети, разговаривал с чиновником о том, кто и кто служит нынче с преосвященным. Дьячок несколько раз повторял слово соборне, которого не понимал Петя [13, с. 837].

مـسـاـرـمـ هـرـاـبـرـدـ دـوـبـ هـدـادـ تـاـجـنـ اـرـ اـيـتـسـ دـ هـكـ اـرـ اـنـوـيـنـ اـحـوـرـ وـ دـادـ ـيـمـ حـيـضـوـتـ هـدـنـمـرـاـكـ هـبـ زـوـرـ نـآـزـمـنـ رـاـبـ دـنـجـ وـ دـرـبـ ـيـمـ مـاـنـ دـنـ دـوـبـ مـظـعـاـ فـقـسـاـ رـاـيـتـسـ دـ مـسـاـرـمـ نـيـاـ نـآـنـعـمـ وـاـ وـ تـشـادـ ـيـگـزـاتـ اـيـتـپـ هـكـ دـرـكـ اـدـاـ اـرـيـ هـمـلـكـ [14, с. 865].

Даст-яарэ шома кэ петя ра нэджат дадэ буд дäрбäрэй мäрасэмэ нäмäзэ ан руз бэ кармäнди то-зих ми-дад вэ руханийнуни ра кэ дэр ин мäрасэм дäстяарэ осгоф äзам будäнд нам ми-борд вэ чäнд бар каламэ-и ра äда кäрд кэ бäрайэ петя тазэги дашигт вэ у мäни ан ра нэми-данэст.

Кох обеими руками крестится: «Если б я там, говорят, остался, он бы выскочил и меня убил топором». Русский молебен хочет служить, хе-хе!.. [15, с. 62].

وـ دـمـأـيـ مـنـوـرـىـ بـ مـدـنـاـمـ ـيـمـ اـجـنـ آـرـگـاـ» هـكـ دـرـوـخـيـ مـسـقـ وـ... لـوـمـعـ مـسـرـ هـبـ دـهـدـبـ دـهـاـوـخـيـمـ نـوـنـ كـاـ وـ «ـتـشـ كـ ـيـمـ رـبـتـ اـبـ اـرـمـ دـنـنـاـوـخـ بـاعـدـ شـىـارـبـ [16, с. 85].

Вэ гäсäm ми-хорäд кэ äгäр анджа ми-мандäм бирун ми-амäд вэ мäра ба тäбäр ми-кошт вэ ак-нун ми-хахäд бэдäхäд бэ räсmэ мäмул бäрайäши до-а бэханäнд.

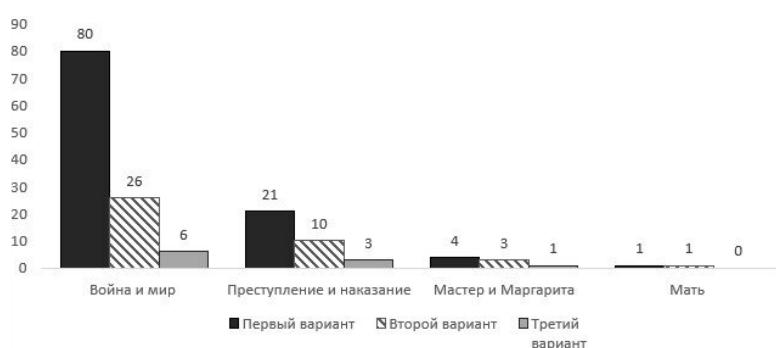

Рис. 1. Частотность употребления глагола «служить» в художественных произведениях

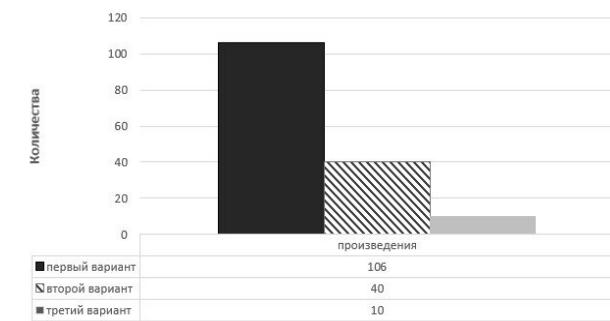

Рис. 2. Количество лексико-семантических вариантов глагола «служить» в рассмотренных произведениях

...уже знатого из газет о гибели Берлиоза и о месте его проживания, мелькнула мысль о том, что уж не служили ли, чего доброго, по Берлиозу церковную панихиду, каковую мысль, впрочем, он тут же отогнал от себя, как заведомо нелепую [17, с. 178].

دوب هدن اوخ همان زور رد ار زویل رب گرم ربخ هک اجن آزا و
شیارب یمتخ سلجم دیاش هک داتفا رکف نیا مب یا هظحل
شرظن هب رکف نیا هظحل نامه رد یل و هدن هدرک راذگرب
درک امر ارن آ و دم آ مناقمحا [17, с. 236]

Вѣдз ан-джса къ хѣбэрэ мѣргэ бѣрлиозоф ра дѣр
рузнамѣ хандѣ буд, лахзе-и бѣ ин фэкр офтад къ
шайїд мѣджлэсэ хѣтми бѣрайши бѣргозар кардэ-
їнд; вѣли дѣр хѣман лѣхзэ ин фэкр бѣ нѣзардї
ѣхмѣганд амѣд вѣ ан ра рѣха кѣрд.

Рис. 1 показывает частотность использования трех лексико-семантических вариантов глагола «служить» в четырех произведениях русской классической литературы XVIII и XIX вв.

Рис. 2 демонстрирует частотность использования трех лексико-семантических вариантов глагола «служить» в целом. Во всех рассматриваемых произведениях глагол «служить» больше всего употребляется в лексико-семантическом варианте первого типа, а лексико-семантический вариант третьего типа встречается реже всего.

Для того чтобы выявить эквиваленты глагола «служить» в персидском языке, мы рассматривали переводы вышеуказанных произведений русской классической литературы. А также нашли 156 предложений, содержащих перевод эквивалента «служить» в разных его лексико-семантических вариантах. Эквиваленты русского глагола «служить» в персидском языке являются многозначными глаголами, и эти значения являются лексико-семантическими вариантами данного слова. То, что эквивалент глагола «служить» в персидском языке употребляется в том или ином лексико-семантическом варианте,

определяется особенностями сочетания данного глагола с другими словами.

Заключение

Таким образом, на основе рассматриваемых примеров и их переводов на персидский язык можно сделать следующие выводы: при переводе первый лексико-семантический вариант глагола «служить» на персидский язык не вызывает никакого затруднения. В этом случае глагол «служить» как в русском, так и в персидском языках имеет значение «служить кому, чему-н.»; «делать что-н.» и переводится на персидский язык при помощи тех эквивалентов, которые часто встречаются в русско-персидских словарях. Трудности возникают только при переводе лексико-семантических вариантов второго и третьего типа, так как в персидском языке отсутствует точный лексический эквивалент для данного значения глагола «служить», что подтверждается анализом переводов. Так, для того, чтобы найти подходящие эквиваленты для данного глагола в персидском языке, следует иметь в виду, что в этих условиях перевод глагола «служить» зависит от контекста, а в некоторых случаях глагол «служить» употребляется в сочетании с существительными, и при переводе данного глагола нужно учитывать значение этих существительных. Другими словами, при переводе следует учитывать: 1) контекстуальное значение глагола; 2) его сочетаемость с существительными. Например: «служить проповеди, служить доказательством» и т. д. Третий лексико-семантический вариант, как говорилось выше, имеет такое толкование в толковых словарях: совершить церковную службу. Однако при анализе примеров третьего лексико-семантического варианта и их переводов на персидский язык наблюдались еще другие значения, например: «совершить молебны и религиозные ритуалы».

Список источников

1. Sojudi F. Applied semiotics. T.: Ghesseh, 2004. 288 p.
2. Hoseini M. Denotation and its importance in poetry poэзии // Humanities Research. Bu Ali Sina University. 2008. № 24. P. 139–147.
3. Safari K. The study of semantics. T.: Sureh mehr, 2004. 464 p.
4. Gandomkar R. Polysemy of verb xordan: A case study of inefficiency of lexical typology // Journal of Language Research. 2016. № 19. P. 149–169.
5. Safari K. Introduction to semantics. T.: Nashre pejvak, 2006. 109 p.
6. Safari K. Introduction to Linguistics in the Study of Persian Literature. T.: Elmi, 2012. 560 p.
7. Розенталь Д.Э. и др. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 22.09.2024).
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2017. 736 с.
11. Даляр В. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://Slovardalija.net> (дата обращения: 22.09.2024).
12. Dehkhoda A. Dehkhoda Dictionary. URL: <https://dehkhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary> (дата обращения: 23.09.2024).

13. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Азбука, 2019. 1696 с.
14. Толстой Л.Н. Война и мир / пер. с. рус. С. Хабиби. Т.: Нилуфар, 2006. 1457 с.
15. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1973. 423 с.
16. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / пер. с. рус. М. Ахи. Т.: Харазми 1984. 782 с.
17. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2022. 535 с.
18. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / пер. с. англ. А. Милани. Т.: Нашreno, 2009. 444 с.
19. Горький М. Мать. М.: АСТ, 2023. 352 с.
20. Горький М. Мать / пер. с. англ. Т. Соруша. Хирманд, 2003. 454 с.

References

1. Sojudi F. *Neshaneh shenasi karbordi* [Applied semiotics]. Tehran, Ghesseh, 2004. 288 p. (in Persian).
2. Hoseini M. *Manaye zehni va ahamiyat an dar sher* [Denotation and its importance in poetry]. *Pajoosh olum ensani daneshgah bu-ali sina*, 2008, no 24, Pp. 139–147 (in Persian).
3. Safari K. *Daramadi bar manashenasi* [The study of semantics]. Tehran, Sureh mehr, 2004. 464 p. (in Persian).
4. Gandomkar R. *Barresi chandamanayi; «khordan» fel nemoneh i karayi radeh az adam shenasi vazhgani* [Polysemy of verb xordan: A case study of inefficiency of lexical typology]. *Zabanpazhahi*, 2016, no. 19, Pp. 149–169 (in Persian).
5. Safari K. *Ashenayi ba manashenasi* [Introduction to semantics]. Tehran, Nashre pezhvak, 2006. 109 p. (in Persian).
6. Safari K. *Ashenayi ba zabaneshenasi dar motaleat adab farsi* [Introduction to Linguistics in the Study of Persian Literature]. Tehran, Elmi, 2012. 560 p. (in Persian).
7. Rozental D.E. *Sovremenny russkiy yazyk: uchebnoye posobiye dlya studentov-filologov zaochnogo obucheniya* [Textbook for correspondence students majoring in philology]. Moscow, Vishaya shkola, 1991. 559 p. (in Russian).
8. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow, MGU Publ., 1996. 245 p. (in Russian).
9. Ushakov D.N. *Tolkovy slovar' russkovo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language] (in Russian). URL: <https://ushakovdictionary.ru> (accessed 22 September 2024).
10. Ozhegov S.I. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2017. Mir i obrazovaniye Publ., 2017. 736 p. (in Russian).
11. Dahl V. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskovo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] (in Russian). URL: <https://Slovardalija.net> (accessed 22 September 2024).
12. Dehkhoda A. *loghat-name dehkhoda* [Dehkhoda Dictionary] (in Persian). URL: <https://dehkhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary> (accessed 23 September 2024).
13. Tolstoy L.N. *Vojna i mir* [War and Peace]. Moscow, Azbuka Publ., 2019. 1696 p. (in Russian).
14. Tolstoy L.N. *Vojna i mir* [War and Peace]. Perevod s ruskogo S. Habibi [Translation from Russian by S. Habibi]. Tehran, Nilufar, 2006. 1457 p. (in Persian).
15. Dostoevsky F.M. *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 423 p. (in Russian).
16. Dostoevsky F.M. *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Perevod s ruskogo M. Ahi [Translation from Russian by M. Ahi]. Tehran, Kharazmi, 1984. 782 p. (in Persian).
17. Bulgakov M.A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 535 p. (in Russian).
18. Bulgakov M.A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Perevod s angliyskogo A. Milani [Translation from English by A. Milani]. Tehran, Nashreno, 2009. 444p. (in Persian).
19. Gorky M. *Mat'* [Mother]. Moscow, AST Publ., 2023. 352 p. (in Russian).
20. Gorky M. *Mat'* [Mother]. Perevod s angliyskogo A. Sorusha [Translation from English by A. Sourush]. Tehran, Hirmand, 2003. 454 p. (in Persian).

Информация об авторах

Ханджани Л., кандидат филологических наук, ассистент профессора, Гилянский университет (пр. Халидж Фарс, 1841, Решт, Иран).
E-mail: Lkhanjani@guilan.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-7944-5456; SPIN-код: 5293-1529.

Дианати З., аспирант кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (пр. Северный Каргар, между 15-16 ул., Тегеран, Иран, 1439813164).
E-mail: sara.dianati@yahoo.com

Information about the authors

Khanjani L., Candidate of Philological Sciences, assistant professor, University of Guilan (Khalij Fars highway (5th km of Ghazvin road), 1841, Rasht, Iran).

E-mail: Lkhanjani@guilan.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-7944-5456; SPIN-code: 5293-1529.

Dianati Z., graduate student, Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (ul. North Kargar, between 15th and 16th St. Tehran, Iran, 1439813164).

E-mail: sara.dianati@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 19.12.2024; accepted for publication 20.05.2025

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'42 + 821'161'1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-60-68>

Образ снега в лирике Татьяны Николаевой: семантико-стилистический анализ

Ирина Алексеевна Пушкарева¹, Юлия Евгеньевна Пушкарева²

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия, irina_puchkareva2016@mail.ru, 0000-0003-2161-4039

² Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, j.e.pushkareva2016@yandex.ru, 0009-0008-4592-8001

Аннотация

Контекстуальное смысловое наполнение слова с исходной пейзажной семантикой отражает индивидуально-авторскую картину мира. Слово «снег» обладает богатым семантическим спектром в русской поэзии. Цель статьи – с опорой на анализ лексической структуры поэтического текста рассмотреть семантико-стилистические особенности образа снега в лирике современного поэта Татьяны Николаевой (1956–2021). За основу семантико-стилистического анализа приняты концепция художественно-образной речевой конкретизации М.Н. Кожиной и концепция лексической структуры поэтического текста Н.С. Болотновой. Характеристика текстовой синтагматики и текстовой парадигматики учитывает выразительность языковых средств, представляющих разные уровни (хотя признается роль лексического уровня как основного). Ассоциативно-вербальная сеть текста рассматривается в соотнесенности с авторским замыслом и закономерностями читательского восприятия. Каждое направление ассоциирования как контекстуальная «группировка ассоциаций по общности стратегии» (А.П. Клименко) создает особую ипостась образа. Материалом для семантико-стилистического анализа стали стихотворения первого сборника Татьяны Николаевны Николаевой «Где ты, потомок первого?..: драматургия любви» (2004). Методом сплошной выборки было выявлено 11 (из 83) стихотворений сборника, содержащих лексические репрезентанты образа снега, которые были проанализированы с учетом их контекстуальных синтагматических и парадигматических связей. Являясь не столько пейзажной деталью, сколько отражением внутреннего мира лирической героини, снег у Т. Николаевой сопровождает не только картины зимней природы, но и межсезонные состояния, а также включается в летнюю картину. В ассоциативно-смысловом развертывании образа снега, отражающем раскрытие внутреннего мира героини, выделяются три ипостаси. Они объединены принципом градации, характерным для поэтики Т. Николаевой. В доминирующем ассоциативном комплексе «снежная стихия» актуализируется интенсивность снегопада, его стихийная природа, хаотическое начало, связанное с символической темой потери пути; экспрессивно передаются темы испытанной страсти и потерянной любви. Вторая ипостась образа снега в лирике Т. Николаевой – «снежное небытие», оцепенение потери, холод утраты и пустоты. Если в первом случае различными выразительными средствами подчеркивается максимальная динамика образа, то в данной ипостаси определяющей является статика, не-жизнь. Третья ипостась образа снега – «божественный снег», приобщение к духовной вертикали, высшему свету и смыслу. Таким образом, «снежная» триада Т. Николаевой соответствует ее поэтике градации и христианскому мироощущению, в котором путь человека лежит через страсти земные и ведет к Богу.

Ключевые слова: семантико-стилистический анализ, коммуникативная стилистика текста, лексическая структура поэтического текста, смысловые лексические парадигмы, образ снега, идиостиль Т. Николаевой

Для цитирования: Пушкарева И.А., Пушкарева Ю.Е. Образ снега в лирике Татьяны Николаевой: семантико-стилистический анализ // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 60–68. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-60-68>

RUSSIAN LANGUAGE

Image of snow in the poetry by Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis

Irina A. Pushkareva¹, Yulia E. Pushkareva²

¹ Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy, Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation, irina_puchkareva2016@mail.ru, 0000-0003-2161-4039

² North-West Management Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation, j.e.pushkareva2016@yandex.ru, 0009-0008-4592-8001

Abstract

Contextual senses of a word with a landscape semantics reflect an individual world picture of the author. The word snow has a rich and diverse semantics in Russian poetry. The purpose of the article is to consider semantic and stylistic features of the image of snow in the poetry by a contemporary poet Tatiana Nikolaeva (1956–2021) based on analyzing lexical structure of a poetic text. Semantic and stylistic analysis is based on ideas of M.N. Kozhina (the concept of imaginative literary concretization) and N. S. Bolotnova (the concept of lexical structure of a poetic text). Description of textual syntagmatics and paradigmatics considers expressive means representing different levels, although the lexical level is recognized as the main one. Associative and verbal network of the text is studied in accordance with the author's idea and the reader's reception patterns. Each associative direction, as a contextual "group of associations with a common strategy" (A. P. Klimenko), creates a specific aspect of the image. Verses and poems of T.N. Nikolaeva's first collection *Where are you, the descendant of The First?..: The drama of love* (2004) are material for semantic and stylistic analysis. The authors of the article selected 11 (from total 83) texts containing lexical representants of the image of snow, which were analyzed regarding their contextual syntagmatic and paradigmatic connections. In T. Nikolaeva's poetry, snow is more a reflection of the heroine's internal world than a landscape detail. Snow is not only a part of winter nature, but also of summer pictures and nature between seasons. There are three main aspects in associative and semantic development of the image of snow. They are united through the principle of gradation typical for T. Nikolaeva's poetics. A dominating associative complex "*snow element*" includes the image of an intensive snowfall with chaotic nature tied to a symbolic topic of a lost way; this image also reflects expressive topics of passion and lost love. The second aspect of the image of snow is "*snow nothingness*", the cold of loss and emptiness. While in the first case various expressive means are emphasizing dynamic character of the image, in this case the central image is statics, absence of life. The third aspect of the image of snow is "*divine snow*": spiritual senses, a way to the higher light. Thus, the "snow triad" of T. Nikolaeva relates to her poetics of gradation and Christian worldview, in which a human is going through passions to God.

Keywords: semantic and stylistic analysis, communicative stylistics of text, lexical structure of a poetic text, semantic lexical paradigms, image of snow, idiosyncrasy of T. Nikolaeva

For citation: Pushkareva I.A., Pushkareva Yu.E. Obraz snega v lirike Tat'yany Nikolayevoy: semantiko-stilisticheskiy analiz [Image of snow in the poetry by Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 60–68 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-60-68>

Введение

Через образы природы, по словам М.Н. Эпштейна, «национальная специфика литературы проявляется особенно четко» [1, с. 5]. Примечательно, что в 2025 г. планируется уже десятая «природная» междисциплинарная научная конференция на базе Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Конференция 2019 г. была посвящена семантике времен года, в 2021 г. вышла коллективная монография «Семантика времен года в русской словесности». Значительная часть материалов данной монографии посвящена семантике зимы и снега [2–7].

Как отмечает Н.С. Морозова, «снег в различных проявлениях (снегопад, покров, метель, таяние) является объектом эстетического освоения русскими поэтами на протяжении XVIII – начала XXI в. О значимости снега для русской художественной картины мира свидетельствует более девяти тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов названного периода» [8, с. 97]. В классическом исследовании М.Н. Эпштейна образ снега рассматривается в связи с темой времен года как элемент зимнего пейзажа: «Зима – глубочайшее обнажение души русской природы, то “посмертное” ее состояние, которое

наиболее всесторонне и проникновенно запечатлелось в нашей поэзии» [1, с. 185]. При этом в русской поэзии зима – это и «небытие или сверхбытие», и «праздничная встреча со светом», и «снежная стихия, бунтующая против человека, враждебная, иноположенная ему» [1, с. 185–198].

Исследователи подчеркивают богатый семантический спектр слова «снег» в поэзии и контекстуальное смысловое наполнение слова с исходной пейзажной семантикой, отражающее индивидуально-авторскую картину мира [9–11]. Цель статьи – с опорой на анализ лексической структуры поэтического текста рассмотреть семантико-стилистические особенности образа снега в лирике современного поэта Татьяны Николаевой (1956–2021) (о жизни и творчестве поэта см. [12, с. 254–273]). Данная работа продолжает цикл статей о региональной литературе [13, 14].

Материал и методы

За основу семантико-стилистического анализа примем концепцию художественно-образной речевой конкретизации М.Н. Кожиной [15] и концепцию лексической структуры поэтического текста Н.С. Болотновой [16, 17]. Методика реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста, разработанная в рамках коммуникативной стилистики текста [18, с. 58–61], возникла на границе системно-структурной и функционально-прагматической парадигм в лингвистике. Связь методики реконструкции ассоциативно-смыслового поля текста с системно-структурной парадигмой знания проявляется в осмыслиении речевой системности текста как ассоциативно-верbalной сети, основанной на законах текстовой парадигматики и текстовой синтагматики. Характеристика текстовой синтагматики и текстовой парадигматики учитывает выразительность языковых средств, представляющих разные уровни (хотя признается роль лексического уровня как основного). Связь методики реконструкции ассоциативного-смыслового поля текста с функционально-прагматической парадигмой лингвистики проявляется в том, что ассоциативно-верbalная сеть текста рассматривается в соотнесенности с авторским замыслом и закономерностями читательского восприятия. Каждое направление ассоциирования как контекстуальная «группировка ассоциаций по общности стратегии» [19, с. 10–11] создает особую ипостась образа.

Материалом для семантико-стилистического анализа стали стихотворения первого сборника новокузнецкого поэта Татьяны Николаевны Николаевой. Книга «Где ты, потомок первого?...: драматургия любви» (2004) [20] опубликована в издательстве галереи «Сибирское искусство» (Новокузнецк) и является результатом совместного творческого

проекта поэта Татьяны Николаевой и художницы Елены Башариной: «Стихи и размышления-откровения поэта чередовались с прозрачной, невесомой графикой Елены Башариной» [12, с. 270]. Сборник включает стихотворения, написанные на протяжении нескольких десятилетий (начиная с конца 1970-х гг.), и позволяет судить о системных чертах идиостиля зрелого поэта. Методом сплошной выборки было выявлено 11 (из 83) стихотворений сборника, содержащих лексические репрезентанты образа снега, которые были проанализированы с учетом их контекстуальных синтагматических и парадигматических связей.

Результаты исследования

Поэтическая картина мира Т. Николаевой характеризуется верой в Бога, мотивом смирения, смягчением контрастности мироощущения (наряду с антонимическими парами отметим большое количество градуальных рядов). Концептуальной основой для творчества Т. Николаевой становится трехчастная структура: между противопоставленными физическим телом и сознанием (мыслительным «телом») находится сердечное «тело» – «как капля воды, обволакивающая точку пересечения мысли и физики», «как устье творчества» [20, с. 8–9].

Являясь не столько пейзажной деталью, сколько отражением внутреннего мира лирической героини, снег у Т. Николаевой сопровождает не только картины зимней природы, но и переходные межсезонные состояния, а также включается в летнюю картину. В ассоциативно-смысловом развертывании образа снега, отражающем раскрытие внутреннего мира героини, выделяются три ипостаси. Они объединены принципом градации, характерным для поэтики Т. Николаевой.

Первая ипостась образа снега в лирике Т. Николаевой – **«снежная стихия»** (лексические репрезентанты: *снег, шел снег, не сбудут снега, снег сошел с ума, снег слепит, ночной снег, продолжительный снег, белый снег, белый бег, белизна первой зимней акварели, ветер лижет снег, беспутство метели, сыплет*; смысловые лексические парадигмы: «*снег – метель*», «*сны – снега*», «*снег – грязь*»). В данном ассоциативном комплексе актуализируется интенсивность снегопада, его стихийная природа, хаотическое начало, связанное с символической темой потери пути. В филологических исследованиях подчеркивается роль в русской литературе семантики *метели-судьбы* и *метели-страсти* [21, с. 31]. В любовной лирике Т. Николаевой образ снега-метели соотносится с состоянием лирической героини, потерявшей возлюбленного, наполнившего ее жизнь смыслом. В подобных контекстах снегопад связан с образами ночи и сна. Героиня ощущает холод потери и пустоты, состояние

«не-жизни». Например, в стихотворении «*До утра*» (III) [20, с. 76] эффект стенографии духа выразительно передают метонимии – *снег – не об этом*. Образ снега встречается в первых трех строфах:

*Не об этом, совсем не об этом
Шел ночной продолжительный снег.
Никому не давала обета,
Что тебя не привечу во сне.*

*О, беспамятство белого снега,
О, беспутство метели в ночи!
Я к тебе задыхалась от бега,
Обрывалась, как пламя свечи...*

*Но не сбудут ни сны, ни снега
То, что в жизни уже не сбылось:
От тоски холода и долга,
Я тебя проходила насквозь.*

В начальной строфе образ снега соотносится с ночным пространством, в котором находится одиночная лирическая героиня, тоскующая по потерянному возлюбленному и пребывающая в ирреальном пространстве сна. Во второй строфе образ снега включен в риторическое восклицание. Синтаксический параллелизм и словообразовательный повтор актуализируют смысловую лексическую парадигму (СЛП) «*снег – метель*», не только передающую детали пейзажа, но и подчеркивающую особое состояние героини: снег – холод пустоты, потеря связи с той жизнью, что кипела и билась. Это мощь природного мира, хаос метели, который ассоциируется с испытанной страстью и передается анаколуфом и еще одной яркой метонимией – *я к тебе задыхалась от бега...* В третьей строфе актуализирована антитеза сна и жизни, при этом формируется СЛП со связью пересечения «*сны – снега*». Окказиональный переходный глагол «*не сбудут*» зачеркивает возможность воплощения мечты, разделяет ирреальное и реальное. Снежное состояние лирической героини – это образ неземного холода: она словно уже не включена в земную реальность. Нарушение лексической сочетаемости в лирике Т. Николаевой – своего рода «инакословие» – подчеркивает чужеродность лирической героини всему земному, обыденному.

Стихотворение «*Не шутя*» [20, с. 81] открывает ся пейзажной зарисовкой, которая отражает состояние лирической героини. Снег олицетворяется – семантика безумия соотносится со смятением чувств:

*Он совсем сошел с ума, –
Если можно так о снеге:
Фонари, мосты, дома –
В белом беге.*

*И сквозь эту белизну
Первой зимней акварели
Я иду – бреду ко сну
Еле-еле.*

Метаязыковая рефлексия становится знаком присутствия автора-творца. Динамичный характер зарисовки передается бессоюзным рядом однородных подлежащих, эллипсисом и окказиональным развертыванием конструкции. *Белый бег* – перифраз идущего (валящего, метущего) снега. Сила разгулявшейся стихии передана звукописью. Первый снегопад – это красота, чистота и потеря себя прежней. Тонкая работа с синонимами помогает Т. Николаевой выстроить композицию первых двух строф на основе градации и контраста: соотносятся бегущий снег и идущая, еле бредущая лирическая героиня. Вновь соположены образы снега и сна. Семантика ирреального поддержана также мотивом опьянения. Неожиданный финал в развертывании лирической композиции – тема молитвы за Иуду, актуализирующая мотив предательства.

Снег предстает перед нами как разгулявшаяся стихия (метель), часть образного комплекса потери света в стихотворении с сакральным смыслом в заглавии – «*Буди!*» [20, с. 135]:

*Буди воля Господня на нас!
Снег слепит, а фонарь мой погас, –
Тот единственный, рыжий, у дома...
Он так много истерзанных лет
Был один окрыляющий свет, –
Сердце не доверялось другому.*

Потерянность лирической героини неоднократно актуализируется образом фонаря, спрятанного снегом. Единственный остающийся с лирической героиней на перепутях ее жизни свет – это вера. Данный смысл подчеркнут кольцевой композицией стихотворения с сакральными мотивами в начале и в конце текста.

Снег у Т. Николаевой связан не только с зимним, но и с межсезонным пейзажем (соотносятся образы снега и дождя, снега и ветра). В данном случае также передается образ разгулявшейся стихии. Так, в стихотворении «*Байка об Усе*» [20, с. 56] словообраз «*снег*» не встречается, однако направление ассоциирования актуализировано с помощью безлично-предикативной конструкции *сыплет*: *Льет да сыплет на белый свет*. Образ включен в пейзажную зарисовку, использующую стилистику народно-поэтической речи (разговорный союз да в соединительном значении, устойчивое народное выражение *белый свет*), что, как и безлично-предикативная конструкция, подчеркивает стихийность, мощь природного мира, его неподвластность человеческой воле. В стихотворении «*Свежий ветер ударили в грудь...*» [20, с. 84] передан ненастный осенний пейзаж:

*Ветер кроны швыряет ввысь,
Лижет снег, превращая в грязь.
Мы в пространстве с тобой сошлись,
Чтобы выстоять, разойдясь.*

Вновь наблюдается психологический параллизм пейзажа и внутреннего мира лирической героини. Осенняя непогода, ненастье связаны с темой разлуки. Снег в экспрессивном контексте становится объектом, его деструктивная трансформация передана антонимической СЛП «снег – грязь». Слякоть в контексте нескольких стихотворений Т. Николаевой перекликается с ложью, неправедностью в человеческих отношениях и – шире – на Руси.

Вторая ипостась образа снега в лирике Т. Николаевой – **«снежное небытие»**, оцепенение потери, холод утраты и пустоты (лексические репрезентанты: *снег окутывает землю, пионы легли снегопадом*). В двух контекстах, создающих данное направление ассоциирования, снег становится объектом сравнения, помогает героине осмысливать свое состояние. Данная семантика связана с одним из направлений ассоциативного развертывания образа зимы в литературе, имеющим мифологическую основу: место зимы «после смерти и до возрождения – время, которое не явлено в человеческой жизни, но которое с безусловной очевидностью обнаруживается в жизни природы» [1, с. 188]. Если в первом случае различными выразительными средствами подчеркивалась максимальная динамика образа, то в данной ипостаси определяющей является статика, не-жизнь:

*Я жду тебя который век.
Прошло желанье скорой встречи,
И шаль окутывает плечи,
Как землю
Снег...*

(финальная строфа стихотворения «Та» [20, с. 19]).

В заглавии актуализирован выразительный потенциал местоимений, указывающих на лицо, но не называющих его. Благодаря кольцевой композиции читателю открывается смысловое наполнение указания: это лирическая героиня в прошлом, взгляд на себя прежнюю, рефлексия в ретроспекции:

*О, Господи, смогла ж такое
Перенести – живая – та!?*

Финальная строфа позволяет противопоставить состояние лирической героини теперешней и прошлой. Причем, несмотря на остроту боли, живой она была именно в прошлом. Теперь же она пребывает в состоянии застывшего ожидания. Неднократно Т. Николаева использует фигуру градации. Так, в данном стихотворении на основе градации соположены три строфы, соединенные СЛП с интегральной семантикой времени «час – год – век». Компоненты СЛП актуализированы с помощью синтаксической анафоры в повествовательных предложениях начала каждой строфы: *Я жду тебя который час (год, век)*. Слово-образ *снег* входит в третью строфиу, содержащую вершину градуального ряда. Героиня застыла в своем ожидании,

она уже не живая. Портретная деталь включена в сравнение, создающее параллелизм психологического состояния героини и мира природы, погруженного в зимнее небытие. Грамматически с лирическим «я» координируется лишь одно сказуемое, повторяющееся в тексте третий раз: *я жду*. Иные грамматические субъекты – желание (*прошло желанье*) и шаль (*шаль окутывает*). Благодаря эллипсису и зеркальной предикативности компаративной конструкции еще одним грамматическим субъектом является снег (*снег окутывает*). Образ героини очень женственный, в том числе и благодаря мифологическим ассоциациям (земля – женское начало). Скрытый контраст подчеркивает тему холода (шаль должна согревать, но она подобна снегу, окутавшему землю). Ср. у Некрасова: *Дарья стояла и стыла в своем заколдованным сне...*

Чтобы передать состояние потери, образ снега у Т. Николаевой включается даже в летнюю картину («**О том**» [20, с. 128]):

*Пионы осыпались.
Белые, пышные, пряные, –
Легли снегопадом
В предутренней нише окна.*

Здесь летний образ снега предстает в экспрессивной функции. Форма творительного уподобления позволяет изобразить снегопад как объект сравнения, помогающий создать контраст буйства жизни и статики смерти. Переход в иное состояние также помогают передать перфективы.

Третья ипостась образа снега – **«божественный снег»**, приобщение к духовной вертикали, свету и смыслу (лексические репрезентанты: *снег, снежинка, снег не летит, снег не идет, снег снисходит, снега хороши, снега свежи; снег – как чистый лист, исполни меня снега, снежинка спускается с неба, кто-то от снега расчистил у дома дорожку; СЛП: «хороши, свежи – нечисты, сволочны, слякотны», «снег – вороний глаз», «снег – Ангел», «снежинка – ангелок», «снег – покой»).* Образ чистого снега перерастает в символическую тему пути, обобщенный образ Руси, мотив чистоты в стихотворении «**Уезжаю**» [20, с. 86]:

*Уезжаю.
Господи, спаси!
Хороши снега, пока свежи.
Нечисты дороги на Руси –
Сволочны и слякотны от лжи.*

Мотив чистоты передан с помощью контраста «*свежи (хороши) – нечисты (сволочны, слякотны)*». В контексте использованы экспрессивные книжные краткие формы имен прилагательных. Мы наблюдаем перерастание темы пейзажной в тему нравственную. Чистота – праведность, противопоставленная лжи. Лирическая героиня предстает перед нами принявшей решение завершить

определенный этап жизни, надеющейся на милосердие Бога.

Первый снег сравнивается с чистым листом в стихотворении «*Бывает...*» [20, с. 113]:

**Как чистый лист – снег первый у порога,
Вороний глаз – из тополя, украдкой.
Я не прошу другой судьбы у Бога,
Мне и моя порой бывает сладкой.**

Характерно, что именно с элегии «Первый снег» П. Вяземского начинается глубокое осмысливание образа снега в русской литературе [1, с. 186]. Теме первого снега в русской поэзии посвящены специальные исследования [2]. У Т. Николаевой первый снег сравнивается с чистым листом у порога. Чистый лист – приуготовление, ожидание. Поэтика контрастов передает драматизм судьбы лирической героини и ее состояний: «снег (как чистый лист) – вороний глаз», «сладкая – горькая». Порог – конец и начало пути, как и зимний покой, воплощающий семантику принятия необратимого.

Снег предстает как рождественская благодать в предпоследнем стихотворении сборника – «Лицо» [20, с. 141]. Смысл соединения небесного и земного гармонирует с вертикалью художественного пространства и передается парадиастолой глаголов, где старославянизм подчеркивает чудесное, горнее начало снега, формируется СЛП «снег – Ангел» с интегральной семантикой высокого, спускающегося на землю:

**Снег не летит и не идет, –
Снисходит.
Так просто это чудо:
Сверху вниз
Рождественских небес
Незримый бриз
Ладью любви качает...
и погоде
Созвучно слёз сердечных
Озерцо,
Прибрежных снов опущенные
Кроны
И ангела бессстрастно,
Удивленно
В окно души глядящее
Лицо.**

В последнем стихотворении сборника вновь появляется образ снега («Иное» [20, с. 143]). Ирреальное, райское, детское воплощает СЛП «покой – снег»:

**Исполни меня
В этот вечер покоя и снега:
Гудящая печь,
Ангелок из бумаги над нею
Кружится, как будто
Снежинка спускается с неба,
Которое в раме окна
Все синее, синее...**

**Как детскую сказку,
Исполни меня до рассвета,
Так хочется верить,
Что смерть – это жизнь понарошку,
Что мама разбудит,
И все в нашем доме согрето,
И кто-то от снега
Расчистил у дома дорожку.**

Впервые в сборнике использована лексема «снежинка». Любование снежинкой навевает ассоциации с образом ребенка, который удивленно-восторженно разглядывает мир. Тема детской чистоты и радости наполняет этот текст – звучит в словах («ангелок», «понарошку», «мама разбудит»), соотносится с рождественской темой, воплощается в образе ребенка, верящего в рождественское чудо и ощущающего тепло и покой родного дома. Лирическая героиня словно возвращается к истокам, изначальной чистоте и ясности. Как и в предыдущем стихотворении, в художественном пространстве создана вертикаль: образом ангелочки, который сравнивается со снежинкой, образом неба, которое становится все ближе (погружение в небо передано контактным повтором формы сравнительной степени имени прилагательного – и нет границы дома и неба, и тонет взгляд в небесной синеве и бездонности). Но дом, соединенный с небом, уютно стоит на земле, на которую читателя возвращают эмпирические ассоциации, связанные с образом зимней деревни, в которой ребенка, выходящего на улицу утром, встречают уже прочищенные взрослыми дорожки.

Последние два стихотворения сборника играют особую композиционную роль: объединенные образами снега, неба, ангела, они создают высокое звучание снежной темы, соотнесенной с вертикалью художественного пространства. Обретение этой вертикали наполняет человека покоем, светом и смыслом. Как видим, «снежная» триада Т. Николаевой соответствует ее поэтике градации и христианскому мироощущению, в котором путь человека лежит через стради земные и ведет к Богу.

Заключение

Итак, анализ лексической структуры поэтического текста позволяет рассмотреть семантико-стилистические особенности образа снега в лирике современного поэта и наследницы традиций классической русской литературы Т. Николаевой.

Являясь не столько пейзажной деталью, сколько отражением внутреннего мира лирической героини, снег у Т. Николаевой сопровождает не только картины зимней природы, но и переходные межсезонные состояния, а также включается в летнюю картину. В ассоциативно-смысловом развертывании образа снега, отражающем раскрытие внутреннего мира героини, выделяются три ипостаси.

Они объединены принципом градации, характерным для поэтики Т. Николаевой.

В доминирующем ассоциативном комплексе «**снежная стихия**» актуализируется интенсивность снегопада, его стихийная природа, хаотическое начало, связанное с символической темой потери пути; экспрессивно передаются темы испытанной страсти и потерянной любви. Вторая ипостась образа снега в лирике Т. Николаевой – «**снежное небытие**», оцепенение потери, холод

утраты и пустоты. Если в первом случае различными выразительными средствами подчеркивалась максимальная динамика образа, то в данной ипостаси определяющей является статика, не-жизнь. Третья ипостась образа снега – «**божественный снег**», приобщение к духовной вертикали, свету и смыслу. Таким образом, «снежная» триада Т. Николаевой соответствует ее поэтике градации и христианскому мироощущению, в котором путь человека лежит через страсти земные и ведет к Богу.

Список источников

1. Эпштейн М.Н. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII – XX вв. Самара: БАХРАХ-М, 2007. 352 с.
2. Горностаева С.А. Символика мокрого снега в творчестве Ф.М. Достоевского // Семантика времен года в русской словесности / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел, 2021. С. 306–310.
3. Бигильдинская О.В., Беляева И.А. По поводу белого снега: А.П. Чехов, Б.К. Зайцев // Семантика времен года в русской словесности / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел, 2021. С. 266–272.
4. Командина Я.Ю. Поэтика «зимних» образов и мотивов в цикле «Снежная маска» А.А. Блока // Семантика времен года в русской словесности / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел, 2021. С. 311–315.
5. Дробинин Г.Д. «Падал теплый снег...»: зима и апокалипсис в творчестве И.В. Кормильцева // Семантика времен года в русской словесности / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел, 2021. С. 323–331.
6. Джанумов С.А. Зима в творческом сознании А.С. Пушкина // Семантика времен года в русской словесности / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел, 2021. С. 233–244.
7. Калашников С.Б., Сварт Д.С. Семантика образа зимы в ранней поэзии Александра Васильева // Семантика времен года в русской словесности / отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел, 2021. С. 316–322.
8. Морозова Н.С. Первый снег в русской поэтической модели мира // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С. 96–101.
9. Морозова Н.С. Эволюция эстетического поля денотативного класса «снег» (на материале русской поэзии XVIII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2010. 21 с.
10. Левина В.Н., Лю Яньпин. Взаимодействие заглавия и текста в функционально-семантическом аспекте (на примере стихотворения в прозе «Снег» С.Н. Сергеева-Ценского) // Научный диалог. 2017. № 8. С. 73–88.
11. Маслова А.Г., Фалеева А.С. Мифопоэтика снега в лирике Бориса Пастернака // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4 (12). С. 68–73.
12. Современная литература Кузбасса // Классика земли Кузнецкой: в 3 т. / сост.: Б.В. Бурмистров, С.Л. Донбай, Г.И. Карпова. Т. 3. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. 594 с.
13. Кожина М.Н. Художественно-образная речевая конкретизация // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 585–594.
14. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во ТГПИ, 1994. 212 с.
15. Болотнова Н.С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 1. С. 20–25.
16. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2008. 383 с.
17. Пушкарева И.А., Пушкарева Ю.Е. Мотив полета в лирике А.Д. Раевского // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т 23, № 2. С. 115–125.
18. Пушкарева И.А., Пушкарева Ю.Е. Образ солнца в лирике П. Майского: семантико-стилистический анализ // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2024. № 4 (70). С. 134–145.
19. Клименко А.П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1980. 41 с.
20. Николаева Т., Башарина Е. «Где ты, потомок первого?...»: драматургия любви». Новокузнецк, 2004. 144 с.
21. Нагина К.А. Траектории «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 1, № 1-1. С. 31–40.

References

1. Epshteyn M.N. *Stikhi i stikhii. Priroda v russkoy poezii XIX–XX vv.* [Verses and elements. Nature in Russian poetry of 19th and 20th centuries]. Samara, BAKHRAKH-M Publ., 2007. 352 p. (in Russian).

2. Gornostaeva S.A. Simvolika mokrogo snega v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Symbolism of wet snow in works by F.M. Dostoevsky]. *Semantika vremyon goda v russkoy slovesnosti* [Semantics of seasons in Russian literature]. Ed. A.I. Smirnova. Moscow, Knogodel Publ., 2021. P. 306–310 (in Russian).
3. Bigildinskaya O.V., Belyaeva I.A. Po povodu belogo snega: A.P. Chekhov, B.K. Zaytsev [About white snow: A.P. Chekhov, B.K. Zaytsev]. *Semantika vremyon goda v russkoy slovesnosti* [Semantics of seasons in Russian literature]. Ed. A.I. Smirnova. Moscow, Knogodel Publ., 2021. P. 266–272 (in Russian).
4. Komandina Ya.Yu. Poetika “zimnikh” obrazov i motivov v tsikle “Snezhnaya maska” A.A. Bloka [Poetics of “winter” images and motifs in cycle The Snow Mask by A.A. Blok]. *Semantika vremyon goda v russkoy slovesnosti* [Semantics of seasons in Russian literature]. Ed. A.I. Smirnova. Moscow, Knogodel Publ., 2021. P. 311–315 (in Russian).
5. Drobinin G.D. “Padal tyoplyy sneg...”: zima i apokalipsis v tvorchestve I.V. Kormil’tseva [“Warm snow was falling...”: winter and Apocalypse in works by I.V. Kormil’tsev]. *Semantika vremyon goda v russkoy slovesnosti* [Semantics of seasons in Russian literature]. Ed. A.I. Smirnova. Moscow, Knogodel Publ., 2021. P. 323–331 (in Russian).
6. Dzhanumov S.A. Zima v tvorcheskom soznanii A.S. Pushkina [Winter in A.S. Pushkin’s creative world]. *Semantika vremyon goda v russkoy slovesnosti* [Semantics of seasons in Russian literature]. Ed. A.I. Smirnova. Moscow, Knogodel Publ., 2021. P. 233–244 (in Russian).
7. Kalashnikov S.B., Svert D.S. Semantika obrazu zimy v ranney poezii Aleksandra Vasil’yeva [Semantics of winter in the early poetry by Alexander Vasilyev]. *Semantika vremyon goda v russkoy slovesnosti* [Semantics of seasons in Russian literature]. Ed. A.I. Smirnova. Moscow, Knogodel Publ., 2021. P. 316–322 (in Russian).
8. Morozova N.S. Pervyy sneg v russkoy poeticheskoy modeli mira [The first snow in the Russian poetic world model]. *Gumanitarnyy vektor – Human Studies Vector*, 2013, no. 4 (36), pp. 96–101 (in Russian).
9. Morozova N.S. *Evolyutsiya esteticheskogo polya denotativnogo klassa “sneg” (na materiale russkoy poezii XVIII–XX vv.)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Evolution of aesthetic field of the denotation class <snow> (on the material of Russian poetry of the 18th and 19th centuries). Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Arkhangelsk, 2010. 21 p. (in Russian).
10. Levina V.N., Liu Yanping. Vzaimodeystviye zaglaviya i teksta v funktsional’no-semanticeskem aspekte (na primere stikhovorenija v proze “Sneg” S.N. Sergeeva-Tsenskogo) [Interaction of title and text in the functional and semantic aspect (by example of poem in prose “Snow” by S.N. Sergeyev-Tsensky)]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2017, no. 8, pp. 73–88 (in Russian).
11. Maslova A.G. Mifopoetika snega v lirike Borisa Pasternaka [Mythopoetics of snow in the poetry by Boris Pasternak]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Human Studies Education Bulletin*, 2018, no. 4 (12), pp. 68–73 (in Russian).
12. Sovremennaya literatura Kuzbassa [Modern literature of Kuzbass]. In: *Klassika zemli Kuznetskoy. V trekh tomakh. Tom 3* [Classics of Kuznetsk. In three volumes. Volume 3]. Kemerovo, 2022. 594 p. (in Russian).
13. Kozhina M.N. Khudozhestvenno-obraznaya rechevaya konkretizatsiya [Literary imaginative speech concretization]. In: *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic dictionary on stylistics]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2002. P. 585–594 (in Russian).
14. Bolotnova N.S. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical structure of the literary text in associative aspect]. Tomsk, 1994. 212 p. (in Russian).
15. Bolotnova N.S. Leksicheskaya struktura poeticheskogo teksta kak klyuch k ponimaniyu yego tsennostnykh smyslov [Lexical structure of poetic text as a key to understanding its value-based senses]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian language at school*, 2019, vol. 80, no. 1, pp. 20–25 (in Russian).
16. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar’-tezaurus* [Communicative stylistics: thesaurus]. Tomsk, 2008. 383 p. (in Russian).
17. Pushkareva I.A., Pushkareva Yu.E. Motiv polyota v poezii A.D. Rayevskogo [Motif of flight in the poetry by A.D. Rayevsky]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 115–125 (in Russian).
18. Pushkareva I.A., Pushkareva Yu.E. Obraz solntsa v lirike P. Mayskogo: semantiko-stilisticheskiy analiz [Image of the Sun in poetry by P. Mayskiy: semantic and stylistic analysis]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf’eva – Krasnoyarsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, no. 4 (70), pp. 134–145 (in Russian).
19. Klimenko A.P. *Problema leksicheskoy sistemnosti v psicholinguisticheskem osveshchenii*. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Problem of lexical systems in the psycholinguistic aspect. Abstract of thesis ... doct. philol. sci.]. Minsk, 1980. 41 p. (in Russian).
20. Nikolaeva T., Basharina E. “Gde ty, potomok pervogo?...”: dramaturgiya lyubvi [Where are you, the descendant of The First?...: The drama of love]. Novokuznetsk, 2004. 144 p. (in Russian).
21. Nagina K.A. Traektorii “metel’nogo” teksta (tolstovskoye prisutstviye v tvorchestve B. Pasternaka) [Trajectories of the “blizzard” text (presence of L. Tolstoy in works by B. Pasternak)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Bulletin of Leningrad State University*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 31–40 (in Russian).

Информация об авторах

Пушкарева И.А., доктор филологических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (ул. Кутузова, 12, Новокузнецк, Россия, 654041).

E-mail: irina_pushkareva2016@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2161-4039; Scopus Author ID: 57196727270; SPIN-код: 6918-1060.

Пушкарева Ю.Е., преподаватель, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Средний проспект Васильевского острова, 57/43, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия).

E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-4592-8001; Scopus Author ID: 57225222482; SPIN-код: 6127-5479.

Information about the authors

Pushkareva I.A., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy, Kemerovo State University (ul. Kutuzova, 12, Novokuznetsk, Russian Federation, 654041).

E-mail: irina_pushkareva2016@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2161-4039; Scopus Author ID: 57196727270; SPIN-code: 6918-1060.

Pushkareva Yu.E., Lecturer, North-West Management Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Sredniy prospekt Vasil'evskogo ostrova, 57/43, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).

E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-4592-8001; Scopus Author ID: 57225222482; SPIN-code: 6127-5479.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 01.04.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-69-77>

Регулятивные средства и способы воплощения мегаконцепта «женщина» в лирике М.И. Цветаевой как отражение лингвокультурного тренда эпохи

Надежда Владимировна Захарчевская¹, Алексей Владимирович Болотнов²

^{1, 2} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ avzaxar@mail.ru, 0009-0004-9420-1395

² avb@tspu.ru, 0000-0001-7442-9115

Аннотация

Поэтическое слово уникально, поскольку выполняет не только информативную функцию, но и эстетическую, связанную с воздействием на личность адресата. Как было неоднократно отмечено философами и лингвистами, язык культуры и искусства – это инструмент трансляции социальных, религиозных и политических изменений в обществе. Это необходимо учесть при анализе поэтической картины мира известных мастеров художественного слова. Недостаточная разработка понятия *мегаконцепт* в понятийно-терминологическом аппарате когнитивной лингвистики, поэтики, стилистики определяет необходимость разработки данного понятия с учетом не только научного, но и общего литературного и исторического контекста эпохи. Цель статьи – анализ регулятивных средств, используемых М.И. Цветаевой для воплощения мегаконцепта «женщина», связанного с образами лирических героинь автора, выступающих в определенных ролевых моделях поведения, актуальных для конца XIX – начала XX в. в России. Анализируются поэтические тексты М.И. Цветаевой разных лет, в которых представлены ролевые модели поведения лирических героинь, отражающие разные грани мегаконцепта «женщина». Работа опирается на теорию регулятивности коммуникативной стилистики текста, использование методов семантико-стилистического, мотивного, контекстуального анализа и метода «слово-образ». Мегаконцепт «женщина» представлен в исследовании как сложная многогранная когнитивная структура и отражение лингвокультурного тренда в общем контексте эпохи конца XIX – начала XX в. в России. Для этого этапа в истории страны характерны изменения в общественном сознании: коллективизм уступает место индивидуализму, происходит переосмысление представлений о человеке и его роли в мире, что вызвало интерес к гендерным различиям, появляются новые ролевые модели поведения женщины, вызывающие общественный резонанс. Эти тенденции получили художественное воплощение в поэтической картине мира М.И. Цветаевой. Образы лирических героинь М. Цветаевой рассмотрены как отражение актуальных для данного периода в истории России разных моделей поведения женщины: 1) ролевой модели женщины, не имеющей права голоса; 2) модели женщины-творца; 3) модели любящей женщины; 4) модели матери. Выявлен широкий спектр различных регулятивных средств и структур разных уровней, использованных автором для воздействия на адресата и раскрывающих многогранную сущность мегаконцепта «женщина». Среди них преобладают: эпитеты, метафоры, риторические вопросы, восклицания, обращения, графические средства, стилистические приемы повтора, контраста, градации, синтаксического параллелизма и др. Трактовка мегаконцепта как многогранной когнитивной структуры и отражения лингвокультурного тренда в мировосприятии общества в определенный период его развития позволяет по-новому взглянуть на образ женщины в широком литературном и историческом контексте эпохи с опорой на разные ролевые модели поведения лирических героинь М.И. Цветаевой. Полученные результаты могут представлять интерес для лингвоперсонологии, когнитивной лингвистики, коммуникативной стилистики текста.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, коммуникативная стилистика текста, поэтический текст, лингвокультурный тренд, мегаконцепт, регулятивные средства, образ лирической героини

Для цитирования: Захарчевская Н.В., Болотнов А.В. Регулятивные средства и способы воплощения мегаконцепта «женщина» в лирике М.И. Цветаевой как отражение лингвокультурного тренда эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 69–77. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-69-77>

Regulatory means and ways of implementing the mega-concept "woman" in the lyrics of M.I. Tsvetaeva as a reflection of the linguocultural trend of the epoch

Nadezhda V. Zakharchevskaya¹, Aleksey V. Bolotnov²

^{1, 2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ avzaxar@mail.ru, 0009-0004-9420-1395

² avb@tspu.ru, 0000-0001-7442-9115

Abstract

The poetic word is unique because it performs not only an informative function, but also an aesthetic one, associated with the impact on the personality of the addressee. According to philosophers and linguists, the language of culture and art is a tool for transmitting social, religious and political changes in society. This must be taken into account when analyzing the poetic picture of the world of famous masters of artistic words. Insufficient development of megaconcept notion in the conceptual and terminological apparatus of cognitive linguistics, poetics, stylistics determines the need to develop it taking into account not only the scientific, but also the general literary and historical context of the era. The purpose of the article is to analyze the regulatory means used by M.I. Tsvetaeva to implement the mega-concept "woman", associated with the images of the author's lyrical heroines, acting in certain role models of behavior, relevant for the end of the 19th – beginning of the 20th century in Russia. The article analyzes poetic texts by M.I. Tsvetaeva of different years, which present role models of behavior of lyrical heroines, reflecting different facets of the mega-concept "woman". The work is based on the theory of regulatory communicative stylistics of the text, the use of methods of semantic-stylistic, motivational, contextual analysis and the "word-image" method. The mega-concept "woman" is presented in the study as a complex multifaceted cognitive structure and a reflection of the linguacultural trend in the general context of the late 19th – early 20th century in Russia. This stage in the country's history is characterized by changes in public consciousness: collectivism gives way to individualism, there is a rethinking of ideas about man and his role in the world, which has generated interest in gender differences, and new role models of women's behavior appear, causing public resonance. These tendencies received artistic realization in the poetic picture of the world of M.I. Tsvetaeva. The images of M. Tsvetaeva's lyrical heroines are considered as a reflection of different models of women's behavior that are relevant for this period in Russian history: 1) the role model of a woman who does not have the right to vote; 2) the model of a woman-creator; 3) the model of a loving woman; 4) the model of a mother. A wide range of various regulatory means and structures of different levels used by the author to influence the addressee and reveal the multifaceted essence of the mega-concept "woman" has been identified. The most common among them are: epithets, metaphors, rhetorical questions, exclamations, addresses, graphic means; stylistic devices of repetition, contrast, gradation, syntactic parallelism, etc. The interpretation of the mega-concept as a multifaceted cognitive structure and reflection of the linguacultural trend in the world view of society in a certain period of its development allows us to take a new look at the image of a woman in the broad literary and historical context of the era, based on different role models of behavior of M.I. Tsvetaeva's lyrical heroines. The obtained results may be of interest for linguapersonology, cognitive linguistics, and communicative text stylistics.

Keywords: M.I. Tsvetaeva, communicative stylistics of the text, poetic text, linguocultural trend, megaconcept, regulatory means, image of the lyrical heroine

For citation: Zakharchevskaya N.V., Bolotnov A.V. Regulyativnyye sredstva i sposoby voploshcheniya megakonsepta «zhenshchina» v lirike M.I. Tsvetayevoy kak otrazheniye lingvokul'turnogo trenda epokhi [Regulatory means and ways of implementing the mega-concept "woman" in the lyrics of M.I. Tsvetaeva as a reflection of the linguocultural trend of the epoch]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-69-77>

Введение

В связи с процессом глобализации и информатизации в XXI в. феномен мегаконцепта становится инструментом, позволяющим объяснить некоторые особенности того или иного явления, актуального для мировидения социума в современном культурном контексте. Между тем понятие мегаконцепт до сих пор является малоизученным и ограниченным в употреблении, хотя некоторые исследователи его используют. Так, мегаконцепт «творчество» стал объектом изучения М.Н. Зыряновой, которая вклю-

чает в его структуру концепты «творец», «процесс творчества» и «результат творчества» [1].

Изучением мегаконцепта на материале медийных текстов британских СМИ занимались Х.М. Кадачиева и А.Б. Абдулкадырова, установившие, что ценностная концептосфера британского общества включает в себя пять ключевых мегаконцептов: семья, дом, дружба, работа, искусство [2].

Н.М. Орлова рассмотрела структуру антологического мегаконцепта «свет» на материале библейских текстов [3].

Е.С. Сидоровым в диссертационном исследовании рассмотрены мегаконцепты «свои» и «чужие» на материале устных текстов Северного Приангарья конца ХХ – начала ХХI в. [4].

Под мегаконцептом исследователями понимается «многомерное ментальное образование, структуру которого формируют разные по своей когнитивной природе элементы» [1, с. 39], а также «сложно организованный, многомерный, внутренне расчлененный концепт, в структуре которого выявляются взаимообусловленные, взаимосвязанные, диффузные частные концепты» [5, с. 36].

Цель статьи – анализ регулятивных средств, используемых М.И. Цветаевой для воплощения мегаконцепта «женщина» на основе образов лирических героинь, выступающих в определенных ролевых моделях, актуальных для конкретного временного отрезка конца XIX – начала ХХ в. в России.

Материал и методы

В статье анализируются поэтические тексты М.И. Цветаевой разных лет, в которых представлены ролевые модели поведения лирических героинь, отражающие разные грани мегаконцепта «женщина» в поэтической картине мира одного из ярких представителей литературы Серебряного века. Работа опирается на теорию регулятивности коммуникативной стилистики текста, использование методов семантико-стилистического, мотивного, контекстуального анализа и метода «словообраз».

Регулятивные средства в коммуникативной стилистике текста рассматриваются в качестве текстовых компонентов, с помощью которых «выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [6, с. 163]. На основе взаимосвязи регулятивных средств формируются различные регулятивные структуры.

Результаты исследования

В отличие от других исследователей, понятие *мегаконцепт* рассматривается нами как отражение лингвокультурного тренда эпохи. Появление трендов – это неотъемлемая культурная составляющая общества, свидетельствующая о его изменчивости и непрерывном развитии. В «Социологическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Г. Осипова *тренд* определяется как «доминирующее направление в развитии, в общественном мнении», термин, по мнению составителя словарной статьи, синонимичен *тенденции* [7, с. 374]. Тренды являются своеобразными векторами, позволяющими ориентироваться в быстро изменяющемся мире. Однако не каждый культурный феномен можно назвать трендом, он должен соответствовать ряду условий:

- 1) вызывать интерес у подавляющего количества людей – носителей языка и культуры;
- 2) влиять на общественное мнение и поведение;
- 3) его популярность ограничена определенными временными и/или пространственными рамками.

В коммуникативной стилистике термин *тренд* был рассмотрен применительно к медиакоммуникации как *медиатренд* [8, 9]. Автор определяет его «как прогнозируемую доминирующую тенденцию в области современной медиакоммуникации, выраженную с помощью различных лингвистических и экстралингвистических средств на основе анализа повторяющихся явлений в медиа, отражающих динамично развивающийся контент» [9, с. 52].

В другом определении подчеркивается не только актуальность и частотность, но и полевая структура тренда и его прогнозируемая и самоорганизующаяся в определенных условиях природа, что относится к родовым признакам любого тренда: «Медиатренд можно представить как мультимедийно стимулируемую (т. е. представленную во многих медиа), нелинейно презентируемую в медиатекстах (т. е. имеющую полевую структуру, у которой есть ядро информации и периферия), доминирующую самоорганизующуюся тенденцию в отражении актуальных для общества реалий» [9, с. 54].

Выделенные родовые признаки тренда характерны и для лингвокультурного тренда эпохи Серебряного века, хотя средства выражения и содержание, конечно, будут специфичными. Под лингвокультурным трендом нами понимаются характерные для определенного времени повторяющиеся культурные феномены, выраженные в языке, формирующиеся под влиянием исторических, политических, социальных, философских и духовных особенностей в жизни общества.

Одним из значимых элементов лингвокультурного тренда является понятие *лингвокультурный типаж*, который представляет собой, по мнению В.И. Карасика, «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых составляет культуру того или иного общества» [10, с. 8]. Лингвокультурные типажи, к которым обращаются поэты Серебряного века, возникающие spontанно в ходе развития общества и отличающиеся многомерностью, создаются индивидуальным, неповторимым способом с помощью особых регулятивных средств, рассматриваются как концепт типизируемой личности в рамках лингвокогнитивного подхода. Совокупность «иерархически упорядоченных концептов», актуальных для заданной эпохи, представляет собой мегаконцепт [11, с. 226].

Рассмотрим это подробнее с учетом целей данной статьи в проекции на лирику М.И. Цветаевой.

По замечанию историков и философов, период конца XIX – начала ХХ в. ознаменован историче-

скими, культурными и религиозными изменениями. Н.А. Бердяев считал, что в данный период «...изменилась перспектива. Получалась иная направленность сознания. ...Этот духовный кризис был связан с разложением целостности революционного интеллигентского миросозерцания, ориентированного исключительно социально, он был разрывом с русским “просветительством”, с позитивизмом в широком смысле слова, был провозглашением прав на “потустороннее”» [12, с. 4–5]. То новое, что появлялось в период революционных изменений, казалось людям пугающим и неизвестным, вызывало тревожные настроения в обществе. С.Н. Савельев, например, отмечает, что перед обществом стоит «сложная система, незамкнутая и достаточно нестабильная, полная противоречий в частностях и целом... В духовной культуре этой части интеллигенции преобладали внерациональные формы мировосприятия, которые были обусловлены определенными социальными устремлениями данной общественной прослойки в условиях кризиса самодержавия, с одной стороны, и назревания социалистической революции – с другой» [13, с. 181].

В статье М.А. Воскресенской «Русская революция в представлениях и оценках культурной элиты конца XIX – начала XX вв.» отражается мысль «об одержимости социума идеей пересоздания мира и сотворения нового человека... Эта идея порождена социокультурной ситуацией, в которой переплелись тревожные ожидания социальных перемен, политические изменения на карте мира, новое миросощущение, складывающееся под влиянием новейших научных открытий, но выражавшееся на языке философии и искусства» [14, с. 75].

Личность творца занимает особое место в культуре в целом, поскольку именно художник воздействует на аудиторию, транслирует знания, побуждает к активной познавательной деятельности. Как отметил Р.О. Якобсон, особое место в языковом сообщении занимает эмотивная или экспрессивная функция, «сосредоточенная на адресанте, <...> она имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» [15, с. 198].

Поэтическое слово – достояние языка и культуры, оно не только значимо с эстетической точки зрения, но и с социокультурной, так как поэт отражает в своих текстах то, что вызывает наибольший общественный интерес. Лирические произведения сильнее всего оказывают воздействие на личность читателя благодаря отражению личных эмоциональных переживаний автора.

Дневниковая форма стихотворений М.И. Цветаевой способствует достижению данного эффекта,

когда между автором и читателем образуется особая коммуникативная связь. По замечанию К.А. Жульковой, на рубеже веков, «ходя от своей “узнаваемости”, автор выстраивает “космос внутри себя” и создает такую художественную модель мира, где мифологизированная внутренняя жизнь человека или какой-либо частный случай его жизни выступают как высшая реальность» [16, с. 145]. Автор буквально приглашает читателя в свой мир, где за каждой стихотворной строкой стоит целая история. «Все это было. Мои стихи – дневник, моя поэзия – поэзия собственных имен», – характеризует М. Цветаева свое творчество.

Лирика поэта Серебряного века М.И. Цветаевой уникальна тем, что «любая жизненная подробность, случайно услышанное слово, а тем более человеческая личность, в цветаевском восприятии становится неким иероглифом, расшифровка которого непременно приведет к “истокам жизни и бытия”» [17, с. 174].

Творчество поэтов данного периода «вбирает в себя весь мир и сохраняет его в живом, подвижном состоянии, в самой сути бытия», – отмечает О.В. Михайлова в работе «Марина Цветаева в контексте культуры XX в. (обзор)» [18, с. 58].

Одной из значимых для поэтов-новаторов тем становится так называемый «женский вопрос», когда меняется статус женщины в российском обществе. Здесь важно отметить процесс эмансипации женщин, являющейся неотъемлемой частью становления развитых государств; появляется интерес к женской психофизиологии. Новые модели поведения нашли отражение в культурном пространстве, становятся популярны и самоценны стихотворения женщин-поэтов данного периода.

В произведениях М.И. Цветаевой по-разному освещается «женский вопрос», например, в стихотворении «Только девочка» (1909), в котором лирическая героиня М. Цветаевой представляется беззащитной девушкой, еще не вступившей в брак. Она вызывает особый интерес у мужчин, но ее долг – хранить себя для мужа: «*Мой долг / До брачного винца / Не забывать, что всюду – волк / И помнить: я – овца*». С помощью **антонимической пары** «волк» – «овца» создается гендерная оппозиция: мужчина ассоциируется с опасностью, а девушка – с невинностью и беззащитностью. С помощью **анафоры** «Только девочка» автор задает проблемное поле ограниченности ролевой модели женщины в обществе.

Архетипическую модель женщины, не имеющей прав и свобод, особенно ярко можно увидеть в следующих строках стихотворения: «*В моей руке не быть мечу / Не зазвенеть струне. / Я только девочка – молчу...*». Метафоры «*В моей руке не быть мечу*» и «*Не зазвенеть струне*» отражают специ-

фику образа женщины XIX в., когда женщинам не давали права на голосование, они не могли занимать определенные должности, получать образование и др., однако уже задумывались над перспективами. «...Ах, если бы и мне, / Взглянув на звезды, знать, что там / И мне звезда зажглась...», — пишет Цветаева, косвенно отражая надежду на скорое уравнивание гендерных позиций в обществе, поскольку единственная приемлемая обществом социальная модель женщины-прадительницы (женщины-хранительницы очага) уже неактуальна.

Тема общественного принуждения соблюдения женщинами общепринятых социальных норм раскрывается и в стихотворении «ROUGE ET BLEUE», в котором представлены три этапа становления женщины: «девочка» — «девушка» — «женщина». Примечательно, что образы героинь антонимичны: можно предположить на основе цветовых ассоциаций, что образы символичны и строятся на основе **метафоризации**: девочка в красном олицетворяет сердце, а девочка в синем — разум. Сердце предлагает идеи, которые позволяют человека сделать счастливым, однако разум транслирует мнение, соответствующее приемлемой для общества модели поведения женщины: «Пальчиком тонким грозя, / Строго ответила девочка в синем: / — «Мама сказала — нельзя»; «Грустно ответила девушка в синем: / — «Полно! Ведь жизнь — не роман». В зрелости женщина отмечает, что она «пленница в счастье своем». С помощью данной метафоры М. Цветаева показывает власть разума над сердцем женщины в вопросах выбора модели поведения: «Горько ответила женщина в синем: / — «Что же? Ведь женщины мы!»».

Лирическая героиня М. Цветаевой транслирует позицию, которая заключается в том, что женщина может примерять на себя любую роль. Так, в стихотворении «Есть в стане моем — офицерская прямость» (1920) лирическая героиня предстает перед нами потенциальным воином, на это указывает широкий спектр регулятивных средств и структур. Автор использует, например, следующие эпитеты: «офицерская прямость»; «офицерская честь»; «солдатское терпение»; «черкесская талля»; ей подходит «тесный ременный кушак». Для создания образа автор применяет **сравнения**: «Как будто когда-то прикладом и сталью / Мне выправили этот шаг»; «Как будто нарочно для сумки походной — / Раскинутых плеч широта». С помощью **метафоры** «Я слово беру — на прицел!»; **сравнения** «Как будто сама я была офицером / В Октябрьские смертные дни»; **олицетворения** «...сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром скрежеет». М.И. Цветаева показывает, что с помощью поэтического дара, дара владения словом можно быть причастным к судьбе своей Родины.

В цикле «Стихи к Пушкину» лирическая героиня Цветаевой, наделенная даром слова, обретает большую силу под воздействием угнетающей среды и в момент преодоления бытийных страстей: об этом можно судить по использованию автором **анафоры** «Знаем, как «дается»»; «Знаю, как хотелось / В лес — на бал — в возок...»; «И как — спать хотелось...», употреблением на синтаксическом уровне **эллиптического типа предложений** для создания эффекта точности и сухости речи: «Больше баласту — краше осанка!»; «Мощь — прибыва-ла // Сила — росла».

Для лирической героини Цветаевой сила и слабость — стихи, ее «детище». В 1918 г. поэтом было опубликовано стихотворение «Каждый стих — дитя любви», которое пронизано любовью к слову и поэзии. Для женщины-поэта рождение на свет нового произведения искусства — муки и счастье. Для лирической героини ее произведения — единственная любовь, которая не требует обратной связи и отдачи. С помощью **сравнения** «каждый стих — Первенец у колеи» и **метафоры** «на поклон ветрам положенный» автор показывает спонтанность создания произведений и их ценность для творца.

Сила женщины в лирике М.И. Цветаевой находит свое отражение не только в поэтическом слове, но и в любви — к мужу и детям, что свойственно женской лирике в целом. В стихотворении с посвящением мужу С.Э. «Я с вызовом ношу его кольцо» (1914) репрезентантами концепта «сильная женщина» становятся следующие образные регулятивные средства: **метафора** «В его лице я рыцарству верна», которая подчеркивает верность мужу; **риторические восклицания**: «Я с вызовом ношу его кольцо! / — Да, в Вечности — жена, не на бумаге!».

В стихотворении С.Э. «Сижу без света, и без хлеба...» (1920) лирическая героиня испытывает бедственное положение, проходит изнуряющие жизненные испытания, которые как будто проверяют на прочность ее любовь к мужу. На это указывает использование следующих регулятивных средств и структур автором:

— **анафоры**: «Сижу без хлеба, и без света / И без воды», «Сижу, — с утра ни корки черствой...»;

— **тире** — характерного для Цветаевой графического регулятивного средства (возможно, чтобы выразить надежду на освобождение и возвращение любимого: «Что — может — всем своим покорством / — Мой Воин! — выкуплю тебя»);

— **риторического обращения** к мужу «Мой Воин!» (указывает на то, что лирическая героиня испытывает уважение и искренние чувства к мужу).

Муж для лирической героини М. Цветаевой многое значит, ради него можно пройти через все невзгоды: «И, наконец — чтоб было всем известно! / — Что ты любим! любим! любим! — любим! //

– *Расписывалась – радугой небесной* (стихотворение «Писала я на аспидной доске...» (1920)). Четырехкратный повтор глагола **любим** с **многочисленными тире и восклицательными знаками** усиливает эстетический эффект.

В своей лирике М. Цветаева часто обращается к употреблению **имен**, в том числе и собственного – Марина, которое становится для лирической героини М.И. Цветаевой символом преданности и верности любимому мужчине: «*Дмитрий! Марина! В мире... / Единой волною вскинутых, / Единых волною смытых / Судеб! Имен!*» (1916); «– Ты меня любишь, Марина? // – Очень! / – Навсегда? – Да...» (1916); «*На кортике своем: Марина – / Ты начертал, встав за Отчизну. / Была я первой и единой...*» (1918); «*Быть голубкой его орлиной! / Большие матери быть – Мариной!*» (1921).

Ролевая модель образа матери также актуальна для лирики М. Цветаевой. Репрезентантами данного образа становятся различные регулятивные средства.

На синтаксическом уровне часто используются **риторические обращения**: «*Царевать тебе, горевать тебе, / Принимать венец, / О мой Первенец!*» (1916), «*Под ногой – полезны – бездны! / Первенец мой крутолобый!*» (1919), «*Так, доченька, к себе на родину: / В страну Мечты и Одиночества*» (1919), «*Ни к городу и не к селу – / Езжай, мой сын, в свою страну, – ...*» (1932) и др.

На стилистическом уровне это употребление **имени автора**: «– Марина! Спасибо за мир! / Дочернее странное слово» (1918); **метафоры жизненного пути**, позволяющей отразить связь матери и ребенка в течение жизни: «*Мать с дочерью идем – две странницы / Чернь черная навстречу чванится...*» (1919); **эпитетов**: «*сынок пороженый / Бе-ре-жесный*», «*слеза деревенска, / Океанска!*» (1928) (они помогают Цветаевой передать основную идею – любовь матери к своему ребенку, которая проста и прозрачна, словно душа деревенской женщины). Ее образ создается использованием лексики: см. диалектные варианты лексем: «*деревенска*», «*оceanска*»; разг. «*отлилася*», вместо «*отлилась*»; «*башка*» – в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «то же, что голова» – с пометой

«просторечное значение» [19]. Как отметила Н. Пушкирова, для женской письменной речи отличительной чертой становится «отход от моделей и стандартов, задаваемых каноном презентации и норм поведения» [20, с. 316].

Заключение

На основе проведенного анализа стихотворений разных лет выдающегося поэта Серебряного века М.И. Цветаевой можно сделать вывод, что в ее творчестве особое внимание уделяется разным ролевым моделям речевого поведения лирических героинь: 1) ролевой модели женщины, не имеющей права голоса; 2) модели женщины-творца; 3) модели любящей женщины; 4) модели матери.

Выделенные ролевые модели поведения лирических героинь М.И. Цветаевой, на наш взгляд, напрямую связаны с историческими процессами, происходящими в России, и могут быть рассмотрены как отражение лингвокультурного тренда эпохи. Можно предположить, что мегаконцепт «женщина» в поэтической картине мира М.И. Цветаевой предстает как многогранный феномен, имеющий сложную когнитивную структуру, содержит несколько концептов, связанных с указанными выше разными ролевыми моделями.

Лирика М.И. Цветаевой представляет собой культурный феномен, в котором отражаются значимые и наиболее актуальные для общества проблемы. Среди них так называемый «женский вопрос» и проблемы гендерного равенства, которые были животрепещущими как для российского общества в целом, так и для Цветаевой лично, что, несомненно, нашло отражение в ее поэтическом творчестве. С помощью разнообразных регулятивных средств и структур Цветаева создает рассмотренные в статье социальные ролевые модели своих лирических героинь, актуальные для общего контекста эпохи.

Дальнейшее изучение мегаконцепта «женщина» на материале лирики других поэтов Серебряного века представляет интерес для лингвопсихологии, когнитивной лингвистики, коммуникативной стилистики текста.

Список источников

1. Зырянова М.Н. Мегаконцепт «творчество» в поэтической модели мира Д.А. Пригова: дис. ... канд. филол. наук; Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2011. 235 с.
2. Кадачиева Х.М., Абдулкадырова А.Б. Ценностная концептосфера современных британских СМИ // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (часть 3). С. 635–639. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36166> (дата обращения: 01.02.2025).
3. Орлова Н.М. «Мир светел»: к изучению структуры мегаконцепта СВЕТ // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е. Гольдина. Москва; Саратов: Наука образования, 2015. С. 280–286.
4. Сидоров Е.С. «Свои» и «Чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья (на материале устных текстов конца XX – начала XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 23 с. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146675?show=full> (дата обращения: 21.01.2025).

5. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 403 с.
6. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 383 с.
7. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М.: Инфа М-Норма, 1998. 488 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556&ysclid=m7xgy8jbjwd250605840 (дата обращения: 02.03.2025).
8. Болотнов А.В. К вопросу о понятии «медиатренд» // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 23 декабря 2021 г.). М.: Инфинити, 2021. С. 96–100.
9. Болотнов А.В. Медиатренд и его типы // Коммуникативная стилистика текста: итоги и перспективы (к юбилею доктора филологических наук, профессора Н.С. Болотновой и 30-летию научного направления): материалы Всерос. научного семинара (Томск, 20 января 2023 г.) / под общ. ред. С.М. Карпенко. Томск: Изд-во ТГПУ, 2023. С. 51–56.
10. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
11. Лутовинова О.В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 11.03.2025).
12. Бердяев Н. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 3–22.
13. Савельев С.Н. Идейное банкротство богоискательства в России в начале XX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 184 с.
14. Воскресенская М.А. Русская революция в представлениях и оценках культурной элиты конца XIX начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-revoljutsiya-v-predstavleniyah-i-otsenkah-kulturnoy-elity-kontsa-hgh-nachala-xx-v> (дата обращения: 21.02.2025).
15. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 467 с. URL: [1975_Sb_statey_Strukturalizm_za_i_protiv.pdf](https://cyberleninka.ru/article/n/1975_Sb_statey_Strukturalizm_za_i_protiv.pdf) (дата обращения: 07.03.2025).
16. Жулькова К.А. «Дневниковость» поэзии и прозы М.И. Цветаевой // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnikovost-poezii-i-prozy-m-i-tsvetaevoy> (дата обращения: 10.03.2025).
17. Кудрова И.В. Лирическая проза Марины Цветаевой. Л.: Звезда, 1992. С. 172–183.
18. Михайлова О.В. Марина Цветаева в контексте культуры XX в. (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 1995. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/95-02-007-marina-tsvetaeva-v-kontekste-kultury-xx-v-obzor> (дата обращения: 06.03.2025).
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 966 с. URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 01.03.2025).
20. Пушкирова Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.

References

1. Zyryanova M.N. *Megakontsept «tvorchestvo» v poeticheskoy modeli mira D.A. Prigova. Dis. ... cand. philol. nauk* [Mega-concept “creativity” in the poetic model of the world D.A. Prigova. Dis. ... cand. philol. sci.]. Omsk, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky Publ., 2011. 235 p. (in Russian).
2. Kadachieva H.M., Abdulkadyrova A.B. Tsennostnaya kontseptosfera sovremennykh britanskikh SMI [Value conceptual sphere of modern British media]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*, 2014, no. 12 (part 3), pp. 635–639 (in Russian). URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36166> (accessed 01 February 2025).
3. Orlova N.M. «Mir svetel»: k izucheniyu struktury megakontsepta SVET [“The World is Bright”: Towards a Study of the Structure of the Megaconcept LIGHT]. *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V.Ye. Gol'dina* [Language in the Space of Speech Cultures: on the 80th Anniversary of V.E. Goldin]. Moscow-Saratov, Nauka obrazovaniya Publ., 2015. Pp. 280–286 (in Russian).
4. Sidorov E.S. «Svoi» i «Chuzhiye» v traditsionnoy lingvokul'ture Severnogo Prianga'ya (na materiale ustnykh tekstov kontsa XX – nachala XXI veka). *Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [“Ours” and “Strangers” in the Traditional Linguistic Culture of the Northern Angara Region (based on oral texts from the late 20th and early 21st centuries). Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Krasnoyarsk. 2020. 23 p. (in Russian). URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146675?show=full> (accessed 21 January 2025).
5. Malysheva Ye.G. *Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Russian sports discourse: theory and methodology of linguocognitive research. Dis. ... doc. philol. nauk]. Omsk, 2011. 403 p. (in Russian).
6. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 383 p. (in Russian).
7. *Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Na russkom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh [Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech]. Moscow, Infra M-Norma Publ., 1998. 488 p. (in Russian). URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556&ysclid=m7xgy8jbjwd250605840

8. Bolotnov A.V. K voprosu o ponyatiyu «mediatrend» [On the concept of "media trend"]. *Vysshaya shkola: nauchnye issledovaniya: materialy Mezhdunarodnogo kongressa (Moskva, 23 dekabrya 2021 g.)* [Higher school: scientific research. Proceedings of the Interuniversity International Congress (Moscow, December 23, 2021)]. Moscow, Infinity Publ., 2021. Pp. 96–100 (in Russian).
9. Bolotnov A.V. Mediatrend i yego tipy [Media trend and its types]. *Kommunikativnaya stilistika teksta: itogi i perspektivy (k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora N.S. Bolotnovoy i 30-letiyu nauchnogo napravleniya): materialy Vserossiyskogo nauchnogo seminara (Tomsk, 20 yanvarya 2023 g.)* [Communicative stylistics of the text: results and prospects (for the anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor N.S. Bolotnova and the 30th anniversary of the scientific direction): materials of the All-Russian scientific seminar (Tomsk, January 20, 2023)]. Edited by S.M. Karpenko. Tomsk, TSPU Publ., 2023. Pp. 51–56 (in Russian).
10. Karasik V.I. Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguocultural type: towards the definition of the concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnyye tipazhi* [Axiological linguistics: linguocultural types]. Volgograd, Paradigm Publ., 2005. Pp. 5–25 (in Russian).
11. Lutovinova O.V. «Lingvokul'turnyy tipazh» v ryadu smezhnnykh ponyatiy, ispol'zuyemykh dlya issledovaniya yazykovoy lichnosti [“Linguocultural type” in a series of related concepts used to study linguistic personality]. *Uchonyye zapiski ZabGU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedeniye – Scientific notes of ZabGU. Series: Philology, history, oriental studies*, 2009, no. 3 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (accessed 11 March 2025).
12. Berdyayev N. Russkiy duchovnyy renessans nachala XX veka i zhurnal «Put» (K desyatiletyu «Puti») [Russian spiritual renaissance of the early 20th century and the journal “Put” (On the tenth anniversary of “Put”)]. *Put'*, 1935, no. 49, pp. 3–22 (in Russian).
13. Savel'yev S.N. *Ideynoye bankrotstvo bogoiskatel'stva v Rossii v nachale XX veka* [Ideological bankruptcy of God-seeking in Russia at the beginning of the 20th century]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1987. 184 p. (in Russian).
14. Voskresenskaya M.A. Russkaya revolyutsiya v predstavleniyakh i otsenkakh kul'turnoy elity kontsa XIX – nachala XX v. [Russian revolution in the ideas and assessments of the cultural elite of the late 19th– early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2008, no. 314 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-revolyutsiya-v-predstavleniyah-i-otsenkah-kulturnoy-elity-kontsa-hgh-nachala-xx-v> (accessed 21 February 2025).
15. Yakobson R.O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow, Progress Publ., 1975. 467 p. (in Russian). URL: [1975_Sb_statey_Strukturalizm_za_i_protiv.pdf](https://cyberleninka.ru/article/n/1975_Sb_statey_Strukturalizm_za_i_protiv.pdf) (accessed 07 March 2025).
16. Zhulkova K.A. «Dnevnikovost'» poezii i prozy M.I. Tsvetayevoy [“Diary-like” poetry and prose by M.I. Tsvetaeva]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedeniye: Referativnyy zhurnal – Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 7: Literary criticism: Abstract journal*, 2019, no. 4 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnikovost-poezii-i-prozy-m-i-tsvetaevoy> (accessed 10 March 2025).
17. Kudrova I.V. Liricheskaya proza Mariny Tsvetayevoy [Lyrical prose of Marina Tsvetaeva]. *Zvezda* [Zvezda]. Leningrad, 1992. Pp. 172–183 (in Russian).
18. Mikhailova O.V. Marina Tsvetayeva v kontekste kul'tury XX v. (obzor) [Marina Tsvetaeva in the Context of 20th Century Culture (review)]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedeniye: Referativnyy zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 7: Literary Studies: Abstract Journal]. 1995. No. 2 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/95-02-007-marina-tsvetaeva-v-kontekste-kulturny-xx-v-obzor> (accessed 06 March 2025).
19. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Eds. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. Moscow, Az Publ., 1992. 966 p. (in Russian). URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegov_a_d.txt (accessed 03 January 2025).
20. Pushkareva N. *Gendernaya teoriya i istoricheskoye znaniye* [Gender Theory and Historical Knowledge]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007. 496 p. (in Russian).

Информация об авторах

Захарчевская Н.В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: avzaxar@mail.ru; ORCID ID: 0009-0004-9420-1395; SPIN-код: 3976-5288.

Болотнов А.В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: avb@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0001-7442-9115; SPIN-код: 2816-0080; Researcher ID: C-7210-2018; Scopus ID: 56642753200.

Information about the authors

Zakharchevskaya N.V., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: avzaxar@mail.ru; ORCID ID: 0009-0004-9420-1395; SPIN-code: 3976-5288

Bolotnov A.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: avb@tspu.ru; ORCID: 0000-0001-7442-9115; SPIN-code: 2816-0080; Researcher ID: C-7210-2018; Scopus ID: 56642753200

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 04.04.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 811.161.1`38`42:316.77:070
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-78-85>

Особенности коммуникативного стиля писателя Анны Матвеевой в Telegram-канале

Юлия Борисовна Извекова¹, Нина Сергеевна Болотнова²

^{1, 2} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ vjatkina2009@yandex.ru, 0009-0006-8300-6011

² nsb@tspu.edu.ru, 0000-0003-4655-5194

Аннотация

Особенности коммуникативного стиля языковой личности исследуются в рамках медиалингвистики, лингвоперсонологии, стилистики, теории речевой коммуникации. Согласно концепции, разработанной в коммуникативной стилистике текста, этот стиль выражается в коммуникативном проявлении личности в различных ситуациях общения на уровне типовых коммуникативных ролей, тактик и стратегий, выбора регулятивных средств и структур, отношения к коммуникативным нормам, ориентации на адресата, предпочтений в выборе речевых жанров. Цель статьи – выявление специфики коммуникативного стиля творческой медийной языковой личности писателя на основе его речевого поведения в Telegram-канале. Материалом исследования послужил Telegram-канал российского писателя Анны Матвеевой (посты за 2024–2025 гг.). Исследование выполнено в русле коммуникативной стилистики с использованием методов дискурсивного анализа, семантико-стилистического и контекстуального анализа. Языковая личность Анны Матвеевой раскрывается в личном Telegram-канале как творческая, эмоциональная, увлеченная, открытая для общения. В блогах ею используются различные коммуникативные стратегии: самопрезентация, создание позитивного настроя, осмысление опыта, информирование, экспертная оценка. Различные регулятивные средства и структуры раскрывают образ автора и создают впечатление о писателе как о яркой публичной личности с богатым информационным тезаурусом и оригинальным мировидением. Из регулятивных средств преобладают эпитеты, метафоры, ирония, гипербола. Среди регулятивных структур часто используются: повтор, амплификация, градация, антитеза, нанизывание риторических вопросов. Анна Матвеева выступает в разных коммуникативных ролях (как блогер, писатель, эксперт-аналитик). Тональность общения автора – доверительная. Преобладающий тип речи – рассуждение с элементами описания. Вовлечение подписчиков в жизнь сообщества можно оценить по коммуникативному эффекту на адресата. Подписчики Telegram-канала писателя включены в активное обсуждение, судя по их комментариям и оценкам. Анна Матвеева предстает как носитель элитарной речевой культуры, имеющий чувство юмора, способный объективно воспринимать окружающий мир. Таким образом, коммуникативный стиль Анны Матвеевой в Telegram-канале отражает ее особенности как писателя, творчески описывающего происходящие события с присущим данному типу языковой личности образным восприятием окружающего мира. Результаты исследования представляют интерес для дальнейшего изучения особенностей медиакоммуникации писателя как языковой личности и могут быть полезны для медиалингвистики, лингвоперсонологии, стилистики.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, медиатекст, коммуникативный стиль, блог, Анна Матвеева

Для цитирования: Извекова Ю.Б., Болотнова Н.С. Особенности коммуникативного стиля писателя Анны Матвеевой в Telegram-канале // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 78–85. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-78-85>

Features of Anna Matveeva's communicative style in the Telegram channel

Yulia B. Izvekova¹, Nina S. Bolotnova²

^{1, 2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ vjatkina2009@yandex.ru, 0009-0006-8300-6011

² nsb@tspu.edu.ru, 0000-0003-4655-5194

Abstract

The features of the communicative style of a linguistic personality are studied within the framework of media linguistics, linguopersonology, stylistics, and the theory of speech communication. According to the concept developed

in the communicative stylistics of the text, this style is expressed in the communicative manifestation of the personality in various communication situations at the level of typical communicative roles, tactics and strategies, the choice of regulatory means and structures, attitudes towards communicative norms, orientation towards the addressee, preferences in the choice of speech genres. The purpose of the article is to identify the specifics of the communicative style of the writer's creative media linguistic personality based on his speech behavior in the Telegram channel. The research material was the Telegram channel of the Russian writer Anna Matveeva (posts for 2024-2025). The study was carried out in line with communicative stylistics using the methods of discourse analysis, semantic-stylistic and contextual analysis. Anna Matveeva's linguistic personality is revealed in her personal Telegram channel as creative, emotional, passionate, open communicator. Various communication strategies are used in her blogs: self-presentation, creating a positive mood, understanding experience, informing, expert assessment. Various regulatory means and structures reveal the author's image and create the impression of the writer as a bright public figure with a rich information thesaurus and an original worldview. The regulatory means that predominate are epithets, metaphors, irony, and hyperbole. The high-usage regulatory structures are the following: repetition, amplification, gradation, antithesis, stringing of rhetorical questions. Anna Matveeva acts in different communicative roles (as a blogger, writer, expert analyst). The author's tone of communication is confidential. The predominant type of speech is reasoning with elements of description. The involvement of subscribers in the life of the community can be assessed by the communicative effect on the addressee. Subscribers to the writer's Telegram channel are engaged in the active discussion, judging by their comments and assessments. Anna Matveeva presents herself as a bearer of elite speech culture, with a sense of humor, capable of objectively perceiving the world around her. Anna Matveeva's communicative style in the Telegram channel reflects her characteristics as a writer who creatively describes current events with the figurative perception of the surrounding world inherent to this type of linguistic personality. The results of the study are of interest for further analysis of the features of media communication of a writer as a linguistic personality and can be useful for media linguistics, linguopersonology, and stylistics.

Keywords: communicative stylistics, media text, communicative style, blog, Anna Matveeva

For citation: Izvekova Yu.B., Bolotnova N.S. Osobennosti kommunikativnogo stilya pisatelya Anny Matveyevoy v Telegram-kanale [Features of Anna Matveeva's communicative style in the Telegram channel]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 78–85 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-78-85>

Введение

Проблемы речевой коммуникации актуальны во все времена, так как только в процессе общения можно достичь понимания между людьми. При этом каждый носитель языка осуществляет это по-разному. Коммуникативный стиль – это не только совокупность характерных для человека средств общения с окружающими в различных формах, но и «привычные, устойчивые способы поведения, присущие данному человеку, которые он использует, устанавливая отношения и взаимодействуя с другими людьми» [1].

Коммуникативные стили исследуются с учетом национальных особенностей в рамках лингвокультурологии [2], рассматриваются как стили управляемого общения [3], изучаются с точки зрения идиостиля языковой личности [4].

В анализе коммуникативного стиля языковой личности представляется целесообразным следовать его определению, принятому в коммуникативной стилистике текста. В рамках этого научного направления данный стиль рассматривается комплексно, учитывая разные параметры. А.В. Болотнов определяет данный стиль как «относительно устойчивые особенности коммуникативного поведения личности в различных ситуациях общения, включая проявляющиеся в дискурсе данной языковой личности типовые коммуникативные роли,

коммуникативные тактики и стратегии, выбор регулятивных средств и структур, отношение к коммуникативным нормам, ориентацию на адресата, выбор речевых жанров» [4, с. 267].

В эпоху Интернета особый интерес представляется изучение медиакоммуникации публичных языковых личностей разных типов, оказывающих воздействие на общество.

Медиатекст – актуальный объект исследования в современной лингвистике (сравним работы Т.Г. Добросклонской [5], В.Е. Чернявской [6], А.В. Полонского [7], М.Ю. Казак [8], Л.Р. Дускаевой [9] и др.). Возрастающая роль Интернета и медиакоммуникации в жизни человека делает анализ медиадискурса востребованным. Медиалингвистика сегодня – это современная наука, связанная с изучением речевой деятельности языковой личности в медиасреде [10]. В современном понимании объектом медиалингвистики выступают медиатексты, «функционирующие в медиасреде», а предметом – «речевая деятельность в ней» [5, с. 163].

По мнению Л.Р. Дускаевой, «составными частями медиалингвистики являются четыре вектора анализа медиаречи» [11, с. 61], которые и раскрывают речевую деятельность в текстах, но у каждого направления есть свои особенности. Первый вектор направлен на «инструментарий речевой деятельности через анализ языковых средств и неязы-

ковых элементов и техник» [11, с. 62]. Второй вектор ориентирован на типологию текстов, «эксплицирующих нормативные формы, способы и виды речевой деятельности»; третий вектор исследований – медиалингводискурсология, которая изучает «речевое построение новостного текстового потока»; четвертый вектор направлен «на выработку критериев эффективной речи, а также рекомендаций и предостережений» [11, с. 62].

Рассмотрение лингвистических и экстравинтических факторов, значимых для медиакоммуникации, безусловно, является актуальной задачей для современной медиалингвистики и коммуникативной стилистики текста. «При этом особенно важно определить pragматически действенные типовые (постоянные) признаки медиатекстов и переменные (вариативные), установить их коммуникативный эффект в плане воздействия на массового адресата» [12, с. 27].

Разные формы сетевого общения «характеризуются всеми общими особенностями медиатекстов: мультимедийностью, интертекстуальностью, полидискурсивностью, интерактивностью, поликодовостью, многоканальностью» [13, с. 374], но в то же время в «них проявляются вариативность масштаба и объем представления информации, композиции, форм проявления диалогичности и речевого позиционирования, которые позволяют их дифференцировать» [13, с. 374].

Личный Telegram-канал содержит блоги автора, его непосредственное реагирование на текущие события, участником или свидетелем которых он являлся. Блог – один из активно используемых жанров в современных массмедиа. Все блоги включают «конкретизацию автора, время написания текста, обозначение темы или обсуждаемого события, его оценку, аргументы автора, приглашение к коллективному обсуждению» [14, с. 211]. Как отмечалось ранее, для этого жанра характерны такие черты, как многообразие тематики и стилистическая разнородность идиостилей авторов. Особую роль с точки зрения воздействия на массового адресата в блоге «играет тип речевой культуры автора и его личность» [14, с. 211].

Говоря об особенностях блога, необходимо помнить, что специфика коммуникации в первую очередь обусловлена особенностями среды – сети Интернет. Создавая блог, «пользователь становится одновременно и автором, и аудиторией» [15]. Блогер может публиковать «авторские тексты, высказывать мнение по интересующим его событиям, размещать аудио- и видеинформацию и т. д., выступая в данном случае как автор» [15].

Т.В. Шмелева разработала модель речевого жанра, в которую включила коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, образы прош-

лого и будущего, языковое воплощение речевого жанра [16, с. 93]. Определить жанровую специфику текстов в медиасреде бывает достаточно сложно. В первую очередь это обусловлено тем, что блогеры в большинстве случаев не являются профессиональными писателями или журналистами. Блог содержит разные посты автора, а каждый пост относится к какому-либо жанру. Опираясь на принципы определения публицистических жанров А.А. Тертычного [17, с. 149], в блогосфере можно выделить некоторые макро- и микроянры, или жанры блогов и постов. Информационный блог может включать в себя пост, имеющий признаки заметки, содержать элементы репортажа. В блоге аналитического типа преобладают посты в жанре экспертной оценки, рецензии, обзора. В блоге художественно-публицистического типа можно встретить посты с элементами очерка, пародии, сатирического комментария. К популярным жанрам в блогосфере можно отнести опросы, анкеты.

Материал и методы

В задачи данной статьи входит анализ медиадискурса публичной языковой личности писателя Анны Матвеевой из Екатеринбурга по основным параметрам коммуникативного стиля. Для выявления коммуникативных особенностей автора в качестве материала исследования был рассмотрен ее блог в Telegram-канале [18]. Здесь и далее материал цитируется по данному источнику.

Блог писателя Анны Матвеевой ориентирован на массового адресата, судя по тематике представленных материалов, хотя в основном автор делится экспертными постами, связанными с ее основной деятельностью, представляет новинки своего творчества, рассказывает про планы на будущее. Контент вызывает интерес у подписчиков. Об этом можно судить по их реакциям на любой из постов.

Основой данного исследования стала методологическая база коммуникативной стилистики с опорой на теорию регулятивности текста [19, 20] и использование таких методов, как дискурсивный анализ, семантико-стилистический и метод контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

1. При изучении коммуникативного стиля языковой личности необходимо рассмотрение тактик и стратегий речевого поведения, включая приемы поддержания диалога и разные варианты поведения с собеседником, которые помогают добиться определенной цели. Как показал анализ материала, Анна Матвеева использует различные коммуникативные стратегии: *самопрезентации, создания позитивного настроя, осмыслиения опыта, информирования, экспертной оценки, прогнозирования*.

Среди тактик, характерных для писателя, можно выделить, например: *использование экспертного мнения*, которое основано на предъявлении фактов авторитетными людьми или профессионалами; *юмор, парадоксальные примеры, шутки*, способные разрядить обстановку; *прогнозирование ситуации*, которая основывается на формулировке ожидаемого события с опорой на реальное положение дел, ценностей, интересов, требований или пожеланий и др.

Обратимся к рассмотрению материала в Telegram-канале писателя. Автор использует, например, стратегию самопрезентации, с иронией рассказывая о встречах со случайными людьми и создавая по ходу яркие образы персонажей по их репликам:

1. *Лучший вопрос на встрече с читателями был задан в городе Н. Женщина с поджатыми губами спросила: «А кто вообще выбирает писателей, которые приезжают на фестиваль?!* **Пришло извиняться, что не легла в ожидание** [<https://t.me/annaamatveeva/106>].

2. Воспринимая с юмором некоторые происходящие события, автор прибегает к **смешению стилей**: *В самолете стала объектом внимания нетрезвого мужчины. Один комплимент особенно запомнился: «Какая ты красивая сбоку»* [<https://t.me/annaamatveeva/151>].

Интересно использование приема **контраста** как регулятивной структуры в описании разных ситуаций, вызывающих интерес читателей блога:

1) *Выставка продолжается, а нам уже совсем не так жарко, как в первые дни. Всего плюс 37* (Подпись к фотографии в Саудовской Аравии) [<https://t.me/annaamatveeva/326>].

2) *Три грации* (подпись к фотографии с верблюдом) [<https://t.me/annaamatveeva/324>].

3. *В крупном книжном магазине Москвы две продавицы наводят порядок в зале. Одна с негодованием снимает с выставленных книг «символы года» – плюшевых, пластиковых и еще каких-то змей:*

– *Опять Ленка своих гадюк везде понаставила!*

И тут я ощутила близкое дыхание праздника [<https://t.me/annaamatveeva/379>].

Ирония помогает автору подчеркнуть свою точку зрения, описать забавную ситуацию и повысить интерес к себе. Конечно, в этих высказываниях также передается определенное состояние души, особенности образного видения окружающего мира.

Для писателя в блоге особенно характерна стратегия самопрезентации. Это проявляется в осознанном и планируемом речевом поведении, направленном на желаемое впечатление:

*Во-первых, мой канал: что хочу, то и говорю. А во-вторых! Я когда литературой стала заниматься, я раздел «благодарности» стала читать с особым интересом. Потому что **по себе знаю**, как важны все люди, там перечисленные* [<https://t.me/annaamatveeva/138>].

Стратегии и тактики речевого поведения рассчитаны на достижение долгосрочных результатов. Чаще всего тактика, в данном случае это опора на собственный опыт, позволяет достигнуть эффекта в самом процессе диалога, а стратегия продумывается заранее.

2. В анализе и описании коммуникативного стиля языковой личности важно отношение к коммуникативным нормам, т. е. правилам общения, которые обязательны для выполнения в определенном социокультурном сообществе. Это нормы выбора видов, форм и средств общения, определяющих целенаправленность, целесообразность, непрерывность и эффективность общения. Они действуют на всех этапах речевой деятельности: от постановки цели до достижения запланированного результата.

Как носитель элитарной речевой культуры, Анна Матвеева следует коммуникативным нормам, описывая происходящее с ней в Telegram-канале. Это проявляется в уместности каждого языкового средства относительно конкретной ситуации общения, в чистоте и правильности речи. Чистота речи диктуется в первую очередь этическими нормами и, как следствие, предупреждает помехи в общении. Как известно, коммуникативные нормы вариативны в своем проявлении и носят часто рекомендательный характер. То, что возможно в одних сферах и ситуациях общения, может быть абсолютно недопустимым в других. Варьируя использование языковых средств, писатель достигает нужного коммуникативного эффекта, вызывая неизменный интерес подписчиков.

3. Одним из параметров оценки коммуникативного стиля служат регулятивные средства и структуры, используемые языковой личностью в общении, – это элементы, помогающие усилить воздействие на собеседника, реализовать различные коммуникативные роли, выразить социальную оценочность и диалогичность взаимодействия. В Telegram-канале Анна Матвеева выступает не только как блогер и эксперт, но и как писатель.

Некоторые коммуникативные особенности автора как писателя можно увидеть по затрагиваемым темам и использованию в ее речи различных средств художественной выразительности.

Так, в постах наблюдается использование экспрессивной лексики. Приведем примеры.

1. *В книжном фестивале «Красная строка» в богоспасаемом Екатеринбурге случайно услышала*

*фрагмент дискуссии **крутивших ассы** перевода и издателей, выпускающих переводную прозу и нон-фик* [<https://t.me/annaamatveeva/347>].

2. ...чтобы суметь **вернуть слово** в актуальных дискуссиях. **Увольте!** [<https://t.me/annaamatveeva/138>].

3. *Многое думаю об этом поступке, наблюдая из окон домика творящееся новогоднее безумие* [<https://t.me/annaamatveeva/138>].

Лексические средства помогают понять эмоциональное состояние говорящего в момент речи, «характеристики субъективных оценок окружающим предметам и другим людям» [12, с. 187]. Благодаря этому усиливается впечатление адресата от полученной информации, которая воздействует на него, побуждая к ответной реакции. Действительно, эмоционально насыщенные посты Анны Матвеевой, в которых писательница делится опытом, приобщает читателей к своим размышлениям, оценивает происходящее, набирают больше реакций в виде лайков.

Типовые особенности речи, свойственные писателям, можно наблюдать в общем метафорическом стиле изложения. Речь автора характеризуется обилием ярких **эпитетов**, которые свойственны творческим личностям:

1. *Зависть – сложное, табуированное чувство* [<https://t.me/annaamatveeva/138>].

2. *Самая удивительная в мире мечеть* [<https://t.me/annaamatveeva/327>].

3. *Работа невероятно глубокая, умная, это и в правду самый настоящий труд* (оценка диссертации доктора филологических наук Вероники Терно-Еленька из Познани) [<https://t.me/annaamatveeva/317>].

Наряду с **эпитетами**, использование стилистических приемов **парцелляции** и **амплификации** усиливает эмоциональную тональность сообщения: *Сейчас мне захотелось проводить год двориком* (рисунок заснеженной улицы). *Тихим, спокойным, знакомым и уютным* [<https://t.me/annaamatveeva/148>].

Роль **эпитетов** заключается в том, что они подчеркивают выразительность и образность речи, обогащают содержание высказывания, акцентируют индивидуальный признак определяемого предмета или явления. Действительно, автору удается найти нужное определение, чтобы дать точную оценку происходящему и выразить свои чувства.

В текстах Анны Матвеевой также преобладают **метафорические высказывания**, что делают их более доступными, эффективными и активно влияющими на восприятие читателя.

Особенно часто автор использует **метафоры**, иногда в сочетании с **индивидуально-авторскими новообразованиями**:

1. *Ну и чисто с точки зрения живописной темы: там столько картин и художников разбросано на полях! Я обуглилась и насохранила красоту* [<https://t.me/annaamatveeva/138>].

2. *Междуд делом я закончила книгу. И хочу сказать, что ставить точку по-прежнему приятно* [<https://t.me/annaamatveeva/100>].

3. *Кроме прочего, это просто читательский кайф* [<https://t.me/annaamatveeva/138>].

4. *Время бежит, совсем не ждет* [<https://t.me/annaamatveeva/148>].

5. *Свеженькая, только из типографии* (о новой книге) [<https://t.me/annaamatveeva/238>].

6. *Филолог не дремлет* [<https://t.me/annaamatveeva/317>].

Сравнения в блоге писателя встречаются реже: *Я начинаю разливаться соловьем* про здание... [<https://t.me/annaamatveeva/132>].

В дискурсе автора присутствуют и другие средства выразительности, которые помогают передать поэтическое мировосприятие языковой личности, особенности характера и эрудированность.

Эмоциональность речи часто выражается использованием **гиперболы**. Анна Матвеева посещает много разных мест, и везде ее встречают с особым гостеприимством. Автор всегда с теплотой отзыается о дружеских встречах и встречах с читателями: *Первый раз побывала на фестивале «Александровская крепость» в Усть-Лабинске – и с радостью приеду еще 100 раз* [<https://t.me/annaamatveeva/267>]. В этом примере отражается ее эмоциональность и живой отклик на признание аудитории.

Коммуникативный эффект в суждениях Анны Матвеевой иногда достигается при помощи **антитезы**: *Читаю сейчас сборник «Тело» и ловлю себя на мысли: какие все писатели прекрасные, когда пишут, и какие неприятные в жизни. Включая, конечно, меня саму в первую очередь* [<https://t.me/annaamatveeva/312>]. Здесь антитеза в рассуждениях привносит нотку драматизма, подчеркивает сожаление и самокритичность автора.

Контраст как регулятивная структура может выполнять в блоге писателя разные функции: *Раньше я не понимала, как это писатели бросают свое занятие и просто живут. А теперь я их очень понимаю!* [<https://t.me/annaamatveeva/360>]. В этом откровенном признании автора антитеза подчеркивает двойственность ситуации и динамику отношения к ней.

Прием контраста, создаваемый антитезой, усиливает выразительность речи, делает сообщение ярким и выразительным: *Утомительный эффект родного города: все люди на улицах Екатеринбурга кажутся знакомыми. В Москве такого не бывает, там каждый – незнакомец, даже если вы встречались много раз. Вот за это в числе прочего люблю и Москву, и Екб* [<https://t.me/annaamatveeva/413>].

С помощью **повтора** автор может подчеркивать значимость и уточнять детали предстоящего события (например, книжной ярмарки за границей): *К открытию книжной ярмарки в Саудовской Аравии готовы! Ну или почти готовы* [<https://t.me/annaamatveeva/318>].

Особую динамику в описании можно увидеть в суждениях автора благодаря приему **парцелляции**, лаконично подчеркивающему реакцию автора на событие: *Мило и смело. Выставка ковров. В Музее декоративного искусства. До 4 ноября* [<https://t.me/annaamatveeva/348>].

Риторические вопросы служат одним из важных средств регулятивности в коммуникативном стиле Анны Матвеевой. Их нанизывание обладает особым коммуникативным эффектом, усиливая диалогичность в рассуждениях автора. Чаще всего они акцентируют внимание на роли писателя и его творчества: *Когда писатель может называться писателем? После первой публикации? После первого авторского гонорара? Или когда читатели и поддерживающие люди считают его таким?* [<https://t.me/annaamatveeva/330>].

Заключение

Коммуникативный стиль характеризует особенности поведения человека в процессе его взаимодействия с другими людьми. Как показал анализ медиадискурса блога в Telegram-канале Анны Мат-

веевой, коммуникативный стиль связан с метафорическим стилем мышления писателя, его особым мировосприятием и использованием в его речи различных изобразительно-выразительных средств и стилистических приемов для представления информации, выражения оценок и воздействия на адресата. На основе стратегий самопрезентации, создания позитивного настроя, осмысливания опыта, информирования, экспертной оценки автор Telegram-канала не только выражает себя как Личность, но и свое видение происходящего, приобщает к этому адресата, воздействуя на него.

Проведенный анализ показал, что речь Анны Матвеевой, безусловно, яркая и разнообразная. Непринужденный стиль общения писателя в описании любой ситуации помогает повысить читательский интерес. В текстах автора отражается креативное решение любой проблемы. Как писатель, Анна Матвеева способна ясно, образно и лаконично выражать свои мысли, умеет понять другого человека, воспринять его эмоции и чувства, что, безусловно, вызывает в людях уважение и доверие. В иронических высказываниях Анна Матвеева демонстрирует способность контролировать свои чувства и с юмором воспринимать различные проблемные ситуации.

Дальнейшее исследование дискурса блогосферы представляет интерес для лингвоперсонологии, дискурсолологии, текстологии, жанроведения.

Список источников

1. Василик М. Коммуникативные стили. URL: <https://psycho.ru/library/2978> (дата обращения: 29.03.2025).
2. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении. М.: Флинта: Наука, 2009. 286 с.
3. Мкртычян С.В. К характеристике понятия коммуникативного стиля общения. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18659/1/iurg-2010-82-09.pdf> (дата обращения: 29.03.2025).
4. Болотнов А.В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-междисциплинарной языковой личности. Томск, 2015. 273 с.
5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2008. 263 с.
6. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве. М.: УРСС ЛИБРОКОМ, 2013. 232 с.
7. Полонский А.В. Современный массмедиийный текст и его параметры // Стилистика сегодня и завтра: материалы международной конференции «Стилистика сегодня и завтра». Ч. 1. М., 2014. С. 190–197.
8. Казак М.Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика: международный научный журнал. 2014. Вып. 1. С. 65–76.
9. Дускаева Л.Р. Современный российский медиатекст в интенционально-стилистическом аспекте // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (17–18 апреля 2014 г.). Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. С. 100–106.
10. Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия / Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, Н.В. Камнева, А.А. Каширин, А.В. Курьянович, И.А. Пушкарева; под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2017. 248 с.
11. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. 435 с.
12. Болотнова Н.С. Сопоставительный анализ регулятивного потенциала медиатекстов разных жанров в дискурсах информационно-междисциплинарных языковых личностей // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 11 (176). С. 27–34.
13. Болотнов А.В. Жанры сетевых медиа (интернет-СМИ) // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М.: Флинта, 2018. С. 374–378.

14. Болотнова Н.С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях блога в аспекте регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 211–215.
15. Лазуткина Е.В. Особенности коммуникационной модели блогов // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsionnoy-modeli-blogov> (дата обращения: 11.12.2024).
16. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.
17. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2002. 310 с.
18. Блог Анны Матвеевой. URL: <https://t.me/annaamatveeva> (дата обращения: 12.09.2024).
19. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, Е.А. Бакланова и др. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. 492 с.
20. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.

References

1. Vasilik M. *Kommunikativnyye stili* [Communicative styles] (in Russian). URL: <https://psycho.ru/library/2978> (accessed 29 March 2025).
2. Kulikova L.V. *Kommunikativnyy stil' v mezhkul'turnom obshchenii* [Communicative style in intercultural communication]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 286 p. (in Russian).
3. Mkrtchyan S.V. *K kharakteristike ponyatiya kommunikativnogo stilya obshcheniya* [On the characterization of the concept of communicative style of communication] (in Russian). URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18659/1/iurg-2010-82-09.pdf> (accessed 29 March 2025).
4. Bolotnov A.V. *Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazheniye kommunikativnogo i kognitivnogo stilej informatsionno-mediyinoy yazykovoy lichnosti* [Text activity as a reflection of the communicative and cognitive styles of an information and media linguistic personality]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 402 p. (in Russian).
5. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremenennaya angliyskaya mediarech')*: uchebnoye posobiye [Medalinguistics: a systematic approach to studying the language of the media (modern English media speech): a tutorial]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 263 p. (in Russian).
6. Chernyavskaya V.Ye. *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the medial space]. Moscow, URSS LIBROKOM Publ., 2013. 232 p. (in Russian).
7. Polonskiy A.V. Sovremennyy massmediynyj tekst i yego parametry [Modern mass media text and its parameters]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Stilistika segodnya i zavtra"* [Conference materials Stylistics today and tomorrow]. Part 1. Moscow, 2014. Pp.190–197 (in Russian).
8. Kazak M.Yu. Sovremennyye mediateksty: problemy identifikatsii, delimitatsii, tipologii [Modern media texts: problems of identification, delimitation, typology] *Medalingvistika: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal – Medalinguistics: international scientific journal*, 2014, no. 1, pp. 65–76 (in Russian).
9. Duskayeva L.R. Sovremennyy rossiyskiy mediatekst v intentsional'no-stilisticheskem aspekte [Contemporary Russian media text in the intentional-stylistic aspect]. *Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Russkaya rechevaya kul'tura i tekst"* [Materials of the VIII International scientific conference (Russian speech culture and text)]. Tomsk, TsNTI Publ., 2014. Pp. 189–195 (in Russian).
10. Bolotnova N.S., Bolotnov A.V., Kamneva N.V. et al. *Yazykovaya lichnost' i mediasreda: kommunikativno-kognitivnyye aspekty vzaimodeystviya* [Language personality and media environment: communicative and cognitive aspects of interaction]. Ed. N.S. Bolotnova. Tomsk, TsNTI Publ., 2017. 248 p. (in Russian).
11. *Medalingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Medalinguistics in terms and concepts: dictionary-reference book]. Ed. L.R. Duskaeva. Moscow, Flinta Publ., 2018. 435 p. (in Russian).
12. Bolotnova N.S. Sopostavitel'nyy analiz regulativnogo potentsiala mediatekstov raznykh zhanrov v diskursakh informatsionno-mediyinyykh yazykovykh lichnostey [Comparative analysis of the regulatory potential of media texts of different genres in the discourses of information and media linguistic personalities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2016, no. 11 (176), pp. 27–34 (in Russian).
13. Bolotnov A.V. Zhanry setevykh media (internet-SMI) [Genres of network media (Internet media)]. *Medalingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Media linguistics in terms and concepts: dictionary-reference book]. Moscow, Flinta Publ., 2018. Pp. 374–378 (in Russian).
14. Bolotnova N.S. O nekotorykh zhanrovo-stilisticheskikh osobennostyakh bloga v aspekte regulativnosti [On some genre and stylistic features of a blog in the aspect of regulation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2012, no. 1 (116), pp. 211–215 (in Russian).
15. Lazutkina Ye.V. Osobennosti kommunikatsionnoy modeli blogov [Features of the communication model of blogs]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii – Science. Innovations. Technologies*, 2010, no. 66 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsionnoy-modeli-blogov> (accessed 11 December 2024).

16. Shmeleva T.V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of speech genre]. Zhanry rechi [Speech genres]. Saratov, 1997. Pp. 88–98 (in Russian).
17. Tertychnyy A.A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodical press]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 310 p. (in Russian).
18. *Blog Anny Matveyevoy* [Anna Matveeva's blog] (in Russian). URL: <https://t.me/annaamatveeva> (accessed 12 September 2024).
19. Bolotnova N.S., Babenko I.I., Baklanova E.A., Bolotnov A.V., Vasiliev A.A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya reguljativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative style of the text: lexical regularity in text activity]. Ed. N.S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 492 p. (in Russian).
20. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative style of the text: Dictionary-thesaurus]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 384 p. (in Russian).

Информация об авторах

Извекова Ю.Б., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: vjatkina2009@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-8300-6011; SPIN-код: 1548-8905.

Болотнова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: nsb@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0003-4655-5194; SPIN-код: 3708-6465; Researcher ID: C-4107-2018; Scopus Author ID: 57110427900.

Information about the authors

Izvekova Yu.B., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: vjatkina2009@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-8300-6011; SPIN-code: 1548-8905

Bolotnova N.S., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: nsb@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0003-4655-5194; SPIN-code: 3708-6465; Researcher ID: C-4107-2018; Scopus Author ID: 57110427900.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 01.04.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-86-94>

Жанровые формы профессиональной интернет-коммуникации преподавателей русского языка как иностранного: запрос, совет, возражение

Ирина Сергеевна Харитонова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия, kislovais@susu.ru, 0009-0004-9500-2275

Аннотация

Проанализирован письменный неформальный профессиональный дискурс преподавателей русского языка как иностранного в аспекте жанровых форм. Материалом для исследования стали сообщения преподавателей русского языка как иностранного, взятые из закрытого профессионального чата РКИ Talks Методика (<https://t.me/rkitoday>), созданного в мессенджере Telegram в 2020 г. В работе рассмотрены жанровые формы запроса, совета и возражения. Приводится авторская типология запроса совета на основании наличия/отсутствия предыстории. Представлены такие разновидности запросов с предысторией, как запрос совета с исходными данными об ученике, запрос совета, инициируемый вопросом от ученика, запрос о помощи с жалобой на тщетность усилий. Показано, что в запросах с предысторией все варианты непосредственно или опосредованно связаны с фигурой ученика. Обобщены результаты анализа типов совета и сделан вывод о значении компонента «студент» для модальной рамки совета: это субъект пользы. Выявлены и описаны тактики и приемы в возражениях, сосредоточенные вокруг личности студента либо направленные на личность спрашивающего. Одна из тактик в возражениях первого типа заключается в указании на несоответствие утверждаемого/предлагаемого чему-либо, например, целям и задачам обучения, уровню владения языком, языковым нормам, лингвокультурным реалиям. В тактике предупреждения о рисках эксплицируется риск приведения студентов в заблуждение, возникновения путаницы и ошибок вследствие некорректных действий преподавателя. В возражениях против коллег оппоненты прибегают к наклеиванию ярлыков, апелляции к личности, перефразированию. Доказано, что сформированные компетенции иностранного ученика используются как показатель профессиональной компетентности преподавателя, то есть во всех рассмотренных случаях в высказываниях упоминается личность студента. Регулярность включения фигуры ученика в сообщения позволяет назвать такое поведение коммуникативной стратегией. Сделан вывод о том, что профессиональная коммуникация в чат-взаимодействии отличается высокой оценочностью, преимущественно отрицательной: жанровые формы запроса и ответа сопровождаются модальностью жалобы, иронии, предупреждения, критики и др.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, дискурс преподавателей русского языка как иностранного, жанровые формы, запрос совета, совет, возражение

Для цитирования: Харитонова И.С. Жанровые формы профессиональной интернет-коммуникации преподавателей РКИ: запрос, совет, возражение // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 86–94. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-86-94>

Genre forms of professional Internet communication of teachers of Russian as a foreign language: enquiry, advice, objection

Irina S. Kharitonova

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation,
kislovais@susu.ru, 0009-0004-9500-2275

Abstract

The article analyses the written informal professional discourse of teachers of Russian as a foreign language in the aspect of genre forms. The material for the study are the messages of teachers of Russian as a foreign language taken from the closed professional chat room RCT Talks Methodology (<https://t.me/rkitoday>), created in the messenger Telegram in 2020. The paper considers the genre forms of request, advice and objection. The author's typology of advice request based on the presence/absence of a backstory is presented. Such varieties of requests with a backstory as a request for advice with background data about a student, a request for advice initiated by a question from a student, a request for help complaining about the futility of efforts are presented. It is shown that in requests with prehistory all variants are directly or indirectly related to the figure of the student. The results of the analysis of

advice types are summarised and a conclusion is made about the significance of the ‘student’ component for the modal framework of advice: it is the subject of benefit. Tactics and techniques in objections centred around the identity of the student or directed at the identity of the questioner are identified and described. One of the tactics in objections of the first type is to point out the inconsistency of the asserted/suggested with something, for example, the goals and objectives of teaching, language proficiency level, language norms, linguistic and cultural realities. The risk of misleading students, causing confusion and errors due to the instructor’s incorrect actions is explicated in risk warning tactics. In objections against colleagues, opponents resort to labelling, appealing to personality, paraphrasing. It has been proved that the formed competences of a foreign student are used as an indicator of the teacher’s professional competence, i.e. in all the cases considered, the student’s personality is mentioned in the statements. The regularity of including the figure of the student in the messages allows us to call such behaviour a communicative strategy. It is concluded that professional communication in chat interaction is characterised by a high degree of evaluation, predominantly negative: the genre forms of request and response are accompanied by the modality of complaint, irony, warning, criticism, etc. The authors conclude that professional communication in chat interaction is characterised by a high degree of evaluation, predominantly negative.

Keywords: professional communication, discourse of teachers of Russian as a foreign language, genre forms, request for advice, advice, objection

For citation: Kharitonova I.S. Zhanrovyye formy professional’noy internet-kommunikatsii prepodavateley RKI: zapros, sovet, vozrazheniye [Genre forms of professional Internet communication of teachers of Russian as a foreign language: enquiry, advice, objection]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 86–94 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-86-94>

Введение

Неоспоримо утверждение, что каждое речевое пространство (в том числе профессиональное) характеризуется собственной системой жанров, выступающих средствами организации и формализации социального взаимодействия [1, 2].

В последние годы опубликовано много работ, посвященных жанровой организации разных профессиональных (медицинского, юридического, гостиничного, музыкального) дискурсов (Е.В. Алешина (2014) [3], Л.А. Ахтаева (2015) [4], Е.А. Кучинская, Е.В. Ларченкова (2017) [5], Е.Е. Халина (2022) [6], В.Л. Косицкая (2016, 2018) [7, 8] и др.). Результаты исследований подтверждают отсутствие универсальных дифференцирующих критериев в выделении жанров в разных профессиональных дискурсах.

В настоящем исследовании мы обратились к профессиональному дискурсу преподавателей русского языка как иностранного (РКИ). Преподавание русского языка иностранным обучающимся предполагает не только глубокие лингвистические знания, но и умение объяснять то или иное языковое явление ученикам в доступной форме с учетом их родного языка, культурной специфики, целью изучения языка, сроком изучения и т. д., что стало предпосылкой к гипотезе об отражении в структуре жанровых форм этих и других аспектов.

Материал и методы

Материалом для исследования стали сообщения преподавателей РКИ, взятые из телеграм-чата РКИ Talks Методика (<https://t.me/rkitoday>), сообщества, которое было создано в 2020 г. «с целью душевного общения и обмена опытом». На данный момент сообщество является закрытым, т. е. вступить в него

можно только по приглашению. Количество пользователей (более 4 000 человек) и постоянный рост числа участников является показателем востребованности профессионального сообщества. В чат ежедневно поступают сообщения, от 2 и более запросов и от 10 и более ответов/комментариев, поэтому коммуникацию можно охарактеризовать как оживленную.

Распространено мнение, что жанр чата генетически восходит к жанрам непосредственного межличностного общения [9–11]. В.В. Дементьев к первичным для жанра чата относит жанры неофициального непосредственного общения (*гипержанр разговор*) [12, с. 39]. В научных работах, посвященных анализу чат-коммуникации, отмечается гедонистическая тональность чат-взаимодействия, карнавальность, спонтанный характер сообщений, преобладание разговорных слов и неполных конструкций [13–15]. Однако коммуникативная установка участников профессионального чата, обуславливающая цель их вступления в данный дискурс, а именно обмен профессиональным опытом, предопределяют информационную тональность, установку на официальность, использование узко-специализированных терминов и профессионализмов, понятных исключительно профессионалам в данной сфере, ответственность за высказывание, конструктивность обратной связи.

В чате «личность не предстает для других участников взаимодействия как данность, а должна себя выразить, представить, то есть визуально или вербально воссоздать» [16, с. 92]. В профессиональном чате важной задачей становится также сохранение репутации и поддержание статуса эксперта в рамках обсуждаемой темы. С точки зрения

статусно-ролевых позиций отметим, что такие pragmaticальные характеристики, как должность, статус, опыт работы, возраст и др. профессионально значимые характеристики, в чат-взаимодействии неизвестны, т. е. не предопределяют тон общения. Однако за четыре года участники «познакомились» друг с другом: есть имена, которые чаще остальных вступают в коммуникацию, и за этими людьми закрепился образ.

Целью статьи является анализ жанровых форм профессиональной интернет-коммуникации преподавателей РКИ. К жанровыми формам мы относим явления общего (жанр) и частного (субжанр) порядка, в выделении жанров придерживаемся традиции, заложенной в работах Т.В. Шмелевой и В.В. Дементьева.

В статье рассмотрены жанровые формы запроса, совета и возражения, образующие коммуникативную ситуацию чата «вопрос-ответ». Представлены новые данные о коммуникативных стратегиях преподавателей РКИ, что вносит вклад в изучение профессионального дискурса. Выявленная специфика жанровых форм в контексте интернет-коммуникации расширяет понимание жанровой организации профессионального общения. С точки зрения практической значимости данное исследование позволяет понять, как те или иные приемы и средства влияют на эффективность взаимодействия внутри профессиональной группы и может быть полезно для улучшения коммуникации в профессиональном сообществе.

Результаты исследования

1. Запрос.

Стимулом для коммуникации в чате в большинстве случаев становится просьба о совете/помощи (*Подскажите, пожалуйста, как объяснить...;* *Коллеги, прошу вашего совета; Поделитесь, пожалуйста, вашим опытом работы с...;* *Хочу проконсультироваться по поводу...;* *Уважаемые коллеги, просто sos!* (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника – И.Х.) и др.). Вслед за А.С. Яблоковой мы определяем запрос совета «как дискурсивное событие, включающее в себя комплекс речевых действий, направленных на достижение единой коммуникативной цели – побуждение адресата к предоставлению совета» [17, с. 87–88].

На этапе обращения к чату и первичной оценки эмпирического материала мы обратили внимание, что запрос может быть простым (одиночное предложение) или развернутым (с комментарием, предысторией). Наличие или отсутствие предыстории мы положили в основание типологии **запросов совета с эксплицированной и опущенной предысторией**.

В запросе с предысторией в среднем от трех до восьми предложений, но встречаются и более объемные сообщения. Спрашивающие стремятся описать ситуацию максимально подробно, детализированно, чтобы обеспечить ее всестороннее осмысление со стороны коллег, что, в свою очередь, способствует получению адекватной консультационной поддержки и конструктивного совета.

В запросах с предысторией все варианты непосредственно или опосредованно связаны с фигурой ученика.

Так, в субжанре **запрос совета с исходными данными** ученик характеризуется как личность и языковая личность.

В вводные характеристики входят указания на пол, возраст (*ученик взрослый 50+, студентка 24 года, подросток*), на национальную принадлежность или родной язык учащегося (*девушка из Ирана, узбеко- и кыргызоязычные студенты, группа из Лаоса, родной язык студента – испанский, этнически русский, но родной язык у него английский*), на уровень владения русским языком (*не ниже B1, говорящие, студент уровня примерно A2*) или описание знания языка и сформированности речевых умений (*Хороший словарный запас, но в плане грамматики все плачевно; Фонетика оставляет желать лучшего. Из-за того, что слова не запоминают, грамматика тоже тяжело идет; Вроде грамматику понимает, но в разговорной речи всегда делает ошибки*), на цели и задачи ученика (*Ее надо разговорить, не теряя навыки письма; С запросом разобраться в глагольных приставках*).

Как правило, преподаватели РКИ обозначают уровень языковой компетенции учеников, используя традиционные обозначения (A1, A2, B1, B2, C1, C2), дополняя их определениями с качественно-количественным значением: *достаточно хороший уровень A2, шаткий B1, грязный B1, несформированный первый сертификационный уровень*.

При характеристике знаний языка и сформированности коммуникативных умений и навыков типичным является использование противительных и уступительных конструкций, выражающих несоответствие, столкновение противоречащих факторов. Союз *но* сигнализирует о нарушении аксиологической гармонии [18]. Хорошее и плохое может располагаться по разные стороны от союза. Сравним два высказывания с похожими характеристиками: *Хорошо говорит по-русски, но с трудом читает, совсем не пишет и Алфавит знает не полностью, читать не любит и учиться читать не собирается, но на слух воспринимает и воспроизводит фразы и слова отлично.* Основание второй части более значимо, в ней преподаватели выражают «проблему» (*Медленные, но хотят говорить прямо здесь и сейчас; Способный, но есть проблемы с фонети-*

кой; Очень хорошая разговорная речь, беглая, понимает легко общий смысл, но во рту каша). Союз хотя имплицирует нереализованную причинно-следственную связь: Хотя старательно все делает дома, каждый урок забывает лексику предыдущих уроков.

В субжанре **запрос о совете, инициируемый вопросом от ученика**, преподаватель в предыстории указывает, что запрос исходит от ученика, таким образом, включает в свое высказывание чужую речь.

Регулярность подобных запросов в речевом поведении языковой личности преподавателя РКИ позволяет назвать такое поведение коммуникативной стратегией, направленной на детализацию контекста обсуждения и объясняющей, почему сейчас возник такой вопрос.

О том, что вопрос был задан преподавателю, чаще всего сообщается отдельным предложением в начале или в конце сообщения (*Студентка задала вопрос...; ...получила такой вопрос от студентки*), а после/до приводится вопрос/ситуация. Также используются изъяснительные предложения с глаголами спрашивать – спросить: *Сегодня студент (уровень примерно A1) спросил, в чем отличие...; Ученик спрашивает, почему в фразе....* Запрос студента может быть выражен дополнением, выражающим тему (*птыливый ученик задал вопрос про выпадающие гласные (перец – перцем, горошек – горошком, ров – рвом)*), а в последующих предложениях раскрывается содержание.

Уже самим запросом автор имплицитно признается в затруднении самостоятельно ответить на вопрос. Кроме того, авторы могут выражать свое затруднение эксплицитно (*ушла думать до следующего занятия, вопрос застал меня врасплох, я немного зависла, я в ступоре, студент задал вопрос и запутал* 😊, я в замешательстве 😕).

Часто в сообщении присутствуют собственные рассуждения автора по задаваемому вопросу, но для подтверждения/опровержения своих предположений преподаватель обращается за советом к профессиональной общественности.

Предыстория в субжанре **запрос о помощи с жалобой на тщетность усилий** представляет собой переживания преподавателей по поводу многочисленных неуспешных попыток объяснения темы.

Предыстория-жалоба, помимо фактического описания проблемы, возникающей у обучающихся (*неразличение звуков ы и и, проблемы с определением вида глагола, употребление привычной лексики, трудности с запоминанием падежных окончаний*), содержит сведения об усилиях преподавателя (*уже чуть ли не на пальцах объясняем, я уже иногда как попугай*) или совместных усилиях (*Кажется, я уже перепробовала, что могла, да и он вроде бы*

учит

 и тщетности этих усилий, выражаемое синтаксически с помощью противительного союза но или частицы *все равно* (*Перепробовала кучу приемов и все равно у меня студентка говорит «ми», «ви», «был» вместо «была» и т.д....*).

Этот тип запроса характеризуется наличием экспрессивных слов и выражений (я как попугай, я «выпрыгивала из штанов» весь год, мой мозг просто взорвется скоро, ситуация караул, какая-то беда).

Положительные характеристики ученика или хорошие исходные данные становятся компонентом, усиливающим переживания (*аспиранты, сдавшие B2 с хорошим результатом, претендуют на C1* 😊; *студентка B1+, неплохо ориентируется в видах глагола*).

Преподаватели, используя местоимение мы, подчеркивают, что трудность в объяснении/освоении материала является совместной (*никак не можем со студенткой победить глаголы..., мы не можем одолеть задание с ...*).

Запрос без предыстории состоит из 1–4 предложений. Это может быть **одиночный вопрос/просьба, выраженная одним предложением**, например: *Скажите, пожалуйста, в чем разница между пакетом и пачкой?; вопрос/просьба с уточнением: Как бы вы объяснили разницу между «почему не поженитесь» и «почему не женитесь»? С точки зрения смысла...; Подскажите пожалуйста, при работе с китайцами на что делать акцент? Грамматика, визуал, лексика...; вопрос/просьба с комментарием: Почему нельзя сказать «я мечтаю о моем доме»?* Чисто грамматически должно быть корректно, но мне кажется, что не звучит. Вероятно, некоторые вопросы были вызваны учебной ситуацией, но преподаватель опускает предысторию и задает вопрос лаконично.

Порой лаконичность становится причиной непонимания адресатами запроса. В этом случае у адресатов могут возникнуть уточняющие вопросы (*какой уровень? а какие значения актуальны для ученика? у вас возможная аудитория китайцев или уже есть конкретная группа?*). Если ответы коллег не совпадают с ожиданиями адресанта, то он пересфразирует вопрос, уточняет или дополняет запрос. Например, *Подскажите, пожалуйста, в каком учебнике есть задания на отработку родительного падежа при отрицании?* После ответа «Во всех» автор поясняет запрос: *Да, конечно, Вы правы, я некорректно сформулировала вопрос. Мозг уже спит. Я ищу упражнения на отработку случаев конкуренции винительного и родительного при отрицании. Когда возможен только один падеж, а когда оба.*

Запросы различаются также по типу ожидаемого ответа. Спрашивающий или просит объяснить то, что ему непонятно, или просит подсказать, где

можно найти ответ. В ответах в таком случае содержится указание (более или менее подробное) на фонд прецедентных для исследуемой социальной группы текстов: *Е. Ласкарёва. Чистая грамматика, стр. 129–151. У Караванова тоже есть (А. Караванов. Виды русского глагола), но не так компактно; В мире людей 1, с. 14, но там одно упражнение*). Отметим, что оформление подобных ссылок на авторитетный источник, далекое от полного библиографического описания, – один из маркеров коммуникации «своих».

В целом обнаруженные запросы можно классифицировать по следующим основаниям:

по форме: простой (одиночное предложение) – развернутый (с комментарием, предысторией);

по наличию оценки: нейтральный (посоветуйте, подскажите) – оценочный (с жалобами, шутками);

по наличию сопутствующей информации: без нее – с дополнительной информацией (о личности ученика, его запросе, себе и своих усилиях, методах обучения и т. п.);

по типу результата: ожидание готового ответа (объясните) – ожидание подсказки (где найти).

Ответы на запросы могут быть разными, однако они повторяют черты запроса.

2. Совет.

В профессиональном дискурсе совет может иметь различные вариации: мнение, совет-рекомендация, совет-инструкция, совет-предостережение и др. Среди ответов, носящих рекомендательный характер, наиболее релевантны значения возможности (*можно*) и целесообразности/нецелесообразности (*надо, (не)нужно, (не)стоит*) того или иного профессионального действия, а среди лексических способов выражения рекомендации используются компаративы *проще, легче, логичнее*. **Совет-инструкция**, «вырастающий» из совета-рекомендации путем описания последовательности шагов, их обоснований, установления причинно-следственных связей, включения прогностических суждений, насыщен терминологией и профессиональной лексикой. Порядок рекомендуемых действий выражается графически (например, нумерация) и лексически (*начните с..., сначала, вторая фаза, таким образом и др.*). Данный тип совета можно охарактеризовать как обучающий. В **предостерегающем совете** эксплицируется риск приведения студентов в заблуждение, возникновения путаницы и ошибок вследствие некорректных действий преподавателя [19].

Личность студента, являясь объектом педагогического воздействия, предстает в совете субъектом пользы, «для которого предмет или событие имеет ценность» [20, с. 76]. Говорящий дает рекомендацию учителю, но конечной целью является улучшение результатов ученика. Субъект пользы обозначается в высказываниях при помощи набора падежных и предложно-падежных форм: *Для студента удобен первый вариант; Если есть чувство, что ему мешает неуверенность – позвольте ему делать ошибки*.

Среди способов обозначения субъекта пользы можно выделить:

– персонифицирующие, в которых он обозначается как личность: в таком случае используются существительные типа *ученик, студент* и пр., а также личные, возвратные, притяжательные и определительные местоимения, соотносимые с вербализованным ранее или имплицитным компонентом «обучающийся»: *Иностранцам очень нравится, когда объясняешь грамматику с лингвокультурологической (функциональной) точки зрения; Попробуйте начать с заданий на чтение с записью на диктофон или голосовым в мессенджере. Будет сам прослушивать и начнет к своей речи относиться более внимательно* ~~100~~;

– обобщенно-неличные, номинирующие субъект пользы опосредованно, – через описание учебной ситуации, родного языка, уровня владения языком и пр.: *Если не нужно готовиться к экзамену, то на этом уровне лучшие учебные пособия – это аутентичный материал; В тюркских языках нет оппозиции согласных по твердости-мягкости, поэтому начинаете с постановки и дифференциации этих звуков: был- бил-быль- били- были и т. д.*

3. Возражение.

«Реакциями адресата на совет адресанта могут быть не только согласие и несогласие, но и обдумывание совета, любопытство, переадресация, уточнение, возмущение, объяснение и др.» [21, с. 2]. Для нас представляет жанровый интерес реакция в форме возражения, выступающая оценкой чужого профессионального совета/мнения и способом выяснения профессиональной истинности.

Возражение рассматривается в жанроведении как форма несогласия, включающая доводы/аргументы возражающего. «Особенностью речевого акта возражения является его реактивный характер и тесная семантическая и прагматическая связь с инициативным речевым актом утверждения» [22, с. 5]. Возражение как коммуникативная ситуация несогласия является потенциально конфликтной и входит в область речевых формул этикета, владение которыми представляет собой часть коммуникативной компетенции говорящего [23, с. 295], что особенно важно в профессиональной коммуникации. Участки чат-дискуссии с жанровыми формами возражения обретают форму спора.

Нами выделяются два типа возражений: **сосредоточенные вокруг личности студента и направленные на личность спрашивающего**.

В возражениях, сосредоточенных вокруг личности студента, выявлены две основные тактики: 1) указание на несоответствие утверждаемого/предлагаемого чему-либо; 2) предупреждение о рисках.

Указание на несоответствие осуществляется в высказываниях с явным или скрытым противопоставлением. В первом случае рас пространены конструкции с союзом *а*, по обе стороны от которого располагаются члены оппозиции (*Мы же нацелены не на удобство студентов, а на формирование в его голове системного представления о языке...*; *Ага, а потом я вижу, что в группе на фб, где студенты изучают русский, какой-нибудь американец пишет, что объездил всю Россию на велосипеде и везде, где останавливался, слышал «кушать», а ему ни в одном учебнике про это слово никто не говорил*). Во втором случае один из компонентов вербализован, другой выводится из контекста (*На начальном этапе не стоит так углубляться. Учим коробки, пачки и т.д., что следует по программе. Не делаем кашу в голове; То есть студенты учатся в вакууме по красивым текстам и картинкам из учебников??? А выходя из класса, им должны завязывать глаза* ☺).

Для возражений, включающих предупреждения о потенциальных рисках, характерны условные конструкции с союзом *если* (*К тому же я думаю, что если еще на базовом не положить в голову минимальное представление о том, что субъект не всегда в Им.п, то потом активные и пассивные конструкции сложнее понять студенту; Если вы видите, что студент отстает, явно не понимает (и, как часто бывает, стесняется спросить), то, на мой взгляд, лучше продублировать основные моменты на его языке или на языке посреднике или дать печатное объяснение правила на его языке. Ведь если он не поймет, это потом будет вечный камень преткновения*), что подчеркивает причинно-следственную связь между условием, которое может создать преподаватель, и проблемой, которая может возникнуть у студента.

В качестве риторической уловки адресаты апеллируют к эмоциям студентов: *Подумайте об учениках!; А зачем этой тонкостью забивать голову несчастному иностранцу?; И студент жалеет, что нет в голове такой кнопки DELETE, чтобы стереть все, что до этого в него загрузили.*

Возражениям, направленным на личность спрашивающего, присуща экспрессивность. В словесной дуэли возражающие прибегают к на克莱иванию ярлыков, переходят на личности, перениачивают слова оппонента. «Задача собственной позиции состоит не столько в умении отстаивать свои идеи от критики оппонентов, сколько в готовности наносить ответные удары по слабым местам в их рассуждениях» [24, с. 316].

В профессиональном сообществе преподавателей происходит навешивание ярлыков через субъективную оценку неэффективности подходов, принципов и методов в обучении. Возражающий, основываясь на своих предубеждениях и установках, а не на конкретных фактах и доказательствах, судит о профессиональных качествах преподавателя. Реальные или потенциальные результаты студента служат индикатором для дискредитации личности спрашивающего/советующего. Рассмотрим несколько примеров.

С таким подходом не будет успеха, какие бы танцы с бубнами преподаватель не устраивал. Возражающий уничижает преподавательскую деятельность до танцев с бубнами, имея в виду способы, компенсирующие изъяны подхода. *Выяснилось, что ее учили адепты картинок и подхода «умри, но чтобы ученику не было скучно».* Плохие результаты своей ученицы автор объясняет подходом предыдущего учителя и придумывает этому подходу образное название, заключая его в кавычки *«умри, но чтобы ученику не было скучно»*. Слово *адепт* приобретает в высказывании отрицательную коннотацию «фанатический приверженец». Автор использует подобную лексику, чтобы выразить свою насмешку.

Для возражений, направленных на личность спрашивающего, характерна оппозиция «спрашивающий – отвечающий»: вы (ошибающийся, спрашивающий ерунду, неграмотный, некомпетентный, неадекватный...) – я (молодец, опытный, ложнокромный, профессионал, адекватный, уважающий себя...). Например, в возражении *Очень интересно! Я никогда не начинаю с родительного, всегда жалею студентов, поэтому стараюсь следовать методике и скормливать слона потихоньку и незаметно) а начинать с родительного – это уже слишком* ☺ косвенная критика профессионального выбора другого преподавателя выражена в высказывании *начинать с родительного – это уже слишком* ☺ (оппозиция «Я работаю по методике, а вы действуете неправильно»).

Комментарий *Как говорится, кто-то работает на земле, а кто-то планы в кабинетах разрабатывает. <...> Каждый поток студентов требует своего подхода к объяснению грамматического материала, построенный на антитезе, направлен на осуждение мнения оппонента, аргументирующего к системе языка.* В примере автор на стороне *тех, кто работает на земле*. Заметим, что противопоставление филологии как науки и особенностей преподавания РКИ «в классе» (оппозиция «теоретическое – практическое») – острые темы в дискурсе преподавателей РКИ, потому парадоксальным оказывается возражение «*Как удобно спрятаться за научную базу*».

В целях привлечения внимания пользователей к сообщениям-вражжениям и выражениям экспрессивности авторы используют как традиционные изобразительно-выразительные средства (риторические вопросы, риторические ответы, сравнения, фразеологизмы и пр.), так и характерные для интернет-коммуникации (заглавные буквы, эмотикон). В высказывании автор выражает несогласие с системным объяснением грамматического правила, предложенным оппонентом и резюмирует, используя многоточие и заглавные буквы: *И вообще... НЕТ НИКАКОГО УГЛУБЛЕННОГО изучения грамматики на начальном уровне*. Подмигивающий смайл, казалось бы, имеющий значение согласия, поддержки, в следующем примере, наоборот, служит средством выражения иронии: *Давайте еще наших иностранцев «кАЛ-дорам» учить. А что, так ведь тоже говорят...* 😊

Для демонстрации личного отношения к передаваемой информации преподаватели используют сравнения, которые могут характеризовать ученика (*У меня был похожий студент от другого преподавателя с такой же исходной ситуацией – заученные фразы, привычные формулировки, определенный круг вопросов/ответов. Как собака Павлова (простите за сравнение): стимул-реакция, стимул-реакция*), преподавателя (*Приходится отвечать [ученикам], что у каждого [преподавателя] свой «неповторимый» стиль, что не боги горшки обжигают и т.д.*); профессиональную деятельность (*Да у каждого из нас же 7 потов сходит, пока студент поймет, что в предложении «На столе лежит книга» книга – субъект, лежит...*); язык и его компоненты (*Странная ситуация*).

ция, когда грамматику воспринимают как пятую ногу у собаки).

Все это способствует воздействию коммуникантов друг на друга, а также созданию суггестивного эффекта у пользователей, не участвующих в полемике, но таким образом происходит формирование отношения к предмету разговора в массовом профессиональном сознании.

Заключение

Анализ неформального дискурса преподавателей РКИ доказывает наличие типичных жанровых форм. Специфика профессиональной деятельности, связанной с формированием вторичной языковой личности, находит отражение в выявленных типах запросов, советов и выражений. Фокус с содержания профессиональной деятельности (русский язык) смещается на фигуру обучающегося, непосредственно или опосредованно присутствующего во всех рассмотренных жанровых формах: как личность и языковая личность, как автор высказывания, как субъект пользы, как объект воздействия и др.

В большинстве случаев мы наблюдаем аргументированные, обдуманные высказывания, с конкретизаторами в запросах, примерами в советах, рассуждениями в выражениях. Однако выражения характеризуются высокой оценочностью и персональностью в отношении профессиональных действий, а именно их важности/несущественности, целесообразности/неуместности, результативности/нерезультативности, выражаящиеся эмоционально окрашенной лексикой, различными тропами, фигурами речи, графически.

Список источников

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 428–472.
2. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 32–35.
3. Алешинская Е.В. Теоретико-методологические основы разграничения жанров профессионального дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5. С. 5–23.
4. Ахтаева Л.А. Система жанров англоязычного электронного математического дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 3 (156). С. 13–21.
5. Кучинская Е.А., Ларченкова Е.В. К вопросу о жанрах военного англоязычного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5. С. 113–117.
6. Халина Е. Е. Жанровая дифференциация политического дискурса: критерии выделения и градация типов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4. С. 137–141.
7. Косицкая Ф.Л. Жанровая палитра французского парфюмерного дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 6 (171). С. 71–75.
8. Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В. К вопросу о жанровой дифференциации французского научного медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 4 (193). С. 133–137.
9. Галичкина Е.Н. Прагмалингвистические характеристики жанра «Чат» в компьютерном общении // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С. 161–167.
10. Смирнов Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 222 с.

11. Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 19 с.
12. Дементьев В.В. О некоторых актуальных вопросах теории вторичных речевых жанров // Медиалингвистика. 2015. № 3. С. 35–45.
13. Кубракова Н.А. Принцип коммуникативного гедонизма в жанре чата интернет-коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 4. С. 60–64.
14. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96–104.
15. Подгорная Е.А., Демиденко К.А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации // Концепт. 2014. № 9.
16. Чучкова Г.С. О проблеме общения в виртуальной коммуникативной среде // Омский науч. вестник. 2007. № 1. С. 90–93.
17. Яблокова А.С. Дискурсивные стратегии запроса/совета в рамках формата рубрики «Agony Aunt» в американских глянцевых СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 86–95.
18. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–79.
19. Харитонова И.С. Речевой жанр «совет» в профессиональной интернет-коммуникации (на материале профессионального сообщества преподавателей РКИ) // Шкаторвские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Челябинск, 1 ноября 2024 года). Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2024. С. 143–149.
20. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
21. Соловьёва А.А. Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 16 с.
22. Кунаева Н.В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.23 с.
23. Павлюковская Н.С. Коммуникативная ситуация несогласия: общие понятия // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 2. С. 293–297.
24. Неклюдов В.Д. Искусство спора // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 314–321.

References

1. Bakhtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov* [Problem of Speech Genres]. Moscow, Izdatel'stvo Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. Pp. 428–472 (in Russian).
2. Golovanova E.I. Professional'nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noy kommunikatsii: sootnosheniye ponyatiy [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: correlation of notions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Journal of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 1, pp. 32–35 (in Russian).
3. Aleshinskaya E.V. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy razgranicheniya zhanrov professional'nogo diskursa [Theoretical and methodological bases for differentiating genres of professional discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal. Philology*, 2014, no. 5, pp. 5–23 (in Russian).
4. Akhtaeva L.A. Sistema zhanrov angloyazychnogo elektronnogo matematicheskogo diskursa [System of genres of English-language electronic mathematical discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2015, vol. 3, pp. 13–21 (in Russian).
5. Kuchinskaya E.A., Larchenkova E.V. K voprosu o zhanrakh voennogo angloyazychnogo diskursa [To the question about the genres of military English-language discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 5, pp. 113–117 (in Russian).
6. Khalina E.E. Zhanrovaya differenciaciya politicheskogo diskursa: kriterii vydeleniya i gradaciya tipov [Genre differentiation of political discourse: criteria of selection and gradation of types]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*, 2022, no. 4, pp. 137–141 (in Russian).
7. Kositskaya F.L. Zhanrovaya palitra frantsuzskogo parfyumernogo diskursa [Genre palette of French perfume discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, vol. 6, pp. 71–75 (in Russian).
8. Kositskaya F.L., Matyuhina M.V. K voprosu o zhanrovoy differentsiatsii frantsuzskogo nauchnogo meditsinskogo diskursa [To the question of genre differentiation of the French scientific medical discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Science Journal of Tomsk State Pedagogical University*, 2018, no. 4, pp. 133–137 (in Russian).
9. Galichkina E.H. Pragmalingvisticheskiye kharakteristiki zhanra «Chat» v kompyuternom obshchenii [Pragmalinguistic characteristics of the genre “Chat” in computer communication]. *Aksiologicheskaya lingvistika: problemy kommunikativnogo povedeniya* [Axiological linguistics: problems of communicative behavior]. Volgograd, 2003. Pp. 161–167 (in Russian).

10. Smirnov F.O. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti elektronnoj kommunikacii na anglijskom i russkom yazykah. Dis. ... kand. filol. nauk* [National-cultural peculiarities of electronic communication in English and Russian languages. Diss. ... cand. philol. sci.]. Yaroslavl, 2004. 222 p. (in Russian).
11. Kondrashov P.E. *Komp'yuternyy diskurs: sotsiolingvisticheskiy aspekt. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Computer discourse: sociolinguistic aspect. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Krasnodar, 2004. 19 p. (in Russian).
12. Dement'ev V.V. *O nekotorykh aktual'nykh voprosakh teorii vtorichnykh rechevykh zhanrov* [On some topical issues of the theory of secondary speech genres]. Medialingvistika, 2015, no 3, pp. 35–45 (in Russian).
13. Kubrakova N.A. *Princip kommunikativnogo gedonizma v zhanre chata internet-kommunikatsii* [The principle of communicative hedonism in the chat genre of Internet communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Journal of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 4, pp.60–64 (in Russian).
14. Kolokol'tseva T.N. *Dialogichnost' v zhanrakh internet-kommunikatsii (chat, forum, blog)* [Dialogicality in genres of Internet communication (chat, forum, blog)]. *Zhanry rechi*, 2016, no. 2, pp. 96–104 (in Russian).
15. Podgornaya E.A., Demidenko K.A. *Lingvisticheskiye kharakteristiki internet-chatov kak vida kommunikatsii* [Linguistic characteristics of Internet chats as a type of communication]. *Koncept*, 2014, no. 9 (in Russian).
16. Chuchkova G.S. *O probleme obshcheniya v virtual'noy kommunikativnoy srede* [On the problem of communication in virtual communicative environment]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2007, no 1. pp. 90–93 (in Russian).
17. Yablokova A.S. *Diskursivnye strategii zaprosa/soveta v ramkakh formata rubriki «Agony Aunt» v amerikanskikh glyantsevykh SMI* [Discursive strategies of asking for advice within the format of the “Agony Aunt” column in American glossy media]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya – Scientific Journal of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication*. 2023, no 3. pp. 86–95 (in Russian).
18. Arutyunova N.D. *Dialogicheskaya modal'nost' i yavleniya tsitatsii* [Dialogical modality and the phenomenon of quotation]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, moda'nost', deyksis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis.]. Moscow, Nauka Publ., 1992. P. 52–79 (in Russian).
19. Kharitonova I.S. *Rechevoy zhanr «sovet» v professional'noy internet-kommunikacii (na materiale professional'nogo soobshchestva prepodavatelyey RKI)* [Speech genre “advice” in professional Internet communication (on the material of the professional community of teachers of Russian as a foreign language)]. *Shkatovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Shkatov readings: materials of the International scientific conference (Chelabinsk, 1 November, 2024)]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2024. Pp. 143–149 (in Russian).
20. Vol'f E.M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p. (in Russian).
21. Solov'yova A.A. *Rechevoy zhanr “sovet” v raznykh tipakh diskursa: na materiale sovremennoy angliyskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech genre “advice” in different types of discourse: on the material of modern English language. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Volgograd, 2007. 16 p. (in Russian).
22. Kunaeva N.V. *Diskursivnyy analiz vyskazyvaniy v situatsii vozrazheniya (na materiale angliyskogo yazyka)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Discursive analysis of statements in the situation of objection (on the material of the English language). Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Voronezh, 2009. 23 p. (in Russian).
23. Pavlyukovskaya N.S. *Kommunikativnaya situatsiya nesoglasiya: obshchiye ponyatiya* [Communicative situation of disagreement: general concepts]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Scientific Journal of Irkutsk State Technical University*, 2014, no. 2, pp. 293–297 (in Russian).
24. Neklyudov V.D. *Iskusstvo spora* [The Art of Dispute]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Journal of Bryansk State University*, 2013, no. 2, pp. 314–321 (in Russian).

Информация об авторе

Харитонова И.С., преподаватель, Южно-Уральский государственный университет (пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080).
E-mail: kislovais@susu.ru; ORCID ID: 0009-0004-9500-2275; SPIN-код: 8705-4492.

Information about the author

Kharitonova I.S., Lecturer, South Ural State University (National Research University) (pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080).
E-mail: kislovais@susu.ru; ORCID ID: 0009-0004-9500-2275; SPIN-code: 8705-4492.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 14.02.2025; accepted for publication 20.05.2025

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 82-1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-95-104>

**«Жил я странною жизнью своих персонажей...»: «Я» и «Другой» в ранней лирике
А.Н. Вергинского**

Влада Максимовна Захарова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
vladazaharova19@gmail.com, 0009-0004-7335-179X

Аннотация

Творчество А.Н. Вергинского, ставшее важной вехой в развитии массового искусства XX в. и повлиявшее на развитие жанра авторской песни, обратило на себя внимание литературоведов лишь недавно, из-за чего многие из аспектов поэтического наследия артиста остаются неисследованными. Особого внимания заслуживает проблема соотношения «Я» и «Другого», обусловленная самой субъектной организацией произведений раннего периода. В раннем творчестве (1915–1918 гг.) реализуются две принципиально значимые для понимания авторской концепции художественные стратегии: интерес к ролевой и автопсихологической лирике. Ввиду этого целью настоящей работы стало рассмотрение субъектной сферы произведений Вергинского в аспекте соотнесенности категорий «Я» и «Другой». Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ, направленных на изучение выделяемого в настоящей статье аспекта творчества. Центральным в ролевой лирике становится имплицитно явленный мотив сострадания, определяющий ценность чувства «Другого», его человеческое начало. Роль же является попыткой автора выстроить диалог с «Другим», дарующий ощущение сопричастности, притом выразителями чувства боли и скорби становятся «маленькие» люди, что подчеркивает универсальный характер чувства, уравнивающего всех людей перед лицом бытия. Помимо прочего, носителями чувств в художественном универсуме Вергинского являются и животные, также выступающие в роли «Другого»; это попытка автора охватить бытие во всех его проявлениях. Наряду с этим существуют стихотворения, в которых выведен лирический субъект, предстающий выразителем авторского «Я». Магистральной установкой в этих текстах является стремление реализовать себя как Поэта, с одной стороны, включенного в мир своих героев, а с другой стороны, способного Словом «закрепить» ценность их переживаний в пространстве культуры. Подобный взгляд на творчество Вергинского позволяет увидеть истоки популярности творчества шансонье как в пределах родной страны, так и в кругу иностранной публики во время эмиграции.

Ключевые слова: Вергинский, «Я», «Другой», ролевая лирика, сострадание, стихотворение

Для цитирования: Захарова В.М. «Жил я странною жизнью своих персонажей...»: «Я» и «Другой» в ранней лирике А.Н. Вергинского // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 95–104. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-95-104>

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

"I lived a strange life of my characters...": "I" and "The Other" in the early lyrics of A.N. Vertinsky

Vlada M. Zakharova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vladazaharova19@gmail.com, 0009-0004-7335-179X

Abstract

The work of A.N. Vertinsky, which became an important milestone in the development of mass art of the twentieth century and influenced the development of the genre of the author's song, attracted the attention of literary scholars only recently, which is why many aspects of the artist's poetic heritage remain unexplored. The problem of the relationship between the "I" and the "Other" deserves special attention, conditioned by the very subjective organization of the works of the early period. In his early work (1915-1918), two artistic strategies that are fundamentally important for understanding the author's concept are realized: interest in role-playing and autopsychological lyrics. In view of this, the purpose of this work was to consider the subjective sphere of Vertinsky's works in the aspect of the correlation of the categories of "I" and "Other". The relevance of the study is due to the lack of works aimed at studying the aspect of creativity highlighted in this article. The implicitly revealed motive of compassion, which determines the value of the feeling of the "Other", its human beginning, becomes central to the role-playing lyrics. The role is an attempt by the author to build a dialogue with the "Other", giving a feeling of involvement, and the "little" people become the exponents of the feeling of pain and grief, which emphasizes the universal nature of the feeling of pain, equalizing all people in the face of being. Among other things, the bearers of feelings in Vertinsky's artistic universe are animals, also acting as the "Other"; this is the author's attempt to embrace being in all its manifestations. Along with this, there are poems in which a lyrical subject is brought out, appearing as an exponent of the author's "I". The main attitude in these texts is the desire to realize oneself as a Poet, on the one hand, included in the world of his heroes, and on the other hand, capable of "fixing" the value of their experiences in the cultural space with the Word. Such a view of Vertinsky's work allows us to see the origins of the popularity of the chansonnier's work both within his native country and among foreign audiences during his emigration.

Keywords: Vertinsky, "I", "Other", role-playing lyrics, compassion, poem

For citation: Zakharova V.M. «Zhil ya strannoyu zhizn'yu svoikh personazhey...»: «Ya» i «Drugoy» v ranney lirike A.N. Vertinskogo [«I lived a strange life of my characters...»: "I" and "The Other" in the early lyrics of A.N. Vertinsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 95–104 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-95-104>

Введение

Певец и актер – определения, которые употребляются неразлучно, «русский Пьеро» – именно так имя Александра Николаевича Вертиńskiego вошло в русскую культуру, и это при том, что шансонье выступал в костюме Пьеро всего три года (1915–1918), что не сопоставимо с сорока годами творческой деятельности. Очевидно, что подобные номинации аккумулировали первостепенные смыслы художественного универсума поэта: синкретизм поэзии, музыки и театра, ролевое начало лирики и масочность. Подобная «раздвоенность» между поэтом и актером привела к дуальности и на уровне поэтики произведений, что является предметом интерпретации в настоящей работе.

Творчество Вертиńskiego условно можно разделить на три периода: доэмигантский (1915–1918), который определяют как декадентский; период

эмиграции (1919–1943) – период скитаний в попытках обрести свое место в мире при постоянном ощущении «внедомности» и период после возвращения в СССР (1943–1957), ознаменованный философской рефлексией и посвященный своеобразному подведению итогов. Актуализация периодизации кажется значимой, поскольку каждый из творческих этапов, хотя и не может рассматриваться изолированно, не является замкнутой на себе целостностью, отражает определенные тенденции, не столь значимые в другие периоды.

Материал и методы

В настоящей работе предпринимается попытка исследования особенностей субъектной организации ранней лирики А.Н. Вертиńskiego (стихотворения с лирическим героем и ролевая лирика). Исследование проводилось на материале посмертно-

го сборника сочинений автора «Дорогой длинною» (1990 г.) с использованием биографического и семиотического методов [1], а также нарратологического [2] и мотивного [3] анализа.

Ролевая лирика

Особого внимания в русле заданной темы заслуживает именно ранняя лирика поэта, поскольку первый период для молодого артиста стал во многом, с одной стороны, пробой пера, поиском своего стиля, что породило и подражательность: явное декадентство, эпатажность, преобладание игрового начала и аллюзивности, а с другой стороны, оказался богат произведениями, ставшими программными в творчестве Вертиńskiego («Лиловый негр», «Маленький креольчик», «Коканинетка»). Именно в это время формируется авторский жанр «ариетки» – стихотворения, в основе которого событие, лирический сюжет, близкий драматическому, что является театральной миниатюрой, облеченной в песню [4]. Избранный жанр диктует и то, что в центре изображения оказывается персонаж из числа «маленьких» людей, который сталкивается с такими глобальными бытийными явлениями, как любовь, смерть, история, который умеет чувствовать и переживать. Иными словами, в первый период творчества поэта интересует ролевая лирика, это «театр одного актера», субъект которого дробится и множится, отражаясь в каждом из героев.

Существуют разные подходы в изучении ролевой лирики. Так, Б.О. Корман дает следующее определение: «Сущность “ролевой” лирики заключается в том, что автор в ней выступает не от своего лица, а от лица разных героев. Здесь используется лирический способ овладения эпическим материалом: автор дает слово героям, явно отличным от него. Он присутствует в стихотворениях, но скрыто, как бы растворившись в своих героях, слившись с ними» [5, с. 165]. Одной из особенностей, выделяемых исследователями, является при этом нетождественность героя и автора в социальном, культурном и интеллектуальном планах: «...персонаж, от лица которого делается лирическое признание, чаще всего бывает носителем совершенно иного сознания. Героем ролевой лирики, как правило, становится представитель иной среды или социальной группы» [6, с. 299]. Притом это различие между автором и героем чаще всего является внешним, поскольку в основе своей авторская мысль кроется в мыслях героя, подразумевается; даже если герой изображается тем, чьи поступки и слова порицаются автором, реципиент «вычитывает» из этого подтекстового несовпадения авторскую позицию: «...“ролевые” стихотворения двусубъектны, в отличие от текстов автопсихологической лирики: герой является субъектом сознания,

но в то же время он выступает объектом более высокого (именно авторского) сознания» [7, с. 25]. Ю.В. Доманский, занимаясь интерпретацией рок-поэзии, предтечей которого часто считают Вертиńskiego, отмечает, что «итоговым же на сегодняшний день стало исследование ролевой лирики Высоцкого, его “лирической драматургии”, проведенное Л.Г. Кихней. В формате “плана содержания” – это сверх-я, воплощающее “квингэссенцию вневременно-духовно-человеческого”, и одновременно – сокровенное “Я”, которое самым тесным образом связано и с экзистенциальным переживанием автора, его личным жизненным выбором. Таким образом, во многих песнях-притчах лирический субъект оказывается, как это ни парадоксально, наиболее адекватным внутреннему “Я” автора» [8, с. 51].

Выразителем чувства всегда в произведениях Вертиńskiego остается лирический субъект, реализующийся через местоимение «Я», однако очевидно, что «Я» в каждом из текстов не тождественны друг другу. Ввиду этого стоит разграничивать ролевую лирику, где центральным становится персонаж, и произведения, в которых выводится лирический субъект, максимально приближенный к автору, являющийся выразителем авторского сознания.

Самый первый текст, включенный в наиболее полное посмертное собрание сочинений автора «Дорогой длинною», называется «Минуточка». В основе лирического сюжета ситуация рассказывания: «Ах, солнечным, солнечным маем, / На пляже встречаясь тайком, / С Люлю мы, как дети, играем, / Мы солнцем пьяны, как вином» [9, с. 276]; а затем Вертинский переносит слушателя (в письменном варианте – читателя) в пасмурный август, и в центре эпизода оказываются те же герои, но уже в момент разлуки: «Мы в августе горе скрываем / И, в парке прощаюсь тайком, / С Люлю, точно дети, рыдаем / Осенним и пасмурным днем». Вопреки тому, что лирический субъект рассказывает историю с использованием уменьшительно-ласкальных слов, подчеркивая как бы «детскость», «игрушечность» происходящего, сама ситуация разлуки и обреченность любовного чувства на неминуемое окончание подразумевает, что герои на самом деле вовсе не дети, что актуализируется через сравнение («как дети», которые «солнцем пьяны, как вином»). Авторское сознание как бы дробится и отражается в сознании обоих героев. Так, Люлю проговаривает жестокую истину о том, что любовь скоротечна, и это мудрость, присущая автору. Но нельзя утверждать, что слова Люлю это слова Вертиńskiego, поскольку героиня относится к любви легкомысленно, называя ее «шуточкой», выдумкой – мнение, которое не разделяет поэт, если рассматривать творчество в целокупности.

Но и герой, от лица которого ведется повествование, не равен автору, поскольку он слаб, безволен, наивен, как ребенок. Однако в качестве лирического нарратора Вергинский избирает именно его, поскольку герой чувствует боль.

Примечательно, что поэт играет с устойчивым представлением о том, что мужчина – носитель рационального сознания, а женщина – воплощение чувственного начала, наделяя своих героев противоположными привычной установке характерами, как видится, с целью разрушить клише и социальные, гендерные роли, тем самым универсализируя чувство, делая его самоценным. Стоит учитывать, что взаимодействие мужского и женского начал получило новую интерпретацию в поэзии Серебряного века: это и произведения З. Гиппиус, в которых «высвечивается» понятие андрогинности [10], и декадентские образы женщины-искусительницы, берущие истоки в мифологии (Лилит, Иродиада) [11], и женщина в поэзии Маяковского, сравнимая с титаном, подчиняющая своей воле лирического героя. Т.И. Ерохина в статье «Гендерные архетипы «Серебряного века» в массовой культуре» пишет: «...культивируется и образ Поэта-мужчины, маскулинность которого противопоставляется женскому началу, отражает и воспроизводит его, становится игровой маской, поклоняется Прекрасной Незнакомке и воспевает ее» [12, с. 330]. Игра Вергинского с гендерными стереотипами вписывается в контекст эпохи и при этом преследует другую цель – это не культтивирование женского начала, но уравнивание женщины и мужчины в чувственном отношении, что определяет выход на общечеловеческий масштаб.

В то же время текст может быть интерпретирован и обратным образом: сам мир дарует человеку возможность любить («это выдумал глупый май»), а имя геройни является сокращенным вариантом слова «люблю», и она просит: «Ну погоди, ну погоди, Минуточка», – что может рассматриваться как обращение ко времени, а не к герою, желание геройни остановить мгновение. При такой расстановке акцентов симпатии автора оказываются на стороне обоих героев, поскольку оба они переживают расцвет и увядание любовного чувства в соответствии с природными циклами, законами миоустройства, и это произведение – попытка поэта сыграть и женскую, и мужскую роль, опять же равных в своей печали.

Однако возникает вопрос, почему история в «Минуточке» не рассказана от третьего лица, поскольку столкновение двух сознаний возможно продемонстрировать через призму сознания стороннего наблюдателя. Но для Вергинского принципиально значимо примерить маску «Другого», стать «Другим», чтобы разделить эту боль, показав

сопричастность всех и каждого к тому чувству, которое испытывают герои. Здесь правомерно употребить суждение о ролевой лирике, возникающее в исследованиях творчества Бориса Рыжего: «Его произведения отличает особый характер саморефлексии – переживание себя как героя – и точка зрения, дистанцирующая говорящего от собственной социокультурной роли поэта» [13, с. 156]. Эту же мысль продолжает Е.А. Тарлышева: «Театральность поэзии Вергинского реализуется и в ролевом характере лирики. Растречивать свое человеческое «я», «растворять» его в массе других «я» (безноженька, маленькая балерина, девочка с капризами, провинциалка и др.) Вергинский сумел в рамках поэтической системы. Ролевые образы значительно усилили исповедальное начало, позволили вовлечь в стихах всю гамму эмоций: от ярко выраженных до смутных. <...> Ролевое начало – реализованная потребность песенного поэта выйти за пределы своего «я»» [14, с. 10].

Среди стихотворений, в которых лирический субъект – маска автора, позволяющая погрузиться в «Другого», можно назвать «Лиловый негр», «Маленький креольчик», «За кулисами», «Аллилуйя», «Пей, моя девочка» и др. На удаленность субъекта-повествователя от авторского сознания указывает фабульность произведения, ситуация, в которую оказывается включен субъект повествования. Он так же, как и Вергинский, принадлежит к миру театра и зовется Пьеро, в чем угадывается биографическое начало.

В целом взгляд Вергинского – это взгляд актера, который, оставаясь собой (как актер не теряет личностное начало во время игры на сцене), перевоплощается в персонажа, переживает его чувства. Ввиду этого образуется «зазор» между авторским «Я» и ролью. Так, герои Вергинского любят маленьких и жестоких балерин, Коломбину, принадлежащих к их миру – они как бы «ниже» автора, представители типа «маленького» человека. И при этом авторское сознание «прорывается» в стихотворениях на чувственном уровне. Так, например, присутствие автора в пространстве текста актуализирует и лексическое оформление в стихотворении «Аллилуйя», героем которого является представитель актерской среды, но, скорее, принадлежащий к цирку или к кругу бродячих артистов, на что указывает рваное трико возлюбленной и отпевание, производимое куплетистами. Однако следующие строки не могут быть порождены сознанием героя: «В куполах солнца луч расцветал аметистами»; «Высоко в куполах трепетало последнее слово / «Аллилуйя» – лиловая птица смертельный молитв» [9, с. 282–283]. Подобное умение видеть сакральную красоту в трагический момент, облаченное в поэтическое высказывание, может принадлежать

только автору, но вновь выразителем чувства становится не кто иной, как герой, испытывающий эту боль утраты. Е.Н. Брызгалова отмечает: «Трагическое начало присуще его [Вертинского] стихотворениям, но, скорее, как одно из проявлений мироощущения эпохи, как одна из характеристик настроений людей того времени, и не более того. Это игра – то, чего “не бывает на свете”, по выражению З. Гиппиус. Поэтому читатель и не ужасается, слушая страшные истории, хотя и сочувствует их участникам» [15, с. 155].

Если следовать классической концепции Георга Гегеля, в основе которой утверждение, что существование «Я», его самопознание и познание действительности зависит от признания человека «Другим», то можно предполагать, что Вертинский становится как бы «Другим» для своих героев, тем самым признавая их бытие и их чувства, указывая на их самоценность, и это, по мнению философа, неизбежно провоцирует на саморефлексию: «Только поскольку Я оказываюсь способным постигать себя как Я, другое становится для меня предметным, противопоставляется мне и в то же время идеально полагается мной, приводится к единству со мной» [16, с. 220]. В то же время можно говорить и о концепции М.М. Бахтина, подразумевающей диалогический дискурс, а потому взаимодействие с «Другим» возможно только через приобщение к его внутреннему миру [17]. А.С. Бокарев отмечает, что подобный взгляд на лирику оказался недооценен в литературоведении, хотя представляет особый интерес, поскольку «дистанция между ними не просто исторически изменчива, но и нестабильна даже в границах одной художественной системы» [18, с. 208]. Все вышеперечисленные концептуальные положения реализовались в эстетике акмеизма, утвердившего ценность «Другого» как «Иного». И хотя Вертинский высоко ценил творчество символистов и подражал мэтру Себряного века А. Блоку [19], акмеистическое представление о мире и человеке, ценность диалога, который, вопреки моноцентрическому повествованию, всегда имманентно присутствует (в одном из вариантов автора и персонажа, в другом – поэта и читателя, в случае творчества шансонье – зрителя), как видится, оказывается ближе автору. Именно поэтому так много стихотворений, в которых лирический герой обращается к другому на «Вы». Свойственный символизму моноцентризм преодолевается поэтом через открытие «Другого», поскольку, пусть перед бытием чувства людей уравниваются, любая боль имеет ценность и требует отклика, сочувствия. Помимо прочего, склонность Вертинского к эстетике акмеизма в некоторой степени можно объяснить и через хронологические рамки. Так, символизм к моменту становле-

ния артиста (1915 г.) понемногу изживает себя, в то время как акмеистическое направление переживает свой расцвет, а для молодого поэта, ищущего свое место в пространстве культуры, популярные в литературе и, в частности, в поэзии тенденции вряд ли могли не иметь какое-то значение.

Учитывая все вышесказанное, примечательно, что рефлексия о природе масочности возникает уже во втором стихотворении сборника: «Я сегодня смеюсь над собой... / Мне так хочется счастья и ласки, / Мне так хочется глупенькой сказки, / Детской сказки наивной, смешной. // Я устал от белил и румян / И от вечной трагической маски, / Я хочу хоть немножечко ласки, / Чтоб забыть этот дикий обман» [9, с. 277]. Можно предполагать, что этот текст исполнен авторской исповедальности, что явлено в рефлексии лирического субъекта, в ощущении театрализованности собственной жизни. Однако это можно рассматривать и как очередную маску. Так, Вертинский пишет стихотворение в 1915 г., в самом начале своей актерской карьеры, в то время как слова об усталости и о «вечной трагической маске» предполагают длительность описываемого. Наивность первого произведения сменяется серьезностью и драматичностью второго. Притом та сказка, «детская» сказка, о которой мечтает лирический субъект, будто бы была уже представлена в «Минуточке», но и она подвержена развенчанию. Можно предполагать, что подобная усталость, о которой говорит лирический субъект, порождена неизбывным состраданием, проживанием боли «Другого» – не только в границах творчества, но в жизни в целом, а потому возраст того «Я», который это проговаривает, не имеет значения. Очевидно, что выведенное в этом стихотворении «Я» оказывается приближенным к автору и заявленное в начале творческого пути возникнет в одном из поздних стихотворений: «Жил я странною жизнью своих персонажей, / Только собственной жизнью пожить не успел. // И, меняя легко свои роли и гримы, / Растворяясь в печали и жизни чужой, / Я свою – проиграл, но зато Серафимы / В смертный час прилетят за мою душой!» [9, с. 353].

В раннем периоде творчества поэта складывается «протеический» тип героя, основные черты которого были выявлены в творчестве Высоцкого: «Такой “протеический” тип лирического героя, с одной стороны, обладает уникальным даром к многоязычию – он открыт для мира и в какой-то мере представляет собой “энциклопедию” голосов и сознаний своей эпохи. <...> Этим качеством определяется феноменальная популярность Высоцкого – в его стихах буквально каждый мог услышать отголоски своего личного или социального опыта. В соответствии с бахтинской философией карнавала можно сказать, что многогликий ав-

тор Высоцкого утверждает ограниченность любой монологической позиции, даря слушателю (или читателю) радость узнавания в правде какого-нибудь Вани, отправленного на сельхозвыставку, или «космических негодяев», или даже самолета, стремящегося освободиться от власти пилота, – свое, личное, казалось бы, абсолютно непохожее ни на что «другое» [20, с. 144]. Осмелимся предположить, что зачатки изложенной концепции возникли еще в произведениях Вертинаского с той лишь разницей, что перевоплощения поэта ограничиваются бытием человека, в то время как Высоцкий стремится охватить мир и в его неживой, предметной ипостаси; Высоцкий особое предпочтение отдавал сильным характеристикам, способным противостоять миру и жить «на краю», Вертинский же избирает роли слабых, отрешенных, не способных к борьбе «маленьких» людей, что можно назвать, видоизменяя слова Ф.М. Достоевского в речи о Пушкине [21], если не «всемирной», то «всечеловеческой» отзывчивостью. Однако творчество поэтов можно сополагать, если учитывать, что оба художника отказывались от моноцентризма, стремясь осмыслить и изобразить бытие через «Других».

Образы животных

Особого внимания заслуживают и образы животных и птиц, которые, однако, не являются авторской ролью, а следовательно, не примыкают к ролевой лирике, но восходят к игровому началу. Стихотворение «Jamais» построено на намеках, лирический герой умалчивает, что стало причиной слез героини, но в сюжете угадывается история любви и расставания: «Я помню эту ночь. Вы плали, малютка. / Из Ваших синих подведенных глаз / В бокал вина скатился вдруг алмаз ... / И много, много раз / Я вспоминал давным-давно ушедшую минутку...» [9, с. 279]. Однако в номинацию стихотворения вынесено слово, которое произносит попугай: «На креслах в комнате белеют Ваши блузки. / Вот Вы ушли, и день так пуст и сер. / Грустит в углу Ваш попугай Флобер, / Он говорит “jamais” и плачет по-французски». Поскольку попугай всегда вторит тому, что было сказано кем-то, то можно предполагать, что это слово принадлежит одному из героев, однако драматизм усиливается тем, что попугайм свойственно неоднократно повторять узнанное, а значит, «никогда», сказанное по-французски, звучащее в тексте единожды, на самом деле становится выражением неизбытной горечи. Помимо прочего, Вертинский наделяет попугая человеческими чувствами и эмоциями. Он, как и человек, способен испытывать печаль, а потому автор в равной мере сострадает как героине, так и попугаю; это попытка поэта постичь жизнь во всех ее проявлениях, узнать и запечатлеть бытие глазами разных существ.

Эта же стратегия представлена в стихотворении «Пес Дуглас»: собака, которая известна своей верностью и преданностью, становится тем, кто проживает одну жизнь со своим хозяином: «Мы приедем на Вашу панихиду, / Ваш супруг нам сухо скажет: “Жаль” ... / И, покорно проглотив обиду, / Мы с собакой затаим печаль. // Вы не бойтесь. Пес не будет плакать, / А, тихонечко ошейником звяни, / Он пойдет за Вашим гробом в слякоть / Не за мной, а впереди меня!...» [9, с. 286]. Вертинский человечивает животное, говоря, что пес всегда умел рассмешить умершую героиню, что он, как и его хозяин, способен затаить печаль. Все, испытываемое человеком, передается и собаке, что актуализируется через повторение местоимений «мы», «нас». Однако если человек вынужден сдерживать боль, удерживать себя от порывистого выражения чувств, то пес в своей искренности и свободе от социальных норм побежит за гробом. Вертинский сострадает герою, несмотря на то, что он преступает социальную норму, он любовник. Важно то, что он любил замужнюю даму, что готов претерпевать унижение перед супругом возлюбленной. И все же в название стихотворения вынесено не имя героя, а значит, объектом авторского внимания и сочувствия становится именно собака.

Примечательно, что в обоих текстах животные получают имена, восходящие к культурам других стран, – американское Дуглас и французское Флобер, последнее из которых, очевидно, актуализирует в создании читателей личность и творчество писателя Гюстава Флобера. Однако поскольку интертекстуальная основа произведений Вертинаского не является предметом настоящего исследования, ограничимся выводом о том, что данные животные имена подчеркивают их инаковость, утверждают их значение как «Других».

В стихотворении «О шести зеркалах» мышонок, «приятель негаданный», наблюдает за лирическим героем: «У меня есть мышонок. Приятель негаданный, / В моей комнате, очень похожей на склеп, / Он шатается, пьяный от шипра и ладана, / И от скуки грызет мои ленты и креп. // Он живет под диваном и следит, очарованный, / Как уж многие дни у него на глазах / Неизбежно и верно, как принц заколдованный, / Я тоскую в шести зеркалах» [9, с. 283–284]. Повествование выстроено как попытка лирического героя посмотреть на себя со стороны, стать для себя «Другим» в глазах стороннего наблюдателя; это попытка преодолеть одиночество, ведь лирическому герою кажется даже, что «маленький друг» сострадает ему: «Деликатно просунет свою мордочку розовую / И, тактично вздохнув, отойдет за сундук». Но даже постоянно соглядатаю недоступны все тайны души человека: «А когда я усну – он уж на подоконнике /

И читает по стенам всю ту милую ложь, / Весь тот вздор, что мне пишут на лентах поклонники / О Пьеро и о том, как вообще я хороши. // И не видит никто, как, с тоскою повенчанный, / Одинокий, как ветер в осенних полях, / Из-за маленькой, злой, ограниченной женщины / Умираю в шести зеркалах». Примечательно, что Вергинский употребляет глагол «не видит», хотя можно было бы использовать глагол «не знает», потому что мышонок способен только наблюдать, но это наблюдение остается внешним, лирический герой прячет чувство от людей за маской. Парадоксальным образом в произведении сплетаются две, казалось бы, простые, но горькие истины: невозможно познать всю глубину чувств «Другого», однако каждый нуждается в сочувствии, а потому автор не оставляет попыток разделить чувство с «Другим». Особого внимания заслуживает и то, что, по наблюдению О.А. Гореловой [22], Вергинский выбирает образы цирковых животных, что вновь отсылает к попытке узреть искренность за привычной маской актера.

Именно чувство, сила переживаний интересуют поэта, потому что на этом зиждется человеческое начало. Вергинский – поэт, стремящийся познать всю глубину страдания. Каждущееся отсутствие полифонизма из-за того, что повествование всегда ведется от первого лица, на самом деле скрывает то многоголосье, которое порождается масочностью. Авторское «Я» сливается с голосом «Другого» в попытке разделить боль.

Лирический субъект

Наряду с этим существуют тексты, в которых повествование ведется от лица лирического субъекта, близкого автору, обладающего авторским всечением, осознающего себя demiургом описываемого мира. Таково, например, стихотворение «То, что я должен сказать», написанное в память о смерти юнкеров. Если в рассматриваемом ранее стихотворении «Аллилуйя» авторское сознание лишь проблесками возникает в произведении, но отнесено как бы к периферии, что позволяет чувству героя оставаться в центре, то в этом произведении лирический субъект является носителем авторского сознания – не случайно Вергинский выносит личное местоимение в название.

Лирический субъект погружен в происходящие события, он присутствует на похоронах, что позволяет ему взглянуться в лицо, искаженное от боли: «Осторожные зрители молча кутались в шубы, / И какая-то женщина с искаженным лицом / Целовала покойника в посиневшие губы / И швырнула в священника обручальным кольцом» [9, с. 283]. Но на всеохватность авторского сознания указывает его знание о том, что выходит за границы знания героя: «Закидали их елками, замесили их грязью /

И пошли по домам – под шумок толковать, / Что пора положить бы уж конец безобразью, / Что и так уже скоро, мол, мы начнем голодать». Герой стихотворения не может знать о пересудах «зрителей» похорон, это знание присуще автору; Вергинский, с одной стороны, изображает ситуацию изнутри через призму сознания героя, а с другой стороны, увеличивает масштаб до авторского взгляда, способного быть «над» изображаемым. Но даже при иллюзорной вере в лучший мир, в Царство Весны, как называет это Вергинский, он оказывается недоступен («недоступной Весне»), потому что в земном, человеческом мире все ценное оказывается мертвом, зарыто в землю, как погибшие юнкера: «Закидали их елками, замесили их грязью». Реализация «Я» Поэта возможна только посредством проговаривания должного быть услышанным («Я должен сказать»), всечеловечески значимого. Творческий универсум Вергинского вбирает в себя множество философских тем, однако в центре всегда остается человек, постичь которого можно только через сострадание.

Эта же мысль прослеживается и в стихотворении «Ваши пальцы пахнут ладаном», ибо надежда, высказанная в строках: «И когда Весенней Вестницей / Вы пойдете в синий край, / Сам Господь по белой лестнице / Поведет Вас в светлый рай», как бы развенчивается уже первой строкой, актуализирующей ситуацию смерти героини, а после приведенной цитаты вектор изображения направлен в земное пространство, где старый дьякон уже который раз совершает обряд прощания. А потому контрастным по отношению к цитируемым строкам кажется акмеистическая детальность, вещественность того, что происходит в действительности: «Тихо шепчет дьякон седенький, / За поклоном бьет поклон / И метет бородкой реденькой / Вековую пыль с икон» [9, с. 280]. Вопреки тому, что большая часть стихотворения посвящена описанию похорон, в центре внимания остается чувство лирического героя и боль утраты, которая становится болью всеобщей, что определяется употреблением местоимения «нам», хотя других персонажей в пространстве текста нет. Таким образом, боль отдельного человека «размыкается» авторским вниманием, переживанием боли с другим, а собственная боль эксплицируется на весь мир, касается всех «Других», потому что чувство утраты испытывал любой. И демиургическая способность субъекта явлена в подобии заклинания – пожелание посмертной жизни в обители Бога. А если учитывать, что стихотворение предписано Вере Холодной, то это попытка автора реализовать желаемое в Слове и «закрепить» жизнь близкого человека в культуре.

Так и в стихотворении «Бал Господен» явлена дуальность земного и небесного при том, что по-

следнее остается лишь мечтой. Историю о герое, желавшей счастья, красоты и любви, проведшей всю жизнь в ожидании, рассказывает лирический субъект, который будто принадлежит к ее миру, знаком с ней: «В этом городе сонном...» – не в «том»; он наблюдал старение героини: «Шли года. Вы поблекли, и платье увяло, / Ваше дивное платье “Maison Lavalette”». Однако финальный куплет вновь разрушает границы сознания героя и обращается к авторскому всеведению: «Но однажды сбылися мечты сумасшедшие, / Платье было надето, фиалки цвели, / И какие-то люди, за Вами пришедшие, / В катафалке по городу Вас повезли. // На слепых лошадях колыхались плюмажики, / Старый попик любезно кадилом махал... / Так весной в бутафорском смешном экипажике / Вы поехали к Богу на бал» [9, с. 285]. Лирический субъект становится равен автору, ощущая свои демиургические способности: он отправляет героиню на бал к Богу за то, что жизнь была полна страданий и несбывшихся мечтаний, однако это не лишает жизни драматизма и трагизма, поскольку если и возможно что-то большее, то только после смерти, а в жизни любимое платье, воплощение мечты, надето для погребения. Смерть, ставшая основой лирического сюжета в приведенных стихотворениях, с одной стороны, может прочитываться как примета декадентского мироощущения поэта, увлеченного современными тенденциями в поэзии, но, с другой стороны, как видится, она имеет иной характер в творчестве Вертина: смерть другого – апогей боли для того, кто продолжает свое существование, точка перелома и невозврата, определяющая человеческое в человеке. А потому роль скорбящего и слабого в своей боли человека есть попытка обретения силы через переживание боли.

Заключение

Таким образом, можно говорить о разветвленной системе субъектной организации в творчестве Вертина, что является художественными формами реализации оппозиции «Я» и «Другой». Ролевое поведение субъекта является попыткой автора проникнуть в сознание «Другого», чтобы исследовать тайны человеческой души, прожить боль «Другого», продемонстрировать, что чувство каждого уникально и нуждается в отклике, но в основе своей универсально, потому что каждый испытывает страдание. Путь героя Вертина прокладывается через «вживание» в «Других», что не избав-

ляет от одиночества (мотив остается устойчивым), но дарует ощущение сопричастности. Особое значение имеет и являющаяся магистральной, хотя и эксплицитно не явленной установка на диалог, наследующая акмеистической логике в понимании «Другого». Ввиду этого ролевые произведения написаны в жанре «ариетки», в которых центральным является событие, понимаемое поэтом не в значении личной сопричастности бытию в целом, а в значении сопричастности ко всем «Другим»; поэт, примеряя роль, не просто транслирует чувства героев, но проживает вместе с ним «кусочек» жизни, давая эту возможность и реципиенту, что определяет процесс узнавания и понимания «Другого», делает чувства героя для восприятия читателя более конкретными. На всеохватность авторского взгляда указывает и актуальность образов животных и птиц, которые также способны на переживания. Функциональное значение образов определяет желание поэта запечатлеть мир глазами разных существ и утвердить многогранность переживаний. Помимо прочего, стоит отметить, что в большинстве случаев героями становятся представители богемы и поденщики театра, которые в силу своей профессии постоянно становятся «Другими», бесконечно играя роли; Вертина же открывает в этих «маленьких» людях сущностное «Я», изображает личное чувство, не должное всегда скрываться под маской.

Произведения же, в которых преобладает лирический герой, предстающий выразителем авторского сознания, мы относим к иной нарративной и художественной стратегии: поэт в таких произведениях говорит уже не от лица «Другого», а от своего «Я», демонстрируя тем самым свою личную боль. Лирическое высказывание от первого лица позволяет пережить чувство, связанное с разочарованием («Дым без огня») или смертью («Ваши пальцы»), утвердить в мире через слово сокровенно важное, что восходит к реализации «Я» Поэта. Можно сказать, что творчество Вертина раннего периода – желание автора создать «энциклопедию» человеческого страдания в попытках разорвать одиночество и прийти к диалогу. Парадоксальным образом театральность, которая должна провоцировать отчужденность, масочность, которая восходит к игре, а значит, к искусственности, оказывается тем, что становится инструментом познания «Другого» и формой реализации своего «Я», и в этом заключается уникальность лирики Вертина.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
2. Шмид В.Ш. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
3. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 295 с.

4. Зиновьева Э.Н. Синcretism творчества А.Н. Вертина и формы его художественной реализации. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 173 с.
5. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. 236 с.
6. Чаркин В.В. Ролевая лирика С.Я. Надсона // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 299–301.
7. Каргашин И.А. Стихотворный сказ. Поэтика, история развития. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. 420 с.
8. Доманский Ю.В. Ролевые песни в русском роке 1980-х годов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. № 16. Тверь, 2016. С. 49–65.
9. Вертина А.Н. Дорогой длинною... / сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского; послесл. К. Рудницкого. М.: Правда, 1991. 576 с.
10. Чистова М.В. Концепт андрогина в жизнетворчестве З.Н. Гиппиус: автореф. дис. ... канд. культуролог. наук. Кострома, 2004. 24 с.
11. Завгородняя Г.Ю. Лилит в русской литературе рубежа XIX–XX веков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6–2. С. 209–212.
12. Ерохина Т.И. Гендерные архетипы «Серебряного века» в массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 329–334.
13. Бокарев А.С. Структура авторского «Я» в поэзии Бориса Рыжего // Вестник КГУ. 2017. № 4. С. 156–159.
14. Тарлышева Е.А. Песенная поэзия А.Н. Вертина как единый художественный мир: жанровая природа, образная специфика, эволюция. Владивосток, 2004. 186 с.
15. Брызгалова Е.Н. Игра как способ изображения мира в поэзии А.Н. Вертина // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. № 2 (23). С. 151–158.
16. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 471 с.
17. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 416 с.
18. Бокарев А.С. «Я» как «Другой» в субъектной структуре лирики Арсения Тарковского // Новый филологический вестник. 2021. № 1. С. 207–215.
19. Лежнева М.Г. Межтекстовые связи в поэзии Александра Вертина: Слово и Текст. М., 2003. 183 с.
20. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Академия, 2003. 688 с.
21. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Л.: Наука, 1972–1990.
22. Горелова О.А. Александр Вертина и ироническая поэзия Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГБ, 2006. 187 с.

References

1. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semisfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – Histori]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (in Russian).
2. Shmid V.Sh. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p. (in Russian).
3. Silantyev I.V. *Poetika motiva* [Poetics of Motive]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 295 p. (in Russian).
4. Zinovieva E.N. *Sinkretizm tvorchestva A.N. Vertinskogo i formy yego khudozhestvennoy realizatsii* [Syncretism of the works of A.N. Vertinsky and forms of its artistic realization]/ Ulyanovsk, UlSTU Publ., 2016. 173 p. (in Russian).
5. Korman B.O. *Izbrannyye trudy po teorii i istoricheskoy literature* [Selected Works on the Theory and History of Literature]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1992. 236 p. (in Russian).
6. Charkin V.V. *Rolevaya lirika S.Ya. Nadsona* [Role Lyrics by S.Ya. Nadson]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of OSU. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2014, no. 1, pp. 299–301 (in Russian).
7. Kargashin I.A. *Stikhotvornaya skazka. Poetika, istoriya razvitiya* [Poetic Tale. Poetics, History of Development]. Kaluga, KSPU named after K.E. Tsiolkovsky Publ., 2005. 420 p. (in Russian).
8. Domansky Yu.V. *Rolevye pesni v russkom roke 1980-kh godov* [Role songs in Russian rock of the 1980s]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*, 2016, no. 16, pp. 49–65 (in Russian).
9. Vertinsky A.N. *Dorogoy dlinnoy...* [The Long Road...]. Comp. and Introduction by Yu. Tomashevsky; Afterword by K. Rudnitsky Moscow, Pravda Publ., 1991. 576 p. (in Russian).
10. Chistova M.V. *Konsept androgina v zhiznetvorchestve Z.N. Gippius. Avtoref. dis. ... kand. cultural. nauk* [The concept of androgyny in the life-creation of Z.N. Gippius. Abstract of thesis. ... cand. culturl sci.]. Kostroma, 2004. 24 p. (in Russian).
11. Zavgorodnyaya G.Y. *Lilit v russkoy literature rubezha XIX–XX vekov* [Lilith in Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 6–2, pp. 209–212 (in Russian).
12. Erokhina T.I. *Gendernye arhetipy «Serebryanogo veka» v massovoy kul'ture* [Gender archetypes of the Silver Age in mass culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 5, pp. 329–334 (in Russian).

13. Bokarev A.S. Struktura avtorskogo «Ya» v poezii Borisa Ryzhego [The structure of the author's "I" in the poetry of Boris Ryzhy]. *Vestnik KGU – Vestnik of Kostroma State University*, 2017, no. 4, pp. 156–159 (in Russian).
14. Tarlysheva E.A. *Pesennaya poeziya A.N. Vertinskogo kak edinyy khudozhestvennyy mir: zhanrovaya priroda, obraznaya spetsifika, evolyutsiya* [Song poetry of A. N. Vertinsky as a single artistic world: genre nature, figurative specificity, evolution]. Vladivostok, 2004. 186 p. (in Russian).
15. Bryzgalova E.N. Igra kak sposob izobrazheniya mira v poezii A.N. Vertinskogo [Play as a way of depicting the world in the poetry of A.N. Vertinsky]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, 2018, no. 2(23), pp. 151–158 (in Russian).
16. Hegel G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. Filosofiya dukha: v 4 tomakh. Tom 3* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Philosophy of Spirit: In 4 v. V. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 471 p. (in Russian).
17. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2016. 416 p. (in Russian).
18. Bokarev A.S. «Ya» kak «Drugoy» v sub"ektnoy strukture liriki Arseniya Tarkovskogo ["I" as "Other" in the subjective poetic lyrics of Arseny Tarkovsky]. *Novyy filologicheskiy vestnik – The New Philological Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 207–215 (in Russian).
19. Lezhneva M.G. *Mezhtekstovye svyazi v poezii Aleksandra Vertinskogo: Slovo i Tekst* [Intertextual connections in the poetry of Alexander Vertinsky: Word and Text]. Moscow, 2003. 183 p. (in Russian).
20. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Modern Russian literature: 1950–1990s: Textbook for students of higher educational institutions]. In 2 v. V. 2: 1968–1990. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 688 p. (in Russian).
21. Dostoevsky F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy. V 30 tomakh. Tom 30* [Complete Works. In 30 v. V. 30]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990 (in Russian).
22. Gorelova O.A. *Aleksandr Vertinskiy i ironicheskaya poeziya Serebryanogo veka. Dis. ... kand. filol. nauk* [Alexander Vertinsky and the ironic poetry of the Silver Age. Dis. cand. philol. sci.]. Moscow, Russian State Library Publ., 2006. 187 p. (in Russian).

Информация об авторе

Захарова В.М., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 34, Томск, Россия, 634050).
E-mail: vladazaharova19@gmail.com; ORCID ID: 0009-0004-7335-179X; SPIN-код: 3298-9220.

Information about the author

Zakharova V.M., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 34, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: vladazaharova19@gmail.com; ORCID ID: 0009-0004-7335-179X; SPIN-code: 3298-9220.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 06.03.2025; accepted for publication 0320.05.2025

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-105-114>

Деконструкция мифологемы *Пушкин* в русском постмодернистском тексте конца XX – начала XXI в.

Колмакова Оксана Анатольевна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
post-oxygen@mail.ru, 0000-0002-4873-181X

Аннотация

Предметом анализа является рецепция пушкинского мифа в произведениях русских писателей-постмодернистов конца XX – начала XXI в., рассмотренная в аспекте диалога авторов с современным культурным сознанием. Материалы, использованные в исследовании: романы «Андерграунд, или Герой нашего времени» В.С. Маканина и «Человек-язык» А.В. Королева, прозаические тексты «Некрологи», «Звезда пленительная русской поэзии» и лирика Д.А. Пригова, повесть «Лимпопо», рассказ «Сюжет» и роман «Кысь» Т.Н. Толстой, пьеса «Мужская зона» Л.С. Петрушевской, рассказ «Мардонги» В.О. Пелевина, пьеса «Мертвые уши» О.А. Богаева. В результате исследования выявлено, что объектом авторской рефлексии у названных авторов становится мифологема *Пушкин*, а также ряд сюжетообразующих семантов пушкинского мифа: дуэль, гений, отец, гуманист, божество, герой, Россия и др. Широкий диапазон «отношений» с пушкинским мифом, измеряемый шкалой «Культивирование – профанирование», определяется спецификой воспринимающего сознания. Отдельные авторы (В.С. Маканин, А.В. Королев) пропускают миф о Пушкине через призму сознания героя-интеллигента, близкого автору, придавая Пушкину статус неотъемлемого конструкта русской национальной идентичности и гуманистического ориентира в современной дегуманизированной реальности. Однако большинство писателей-постмодернистов демифологизируют пушкинский миф, создавая дистанцию между автором и персонажем, являющимся носителем массового сознания. Авторы обращаются к таким приемам, как пародирование соцреалистического дискурса в советской версии мифа о Пушкине (Д.А. Пригов, Т.Н. Толстая), гротескное овеществление, вскрывающее симулятивную природу Пушкина как одного из центральных концептов русской культуры (В.О. Пелевин, О.А. Богаев), упрощение и снижение контекстных представлений о классике, осуществляемое посредством интертекстуального обыгрывания пушкинской цитаты (Л.С. Петрушевская). Прибегая к деконструкции пушкинского мифа, современные писатели декларируют отказ от заложенной в нем идеи тотальности, а также от абсолютизирующей Пушкина формулы «Наше все».

Ключевые слова: современная русская литература, постмодернизм, пушкинский миф, мифологема, образ, мотив

Для цитирования: Колмакова О.А. Деконструкция мифологемы Пушкин в русском постмодернистском тексте конца XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 105–114. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-105-114>

Deconstruction of Pushkin mythologeme in the Russian postmodernist text of the late 20th – early 21st century

Oksana A. Kolmakova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, post-oxygen@mail.ru, 0000-0002-4873-181X

Abstract

In Russian cultural consciousness, the mythologem "classic" is associated with quite a number of names. In the candidates for the title of "classic" list, A.S. Pushkin is the undisputed leader. The transformation of Pushkin's personality into a legend began during his lifetime. By the end of the 20th century, the Pushkin myth contained such components as *duel, genius, father, humanist, deity, hero, spiritual leader, Russia*, and others. The Pushkin myth continues to be cultivated in such postmodernist works as V.S. Makanin's "The Underground, or the Hero of Our Time" and A.V. Korolev's "Man-Tongue". Being close to the author main characters of these novels consider *Pushkin* to be an exemplary personality. They correlate their actions with his life events. However, Russian postmodern writers are more actively engaged in demythologization of the Pushkin myth appealing to images, carriers of mass consciousness. For this, they use a rich arsenal of ludic poetics techniques. Thus, D.A. Prigov and T.N. Tolstaya

parody the socialist realism discourse to profane the Soviet version of the Pushkin myth. V.O. Pelevin and O.A. Bogayev grotesquely give material form to the writer's image, revealing the simulative nature of Pushkin as one of the central Russian culture concepts. L.S. Petrushevskaya simplifies and reduces contextual representations of the classics through intertextual play with Pushkin's quotations. While deconstructing the Pushkin myth, modern authors declare rejection of the totality idea embedded in it. They also reject the formula "Our Everything" which deifies the writer and is firmly established in Russian cultural consciousness.

Keywords: modern Russian literature, postmodernism, the Pushkin myth, the mythologeme, the image, the motif

For citation: Kolmakova O.A. Dekonstruktsiya mifologemy Pushkin v russkom postmodernistskom tekste kontsa XX – nachala XXI v. [Deconstruction of Pushkin mythologeme in the Russian postmodernist text of the late 20th – early 21st century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 105–114 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-105-114>

Введение

Писательские мифы составляют значительный пласт как национальной, так и общечеловеческой культуры, поскольку в основе их создания лежат древнейшие стратегии мифотворчества. А.Ф. Лосев отмечал, что «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [1, с. 265], а биографии писателей-классиков весьма релевантны для создания таких «историй». Принадлежность классика к высокой культуре характеризует его как личность элитарную, обладающую высоким интеллектуальным и моральным статусом. В культурном сознании подобная личность персонифицирует архетипы Героя, Отца и Бога¹. Объективная информация о писателе получает вольную интерпретацию и трансформируется в субъективное мифологизированное знание – писательский миф.

В русском культурном сознании мифологема «классик» объективирована целым рядом представителей, наиболее значимым из которых выступает *Пушкин*. Проблема мифологизации личности и творческого наследия А.С. Пушкина интересует русских писателей-постмодернистов уже более полувека, в связи с чем в отечественном литературо-ведении появилась достаточно богатая традиция осмыслиения пушкинского мифа в произведениях русской литературы XX в. [3–7]. Под «пушкинским мифом» мы будем понимать комплекс представлений о личности и творчестве А.С. Пушкина, рожденных в среде русской интеллигенции и сформулированных в разного рода публицистических высказываниях и исторических анекдотах. В массовом сознании пушкинский миф «сворачивается» до своего ядра – мифологемы *Пушкин*.

Целью работы является анализ мифологемы *Пушкин* в текстах современных русских писателей-постмодернистов в аспекте их диалога с современным культурным сознанием – массовым и элитарным. Проведенное исследование позволит

выявить специфику этого диалога как «отношений» полемики или согласия, которыми определяется профанирование или культивирование мифа о Пушкине в каждом конкретном художественном произведении.

Материал и методы

Материалом исследования послужили романы «Андерграунд, или Герой нашего времени» В.С. Макарина и «Человек-язык» А.В. Королева, прозаические тексты «Некрологи», «Звезда пленительная русской поэзии» и лирика Д.А. Пригова, повесть «Лимпопо», рассказ «Сюжет» и роман «Кысь» Т.Н. Толстой, пьеса «Мужская зона» Л.С. Петрушевской, рассказ «Мардонги» В.О. Пелевина, пьеса «Мертвые уши» О.А. Богаева. Отбор для анализа литературного материала столь разной жанрово-родовой природы обусловлен задачей показать авторское отношение к мифологеме *Пушкин* через призму сознания персонажа как представителя элитарной или массовой культуры. Во всех перечисленных текстах персонажи имеют четкие маркеры культурной принадлежности. На сегодняшний день в литературо-ведении данному аспекту функционирования пушкинского мифа уделено недостаточно внимания. Сосредоточенностью исследования на проблеме рецепции пушкинского мифа конкретными персонажем объясняется установка автора статьи на фронтальный взгляд, не предполагающий глубокого погружения в анализ творчества каждого представленного писателя. В качестве материала также привлекаются русские и советские публицистические тексты – статьи Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева, М. Горького, А.В. Луначарского и др., в которых осуществлялась генерация пушкинского мифа. Механизмы этого мифообразования небезынтересны для писателей-постмодернистов и становятся для них не только объектом полемики,

¹ В русской культуре все три архетипа связаны между собой. Объединение понятий «бог» и «отец» происходит на основе православного канона, подразумевающего триединую сущность Бога как Отца, Сына и Святого Духа. Единство же «бога» и «героя» воспринимается человеком на уровне подсознания, поскольку базируется на архаических представлениях, о которых писал К.Г. Юнг: «...у героя природа человеческая, но близкая к сверхъестественной, т. е. он является "полубожественным"» [2, с. 102].

но и приемом поэтики. Ведущим методом исследования является структурно-семиотический.

Результаты исследования

Легендаризация пушкинской личности началась при жизни классика, чему в немалой степени способствовали оценки современников. Суммировать эти оценки можно формулой Н.В. Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное» («Несколько слов о Пушкине», 1832) [8, т. 8, с. 50]. Позже Ф.М. Достоевский в «Речи о Пушкине» провозгласил «всемирность и вселовечность его гения» [9, т. 26, с. 148], а А. Григорьев создал знаменитую максиму «Пушкин – наше все» [10, с. 166]. Гениальность Пушкина-художника формулируется как «правильная, художественно-нравственная мера» [10, с. 167–168], а уникальность его личности связывается с общечеловеческими ценностями: «Гуманность Пушкина была явлением высшего порядка <...>, врожденной чертой избранной натуры Пушкина» [11, с. 320].

Одной из базовых в пушкинском мифе является связка *Пушкин – Россия*, возникшая еще в оценках Н.В. Гоголя: «Пушкин есть <...> единственное явление русского духа» [8, т. 8, с. 50]. Позже в своих «Литературных мечтаниях» (1834) В.Г. Белинский написал о Пушкине как о поэте, «русском по преимуществу» [12, т. 1, с. 21]. Ф.М. Достоевский также последовательно проводил идею «национальной русской силы», «народности» поэзии Пушкина [9, т. 26, с. 146]. Заметим, что, раскрывая свой тезис «Пушкин – наше все», А. Григорьев делает акцент не только на том, что Пушкин «тотален», но и на том, что поэт – «наш», «русский»: «Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенно-го, такого, что остается нашим душевным, особенно-ным после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [10, с. 166].

К началу XX столетия А.С. Пушкин более чем любой другой классик воспринимается русским культурным сознанием как «поставщик чего-то грузного, питательного, умственного и гуманного» [13, т. 4, с. 340]. В советский период русской истории миф о Пушкине вновь оказывается востребованным. Нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский в 1924 г. пишет: «Стало совершенно бесспорным, что Пушкин сейчас ослепительно воскресает» [14, т. 1, с. 38]. Русский «классик классиков» практически становится культурной иконой, воплощением богочеловека наравне с В.И. Лениным и обретает статус духовного отца нации.

Активное участие в культивировании пушкинского мифа принимает А.М. Горький. Официальный советский писатель-классик актуализирует ключевые семанты пушкинского мифа, называя Пушкина «гигантом, величайшей гордостью на-

шей и самым полным выражением духовных сил России» [15, т. 24, с. 184]. Свою мысль о том, что «Пушкин – начало всех начал» [15, т. 29, с. 181], Горький развивает следующим образом: «Лев Толстой, Тургенев, Достоевский – все эти великие люди России признавали Пушкина своим духовным родоначальником» [15, т. 29, с. 255].

К мифу о Пушкине постмодернистское художественное сознание чаще демонстрирует полемическое отношение. Современные авторы вскрывают симулятивную природу пушкинского мифа как культурного «эрзац-продукта», разоблачая поверхностные и упрощенные представления о подлинных фактах человеческой и творческой судьбы А.С. Пушкина. Вместе с тем в некоторых случаях писатели-постмодернисты «участвуют» в культивировании пушкинского мифа.

Так, упоминание о Пушкине как об особенной личности появляется на страницах романов «Андергаунд, или Герой нашего времени» (1998) В.С. Макарина и «Человек-язык» (2000) А.В. Королева. Для главных героев этих произведений *Пушкин* – эталонная личность, с событиями жизни которой они соотносят свои поступки.

Макаринский Петрович – «писатель-агэшник», являющийся, по сути, автобиографическим персонажем. На момент описываемого в романе 1991-го Петровичу так же, как и автору, 54 года; и автор, и его персонаж родом с Урала; оба – «технари» по образованию. Макарин наделяет Петровича «худощавостью» и «седыми усами» – узнаваемыми деталями собственного портрета и собственной привычкой «держать руки в карманы». Конечно, не различать позицию автора и персонажа на основании только лишь их внешнего сходства нельзя, однако такое сходство все-таки существенно сокращает дистанцию между писателем и его героем.

Для Петровича прежде всего важен статус *Пушкина-Гениального-Писателя*. «Пушкин и Петрович!» – провозглашают на общажном застолье уже порядком подвыпившие друзья Петровича Михаил и Вик Викуч. Сцена прочитывается двояко. В ней ощущима авторская ирония, но вместе с тем читатель чувствует очевидную авторскую симпатию по отношению к герою. Макарин изображает искреннюю радость Петровича, которого коллеги по цеху ставят на почетное место рядом с классиком. Герой признается, что от слов, сказанных друзьями, ему «...легко. И свежо на душе» [16, с. 126].

Однако для Петровича важность приобретает и образ *Пушкина-человека* – личности со своими нравственными принципами и жизненной позицией. Внутри героя, убившего человека, происходит борьба между «Не убий!», воспринятым через призму сострадательного Достоевского, и пушкинским выстрелом во имя спасения собственной че-

сти. «...смертельно раненный, лежа на том снегу, он целил в человека и знал, чего ради целил. И даже попал, ведь попал!..» [16, с. 176], – восклицает Петрович, оправдывая свой поступок. Идею Достоевского о покаянии за совершенное убийство Петрович также «примеряет» к пушкинской дуэли и делает для себя однозначное заключение: «Убив Данте, встал бы он на коленях на перекрестке после случившегося?.. Ничуть не бывало» [16, с. 176]. В романе, написанном от первого лица, позиция автора намеренно скрыта, однако твердость и мужественность Петровича в его отказе от концепции «не убий» позволяет говорить о том, что автор если и не полностью разделяет точку зрения своего героя, то, во всяком случае, не опровергает ее.

Для Антона Кирпичева, героя романа А.В. Королева «Человек-язык», актуален образ *Пушкина-интеллигента-гуманиста*. Антон – хирург закрытой тератологической клиники, один из редких представителей современного человечества, способных на милосердие. Антон спасает из изолятора для душевнобольных пациентов психически здорового человека, носящего собачью кличку Муму за обезображивающую патологию языка. Реплика, сказанная Антоном своей невесте Таше Тарасовой, испугавшейся уродства Муму, оформляется автором «с участием» пушкинского слова: «Какая ж ты дура, мой ангел! – бросил он (Пушкин) Таше в сердцах» [17, с. 66]. Цитата из письма А.С. Пушкина жене – маркер статуса героя как подлинно высокодуховной личности. Сокращая дистанцию между автором и героем, Королев «доверяет» Антону сформулировать идею романа: издевательства над Муму – это людская «...паника, а не злоба. Они не хотят жить всерьез» [17, с. 99]. Далее следует «авторское объяснение», сделанное, как сказано в романе, «вместо Антона»: «Человек-язык стал шоком отчаянной подлинности присутствия одного существа перед другим» [17, с. 99].

Примечательно, что в тексте с Пушкиным сравнивается еще один персонаж, также проявивший милосердие по отношению к Муму. А.В. Королев вводит в роман образ реально жившего в Москве 1990-х гг. африканца Негаша Намруда, который раздавал московским нищим бесплатные обеды [18, с. 3]. Автор называет этого героя «пушкинской реинкарнацией»: «Вот оно – второе воплощение нашего славного Пушкина!» [17, с. 174]. Увидеть в последней фразе иронический модус («не гений, а милосердный африканец»), на наш взгляд, нельзя, поскольку для автора как раз-таки и была важна гуманистическая, а не творческая составляющая пушкинской личности.

И все же более активно русские писатели-постмодернисты заняты не культивированием, а развенчанием пушкинского мифа. Профанирование

мифа о Пушкине можно назвать сквозной темой творчества таких авторов-постмодернистов, как Д.А. Пригов и Т.Н. Толстая.

Для поэта-концептуалиста Д.А. Пригова *Пушкин* стал одним из центральных концептов русской культуры. Свое отношение к классику современный поэт сформулировал так: «Пушкин был официальным государственным поэтом, был почти героем Советского Союза <...> это был Ленин моего времени <...> Именно поэтому Пушкин сразу вошел в меня как некое божество» [19, с. 216]. Как видим, основные обозначенные Приговым дефиниции *Пушкина* («Государственный поэт», «Герой Советского Союза», «Ленин») профанируют прежде всего советскую версию пушкинского мифа, в которой образ «божества» секуляризируется, обретая статус кумира.

Свой цикл «Некрологи» (1980), посвященный русским писателям-классикам, Пригов открывает текстом о Пушкине. Цикл состоит из пародий на универсальный некролог советскому лидеру, транслировавшийся отечественными СМИ эпохи «застоя». Комический эффект в приговском цикле создается не только посредством приема анахронизма – погружения русских писателей XIX в. в контекст советской эпохи, но и за счет смены регистра официоза на разговорно-просторечную стилистику, разрушающую жанровый канон некролога: «Товарища Пушкина А.С. всегда отличали принципиальность, чувство ответственности, требовательное отношение к себе и окружающим <...> Он навсегда останется в сердцах друзей и близко знавших его как гуляку, балагура, бабника и охальнику» [20, с. 128]. На наш взгляд, Пригов обращается к жанру советского некролога, поскольку именно в нем звучит формула-характеристика вождя как «отца нации». Примечательно, что Пригов подвергает деконструкции семантику «отец нации» все теми же средствами пушкинского мифа, обращаясь к таким компонентам мифологемы *Пушкин*, как «бабник» и «охальник», являющимся семантическим ядром исторических анекдотов о Пушкине. Изображая отца нации балагуром и бабником, Пригов не единственно снижает образ классика, но и возвращает «бронзовому Пушкину» человечность.

Если в «Некрологах» Д. Пригов иронизирует над риторикой советской публицистики, то в «Звезде пленительной русской поэзии» (1989), продолжающей деконструкцию пушкинского мифа, иронически осмысливается советский художественный дискурс – соцреализм. Стержнем сюжета в «Звезде...» является дуэль А.С. Пушкина с Ж. Данте – важнейший микросюжет пушкинского мифа. Дуэль профанируется уже в одном из первых текстов русского постмодернизма – романе

А.Г. Битова «Пушкинский дом» (1971): Митищатьев и Одоевцев устраивают дуэль «на пушкинских пистолетах» [21, с. 360].

В «Звезде...» демифологизация *Пушкина* осуществляется посредством пародирования стилевого канона соцреализма, ориентированного на специфического адресата – массового советского человека. Пригов деконструирует пушкинский миф посредством обнажения стилевых механизмов соцреализма, предлагающего читателю идеологические клише взамен духовных ориентиров и доступную фольклорность вместо усложненной художественности.

Косноязычное, но «идеологически выдержанное» повествование создает картину предельно абсурдного мира: «Обложил тогда Россию Наполеон, блокировал все порты и магистрали, готовился напасть на нашу родину. А внутри страны, в самом ее сердце, в столице ее, в древнем Петербурге, при попустительстве и прямом содействии царского двора и государственных чиновников французский посол Геккерен и его племянник вели разложение русского общества в пользу французского влияния» [22, с. 239]. В созданной в рассказе реальности смешены хронологические рамки («соратник Пушкина Николай Чернышевский», «англичане высадились в Мурманске»), а исторические события либо ложно интерпретированы («Небольшая часть несознательной молодежи <...> вышла на Сенатскую площадь с профранцузскими, антинародными лозунгами»), либо откровенно искажены («французский посол Геккерен и его племянник»).

Пародируя классический соцреалистический эпос, Пригов активно использует фольклорную стилистику: постоянный эпитет («говорит зычным голосом»), троекратный повтор («племянник» трижды оскорбляет Пушкина), «общее место» (эпизоды хождения Пушкина в народ), образ врага как этнического противника («не дают жить французы»). Особенно примечательно применение приемов идеализации и обесценивания образа, которые превращают Пушкина в реального Дантеса, а Дантеса, наоборот, в Пушкина: «Входит тут Пушкин, высокий, светловолосый, с изящными руками <...> А племянник Геккера, маленький, чернявенький, как обезьянка, с лицом не то негра, не то еврея...» [22, с. 240].

Собирательный образ Пушкина в лирике Пригова включает самые разнообразные компоненты пушкинского мифа: Бог («Невтерпеж стало народу»), *Отец народа* («Внимательно коль приглядеться сегодня...»), *Свободный художник* («Вот Достоевский Пушкина признал...»). Пригов «добавляет» к пушкинскому мифу, на первый взгляд, абсурдный компонент андрогинности:

Кто это полуголый
Стоит среди ветвей
И мощно распевает
Как зимний соловей

Да вы не обращайтесь
У нас тут есть один
То Александр Пушкин –
Российский андрогин [22, с. 102].

Однако кажущаяся абсурдной связка «Пушкин – зимний соловей – андрогин» имеет смысл. Одной из художественных концепций андрогинности, сформулированной, в частности, Е.А. Полевой, является идея «антропологической цельности», то есть гармонии личности [23, с. 135]. Таким образом, сравнивая Пушкина-андрогина с «зимним соловьем» (оксюморон), Пригов совмещает такие семанты пушкинского мифа, как *уникальная личность и певец гармонии*. Апогеем профанирования Пушкина у Пригова становится самоотождествление с классиком лирического героя-графомана: «...я тот самый Пушкин и есть» («Когда я размышляю о поэзии...») [22, с. 96]. На наш взгляд, столь многообразное воплощение мифологемы *Пушкин*, явленное Приговым, обыгрывает концепцию В.Г. Белинского, назвавшего Пушкина «Протеем» [12, т. 1, с. 79].

Оригинальное отношение к пушкинскому мифу демонстрирует Т.Н. Толстая. Писательница обратилась к нему в начале 1990-х гг., создав повесть «Лимпопо» и рассказ «Сюжет». На рубеже XX–XXI вв. Толстая возвращается к пушкинской теме в романе «Кысь». Повесть «Лимпопо» (1990) гротескно изображает интеллигентское сознание, центрированное русской литературой в целом и конкретно – личностью Пушкина. Моделью реальности, в которой «все было завалященное, убогое, пятого сорта» [24, с. 323], является у Толстой коммунальная квартира. «Эх, Пушкина бы сюда!» – горячится на кухне интеллигент Спиридонов, апеллируя к идеи вселенской гармонии, безусловным воплощением которой для него является Пушкин. Если друзья маканинского Петровича считали его новым Пушкиным фигулярно, то идея явить миру нового Пушкина в повести Толстой получает свое буквальное воплощение. Эту миссию берет на себя «интеллигент-правдоруб» с инфантальным именем Ленечка. Он создает с африканкой Джуди «союз униженных и оскорбленных», в результате которого, по мнению Ленечки, гарантированно появится новый Пушкин.

Профанирование пушкинского мифа у Толстой происходит по двум направлениям. Во-первых, в его пересечении с коммунистической идеей «светлого будущего» как единства человечества всех рас и континентов. Во-вторых, пушкинский миф под-

свечивается христианским: ожидание «нового Пушкина» воспринимается как «новое Рождество», и герои повести с упоминанием ждут, когда «заявляется беззаконный младенец Пушкин как последняя наша надежда» [24, с. 326].

Обреченность миссии Ленечки очевидна. Мало того, «с помощью» Пушкина он увеличивает количество абсурда в реальном мире, создав центон из культурно-идеологических клише вперемешку с пушкинскими строками: «Над густою лебедою гуси-лебеди летят! То как зверь они завоют, то ногами застучат! <...> Нашим планам нет предела, всем народом рвемся ввысь, и в распухнувшее тело раки черные впились! <...> Соловей хрюпит на ветке, гнется дерево под ним; «кукареку» – вопит в клетке шестикрылый серафим <...> А струна звенит в тумане, а дорога все пылит. Если жизнь тебя обманет, значит родина велит» [24, с. 330]. Изображая в финале повести героев, которые глядят на памятник Пушкину, «словно ожидая, что он <...> выпростает из-за пазухи руку и благословит всех» [24, с. 366], писательница актуализирует *отеческую* составляющую мифа о Пушкине.

Рассказ «Сюжет» (1991) Т. Толстая целиком посвящает пушкинскому мифу, подвергая последний деконструкции более радикальной, нежели в повести «Лимпопо». В основу сюжета рассказа положено допущение о противоположном исходе дуэли Пушкина и Данте, что приводит Россию к альтернативному пути социально-политического развития. Подобный сюжет обыгрывает сразу два важнейших компонента пушкинского мифа: дуэль и смысловую связку *Пушкин – Россия*.

Связка *Пушкин – Россия* в «Сюжете» реализуется в пространстве советского мифа и так же, как у Д.А. Пригова, профанирует идею паритета между русским классиком и вождем мирового пролетариата. Толстая нивелирует роль выжившего Пушкина в русской культуре, ограничивая позднее пушкинское творчество «возмутительными стихами», которые сам поэт жжет на свечке, и прозой, которую «никто не хочет читать». Пожилой классик все еще работает над «Историей Пугачева» и в поисках архивных материалов отправляется в «маленький приволжский городок». Там Пушкин «отглутил палкой» оскорбившего его мальчишку, которым оказался Володя Ульянов, в результате чего «Воло-денька» напрочь отказался от начавших формироваться в нем демократических взглядов. После экзекуции «баловства со всякими там идеями не допускал ни на минуточку, да и других одергивал, а если замечал в товарищах наималейшие шатания и нетвердость в верности царю и Отечеству, то сам, надев фуражечку на редеющие волоски, отправлялся и докладывал куда следует» [24, с. 259]. Толстая демифологизирует *Пушкина*, показывая, что

он оказался полезен отечеству лишь косвенно – не как творец, а как переформатировавший убеждения юного Ленина в сторону радикального монархизма.

Один из фрагментов «Сюжета» представляет собой центон, состоящий из цитат русской классики, начиная от Достоевского и заканчивая Набоковым. Этот эпизод текста композиционно оформлен как бред раненого Пушкина. Включенность цитат русской классики в пушкинский бред профанирует семантику *Пушкин – отец русской классики*, сформулированную, в частности, А.М. Горьким: «Без Пушкина были бы долго невозможны Гоголь <...>, Лев Толстой, Тургенев, Достоевский» [15, т. 24, с. 255]. В рассказе сквозь массив чужого текста раздается голос самого Пушкина: «послушай меня... Р, О, С, – нет, я букв не различаю» [24, с. 253]. Создается впечатление, что за иронией и насмешкой автор прячет печальную мысль о том, что подлинный Пушкин, «утонувший» в тексте русской культуры, которую сам же и создал, остался так по-настоящему и не услышанным русским читателем.

В романе-антиутопии «Кысь» (2000) постмодернистские приемы деконструкции мифа о Пушкине получают у Т.Н. Толстой новое воплощение. Пушкин в романе существует в виде условного памятника, далекого от оригинала настолько, насколько персонажи докультурного мира, в котором только недавно изобретено колесо, далеки от восприятия высокого слова классической культуры.

Бенедикт, главный герой романа, использует нарицательное существительное «пушкин», имея в виду собственноручно изготовленную им статую: «пушкин <...> черным кудлатым идолом взметнувшийся на пригорке, навечно сплющенный заборами, по уши заросший укропом, пушкин-обрубок, безногий, шестипалый, прикусивший язык, носом уткнувшийся в грудь» [25, с. 370]. Это произведение столярного искусства превращает классика всего лишь в «дубельт» – так Бенедикт называет материал, из которого изготовлен памятник.

Базовую формулу пушкинского мифа «Наше все», как и строки классика, Бенедикт понимает буквально, поэтому требует от «пушкина» конкретного ответа на «проклятые вопросы»: «Ты, пушкин, скажи! Как жить? Я же тебя сам из глухой колоды выдолбил <...> Не будь меня – и тебя бы не было! Кто меня враждебной властью из ничтожества возвзвал? – Я возвзвал! Я!» [25, с. 313]. Конкретное мышление Бенедикта выхолащивает из цитаты все смыслы: «...Жизни мышья беготня, / Что тревожишь ты меня?» А-а, брат пушкин! Ага! Тоже свое сочинение от грызунов берег! Он напишет – а они съедят, он напишет, а они съедят! То-то он тревожился!» [25, с. 336]. А когда Бенедикт попытался приспособить стихотворение Пушкина

«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» «побабскому делу», вышел конфуз: «Марфушка все сделала по-честному, как ей велено, — ни гу-гу, руки по швам, пятки вместе, носки врозь. И нет чтобы разгораться все боле да боле, как по-писаному, али там пламень разделить, — какое — так мешок мешком весь вечер и пролежала» [25, с. 126].

Обращаясь к пушкинской теме в «Кыси», Толстой аллюзивно воспроизводит программный текст раннего русского постмодернизма — поэму В.В. Ерофеева «Москва — Петушки» (1969). У Ерофеева пушкинский микросюжет связан с историей Дарьи — «женщины сложной судьбы», пострадавшей за великого поэта: «Мне за Пушкина разбили голову и выбили четыре передних зуба», — торжественно сообщает о себе герояня [26, с. 90]. Ерофеев создает снижающий образ классика каламбур «Пушкин — Евтюшкин» и обыгрывает знакомую каждому русскому обычайлю паремию «А кто же — Пушкин, что ли?!»: Дарья регулярно пристает к Евтюшкину с вопросом «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» [25, с. 91], за что, собственно, и получает своиувечья.

У Толстого возникает созвучный ерофеевскому каламбуру «пушкин-кукушкин», а одним из средств обессмысливания мифологемы *Пушкин* также становится ирония в адрес фольклорного клише «с Пушкиным». Этот риторический вопрос звучит в диалоге Бенедикта с тестем: «“Кысь-то — ты”. — “Я-а?!?!?!” — “А кто же? Пушкин, что ли?”» [25, с. 366–367].

Идея обессмысливания пушкинского мифа связана у Т. Толстого с проблемой омассовления интеллигентского сознания. В этом плане образ «полупинтеплигента» Бенедикта вполне однозначен. Однако и герои повести «Лимпопо» не могут претендовать на статус подлинных интеллигентов. В их восприятии Пушкина «работают» те же, что и в массовом сознании, механизмы упрощения. Примечателен финал повести, когда пришедшие к памятнику Пушкина героини не могут вспомнить хрестоматийных строк из его стихотворения.

Еще одним ярким примером иронично-игровой деконструкции пушкинского мифа является пьеса Л.С. Петрушевской «Мужская зона» (1992). Петрушевская пародирует повесть С.Д. Довлатова «Зона» (1982), в которой заключенных обязали участвовать в театральной постановке по случаю главного государственного праздника. У Петрушевской этот сам по себе абсурдный сюжет превращен в фантасмагорию: заключенные классики мировой политики, культуры и науки — В.И. Ленин, А. Гитлер, Л. Бетховен и А. Эйнштейн — ставят трагедию У. Шекспира «Ромео и Джульетта». А.С. Пушкина нет среди заключенных, однако русский «классик классиков» здимо присутствует на цитатном уровне текста.

Петрушевская открыто полемизирует с массовым сознанием, развенчивая поверхностные знания обычайля о подлинных личностях, стоящих за ее героями, показывая упрощенные и сниженные представления о них. Интертексты пушкинских произведений также иронически снижены. Так, обращение пушкинской Татьяны «Не спится, няня: здесь так душно! // Открой окно да сядь ко мне» («Евгений Онегин») [27, т. 5, с. 62] трансформировано в пьесе в «...открой окно, да ляг ко мне» [28, с. 394], имеющее, учитывая общее содержание пьесы, эротический подтекст.

Одна из самых известных «маленьких трагедий» А.С. Пушкина профанируется у Петрушевской за счет карнавально-сниженной интерпретации, уводящей в сферу телесного низа:

«Б е т х о в е н (загораясь). А меня, знаешь, учили играть... знаешь такого Сальери? Композитора такого?

Э й н ш т е й н (осторожно). В седьмом бараке?

Б е т х о в е н (туманно). Нет, он не здесь.

Э й н ш т е й н. Это та история с Моцартом?

Б е т х о в е н. Там много клеветы. У Моцарта всегда было плохо со стулом» [28, с. 393].

Фраза пушкинского Мефистофеля, обращенная к Фаусту «Ведь мы играем не из денег, // А только б вечность проводить!» («Наброски к замыслу о Фаусте») [27, т. 2, с. 310], у Петрушевской снижена до уровня реплики «профессионально деформированного педагога»: «Как будем вечность проводить? Бездарно будем проводить?» [28, с. 395].

Примечательна цитата, представляющая собой опосредованное использование пушкинского текста, когда Ленин декламирует в стиле Германа из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама»: «Уж полночь близится, а все луна проходит <...> У мавзолея Ленина меня» [28, с. 396] (ср. в либретто к опере П.И. Чайковского «Пиковая дама»: «Уж полночь близится, а Германа все нет» [29, с. 78]). Петрушевская апеллирует к тексту классика русской музыки, вовлеченному в миф о Пушкине, в частности, усилиями А.М. Горького. Советский писатель в свое время отмечал: «Известно, что музыка пользуется лишь наиболее гениальными произведениями искусства слова <...> Музыка использовала в форме опер целый ряд вещей Пушкина» [15, т. 24, с. 256].

Средством демифологизации *Пушкина* у русских писателей-постмодернистов становится прием «овеществления», буквального его «опредмечивания». Так, в рассказе В.О. Пелевина «Мардонги» (1992), пародирующем философское эссе, автор анализирует процесс образования пушкинского «мардонга» — вымыщенного культа особым образом сохраненного трупа. Пелевин подробно описывает технологию «приготовления» классическо-

го мардонга, включающую в себя обжарку тела умершего в масле, обмазывание глиной, обжиг и раскраску получившейся куклы. Низвержение А.С. Пушкина с пьедестала русской культуры происходит на уровне цитаты и начинается уже в эпиграфе («Слух обо мне пройдет, как вонь от трупа»), приписанном некоему Н. Антонову, квазиученому, автору «культурологической гипотезы» о Пушкине-мардонге. По мнению Антонова, Пушкин – это «духовный труп ноосферы» [24, с. 100], а его «утрупнению» способствует распевание мантры «Пушкин пушкински велик» [30, с. 101].

Формально стройное и логичное, повествование в рассказе представляет собой совершенный абсурд, создающий карнавальную атмосферу, в которой рушатся всякие авторитеты: «Антонов пишет о духовных мардонгах, образующихся после смерти людей, оставивших заметный след в групповом сознании. В этом случае роль обжарки в масле выполняют обстоятельства смерти человека и их общественное осознание (Антонов уподобляет Наталью Гончарову сковороде, а Данте – повару). <...> По Антонову, духовный мардонг Пушкина был готов к концу XIX в., причем роль окончательной раскраски сыграли оперы Чайковского» [30, с. 100]. Как и Петрушевская в «Мужской зоне», Пелевин использует связку *Пушкин – Чайковский*, уже откровенно глямаясь над горьковской оценкой музыкальной интерпретации пушкинских текстов как дополнительного маркера гениальности писателя.

В пьесе О.А. Богаева «Мертвые уши» (1995) образ Пушкина «овеществляется» посредством обыгрывания расхожей метонимической модели «автор – книга». Если Б.Л. Пастернак, например, с помощью этой метонимии «оживляет» писателей («Пока я с Байроном курил, / Пока я пил с Эдгаром По» – «Про эти стихи»), то Богаев намеренно превращает русских классиков в их книги и даже заставляет их «питаться бумагой». Среди четырех писателей-классиков, изображенных в пьесе, Пушкин находится на особом счету.

В образе главной героини пьесы, «крепкой женщины» Эры Николаевны, автор утрированно воплощает современного массового человека. Уровень знакомства Эры с классикой раскрывает ряд искаженных имен писателей: «Чухов», «Тигр Николаевич», «а этот гоголем называется». Недеформированным остается только имя Пушкина, которое оказывается знакомым героине: «Э р а (не понимая.) Пушкин??? (Вспоминая.) Пушкин?! (Вспомнив.) Пушкин!!! (С любовью.) Пушкин...» [31, с. 119]. Миф о Пушкине жив в массовом сознании, и образ писателя в нем искаженно «овеществлен»: «Я на Пушкине в детстве с мамой каталась, когда он был теплоходом! А когда он памятник был, я под ним ждала жениха на свидание» [там же].

Значим эпизод появления Пушкина в квартире героини: «Пушкин одной рукой закрывает кровавую рану, в другой руке держит пистолет» [31, с. 115]. Эпизод вызывает в памяти устойчивую «формулу» пушкинского мифа – дуэль, которую Богаев гротескно снижает, делая ее абсурдно повторяющимся мотивом. У Богаева Данте приходит убивать Пушкина регулярно, как в фольклорной пустоговорке. «Разберитесь. Данте к нам появился», – жалуется Эра Николаевна милиционерам [31, с. 134].

Как и в случае с романом Т. Толстой «Кысь», интерпретация пушкинского мифа у О. Богаева отсылает к поэме «Москва – Петушки» В. Ерофеева. Богаевская «Дама-берет» внешне напоминает Дарью, которая у Ерофеева описана как «женщина в коричневом берете». Отсылкой к поэме можно также считать профанирование «Евгения Онегина» как программного пушкинского произведения. У Ерофеева диалог Евтушкина и Дарьи содержит прямые цитаты из пушкинского романа: «“Мой чудный взгляд тебя томил?” Я говорю: “Ну, допустим, томил...” А он опять за икры: “В душе мой голос раздавался?”» [26, с. 90]. У Богаева графоманское стихотворение Эры Николаевны также пародирует «Письмо Татьяны»: «Я знаю все: вас оскорбит / Ужасной правды разъясненье. / Какое страшное злобленье / Ваш сыйтый глаз изобразит» [31, с. 122].

Заключение

Несмотря на общие релятивистские установки постмодернистского художественного сознания, образ А.С. Пушкина для некоторых современных авторов-постмодернистов продолжает сохранять статус авторитета. В.С. Маканин и А.В. Королев культивируют пушкинский миф, «пропуская» его через призму мировосприятия персонажа. И хотя нельзя говорить о полной идентичности точек зрения автора и персонажа, авторы в обоих случаях создали героев, представляющих, как и сами писатели, элитарную культуру и продолжающих культивировать пушкинский миф.

Ставя своей целью развенчание пушкинского мифа и ее смыслового ядра – мифологемы *Пушкин*, писатели-постмодернисты обращаются к изображению массового сознания, носителем которого может быть писатель-графоман (творчество Д.А. Пригова), квазинтеллигент (проза В.О. Пелевина и Т.Н. Толстой), обыватель или маргинал (драматургия О.А. Богаева и Л.С. Петрушевской). Посредством профанирования массовых представлений о классике писатели декларируют отказ от заложенной в мифологеме *Пушкин* идеи тотальности, от обожествляющей писателя формулы «Наше все».

Список источников

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
2. Юнг К.-Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
3. Легенды и мифы о Пушкине / под ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Академический проект, 1994. 352 с.
4. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце ХХ века. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. 245 с.
5. Богданова О.В. «Пушкин – наше всё...»: Литература постмодерна и Пушкин. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 239 с.
6. Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 540 с.
7. Круглов Р.Г. Пушкинская традиция, пушкинский миф и пушкинский текст в русской поэзии второй половины ХХ века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 8. С. 2728–2734.
8. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
10. Григорьев А. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. 632 с.
11. Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
12. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1958.
13. Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983.
14. Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1963–1967.
15. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1949–1956.
16. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени: роман. М.: Эксмо, 2023. 544 с.
17. Королев А.В. Человек-язык: роман. М.: Текст, 2001. 189 с.
18. Самодуров В. Бремя черного человека // Вечерняя Москва. 1999. 6 мая. С. 3.
19. Пригов Д.А. Собрание стихов. Т. IV. 1978. № 660-845. Wiener Slawisticher Almanach, Sonderband 58, Wien, 2003. 229 с.
20. Пригов Д.А. Советские тексты, 1979-84. СПб.: Лимбах, 1997. 271 с.
21. Битов А.Г. Пушкинский дом. Аян-Арбор: ARDIS, 1978. 412 с.
22. Пригов Д.А. Написанное с 1975 по 1989. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 280 с.
23. Полева Е.А. Андрогинные мотивы в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 135–143.
24. Толстая Т.Н. Река Оккервиль: рассказы. М.: Подкова, 2002. 464 с.
25. Толстая Т.Н. Кысь: роман. М.: ACT, 2016. 381 с.
26. Ерофеев В.В. Москва – Петушки. СПб.: Азбука, 2016. 416 с.
27. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
28. Петрушевская Л.С. Квартира Коломбины: пьесы. СПб.: Амфора, 2007. 415 с.
29. Чайковский М.И., Чайковский П.И., Шиловский К.С. «Пиковая дама» П.И. Чайковского: либретто оперы. М.: Музгиз, 1956. 94 с.
30. Пелевин В.О. Бубен верхнего мира: истории и рассказы. СПб.: Азбука, 2016. 544 с.
31. Богаев О.А. Русская народная почта: 13 комедий. Екатеринбург: Журнал «Урал», 2012. 776 с.

References

1. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Saint Peterburg, Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2014. 320 p. (in Russian).
2. Jung C.G. *The archetypes and the collective unconscious*. London, Routledge and Kegan Paul, 1959. 462 p. (Russ. ed.: Yung K.-G. Dusha i mif. Shest' arkhetipov. Kiev, Gosudarstvennaya biblioteka Ukrayiny dlya yunosty Publ., 1996. 384 p.).
3. *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. M.N. Virolainen Ed. Saint Petersburg, Akademichesky proekt Publ., 1994. 352 p. (in Russian).
4. Zagidullina M.V. *Pushkinskiy mif v kontse XX veka* [Pushkin's myth at the end of the 20th century]. Chelyabinsk, ChSU Publ., 2001. 245 p. (in Russian).
5. Bogdanova O.V. «Pushkin – nashe vse...»: *Literatura postmoderna i Pushkin* [“Pushkin is our everything...”]: Postmodern Literature and Pushkin]. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University Publ., 2009. 239 p. (in Russian).
6. Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoj literature sovetskogo i postsovetskogo periodov. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods. Diss. ... doct. philol. sci.]. Moscow, 2011. 540 p. (in Russian).

7. Kruglov R.G. Pushkinskaya traditsiya, pushkinskiy mif i pushkinskiy tekst v russkoy poezii vtoroy poloviny XX veka [Pushkin tradition, Pushkin myth and Pushkin text in Russian poetry of the second half of the 20th century]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2024, vol. 17, no. 8, pp. 2728–2734 (in Russian).
8. Gogol' N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh* [Complete collection of works: 14 volumes]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1952 (in Russian).
9. Dostoevsky F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990 (in Russian).
10. Grigorev A. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967. 632 p. (in Russian).
11. Annensky I.F. *Knigi otrazheniy* [Books of Reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 680 p. (in Russian).
12. Belinsky V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh* [Complete collection of works: 13 volumes]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953–1958 (in Russian).
13. Blok A. *Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh* [Collection of works: 6 volumes]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980–1983 (in Russian).
14. Lunacharsky A.V. *Sobraniye sochineniy: v 8 tomakh* [Collection of works: 8 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1963–1967 (in Russian).
15. Gor'kiy M. *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Collection of works: 30 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1949–1956 (in Russian).
16. Makanin V.S. *Andegraund, ili Geroy nashego vremeni* [The Underground, or the Hero of Our Time]. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 544 p. (in Russian).
17. Korolev A.V. *Chelovek-yazyk: roman* [Man-Tongue: a novel]. Moscow, Tekst Publ., 2001. 189 p. (in Russian).
18. Samodurov V. *Bremya chernogo cheloveka* [The Burden of the Black Man]. *Vechernaya Moskva* [Evening Moscow]. 1999. May, 6. P. 3 (in Russian).
19. Prigov D.A. *Sobranie stikhov. 1978. № 660-845* [Collected Poems. 1978. № 660-845]. Wiener Slawisticher Almanach, Sonderband 58, Wien, 2003. Vol. IV. 229 p. (in Russian).
20. Prigov D.A. *Sovetskiye teksty, 1979-84* [Soviet texts, 1979-84]. Saint Petersburg, Limbakh Publ., 1997. 271 p. (in Russian).
21. Bitov A.G. *Pushkinskiy dom* [Pushkin House]. Ann Arbor, ARDIS Publ., 1978. 412 p. (in Russian).
22. Prigov D.A. *Napisannoye s 1975 po 1989* [Written from 1975 to 1989]. Moscow, New Literary Review Publ., 1997. 280 p. (in Russian).
23. Poleva E.A. Androgynnye motivy v romane Leny Eltang «Kamennye kleny» [Androgynous motives in the novel “Pobeg Kumaniki” (“Bramble Sprout”) by Lena Eltang]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, no. 2, pp. 148–160 (in Russian).
24. Tolstaya T.N. *Reka Okkervil': rasskazy* [Okkervil River: stories]. Moscow, Podkova Publ., 2002. 464 p. (in Russian).
25. Tolstaya T.N. *Kys': roman* [The Slynx: a novel]. Moscow, AST Publ., 2016. 381 p. (in Russian).
26. Erofeev V.V. *Moskva – Petushki* [Moscow – Petushki]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 416 p. (in Russian).
27. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 tomakh* [Complete collection of works: 10 volumes]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950 (in Russian).
28. Petrushevskaya L.S. *Kvartira Kolombiny: p'esy* [Flat of Columbine: plays]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2007. 415 p. (in Russian).
29. Tchaykovsky M.I., Tchaykovsky P.I., Shilovsky K.C. «*Pikovaya dama*» P.I. Chaykovskogo: libretto opery ['Queen of Spades' by P.I. Tchaikovsky: libretto of the opera]. Moscow, Muzgiz Publ., 1956. 94 p. (in Russian).
30. Pelevin V.O. *Buben verkhnego mira: istorii i rasskazy* [Tambourine of the upper world: stories and tales]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 544 p. (in Russian).
31. Bogayev O.A. *Russkaya narodnaya pochta: 13 komediy* [Russian folk mail: 13 comedies]. Ekaterinburg, Journal ‘Ural’ Publ., 2012. 776 p. (in Russian).

Информация об авторе

Колмакова О.А., доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет» (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003).

E-mail: post-oxygen@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4873-181X; SPIN-код: 9526-3204.

Information about the author

Kolmakova O.A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Irkutsk State University (ul. Karla Marks, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).

E-mail: post-oxygen@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4873-181X; SPIN-код: 9526-3204.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 19.02.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-115-124>

Имена собственные как конкретизатор авторской идеи (на материале повести Нины Дащевской «Скрипка неизвестного мастера»)

Марина Александровна Денисова

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия,
deni-mar@list.ru, 0009-0008-9977-8467

Аннотация

Рассматривается одно из актуальных направлений филологической науки – исследование ономастикона художественного произведения и его роли в смысловой организации текста. Работа выполнена на материале повести известного современного прозаика, работающего для детской и подростковой аудитории, Н.С. Дащевской «Скрипка неизвестного мастера». Ее тексты неоднократно становились победителями известных литературных конкурсов, среди которых «Книгур» (2013, 2014, 2015), «Новая детская книга» (2014), Литературная премия им. С.Я. Маршака (2018) и др. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью творчества Н.С. Дащевской и, в частности, ее подходом к выбору имен собственных в произведениях. Целью работы является анализ ономастического пространства художественного текста как средства воплощения авторского замысла. Для ее достижения используются описательно-функциональный метод, герменевтический подход, базирующийся на принципах диалогичности и целостности, а также метод конкретного литературоведения, основанный на работах Д.С. Лихачёва. Выделены и изучены топонимы: астонимы, годонимы, урбонимы, комонимы, хоронимы, рассмотрены антропонимы и патронимы, библионимы и поэтонимы, выявлены их функции и место в тексте повести. Сделан вывод о том, что подобранные автором онимы играют основополагающую роль в реализации авторской идеи, заключающейся в связи настоящего с прошлым, воплощаемой посредством музыки. С помощью библионимов и поэтонимов автор раскрывает внутренний мир героев, их характер и представления о жизни, тогда как топонимы делают мир, в котором живут персонажи, максимально реалистичным, тем самым осуществляя миромоделирующую функцию. Антропонимы служат средством создания художественного образа и воплощения авторского замысла: они не только указывают на родство и помогают идентифицировать человека, но и выполняют в произведении сюжетообразующую роль. Такой тщательный отбор онимов представляется продуманной стратегией, характерной для творчества Н.С. Дащевской и реализуемой в данной повести. Настоящая работа продолжает изучение творчества Н.С. Дащевской и расширяет представление о назначении имен собственных в структуре произведения.

Ключевые слова: литературная ономастика, современная детская литература, герой, сюжет, композиция, авторский замысел

Для цитирования: Денисова М.А. Имена собственные как конкретизатор авторской идеи (на материале повести Нины Дащевской «Скрипка неизвестного автора») // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 115–124. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-115-124>

Proper names as a concretizer of the author's idea (based on the material of Nina Dashevskaya's "The Violin of an unknown author")

Marina A. Denisova

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, *deni-mar@list.ru, 0009-0008-9977-8467*

Abstract

The article is devoted to one of the relevant areas of philological science – the study of the onomasticon of an artistic work and its role in the semantic organization of the text. The work is based on the novel "The Violin of an Unknown Master" by N.S. Dashevskaya, a famous modern novelist working for children and teenagers. Her texts have repeatedly become winners of well-known literary competitions, including "Kniguru" (2013, 2014, 2015), "A New Children's Book" (2014), the Marshak Literary Award (2018), and others. The relevance of the research is due to the low level of study of N.S. Dashevskaya's work

and, in particular, her approach to choosing proper names in her works. The purpose of the work is to analyze the onomastic space of a literary text as a means of embodying the author's idea. To achieve this goal, the descriptive-functional method, the hermeneutic approach based on the principles of dialogicity and integrity, as well as the method of specific literary criticism based on the works of D.S. Likhachev are used. Toponyms are identified and studied: astronyms, godonyms, ergonyms, homonyms, paronyms, anthroponyms and patronyms, biblionyms and poetonyms are considered, their place and functions in the text of the story are revealed. It is concluded that the onyms chosen by the author play a fundamental role in the realization of the author's idea, which is to connect the present with the past, embodied through music. With the help of biblionyms and poetonyms, the author reveals the inner world of the characters, their character and ideas about life, while toponyms make the world in which the characters live as realistic as possible, thereby fulfilling a world-modeling function.

Keywords: literary onomastics, modern children's literature, hero, plot, composition, author's idea

For citation: Denisova M.A. Imena sobstvennyye kak konkretizator avtorskoj idei (na materiale povedi Niny Dashevskoy «Skripka neizvestnogo avtora») [Proper names as a concretizer of the author's idea (based on the material of Nina Dashevskaya's "The Violin of an unknown author")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 115–124 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-115-124>

Введение

Функционирование имени собственного в художественном тексте является предметом изучения литературной ономастики. Ее особенность состоит в том, что исследуются не только онимы, существующие в реальности, но и фантазийные, вымышленные онимы. А.В. Суперанская называет две черты, свойственные литературным именам собственным: «во-первых, денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, музыканта, но не обязательно существуют в действительности; во-вторых, они создаются по моделям имен реальных или нереальных предметов с учетом принадлежности их к определенному семантическому полю» [1, с. 148].

Подобная двойственность вызвала немало научных дискуссий, свидетельством которых стало многообразие терминов, используемых для обозначения как имен собственных в художественном тексте в частности, так и данного раздела ономастики в целом [2, с. 108–110]. Уже сами термины «литературная ономастика» или «поэтическая ономастика», принятые большинством специалистов, указывают на дуалистическую природу данного раздела ономастики, однако сегодня ее рассматривают как самостоятельную науку со своими специфическими методами анализа и своим объектом исследования [3].

Исходя из особенностей пограничного положения данной дисциплины в общефилологической парадигме, она становится объектом изучения не только лингвистов, но и литературоведов. А.А. Фомин, рассуждая о разнице в методах и подходах, свойственных этим двум наукам, заключает: «В сущности, литературная ономастика выступает в таком ее понимании в качестве комплексной герменевтической дисциплины, главная цель которой состоит в экспликации структуры смыслов поэтонима» [4, с. 273].

К основным функциям имен собственных в художественном тексте относят номинативную (диф-

ференцирующую, идентификационную), связанную с индивидуализацией онима в произведении и идентификацией его с тем или иным персонажем, и информационно-стилистическую, затрагивающую внутреннюю форму имени, то есть его этимологическое значение. Также онимы могут отражать особенности культуры того или иного народа, что позволяет говорить об их дополнительном коннотативном значении, раскрывающем историко-культурную специфику [5, с. 82].

Целью настоящей работы является анализ ономастического пространства художественного текста как средства воплощения авторского замысла. Актуальность данного исследования определяется возросшим интересом к современной детской литературе, активно развивающейся в последние десятилетия, и к индивидуальному стилю писателей, ее представляющих.

Материал и методы

Материалом для исследования послужила повесть Нины Дащевской «Скрипка неизвестного мастера» [6], которая в 2013 г. заняла второе место во Всероссийском конкурсе на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру», в этом же году Нина Сергеевна стала финалистом Международной детской литературной премии имени Владислава Крапивина и обладателем специального приза от объединения библиотек Екатеринбурга за повесть «Скрипка неизвестного мастера».

В исследовании используются описательно-функциональный метод и герменевтический подход, базирующийся на принципах диалогичности и целостности. При анализе астионимов *Ленинград*, *Санкт-Петербург* и других онимов, связанных с ними, применяется метод конкретного литературоведения, основанный на работах Д.С. Лихачёва.

Результаты исследования

Действие повести Нины Дащевской «Скрипка неизвестного мастера» происходит в России, хотя

именно этого топонима в тексте нет, как нет и названия города. Упоминается улица Пушкина и пригородный поселок Уточки, но этих сведений недостаточно, чтобы предположить астионим. Очевидно, что это небольшой провинциальный город центральной России: сообщается, что в нем нет консерватории, поэтому для получения высшего музыкального образования нужно ехать в Москву. Автор намеренно не дает конкретного имени собственного, чтобы избежать ненужных для сюжета ассоциаций.

Главный герой произведения – подросток, получивший в наследство от двоюродного дедушки скрипку, случайно попадает в гости к новой однокласснице Тане, где знакомится с ее отцом Михаилом Соломоновичем – преподавателем музыкального училища по классу скрипки, оказавшимся поразительно похожим на его дедушку. Кешка неожиданно для себя увлекается ранее ненавистным инструментом, а внешнее сходство героев становится толчком к расследованию, давшему поразительные результаты: дедушка Тани и дедушка Кешки – братья-близнецы Яшка и Кешка, волей случая разлученные в блокадном Ленинграде.

Астионимы *Ташкент* и *Петербург* упоминаются в главах, посвященных истории героев, они выведены здесь как города прошлого. Отставший от брата Яшка упал, сильно ударился, и кто-то из прохожих, видимо, увел мальчика, а впоследствии сумел спасти, отправив на «большую землю». Оказавшись в Ташкенте в детском доме, Яшка ничего не помнил о своей прежней жизни, кроме одного: «Будто стоит в темном дворе-колодце и ковыряет штукатурку. И кого-то ждет. И еще помнил – в его городе было много воды. Темной воды...» [6, с. 112].

Образ Петербурга проступает в воображении сына потерявшегося Яшки, как на старых черно-белых фотографиях (мальчик забыл свое имя, получил новое – Соломон, от которого и образовано отчество сына): «Михаилу Соломоновичу показалось, что он прямо сейчас идет по этому черно-белому городу. Кругом – снег. Разрушенные стены с пустыми дырами окон. И черные фигурки замотанных в какие-то платки людей» [6, с. 137]. В тексте указывается, что это *Ленинград*, а не Петербург. Информации о блокадном Ленинграде, о том, почему Яшка оказался в Ташкенте, и о том, что город носил разные имена, в повести нет, но знание истории и общая культура читателя должны помочь ему восполнить недостающие сведения. В ином случае указанный астионим становится знаком, своего рода гиперссылкой, позволяющей перейти к самостоятельному заполнению смысловой лакуны.

Годоним *Морская* помогает ребятам раскрыть семейную тайну: им посчастливилось в их городе найти человека, родившегося в Ленинграде, кото-

рый помнил братьев-близнецов, живших на этой улице. Урбонимы *Адмиралтейская игла*, *Медный всадник*, *Дворцовая площадь* упоминаются автором для топографической достоверности, это общеизвестные объекты, олицетворяющие этот город и позволяющие читателю, который бывал там, слышал или читал о нем, активизировать имеющиеся сведения о городе, воссоздать его в своем воображении, хотя в тексте подчеркивается, что не их представлял себе герой, думая о Петербурге. Указанные номинации становятся отправной точкой читательских ассоциаций, тогда как астионим *Ташкент*, прошлое место жительства семьи Соловьевых, такого контекста лишен.

Астионимы *Москва*, *Новгород* и *Одесса*, упоминаемые в повести, не являются сюжетно значимыми, однако позволяют автору увеличить информационный объем и тем самым добиться реалистичности происходящего. Годоним *Пушкина* – улица, на которой живет герой, – частотен, поэтому призван скорее подчеркнуть типичность города, в котором происходят события, а не его уникальность. Присутствует также оттопонимическое существительное *пушкиари* – ребята, живущие на этой улице. Между тем комоним *Уточки*, поселок, где Кешка проводит каникулы у своей тети, напротив, единичен, существительное в единственном числе фигурирует в качестве названия села в Белгородской области, в реальности являющегося вторичным топонимом от названия реки [7].

Помимо России как места действия, в повести также фигурируют Америка и Голландия. В Америку уехал Иннокентий Михайлович, двоюродный дедушка Кешки, он и завещал ему скрипку, которая должна была стать подарком на десятилетие мальчика. Иннокентий Михайлович оказался там около пяти лет назад, но прожил только три года и умер. В Америку к отцу уехал и Петька – любимый ученик Михаила Соломоновича, несколько лет после смерти мамы проживший в семье преподавателя и ставший по сути приемным сыном.

Хороним *Америка* упоминается без конкретизации; в какие города отправились герои, неизвестно. Словосочетание «уехал в Америку» встречается в повести три раза [6, с. 17, 37, 49], «уехал в Соединенные Штаты» [6, с. 94] единожды, но каждый раз сообщение не только констатирует факт, но и подчеркивает безвозвратную потерю этого человека для оставшихся: контакты с уехавшим сводятся к минимуму. «Уехал в Америку» здесь воспринимается как уехал очень далеко, остался только в памяти. Эпизод с Петькой затрагивает также проблему благодарности учеников своим учителям. Ведь Петька, которого учили, кормили, возили на конкурсы, уехав к отцу в Америку, «звонит иногда. На Новый год и дни рождения...» [6, с. 122]. Однако в

одной из последних глав появляется астионим *Брюссель*: Петька занял второе место в престижном конкурсе, проводившемся в этом бельгийском городе. И эта конкретная языковая номинация возвращает героя в повествование: Петька обещает приехать летом.

Хороним *Голландия* [6, с. 14, 68] в паре с астионимом *Амстердам* [6, с. 68] связан в повествовании с второстепенным героем Лёвкой Герцем, приятелем Кешки, чей отец, профессор математики, работает там. И хотя герой не до конца ему верит, а некоторые ребята утверждают, что у Лёвки «и отца-то никакого вообще нет» [6, с. 14], конкретный астионим свидетельствует о регулярных контактах мальчика с отцом, что подтверждается и историей со школьным учителем математики.

Еще одной страной, о которой идет речь в книге, является Италия, оттопонимическое прилагательное *итальянская* входит в название вставной истории «Зеленая итальянская тетрадь», написанной дедушкой Кешки и оставленной случайно с другими вещами у своего коллеги. И если первое прилагательное лишь фиксирует цвет обложки, то второе, искомое, объясняется местом действия, которое, несомненно, выбрано не случайно. Италия – это родина величайших скрипичных мастеров XVI–XVIII вв., изготавливающих скрипки по особому методу. В связи с этим автором вводится и астионим *Кремонская* (школа). Именно скрипки связывают две параллельных сюжетных линии, рассказывающие о событиях, разделенных более чем тремя столетиями. Этнонимы *итальянец*, *француз*, *немец* употребляются в повести в определенном значении: скрипка, сделанная итальянским мастером, французским или немецким.

Таким образом, топонимическое пространство представлено в повести хоронимами Голландия, Америка, указывающими на новое место жительства уехавших из России героев, оттопонимическими производными *итальянец*, *француз*, *немец*, характеризующими музикальный инструмент по месту его производства, а также оттопонимическим прилагательным *Кремонская* (школа), указывающим на итальянский город, давший название школе изготовления скрипок. Вставной сюжет также обозначен оттопонимическим прилагательным *итальянская* (тетрадь), что связано в тексте с местом жительства мастера, создавшего уникальные скрипки. Астионимы *Ташкент* и *Петербург* выступают как полюса, навсегда разделившие братьев, тем самым выполняя сюжетообразующую функцию, а астионимы *Москва*, *Новгород*, *Одесса*, *Брюссель*, *Амстердам* создают контекст места действия. Все представленные топонимы участвуют в реализации миромоделирующей функции.

Главного героя повести зовут Кешка, повествование ведется в третьем лице и фиксирует вну-

треннюю речь ребенка. Антропоним представлен в разных формах: в школе для взрослых он *Кеша Марков*, дома для мамы *Кеша*, для тети Ани *Кеных*, для друзей *Кешка*. Полное имя *Иннокентий* по отношению к нему используется дважды. Когда учитель математики, позволил себе на уроке обозвать одного из учеников, Кешка встал на защиту одноклассника. Его поддержали друзья, и вместе они пошли к директору, что повлекло за собой увольнение педагога. Кешкин приятель Лёвка Герц, ранее учившийся в этой же школе, в схожей ситуации ударил этого учителя и был вынужден сам перейти другую школу. «Здорово, Иннокентий... за Шурупа тебе спасибо, молодец!» [6, с. 68], – говорит мальчик при встрече, полное имя, которое он использует при обращении, указывает на его уважение к товарищу.

Еще раз полное имя героя фигурирует, когда родители показывают Кешке скрипку, которую двоюродный дедушка завещал вручить «Иннокентию Михайловичу-младшему, когда ему исполнится десять лет» [6, с. 17]. Выясняется, что у деда и внука совпадают не только имена, но и отчества, и день рождения с разницей в шестьдесят лет. Очевидно, ребенка назвали именно так в честь старшего Иннокентия Михайловича. Если получение ценного подарка, который сначала категорически не понравился мальчику, является завязкой повести, то совпадение имен становится одним из факторов движения сюжета.

Иннокентий Михайлович-старший, физик и скрипач-любитель, имел брата-близнеца, Яшку, которого потерял в блокадном Ленинграде: «Они всегда вместе ходили, везде... Кешка был крепче, и ему приходилось тащить Яшку за руку. Но как-то не выдержал, бросил – сам дойдешь, не могу больше – и пошел вперед. Прошел сколько-то, оглянулся – а Яшки нет. Он думал, за ним идет, а нет никого... Так и не нашел. Всю жизнь себе простить не мог, что отпустил руку...» [6, с. 118–119].

Н. Дашевская неслучайно выбирает для близнецов именно эти имена: антропонимы *Иннокентий* и *Яков* служат средством воплощения авторского замысла. Древнееврейское имя *Іа‘qōb* означает «следует за кем-то» [8], А.В. Суперанская указывает, что «согласно библейской легенде, Яков, близнец, родившийся вторым, схватил своего первородного брата Иса́ва за пятку, чтобы от него не отстать» [9]. В анализируемом тексте именно Яков следовал за более сильным старшим братом, держась за руку. Отпустивший же руку, старший – Иннокентий – потерял брата навсегда.

Антропоним *Иннокентий* также несет определенную смысловую нагрузку: в латинском *innocentius*, в греческом языке *Innokentios* слово обозначает «невинный» [9]. Код имени усиливает-

ся и отчеством, образованным от антропонима *Михаил*, в древнееврейском *mī-kā-'ēl* «кто как Бог» [9], что в итоге может означать «невинный как бог». Тогда как Иннокентий Михайлович всю жизнь прожил с ощущением вины. Мечтая в детстве играть на трубе, он, видимо в память о брате, стремясь воплотить в жизнь его мечты, выбрал скрипку, о которой когда-то грезил Яшка. Яшка же, очень любивший музыку, играть так и не научился, не сложилось, но стал учить игре на скрипке своего сына, а на домашней куртке носил колок – деревянный или металлический стерженек для натягивания струн, который, как выяснилось, еще в Петербурге ему подарил скрипичный мастер, отец его одноклассницы. Эта деталь также стала одной из сюжетообразующих.

Агнесса Филипповна, которую чудом разыскали ребята, вспомнила братьев-близнецов по имени, даже не взглянув на фотографию: «Одноклассники мои, *Кеха* и *Яха*. В первый класс пошли вместе» [6, с. 134]. Антропоним *Иннокентий* представлен в тексте, как уже указывалось, разными словоформами: *Кеша*, *Кешка*, *Кеныч*, они относятся по преимуществу к главному герою, эта же – *Кеха* – принадлежит только мальчику, жившему в блокадном Ленинграде.

Попавший в детский дом в Ташкенте Яшка не помнил, кто он. Фамилию Соловьев ему дали, предположительно, потому что он все время что-то напевал, но она оказалась настоящей. Антропоним *Соловьев*, несмотря ни на что, объединяет братьев, тем самым выполняя главную функцию имени собственного – указание на родство. Однако утрата настоящего имени сделала невозможной реализацию идентификационной функции. Когда и как мальчика называли Соломоном, непонятно. Однако и здесь имя является одним из средств создания художественного образа, в переводе с древнееврейского *šəlōmō* – здравствовать, быть в благополучии [9]. Антропоним *Соломон*, *Сол*, как его называли, сигнализирует о том, что мальчик остался жив, вырос, прожил благополучную жизнь, вырастил сына, хотя и умер еще сравнительно молодым.

Совпадение первых двух слогов в имени и фамилии Соломон Соловьев – соло – привносит в текст и еще один смысл: в переводе с итальянского *solo* значит «один, без участия других, самостоятельно, отдельно». Именно так, отдельно от своей семьи прожил жизнь этот человек. Узнавший своего отца в пропавшем Яшке потрясенный Михаил Соломонович поправляет обратившегося к нему по имени и отчеству мальчика; «Яковлевич… Выходит правильно – Яковлевич» [6, с. 136]. Патроним *Яковлевич* становится сигналом завершения сюжета.

Таня Соловьёва, одноклассница Кешки и дочь Михаила Соломоновича, как и все женские образы

в прозе Нины Дашевской, умная, внимательная, отзывчивая [10]. Свое имя она получила, очевидно, в память о молоденьком докторе Тане, которая в ташкентском госпитале спасла еле живого мальчика – отца Михаила Соломоновича. То есть антропоним *Таня* как производное от имени Татьяна неслучайно входит в структуру произведения. Л.В. Успенский трактует это древнегреческое имя как «устроительница, учредительница» [11]. Она, действительно, очень деятельная: не побоялась поддержать одноклассников в конфликте с учителем, не раздумывая, привела домой Кешку, свалившегося с трубы в грязь, поддержала Тигра, разыскавшего Агнессу Филипповну, родившуюся в Петербурге, и договорившегося с ней о встрече. Полного имени в тексте нет, Михаил Соломонович ласково называет дочь *Танюшкой*, используя субъективно-оценочный суффикс, частотный при обращении родителей к детям [12, с. 214].

Антропонимы *Агнесса Филипповна*, *Вера Леонтьевна*, *Алёна Дмитриевна*, *Михаил Соломонович*, *Илья Сергеевич* принадлежат педагогам. Помимо них по имени и отчеству назван только *Иннокентий Михайлович*, дедушка Кешки. Указанные антропонимы сигнализируют о социальном статусе, возрасте, уважении к объекту речи, а также о соблюдении русского речевого этикета. Автономное употребление патронима, демонстрирующее одновременно почтительность к пожилому человеку и свойское, «запанибратское» отношение [13, с. 204], реализуется при упоминании *Антиповны* – соседки Кешкиной тети из деревни Уточки.

Слова «тетя» и «дядя» используются в одном случае при констатации родственной связи – при упоминании родственницы Кешки со стороны мамы тети Ани, в другом случае Таня называет дядей Женей отца Петьки, то есть совершенно чужого человека, что в России уместно при обращении маленького ребенка по отношению к любому взрослому человеку. Коллега Иннокентия Михайловича, который сохранил зеленую тетрадь с написанной в ней историей, вообще лишен собственного имени. Похожий на великого физика Альберта Эйнштейна, он легко откликается на это имя, признаваясь, что его зовут так не только все знакомые, но и студенты. Использование в обращении имени без отчества свойственно европейской традиции.

Однажды в интервью Нина Дашевская призналась, что у ее героев редко бывают реальные прототипы, однако в повести «Скрипка неизвестного мастера» образ преподавателя музыкального училища Михаила Соломоновича Соловьёва можно проецировать на ее учителя скрипки – Степана Ованесовича Мильтоняна, сыгравшего значительную роль в жизни писателя [14, 15]. Совпадение начальных букв имени и фамилии реального чело-

века и вымышленного героя также может свидетельствовать о закономерности выбора указанного антропонима. В этой же связи имя друга Кешки – *Тиграна Каспаряна*, *Тигра*, как его называет Кешка, безусловно, положительного героя, видится как отсылка к армянским корням любимого учителя.

Один из эпизодов в анализируемой повести посвящен конфликту между учениками и учителем математики по прозвищу Шуруп. Увлеченный своим предметом, а это качество в художественном мире Дащевской, казалось бы, отличает хорошего педагога, он тем не менее не может найти с ребятами общего языка, позволяя себе оскорбительные высказывания в адрес слабых учеников. Возникает конфликт, после которого Шуруп увольняется. Сюжетная коллизия заставляет героев еще раз столкнуться с их бывшим учителем. Когда ребята узнают его с другой стороны, выясняется, что он очень талантливый математик и теперь работает в университете. Только в этой сцене Шуруп обретает имя, читатели узнают, что его зовут Илья Сергеевич, бабушка же называет внука Илюшой, что демонстрирует не только ее отношение к объекту речи. Антропонимы *Шуруп*, *Илья Сергеевич* и *Илюша* представляют разные роли одного и того же персонажа.

Прозвище, которое ученики дают учителю, совмещает функции идентификации, выделения человека из ряда других, с эмоционально-оценочной функцией. Данный антропоним – *Шуруп* – возник вследствие особенного жеста, которым учитель как бы ввинчивал свой палец в слабого ученика. Одна из преподавателей музыкальной школы, где учатся Таня и Тигран, фигурирует в их разговоре как *Бемолиха*. Значение слова «бемоль» – нотный знак, обозначающий понижение звука на полутон – позволяет предположить, что это педагог по сольфеджио, а суффикс *-их-* свойственен феминитивам. Новый учитель математики Алена Дмитриевна именуется *Алёнушкой*, использование слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом свидетельствует о явной симпатии ребят к педагогу.

В повести широко используются сокращенные имена у друзей и одноклассников Кешки: *Лёшка* и *Петька Мельники*, *Егорка Чижов*, *Лёвка Герцель*. Ученики Михаила Соломоновича именуются *Петькой* и *Сашкой*. Краткая форма имени подчеркивает в первом случае близость и равенство между участниками общения, а во втором – отношение старшего к младшему, где суффикс *-к-* добавляет именам фамильярно-ласкательную окраску. Напротив, Шуруп называет ребят по фамилии: «Вот именно эта троица на меня и настучала ... Марков – Каспарян – Соловьёва» [6, с.132], демонстрируя тем самым строго официальное отношение к подросткам.

В новой компании Лёвки Герца приняты прозвища: *Длинный*, *Кроха*, *Шеф*. И если первое, очевидно, дано подростку за внешнюю особенность – высокий рост, то последнее, относящееся к Лёвке, свидетельствует о высоком авторитете, который имеет герой среди друзей. Различие же в принципе формирования неофициальных антропонимов в разных группах подростков – Кешкиной и Лёвкиной – может свидетельствовать о разном культурном и интеллектуальном уровне ребят.

Фамилия Лёвки – Герц восходит к немецкому слову *Herz* – сердце. Ребята же зовут его Герцель. Это прозвище вкупе с нескладной фигурой, косящим глазом и репутацией психа при знакомстве немного пугает Кешку, однако, узнав Лёвку получше, он заключает, что тот хороший парень. Антропонимы *Герцель* и *Герц* раскрывают разные стороны личности героя, и если первый в некотором роде выполняет мифологическую функцию, олицетворяет маску героя, то второй, напротив, связан с настоящими чертами Лёвки: добротой, нестандартностью мышления и начитанностью. Последняя в художественном мире Дащевской в значительной мере положительно характеризует человека.

Повесть содержит больше десятка библионимов и поэтонимов, несколько из них связаны именно с образом Лёвки. Выясняется, что герой любит читать, но мама не разрешает из-за его проблем со зрением. При первой встрече Лёвка просит у Кешки *«Капитана Немо»*. Второе столкновение персонажей случается в гараже, куда мальчика, шедшего с урока скрипки, насилием препровождают новые одноклассники Герца. Напуганный, однако, он сразу успокаивается, увидев перед «шефом», которого не сразу узнал, книжку с надписью *«А. и Б. Стругацкие»*. Библионимы здесь не только положительно характеризуют человека, но и помогают герою сразу же определить, насколько незнакомец близок ему по духу.

Ту же роль – свидетельствовать о сходстве взглядов на жизнь, интересов и предпочтений – играет поэтоним *Тибул* в сцене падения Кешки с трубы в грязь. Его мысль *«Тоже мне, канатоходец Тибул...»* [6, с. 32] неожиданно повторяется в словах Тани, оказавшейся свидетелем его падения: *«Ты зачем же сюда лез, канатоходец Тибул, а?»* [6, с. 32]. Упоминание персонажа повести Юрия Олеши *«Три толстяка»* без последующего указания на название и автора становится своеобразным вызовом и для читателя: поймет ли он, о ком идет речь, почувствует ли себя ближе к герою, узнав предлагаемые прецедентные имена.

В круге чтения Кешки классические тексты приключенческой литературы и научной фантастики: Жюль Верн и Астрид Линдгрен, Антуан де Сент Экзюпери и Рэй Брэдбери. Подчас мальчик

называет поэтонымы в связи с какой-либо ситуацией, сравнивая себя с героем. Так, долгая и тяжелая поездка на велосипеде в город за скрипкой и обратно воскрешает в памяти подростка имени Алексея Маресьева из «Повести о настоящем человеке» и Анри Гийоме из «Планеты людей». Автор не дает пояснений, надеясь на эрудицию читателя, знакомого с этими примерами мужества и настойчивости в достижении цели. Библионим *Таинственный остров* выступает в повести символом примирения Кешки и Тигра. Эта книга, хранившаяся на папиной полке, была утеряна, Тигр на день рождения подарил новый экземпляр, но Кешка принял подарок равнодушно. После эпизода с Шурупом, когда становится очевидно, что Кешка и Тигр по-прежнему лучшие друзья, герой, наконец, начинает читать подаренную книгу.

Таким образом, с помощью этой группы ономастического ареала автор раскрывает внутренний мир героев, их характер, представления о жизни, что, безусловно, кажется Дашевской более важным, чем, например, их внешний вид. Портретные характеристики в повести максимально кратки или отсутствуют вовсе. Неизвестно, как выглядят Кешка, Тигр, Таня и другие герои. Информация о внешнем виде содержится в описании Лёвки Герца («Длинный нескладный парень. Он немного косил на один глаз» [6, с. 11], «лохматый парень» [6, с. 67]), дедушкиного коллеги, очень похожего на Альберта Энштейна («Незнакомец был настоящий франт: и клетчатое пальто, и шляпа, и трость, и ... шейный платок. Густые седые волосы из-под шляпы, белые усы» [6, с. 93]) и Агнессы Филипповны («Пожилая дама с мужской стрижкой и сурьями глазами ... Высокая, прямая, как швабра. Да еще и с усами» [6, с. 129, 131]). И даже о внешнем виде Михаила Соломоновича, чье сходство с дедушкой потрясло Кешку, сказано совсем немногого: «небольшого роста, в круглых очках ... только борода не седая, а черно-рыжая» [1, с. 35]. Описание почти повторяет то, что помнит Кешка о дедушке: «круглые очки и маленькую бороду, тоже круглую» [6, с. 17].

Скудность портретных характеристик восполняется звуковыми, читатель может услышать голоса героев: «веселый мужской голос» [6, с. 37] Сашки, «хриплый голос» Лёвки [6, с. 67], «стеклянный голос» Пьетро [6, с. 56, 60] и др. Внимание к звучанию слова является одной из идиостильевых особенностей языковой личности Дашевской, профессионального музыканта [16, с. 79], которая надеется, что ее «работа со звуком дает себя знать в текстах» [17]. Описания звучания музыки через восприятие персонажей – одни из удивительных страниц в тексте.

В повести есть примеры использования онимов, перешедших из имен собственных в нарицатель-

ные: бахи-бетховены [6, с. 5] – в значении «композиторы», шерлоки холмы [6, с. 112] – люди, ведущие расследование. Присутствует и выражение «Лев Толстой нашелся» [6, с. 97], где данный антропоним также не указывает на конкретного человека, а имеет обобщенное значение «писатель». Говоря о теории шести рукопожатий, через которые знакомо все население Земли и которые могут помочь пролить свет на историю братьев Кешки и Яшки, персонаж использует ряд фамилий: «Иванов, Петров и ... Тумбочкин», первые две входят в экземплификативную формулу [18, с. 124], то есть обозначают «кто угодно», «обычный человек», третья фамилия нетипична, но, занимая в ряду место фамилии «Сидоров», приобретает здесь то же значение.

Параллельный сюжет «Зеленая итальянская тетрадь», главы которого перемежаются с основным повествованием и занимают около четверти объема повести, насыщен антропонимами: упоминается 16 онимов, тогда как в основном повествовании, превосходящем указанный по объему, их 25. Главный герой – Винченцо, скрипичный мастер; его невеста – Бьянка, его друг – Джироламо, органист церкви святого Фомы, сын друга – Антонио, сын аптекаря – Джованни. Мастер перечисляет и своих коллег, которые добились больших успехов в своем ремесле. Антропонимы *Николо Амати, Гварнери* по прозвищу *Дель Джезу, Антонио Страдивари, Франческо Руджери* по прозвищу *Иль Пер* называют реальных людей, все это не только придает вымышленному повествованию документальность, но и дает юному читателю возможность, обратившись к справочной литературе, увеличить свои знания в истории музыки.

Герои, как и автор, отдают предпочтения классической музыке, в книге упоминаются и композиторы Бах, Глюк, Ойструх. Мотив музыки – основной в прозе Дашевской, он звучит в каждом ее произведении [19, с. 39–40]. Эти антропонимы, так же как и фамилии писателей, поэтонымы и библионимы, дают контекст интеллектуальной жизни подростка и возможность для читателя расширить свой кругозор или, если все фамилии ему знакомы, глубже понять музыкальные и литературные предпочтения героя.

Марко (Борода) и Пьетро – уличные музыканты, которые пришли с просьбой починить скрипки. Сначала они фигурируют в тексте как старший (Борода) и младший, имена появляются лишь тогда, когда Винченцо приглашает их остаться на ужин. Вечер, проведенный в их компании, их трепетное отношение к музыке и история братьев, которые всегда вместе, несмотря на сложные жизненные обстоятельства, вдохновляют мастера на создание двух прекрасных скрипок, верхняя дека

которых будет сделана из одного ствола дерева – редкой резонансной ели.

История скрипок является своеобразным композиционным стержнем книги, объединяющим несколько временных пластов; начинаясь в XXI в., повествование спускается к середине XX в., периоду Великой Отечественной войны, а далее – к XVIII в. Предположительно, именно тогда сделаны скрипки для братьев-музыкантов, «скрипки-близнецы», которые росли из одного корня и шелестели общей хвоей» [6, с. 81], они получили имена мифологических героев-близнецов Кастора и Поллукса, увековеченных как звезды в созвездии Близнецов, «которые не расстаются вторую тысячу лет» [6, с. 81]. Особенности звучания – повод добавить инструментам по второму имени: Поллукс «Зимнее солнце» для старшего брата, Кастор «Великолепный» для младшего. С того момента на данную пару антропонимов – *Кастор* и *Поллукс* – постепенно начинают накладываться другие: *Марио* и *Пьетро*, *Кеша* и *Яха*, *Кешка* и *Тигр*, а повествование из XVIII в. снова возвращается в XX, а затем и в XXI в.

Три пары антропонимов – имена братьев, тогда как последняя – Кешка и Тигр – имена друзей. Это неслучайно, ведь тема дружбы является одной из основных не только в данной повести, но и в творчестве Нины Дашевской в целом. Уже в начале первой главы подросток делится с читателем своей бедой: «Тогда еще у Кешки был друг. Настоящий. А теперь – нет» [6, с. 6]. Из тринадцати глав имя Тигра упоминается в десяти: о чем бы ни рассказывал герой, все так или иначе связано в Тигром, потому что дружили с детского сада, а «папа, смеясь, называл их “сиамскими близнецами”» [6, с. 6]. Их воссоединение становится одним из трех главных событий повести, наряду с увлечением героя музыкой и обретением новых родственников. После откровенного разговора с другом Кешка чувствует «как будто он в ненастный день наконец вернулся из трудного путешествия домой» [6, с. 113].

Поэтому пара *Кешка – Тигр* закономерна в ряду антропонимов, спроектированных на имена диоскуров: *Кастора* и *Поллукса*.

События XXI и XX вв. в тексте представлены реальными, они отражены в воспоминаниях героев, документах и фотографиях. История же создания скрипок, содержащаяся в «Зеленой итальянской тетради» и повествующая о событиях XVIII века, – плод воображения Иннокентия Михайловича. Она неслучайно имеет посвящение «Яшке» [6, с. 97], в нем – и вечная память о брате, которого потерял, и попытка в своей жизни реализовать его мечты, и призрачная надежда на то, что если им с братом не суждено было увидеться при жизни, то может быть скрипки, разлученные вопреки последней воле мастера, встретятся вновь. Возможное совпадение скрипок из художественной истории с теми, которые оказались у Кешки и у Михаила Соломоновича, передавшего свой инструмент работы Руджери любимому ученику Петьке, является сюжетным ходом, объединяющим обе истории, что диктуется жанровыми особенностями повести [20, с. 182–183] и отражено в выборе названия произведения: «Скрипка неизвестного мастера».

Заключение

Таким образом, тщательный отбор имен предстает продуманной стратегией, характерной для творчества Н.С. Дашевской и осуществленной в «Скрипке неизвестного мастера»: каждое имя собственное, реализуемое в различных языковых формах, продиктованных ситуацией общения, подтверждает здесь закономерность авторского выбора и занимает свое исключительное место в повести, выполняя требуемые функции: идентификационную, сюжетообразующую, миромоделирующую, эмоционально-оценочную, мифологическую и пр. Исследование имен, фигурирующих в тексте, является ключом не только к пониманию системы образов, но и к воплощению авторского замысла в целом, заключающегося в связи настоящего с прошлым, выражаемой посредством музыки.

Список источников

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А.А. Реформатский. 3-е изд., испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 365 с.
2. Скуридина С.А. Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики. 2020. № 1. С. 105–117.
3. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
4. Фомин А.А. О различии лингвистического и литературоведческого подходов в исследованиях по литературной ономастике // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 271–273.
5. Рыбакова А.А. Семантика именных групп поэтонимов и их функциональные особенности в русском языке // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 2. С. 80–94.
6. Дашевская Н.С. Скрипка неизвестного мастера. СПб.: Детское время, 2017. 144 с.
7. Уточка // Википедия: свободная энциклопедия: сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 20.01.2025).

8. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. 2-е изд. // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. М.: Русский язык, 1980. URL: <https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/> (дата обращения: 20.01.2025).
9. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с. URL: <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya> (дата обращения: 20.01.2025).
10. Денисова М.А. Особенности художественного мира Нины Дащевской // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 1. С. 123–133.
11. Успенский Л.В. Ты и твое имя // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. Л.: Детгиз, 1960. URL: <https://lexicography.online/onomastics/uspensky/> (дата обращения: 20.01.2025).
12. Глущенкова С.В. Специфика русской сокращенной формы имени в коммуникативном и прагматическом аспекте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 9. С. 213–216.
13. Норман Б.Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. М.: Кабинетный ученый, 2017. 464 с.
14. Доцук Д. Интервью с Ниной Дащевской «В общении с подростками простых решений не бывает». // Папмамбук: интернет-журнал. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2029/?ysclid=m2qlogywo2335388586> (дата обращения: 20.01.2025).
15. Дащевская Н. «Мне нравится писать, как говорить: просто» // Издательство «Самокат»: сайт. URL: <https://samokatbook.ru/news/intervyu-s-ninoy-dashevskoy-mne-nravitsya-pisat-kak-govorit-prosto/?ysclid=m5r2th7253968508282> (дата обращения: 20.01.2025).
16. Голосова Е.А. Идиостильевые особенности использования антропонимов в повести Н.С. Дащевской «Вилли» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 75–85.
17. Серебрякова Е. Интервью с Ниной Дащевской «Не думаю, что кто-то пишет ради денег. Есть множество более простых способов заработать» // Интернет-проект «Пиши-Читай»: сайт. URL: <http://write-read.ru/interviews/4787> (дата обращения: 20.01. 2025).
18. Вилинбахова Е.Л. Стереотипы имен собственных в русском языке // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2010. Вып. 3. С. 124–127.
19. Малыгина М.В. Особенности прозы Н. Дащевской: методика жанрового анализа. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11862/2/2018Malygina.pdf?ysclid=ln21mfshs1232733941> (дата обращения: 20.01.2025).
20. Малыгина М.В. Жанровые традиции в «Скрипке неизвестного мастера» Нины Дащевской // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УРФУ, 2018. С. 179–185. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60627/1/initium_2018_029.pdf?ysclid=lkwpl6saho813650945 (дата обращения: 20.01.2025).

References

1. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Ed. A.A. Reformatskiy. Moscow, Knizhnny dom “Librokom” Publ., 2009. 365 p. (in Russian).
2. Skuridina S.A. Spetsifika terminologii literaturnoy onomastiki [The specifics of the terminology of literary onomastics]. *Akтульные проблемы современной филологии в журналистике – Actual problems of modern philology and journalism*, 2020, no. 1, pp. 105–117 (in Russian).
3. Fonyakova O.I. *Imya sobstvennoye v khudozhestvennom tekste* [Proper name in a literary text]. Leningrad, LGU Publ., 1990. 103 p. (in Russian).
4. Fomin A.A. O razlichii lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo podkhodov v issledovaniyakh po literaturnoy onomastike [On the difference between linguistic and literary approaches in research on literary onomastics]. *Etnolinguistika. Onomastika. Etimologiya: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the International Conference]. Ekaterinburg, Ural university Publ., 2009. Pp. 271–27 (in Russian).
5. Rybakova A.A. Semantika imennnykh grupp poetonimov i ikh funktsiona’nye osobennosti v russkom yazyke [Semantics of nominal groups of poetonyms and their functional features in the Russian language]. *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem – Modern Studies of Social Issues*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 80–94 (in Russian).
6. Dashevskaya N.S. *Skripka neizvestnogo mastera* [A violin by an unknown master]. Saint Petersburg, Detskoe vremya Publ., 2017.144 p. (in Russian).
7. Utochka [Duck]. *Vikipediya: svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia: The Free Encyclopedia] (in Russian). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0> (accessed 20 January 2025).
8. Petrovskiy N.A. Slovar’ russkikh lichnykh imen [Dictionary of Russian personal names]. *Leksikograficheskiy internet-portal: onlayslovari russkogo yazyka* [Lexicographic Internet Portal: Online Dictionaries of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1980 (in Russian). URL: <https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/> (accessed 20 January 2025).
9. Superanskaya A.V. Sovremennyi slovar’ lichnykh imyon: Sravneniye. Proiskhozhdeniye. Napisaniye [Modern dictionary of personal names: A comparison. Origin. Writing]. *Leksikograficheskiy internet-portal: onlayslovari russkogo yazyka*

- [Lexicographic Internet Portal: Online Dictionaries of the Russian Language]. Moscow, Ayris-press Publ., 2005. 384 p (in Russian). URL: <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya> (accessed 20 January 2025).
10. Denisova M.A. Osobennosti hudozhestvennogo mira Niny Dashevskoy [Features of Nina Dashevskaya's art world]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Bulletin of Humanitarian Education*, 2024, no. 1, pp.123–133 (in Russian).
11. Uspenskiy L.V. Ty i tvoye imya [You and your name]. *Leksikograficheskiy internet-partial: onlayslovary russkogo yazyka* [Lexicographic Internet Portal: Online Dictionaries of the Russian Language]. Leningrad, Detgiz Publ., 1960 (in Russian). URL: <https://lexicography.online/onomastics/uspensky/> (accessed 20 January 2025)
12. Glushenkova S.V. Spetsifika russkoy sokrashchyonnoy formy imeni v kommunikativnom i pragmaticschem aspekte [The specifics of the Russian abbreviated form of the name in the communicative and pragmatic aspect]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, no. 9, pp. 213–216 (in Russian).
13. Norman B.Yu. *Pragmaticskiy potentsial russkoy leksiki i grammatiki* [The pragmatic potential of Russian vocabulary and grammar]. Moscow, Kabinetnyy uchyonyy Publ., 2017. 464 p. (in Russian).
14. Dotsuk D. Interv'yu s Ninoy Dashevskoy «V obshchenii s podrostkami prostykh resheniy ne byvaet» [Interview with Nina Dashevskaya "There are no simple solutions when dealing with teenagers"]. *Papmambuk: internet-zhurnal* [Papmambook: online magazine] (in Russian). URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2029/?ysclid=m2qlogwo2335388586> (accessed 20 January 2025).
15. Dashevskaya N. «*Mne nrvavitsya pisat', kak govorit': prosto*» ["I like to write how to speak: it's simple"]. Izdatel'stvo «Samokat» [Samokat Publishing House]. URL: <https://samokatbook.ru/news/intervyu-s-ninoy-dashevskoy-mne-nrvavitsya-pisat-kak-gоворит-просто/?ysclid=m5r2th7253968508282> (accessed 20 January 2025) (in Russian).
16. Golosova E.A. Idiostileye osobennosti ispol'zovaniya antroponimov v povesti N.S. Dashevskoy «Villi» [Idiosyncratic features of the use of anthroponyms in N.S. Dashevskaya's novella "Willy"]. *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik – Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 2021, no. 4 (27), pp. 75–85 (in Russian).
17. Serebryakova E. Interv'yu s Ninoy Dashevskoy «Ne dumayu, chto kto-to pishet radi deneg. Est' mnoghestvo bolee prostyh sposobov zarabotat'» [Interview with Nina Dashevskaya "I don't think anyone writes for money. There are many easier ways to make money"]. *Internet-proekt «Pishi-Chitay»* [Internet project "Write-Read"]. URL: <http://write-read.ru/interviews/4787> (accessed 20 January 2025) (in Russian).
18. Vilinbakhova E.L. Stereotipy imyon sobstvennykh v russkom yazyke [Stereotypes of proper names in Russian]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of Saint Petersburg State University*. Seriya 9, 2010, vyp. 3, pp. 124–127 (in Russian).
19. Malygina M.V. *Osobennosti prozy N. Dashevskoy: metodika zhanrovogo analiza* [Features of N. Dashevskaya's prose: methodology of genre analysis] (in Russian). URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11862/2/2018Malygina.pdf?ysclid=ln21mfshs1232733941> (accessed 20 January 2025).
20. Malygina M.V. Zhanrovye traditsii v «Skripke neizvestnogo mastera» Niny Dashevskoy [Genre traditions in Nina Dashevskaya's Violin of the Unknown Master]. *INITIUM. Khudozhestvennaya literatura: opyt sovremenennogo prochteniya: materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [INITIUM. Fiction: an experience of modern reading: materials of the 1st All-Russian scientific and practical conference]. Ekaterinburg, URFU Publ., 2018. P. 179-185 (in Russian). URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60627/1/initium_2018_029.pdf?ysclid=lkw16saho813650945 (accessed 20 January 2025).

Информация об авторе

Денисова М.А., кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный технический университет (ул. 20-летия Октября, 84, Воронеж, Россия, 394006).

E-mail: deni-mar@list.ru; ORCID ID: 0009-0008-9977-8467; SPIN-код: 4722-0767.

Information about the author

Denisova M.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Voronezh State Technical University (ul. 20-letiya Oktyabrya, 84, Voronezh, Russian Federation, 394006).

E-mail: deni-mar@list.ru; ORCID ID: 0009-0008-9977-8467; SPIN-c: 4722-0767.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 28.01.2025; accepted for publication 20.05.2025

УДК 821(470).0 + 821.133.1.0
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137>

Образ собаки в современной литературе: этнические обертоны разных культур

Элеонора Федоровна Шафранская¹, Шевкет Рустемович Кешфидинов²,
Нурсул Жамалбековна Шаймерденова³

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

² Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

³ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

¹ shafranskayaef@mail.ru, 0000-0002-4462-5710

² keshfidinov-shevket@rambler.ru, 0000-0003-3293-3393

³ turkology.ri@gmail.com, 0000-0002-2830-8336

Аннотация

В мировой словесности написано множество текстов о собаке. Современные тексты отличны от древних – в одних случаях образ собаки утрачивает коннотации, которые закреплены за собакой архаикой, – происходит процесс демифологизации. В других – образ собаки амбивалентен: наряду с архаической символикой (особенно в повседневной речи) собака (в литературных текстах) изображается антропоморфно, несет нравственные коды, становится мерилом человеческой эмпатии. Рассмотрен образ собаки в разных этнокультурных и исторических контекстах – на материале произведений современных писателей. Взаимоотношения человека и собаки представлены в тувинском контексте Маадыр-оол Ховалыгом (в трех «Охотничих рассказах» упомянута одна и та же традиция: обращение к «хозяину тайги» за помощью, однако в этой ситуации человек проявляет себя в отношении к собаке по-разному, собака играет роль нравственного камертонов); в осетинском – писателем Мелитоном Казиты (повесть «Алмас» создана в жанре жизнеописания собаки – от ее рождения до смерти; исторические перипетии XX в. и поведение человека даны в несобственно-прямой рецептивной речи собаки, образ которой воплотил элементы осетинской мифологии и интертекстуальные литературные детали); в казахстанском – Ильей Одеговым (повесть, озаглавленная как «Овца», выстраивает провокационное ее прочтение, потому что главное животное в ней не овца, а собака Лелька, спасшая своего хозяина и погибшая); в европейском – писателем Эрик-Эмманюэлем Шмиттом (в новелле франкоязычного писателя контекст почти глобальный, сконцентрированный вокруг Холокоста: действие происходит в Бельгии, вспоминается плен в польском Освенциме, интенция концлагеря – антиеврейская, спасение приходит от советской Красной армии; все, что осталось в жизни героя Сэмюэла, чтобы продолжать ее дальше, – это собака Аргос, кличка которой – реминисценция из homerовской «Одиссеи»); факультативно упоминаются другие этнические контексты: иудейский (связанный с мифологическим концептом, который отражен в топониме «Годовалая сука» из романа «Вот идет Мессия!» Дины Рубиной), крымско-татарский (субъект повествования в рассказе «Одиночество» Эрвина Умерова – собака; ей, беспристрастному нарратору, писатель доверил сообщить о трауре своего народа – 1944-м году).

Ключевые слова: образ собаки, тувинская литература, осетинская литература, литература Казахстана, французская литература, Маадыр-оол Ховалыг, Мелитон Казиты, Илья Одегов, Эрик-Эмманюэль Шмитт, Холокост, Дина Рубина, Эрвин Умеров

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р., Шаймерденова Н.Ж. Образ собаки в современной литературе: этнические обертоны разных культур // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 125–137. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137>

The image of a Dog in modern literature: ethnic overtones of different cultures

Eleonora F. Shafranskaya¹, Shevket R. Keshfidinov², Nursulu Zh. Shaimerdenova³

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Moscow City University, Moscow, Russian Federation

³ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

¹ shafranskayaef@mail.ru, 0000-0002-4462-5710

² keshfidinov-shevket@rambler.ru, 0000-0003-3293-3393

³ turkology.ri@gmail.com, 0000-0002-2830-8336

Abstract

World literature includes a large number of texts about dogs. Modern texts differ from ancient ones – in some cases, the image of a dog loses the connotations that are attached to the dog by archaism – a process of demythologization occurs. In others, the image of a dog is ambivalent: along with archaic symbolism (especially in everyday speech), a dog (in literary texts) is depicted anthropomorphically, carries moral codes, and becomes a measure of human empathy. The article considers the image of a dog in different ethnocultural and historical contexts – based on the works of modern writers. The relationship between a person and a dog is presented in the Tuvan context by Maadyr-ool Khovalyg (in three "Hunting Stories" the same tradition is mentioned: turning to the "master of the taiga" for help, but in this situation a person behaves differently in relation to a dog, the dog plays the role of a moral tuning fork); in Ossetian – by the writer Meliton Kazity (the story "Almas" is created in the genre of a dog's life story – from its birth to death; the historical upheavals of the 20th century and human behavior are given in the indirect receptive speech of a dog, whose image embodied elements of Ossetian mythology and intertextual literary details); in Kazakhstan – by Ilya Odegov (the story, entitled "Sheep", constructs a provocative reading of it, because the main animal in it is not a sheep, but a dog named Lelka, who saved her owner and died); in Europe – by the writer Eric-Emmanuel Schmitt (in the novella by the French-speaking writer, the context is almost global, centered around the Holocaust: the action takes place in Belgium, recalling captivity in the Polish Auschwitz, the intention of the concentration camp is anti-Jewish, salvation comes from the Soviet Red Army; all that is left in the life of the hero Samuel to continue it further is the dog Argos, whose name is a reminiscence of Homer's "Odyssey"); other ethnic contexts are optionally mentioned: Jewish (associated with the mythological concept reflected in the toponym "Year-old Bitch" from the novel "Here Comes the Messiah!" by Dina Rubina), Crimean Tatar (the subject of the narrative in the story "Loneliness" by Ervin Umerov is a dog; the writer entrusted it, an impartial narrator, to report on the trauma of his people – 1944).

Keywords: *the image of a dog, Tuvan literature, Ossetian literature, Kazakh literature, French literature, Maadyr-ool Khovalyg, Meliton Kazity, Ilya Odegov, Eric-Emmanuel Schmitt, the Holocaust, Dina Rubina, Erwin Umerov*

For citation: Shafranskaya E.F., Keshfidinov S.R., Shaimerdenova N.Zh. Obraz sobaki v sovremennoy literature: etnicheskiye obertony raznykh kul'tur [The image of a Dog in modern literature: ethnic overtones of different cultures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 125–137 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137>

Введение

Из всех животных, окружающих человека (вне зависимости от этнической принадлежности или географической локации), собака наиболее частый персонаж устного и письменного дискурса (мифологии, фольклора, литературы). Почти за каждым животным, существующим в природе, в мифологическом «реестре» закреплен какой-то символический смысл. Однако в случае с собакой обобщенного «собачьего» смысла не наблюдается. Образ собаки в мировой культуре окружен противоречивым ореолом, например: *Собака – друг человека и Собаке собачья смерть*. Сделав небольшой экскурс в мифологический дискурс о собаке, мы остановимся на образе собаки в современной литературе – в прозаических текстах, где собака присутствует в этнически окрашенных контекстах: тувинском, осетинском, казахстанском, европейском (последний – обобщенный географический ареал, связанный с темой Холокоста, который локально – через всю Европу – представлен в рассказе французского писателя), а также (факультативно) в иудейском, крымско-татарском. Выбор контекстов и, соответственно, авторов может быть объяснен только временем создания текстов – современностью. Он не носит никакой намеренно типологической закономерности, однако такой случайный выбор тоже позволит сделать определенные выводы к финалу наших рассуждений.

Цель предлагаемой статьи – проанализировать образ собаки в разных этнически окрашенных про-

зраческих текстах, относимых к современной литературе. Задачи: рассмотреть отношения человека к собаке в тувинском (рассказы М. Ховалыга), осетинском (повесть М. Казиты); казахстанском (повесть И. Одегова) контекстах, выявить роль собаки в травматическом контексте европейской истории (новелла Э.-Э. Шмитта), факультативно – в иудейском (роман Д. Рубиной) и крымско-татарском контекстах (рассказ Э. Умерова).

Новизна предлагаемой статьи состоит в том, что каждый из названных текстов не анализировался в выбранном ракурсе, тем более они не анализировались в том ансамбле, который предложен в статье.

Материал и методы

Теоретико-методологическая основа статьи – труды по исследованию мифологии: В.Н. Топорова [1], О.М. Фрейденберг [2], Д.К. Зеленина [3], Ж. Дюмезиля [4], Д.Д. Фрэзера [5], Дж. Тресиддера [6], А.А. Тахо-Годи [7].

В качестве материала исследования мы выбрали по одному автору, представляющему этнокультурный регион. Это цикл рассказов «Под созвездием Плеяды» тувинского прозаика М. Ховалыга («Погоня», «Тринадцатая охота», «Третье прекрасное существо») [8]; повесть «Алмас» осетинского прозаика М. Казиты [9]; повесть «Овца» – казахстанского писателя И. Одегова [10], новелла «Пес» – франкоязычного драматурга Э.-Э. Шмитта

[11], а также израильский роман «Вот идет Мессия!» русской писательницы Д. Рубиной [12] и рассказ «Одиночество» – крымско-татарского автора Э. Умерова [13]. Перечисленные тексты рассмотрены с применением сравнительно-типологического и мифопоэтического методов анализа.

Предпосылки научного диалога

Тотемизм, одна из первых религий, на долгие века определил экзистенциальные и ментальные факторы в развитии человечества. В архаическом сознании «животные выступают как один из вариантов мифологического кода <...> на основе которого могут составляться целые сообщения» [1, с. 440], животные кодируют страны света, времена года, стихии, календарь и пр. Какие смыслы закреплены за собакой?

Автор энциклопедического сайта «Собака и человек. Искусство. Религия. Общество» пишет, что в трех мировых религиях (иудаизм, христианство, ислам) отношение к собаке сложилось нелестное. «В Ветхом Завете из тридцати упоминаний собаки лишь в двух случаях оно не имеет негативного смысла» [14]. Составитель словаря символов, культуролог Джек Тресиддер в статье о собаке пишет: «В древности в Центральной Азии и Персии... телами умерших кормили собак. Этот обычай привел к семитскому и мусульманскому представлению о собаке как о нечистом... животном, которого использовали только как сторожа» [6, с. 344–345]. В казахском и русском дискурсе, который приведен в двуязычном своде этнографических характеристик человека, почти все коннотации, закрепленные за «собакой», негативные (в казахском: «о бесполковом, грубом, наглом тупом человеке»; в русском: «о злом, грубом человеке», «бранное слово» [15, с. 35]). Эти «собачьи» характеристики человека опосредованно спроектированы мифологическими смыслами (мифологической архаикой «прошлое» большинство образных лексем, употребляемых в повседневности).

Группа казахстанских ученых в статье о роли зооморфизмов в формировании этнокультурного самосознания у билингвов построила таблицу с коннотативными признаками слов *собака* и *ит* (собака по-казахски), разделив ее на две колонки: положительные признаки этих зооморфизмов, перенесенных на человека, и отрицательные. Признаки распределены по двум темам: характер человека и физические свойства человека. Колонка с отрицательными признаками по наполнению намного превышает колонку с положительными [16, с. 361].

В иудейской традиции собака рассматривается как символ возмездия, суповости божьего приговора [14]; в древних мифологиях собака чаще всего предстает в тератоморфном (уродливом) образе [7, с. 640]; вы-

полняя роль медиатора, стража между этим миром и загробным, собака перемещала тела умерших на «тот свет». О.М. Фрейденберг называет мифологического Кербера собакой смерти [2, с. 205], а вообще собак – двойниками смерти [2, с. 212]. Именно эту роль собака играет в романе «Вот идет Мессия» (1999) Дины Рубиной, кульминация сюжета которого происходит в ресторане с названием «Годовалая сука» [12, с. 375]. Мифопоэтический анализ несколько раз повторенного в романе израильского топонима, неблагозвучного для русского уха, приводит к его разгадке: на одной из площадок ресторана погибает героиня романа, перед читателем развернут подробно, с деталями и мизансценой, обряд перехода в загробный мир, и все это происходит под присмотром зооморфной субстанции – «годовалой суки» (перифраз собаки), уже не щенка, а повзрослевшей собаки [17, с. 37–40]. Важная деталь: хозяин ресторана и, соответственно, автор топонима «годовалая сука» – курдский еврей. Все эти детали приведены в романе не случайно, так как «собачий» топоним семантизирован смыслами иранской мифологии (курды – ираноязычный народ), где собака, будучи титульным животным, выполняла роль тотема, кумира [17, с. 39].

Собака участвовала в сельскохозяйственных ритуалах, в частности, в ряде европейских стран (во Франции, Германии и др.) она олицетворяла Хлебный дух: закончить жатву – убить собаку, скопе, символически [5, с. 419–420]. А также опосредованно участвовала в воинских поединках: «Индейцы-канза, отправляясь на войну, устраивали в хижине вождя пир, на котором главным блюдом была собачатина. Считалось, что столь самоотверженное животное, как собака, – животное, которое дает разорвать себя на куски, защищая хозяина, не может не сделать доблестными людей, отдавших его мясо» [5, с. 465]. Пожалуй, есть свойство, которое объединяет все мифологические трактовки собаки – это ее ум. Джек Тресиддер пишет: «В Меланезии, в североамериканских и сибирских легендах ум собаки сделал ее символом неистощимых выдумок <...> из-за оплошности собаки человек потерял дар бессмертия» [6, с. 345]. И еще одно обобщение: собака была всегда рядом с человеком.

В историческом времени собака утрачивает закрепленные за ней мифологические смыслы, превращаясь в друга человека: на охоте, в быту, порой просто в члена семьи. Собака символизирует дом, родные стены – достаточно одного классического примера, зафиксированного в заглавии повести Чингиза Айтматова, – «Пегий пес, бегущий краем моря». Можно сказать, что в современном мире произошла демифологизация собаки. В литературных текстах писатели часто прибегают к собачьей оптике: ее глазами, ее восприятием показываются

жестокие человеческие поступки и деяния («Верный Руслан» Г. Владимова, «Щенки» П. Зальцмана и множество других примеров).

Так сложилось и в рассказе «Одиночество» Эрвина Умерова, написанном не только с опорой на «катастрофический событийный каркас весны 1944 г., которая навсегда останется кровоточающей раной на сердце крымско-татарского этноса», но и в парадигме осмысления произошедшего, с попыткой «возвращения памяти о национальной трагедии в мировое коммеморативное поле истории XX века» [18]. Эрвин Умеров (1938–2007) стал одним из первых, кто начал этот разговор в художественной литературе.

Главный герой рассказа Умерова – пес по кличке Сабырлы, что в переводе с крымско-татарского означает «терпеливый». Он пережил войну и немецкую оккупацию, стал свидетелем того, как солдаты в военной форме ранним утром выгоняли из домов детей, женщин, старииков, чтобы посадить их в грузовики и увезти в неизвестном направлении. Повествование выстроено так, что непосвященный читатель только в конце рассказа понимает: речь идет о выселении коренного народа Крыма. Думается, создание образа «целой земли – Крыма без крымских татар» [19, с. 89] – это и есть причина, почему рассказ Умерова столь долго шел к читателю. Написанный в 1964 г., он был опубликован в «Дружбе народов» лишь в 1989 г., а отдельной книгой вышел в 1991 и 2001 гг. (Включенность этого рассказа в круг современной литературы обоснована временем его появления в литературном процессе; современная литература условно отсчитывается с 1991 г.) Почему Умеров выбрал собаку, чтобы показать трагедию своего народа? Вероятно, только зооморфный образ вызывает доверие у писателя своей неангажированностью и идейной незапограммированностью. Нелицеприятный взгляд животного, использованный в виде остранения, – лучший из способов сказать правду.

Сайт «Собака и человек...» [14] каждую свою тематическую страницу о собаке и религии, собаке и этническом регионе сопровождает афористическими высказываниями: с почтением к собаке, о собаке как мериле человеческой эмпатии, однако, заметим, все эти афоризмы находятся в оппозиции к тем смыслам, которые закреплены за собакой в древних мифологиях.

Весьма информативной для контекста данной статьи представляется работа О.Н. Трубачева, которая посвящена славянским названиям домашних животных, в том числе собаки. В этимологическое поле исследователя включены не только славянские языки. Так, Трубачев оппонирует иранской версии происхождения лексемы «собака», но другой он не предлагает, выдвинув в качестве предпо-

ложения тюркоязычную версию [20, с. 30]. Забегая вперед, отметим, что поликультурный и полилингвальный этимологический бэкграунд слова «собака» говорит об общности коннотаций «собаки» в мировом метатексте.

Результаты исследования

Собака в тувинской литературе

Тувинскому писателю Маадыр-оол Ховалыгу принадлежит охотничий цикл «Под созвездием Плеяды» (2006), состоящий из трех рассказов: «Погоня», «Тринадцатая охота», «Третье прекрасное существо». Все три – о собаках, помощниках охотника. Написанные в первое десятилетие XXI в., эти рассказы повествуют о древнейшем занятии тувинцев – охоте. В них нет ни осмысления недавнего прошлого, ни того состояния, с которым тувинцы, «потомки охотников и собирателей, по сию пору сохраняющие кочевой способ хозяйствования, по сути, народ творческий, не приветствующий рутинную работу, ограниченную хронометражными рамками» [21, с. 190], вошли в XXI в. Речь в рассказах Маадыр-оол Ховалыга идет о традиции, сонме правил и заветов, доставшихся от предков-охотников; внутри этих этических и этических картин писатель ставит непростые вопросы морали и нравственности в отношении братьев наших меньших.

Тувинцы и охота – это, собственно, паттерн тувинской картины мира. Человек из Европы, жаждавший узнать Туву изнутри, Отто Менхен-Хельфен, не без труда добившись разрешения попасть туда, пишет книгу «Путешествие в азиатскую Туву» (1931), в одной из глав которой («Охота») говорит об изобилии тувинской пушнины на Лейпцигской ярмарке [22, с. 258], тем самым подчеркивая невидимую, но реальную связь всех со всеми, в частности, включенность тувинцев в глобальный мир. Распознать эту включенность и было мотивацией для приезда Менхена в Туву [23]. Закрытая для мира Тува – практически весь XX в. – никем и нигде не опознавалась, лишь редкие, со пряженные с опасностью для жизни путешествующих вояжи в Туву приносили миру информацию о ней. Говоря о пушнине на Лейпцигской ярмарке, Менхен как бы говорит: «Вот же она, Тува!». В словарях и энциклопедиях во времена Менхена Тузы не было, но в реальности она существовала, и тувинская пушнина, упомянутая Менхеном, выполняет функцию метонимического знака: деятельность тувинцев – охота.

Внешне бесхитростная фабула в рассказе Ховалыга «Погоня» сводится к желанию охотника Шагара подстрелить двух соболей и вернуться с добычей домой, чтобы оправдать, как он считает, свою

охотничью честь. Если первого соболя Шагар с собакой добыли сразу, то со вторым пришлось помучиться, охота затянулась на несколько дней и ночей в холодной заснеженной ноябрьской тайге. Да еще и собака, одолженная у другого охотника, ощенилась, что никак не входило в план поимки соболя. Недолго думая, Шагар кладет пятерых щенят в мешок, взбирается на скалу и сбрасывает их в пропасть – все это делается для того, чтобы освободить собаку, по кличке Каргал, от материнских забот и направить ее по следу соболя.

Рассказ оставляет в замешательстве. Последняя сцена, в которой изображена собака, истекающая материнским молоком [8, с. 102], если не вводит в ступор, то вызывает неприятие тех традиций и того «охотничьего кодекса чести», которому следует Шагар.

Возникает вопрос: нравственны ли эти традиции как таковые?

В ходе повествования упоминаются маркеры следования традициям: *он знал, по обычаям, обычай пришел из древности*. Охотник Шагар все время чувствует невидимое око наблюдающего за ним, периодически он как бы отчитывается перед этим существом: «Оршээ, Хайыракан! Будь милостив, Хозяин тайги!» [8, с. 96]. Совершает поутру обряд поклонения хозяину тайги, читает *чалбарыг*, молитву, прося у него хорошую добычу.

«Глаз» невидимого хозяина тайги, под разными именами, сопровождает каждый шаг Шагара: «созвездие Плеяды заглянуло в шалаш» [8, с. 100], «темная ночь успела припрятать звезды» [8, с. 100], «созвездие плеяды всю ночь зорко охраняло покой человека и собаки, а к утру спустилось, заглянув в шалаш из кедровых веток» [8, с. 100]. Понимая, что переходит черту, Шагал «свидетельствует» перед *наблюдающим* за ним: «“Оршээ Хайыракан! Это не я, это мой усопший прадед совершил грех!” И, раскачив мешок, он уронил его в черную бездну» [8, с. 101].

Отметим, что обращение «хайыракан» имеет широкий спектр: это антропоморфный хозяин местности (как леший или водяной в русской демонологии), это может быть и животное, на которого тувинцы не охотятся, – медведь. Так, Менхен-Хельфен пишет: «Ни одному тувинцу не придет в голову охотиться на медведя. Медведя убивают, когда нет другого выхода, когда зверь нападает. <...> голову медведя вывешивают на дерево или крепят на шест, а каждый проходящий мимо просит: “Хайыракан оршэ” – “Могущественный господин, будь ко мне милостив”, что значит, помоги мне избежать новой встречи с тобой» [22, с. 260].

Подобное поведение охотника и его взаимоотношения с духом местности находятся в полном соответствии с архаическими культурами других

народов. «Разговоры» с духом, обращения к нему в виде молитв, других нарративов рассматриваются фольклористами как религиозно-магический функционал для отвлечения внимания духов, чтобы получить от них вознаграждение. Так, Д.К. Зеленин приводит следующее свидетельство. В 30-е годы XX в. Н.П. Дыренкова рассказывала о поверьях алтайцев: «Хозяин горного леса любит слушать сказки. Заслушавшись, он забывает о своем скоте: звери, оказавшись без надзора, разбегаются по тайге, и охотники бьют их. Или же лесной хозяин сам посыпает свой скот (т. е. лесных зверей) охотнику в награду за рассказывание сказок» [3, с. 28–29].

Где, в какой стороне обитает дух тайги? Повсюду, и на небе в том числе. Образ небесных светил, звезд – именно Созвездие Плеяд, одно из воплощений хозяина тайги. Современные исследователи (М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов) посвятили свою работу изучению образа Плеяд в фольклорном дискурсе разных тюркоязычных народов: ряд значений Плеяд, обнаруженных ими, вписывается в тот художественный контекст, который представлен у Ховалыга: Плеяды символизируют «засаду» [24, с. 566], это «божество, небожитель», даже «грозное божество, которое следит за тем, чтобы люди вели праведный образ жизни» [24, с. 571].

Рассказ «Тринадцатая охота» тоже о собаке. У охотника пропала старая лайка Линда – найдет ли он ее, читатель так и не узнает. Зато узнает об отношении рассказчика к своему пропавшему другу. Повествование ведется от первого лица. Взяв Линду щенком, рассказчик сроднился с ней, а теперь, когда она состарилась и пропала на охоте, он вспоминает ее с теплом и благодарностью. Ищет он не живого пса, а его останки, чтобы их похоронить. «Если собаку не похоронить, ее душа превращается в злую силу, преследующую и приносящую болезни бывшему хозяину» [25, с. 230].

«У тувинцев собака жила у хозяев до смерти: “Убивать собаку строжайше воспрещалось. Когда собака умирает от старости, в рот вкладывают сало и хоронят. Но не бросают” (П.С. Серен)» [26, с. 121], – сообщают этнографы-фольклористы. «В знак признания любви к моему верному другу я должен найти ее мертвое тело и предать земле, захоронив, раз земля мерзлая, хоть под бурелом, хоть под курумник. И только тогда я смогу смело взглянуть в лица друзей-охотников, в лица своих детей» [8, с. 104] – так противоположно предыдущему рассказу проложен эмпатический вектор «Тринадцатой охоты». Этот рассказчик, как и Шагар из «Погонии», обращает молитву (чалбарыг) к духу тайги и своей родины: «Родимая моя страна <...> Радуй нас добычей...» [8, с. 104].

Однако, как мы видим, нахождение в одной и той же традиционной этнокультурной парадигме

не означает наличия одинаковой нравственно-этической позиции человека (в частности, героев Ховалыга), способности к эмпатии.

Следующий рассказ из цикла «Под Созвездием Плеяды» – «Третье прекрасное существо» – о щенке Дургене, воспитанном, но не успевшем стать охотничьей собакой. Мотив щенков неизменно относится сюжетом первого рассказа, в котором Шагар бездушно, прагматично их уничтожил. Подросший Дурген перегрыз свою привязь и бежал на волю. Поиски собаки рассказчиком полны отчаяния и любви, надежды и ожидания чуда – по словам рассказчика, в таком состоянии «охотник мог запросто потерять разум» [8, с. 106].

Любовь тувинца к собаке, по наблюдению этнографов, выражается даже в обязательном рецептивном внимании хозяина к мелодике лая, что аргументируется фрагментом из тувинской сказки: «Как, скажи, как лает моя собака, Орлан?

– О, голос у нее громкий, она лает басом: «Хонн! Хонн!» А собаки простых людей лают тонким голоском: «Хан-хан!»...» [26, с. 128].

Не случайно хозяин Дургена записал когда-то на магнитофонную ленту лай своей собаки, используя эту запись во время ее поисков. И он, как охотник Шагар, как хозяин Линды, почти на каждом шагу ежедневно повторяет чабарыг: «Окшээ Хайыраган, будь милостив ко мне, край мой узорчатый! <...> Будьте милостивы, помогите найти моего четвероногого, острозубого друга...» [8, с. 108].

Весьма показательные для знакомства с природным ландшафтом Тувы (горы, реки, тайга, животный мир), с тувинцами и их проблемами охотничьи рассказы Ховалыга коррелируют с оценкой закрытости Тувы, которую дают сторонние наблюдатели в начале XX в. (О. Менхен-Хельфен [22], С. Р. Минцлов [27]), а также в его конце (Р. Лейтон [28]). Так, рассуждая о кличках, которыми тувинцы называют своих собак, рассказчик, хозяин Линды, говорит: «Весь этот клубок с собачьими кличками, предположил я, из-за того, что в наш мир никто чужой не заглядывает. Что хочет душа охотника, то и делает» [8, с. 103].

Взаимоотношения человека и собаки в рассказах Ховалыга показаны в регистре общечеловеческих морально-нравственных ценностей, вне этнических маркеров.

Собака в осетинской литературе

Посмотрим на взаимоотношения человека и собаки в осетинской оптике писателя Мелитона Казиты. В заглавие его повести «Алмас» (2022) вынесена кличка собаки – главного персонажа, носителя справедливости, по мысли автора. Повествование о собаке помещено в исторический контекст:

читатель узнает, как жили осетины в XX в., о видах одежды (черкеска – холщовый кафтан, пестрые шерстяные носки, безрукавки из козьей шкуры, овечья шапка, чувяки), занятиях (охота), хозяйственной деятельности (сенокос, земледелие: селяне копают картошку, убирают хлеб), яствах и напитках (медвежатина, приправа из алычи, «прозрачный арак»), правилах поведения и этических ориентирах осетин: «считалось большим позором заговорить с мужчиной, родственником мужа»; «женщине при стариках обычай велит молчать»; «мужчине стыдно плакать на людях»; «мужчине стыдно прилюдно ласкать свое дитя» (эти вкрапления в повести транслируют *маскулинность* кавказской культуры, о которой пишет в культурологическом очерке философ А. Цуциев [29, с. 167]); рыдающая женщина, распускающая в горе свои косы; «зажиточность семьи издавна определяли по числу мужчин»; «говорить неправду – позор»; о достоинствах женщины судят по ее физической выносливости; домашних животных (волы, телята, куры, собаки – «какой же это горец, если в его доме нет собаки»), распорядке жизни («аул засыпает рано»); речевых сравнениях, рожденных бытом: «словно горячие угли были у нее под ногами»; «Ой-ой-ой! Упали с неба горящие уголья, сгорел мой дом дотла!...»; музыкальном инструменте фандыр, играя на котором, отыскивали попавших под снежную лавину жертв. Все эти детали из разных сфер осетинской жизни не воспринимаются как презентация жизни народа, они выглядят буднично и органично.

Ряд фрагментов повести «Алмас» можно рассматривать как записи охотника. Повествователь подробно описывает животный мир кавказского леса: медведи, волки, лани, олени, зайцы, сцены взаимоотношений и схваток между медведем и волком, волком и волчицей, волком и оленем. Оптика знатока-охотника без труда определяет волчье логово: «жилища у волков неглубокие. Они им нужны, пока детеныши еще слабенькие, а потом... У волка ведь так: что глаза видят, то и дом, до чего достают, то и пища» [9, с. 12]. Охотники в повести – отец Амурхан и сын Абисал, к обоим благожелательны лесные божества: *Афсати*, осетинский покровитель диких животных, и *Тутыр*, хозяин волков. Вероятно, за то, что отец с сыном не избавились от одного из семи волчат, найденных в логове, а полюбили его, пытаясь одомашнить. «Смотри, у него морда и кончик левой передней лапы – белые. <...> Отец и сын долго еще рассматривали волчат. Последний явно отличался от других. Они бросили его в мешок, с удивлением покачивая головами» [9, с. 13].

Предположив, что этот волчонок может быть собачьим щенком, неизвестно как попавшим в волчье логово, решили оставить его дома, да и жители

аула тоже согласились, что щенок не похож на волчонка: никогда не слышали про волков с белой мордой и белыми лапами, и шея у волков не поворачивается, как у этого, и лает он по-собачьи. Так была определена судьба щенка, которого дальше повествователь называет собака-волк, а Абисал дает ему кличку Алмас, он становится хозяином и другом Алмаса.

В повести нет ответа на вопрос – щенок это или волчонок, но есть судьба животного, вскормленного волчьим молоком и воспитанного человеческой заботой.

Изображение животных в литературе всегда в той или иной мере очеловечено. Их поведение, по-вадки, реакции описываются лексикой, которая применяется в отношении к человеку. Поведение Алмаса в повести Казиты предельно человеческое: *Алмас испугался; сознание еще не вернулось к нему; поччял; размышил было уже некогда; бег успокоил Алмаса; мысль его стала холоднее; Алмас начал понимать; радоваться или огорчаться, Алмас решить не мог; мысли, как черви, лезли ему голову; ему хотелось понять; ничто на этой земле не интересовало Алмаса так, как это; Алмасу не поверилось, что он свободен от цепи.*

Это существо – собаку-волка – автор наделяет моральными качествами, порой противопоставляя его человеку, не в пользу последнего. Алмас стал ангелом-хранителем семьи юноши Абисала. Он совершил с десяток подвигов, в основе которых не только спасение своих хозяев от смерти, но и наказание врагов за аморальное поведение – как людей, так и животных.

Однажды Алмас беспричинно был возбужден: то ляжет, то вскочит, то заскулит, то залаает. Через несколько минут задрожит земля, заскрипят дома – обрушится Немая скала на краю аула. Этой сценой автор интригует читателя: собака-волк особо чувствительна, пытается предупредить людей об опасности.

Когда в аул пришла ранняя зима и все занесло снегом, отец Абисала едет с двумя волами спасать заготовленное сено, иначе домашний скот останется зимой без пропитания. Алмас лает, суетится, хочет предупредить Амурхана о чем-то. Беда случилась – обрушилась лавина, погребла под собой и волов, и их хозяина. Отыскать человека в снежной лавине помогает Алмас, правда, Амурхан остался с переломанным позвоночником. С этой поры домашним кормильцем становится уже повзрослевший Абисал.

Алмас спасает мать Абисала, Дзигиду, от насилия их давнего завистливого соседа, перегрызая ему горло; Абисала – от укуса змеи, от пули соперников, от удушения Короткоусым; невесту Абисала Ацирухс – от похищения. «Этот волк... родился на ваше счастье. Нужно теперь испечь три пирога и

поблагодарить покровителя волков Тутыра за то, что он не пожалел вам такого подарка» [9, с. 31], – говорили люди, но в то же время и роптали, когда не могли найти виновного в аульских бедах, сваливая все на Алмаса и устраивая на него облаву.

Когда волчица, мать волчат Алмаса, убитых людьми, похищает из аула полуторагодовалого ребенка, Алмас возвращает мальчика родителям. Эта сцена напоминает фрагмент из романа «Плаха» Ч. Айтматова, но ситуация у Казиты разрешается иначе.

Как человек, на судьбу которого выпало много испытаний, Алмас устал бороться, искать справедливости. Он оказался своим среди чужих (помогал людям, был предан своим хозяевам), чужим среди своих (не разделял волчью солидарность по отношению к людям), в итоге старый, израненный, потерявший свою волчицу, своих волчат, гонимый людьми, он принял решение уйти из жизни. «Он стоял неподвижно – большие лапы уперлись в землю и не шевелились, будто превратились в чугунные – и выл. Он выл, как человек, уставший уже от притяганий по погибшему близкому своему, когда слезы иссякли, голос пропал, осип, но горе все рвется и рвется из сердца» [9, с. 64]. Алмас умер – «от горя, от жалости к своей волчице» [9, с. 64].

История об Алмасе и его отношениях с людьми осетинского аула, с одной стороны, вне времени, она могла случиться как в прошлом, так и в настоящем. С другой стороны, автор все же привязывает ее к конкретному времени несколькими деталями: революция, рождение колхозов, комсомол, то есть время, изображенное автором, – 20–30-е годы XX в. Однако эта хронологическая привязка мало что меняет и в истории Алмаса, и в изображении жизни осетинского аула. Можно говорить о том, что сюжет повести «Алмас» мифологический, вневременной, на что указывают неоднократные вкрапления в текст мифологических персонажей.

Таковой предстает Ацирухс – невеста главного героя. Так зовется и богиня, дочь Солнца в осетинском фольклоре, в нарративах которого борьба за Ацирухс ведется между Сосланом, богатырем наратского эпоса, и его соперниками.

Писатель М. Казита прямо отсылает образ невесты к мифологической богине: «Ацирухс... В памяти всплыл солнечный день после дождя, полоска леса, протянувшаяся от Лысой горы до аула Фахс, Абисал, красивая девушка с гибкой талией. Вроде бы Абисал ее называл Ацирухс...» [9, с. 50] – это мысли собаки, Алмаса (курсив наш. – Авт.).

В повести так же, как и в эпосе, вокруг Ацирухс развивается сюжет соперничества: Абисала, жениха Ацирухс, пытаются убить, его спасает собака Алмас, услышав разговор убийц [9, с. 50]. Так, в поединке между соперниками победу одерживает Алмас, собака-волк.

В мифологии часто встречаются образы-дублеры, есть они и в народном эпосе. Возможно, подобная двойичность на метатекстуальном уровне формирует и дублеров в повести Казиты: это Абисал и его друг Алмас. В эпосе Ацирухс узнает Сослана по отметине: «Пошли они (великаны. – Авт.) к дочери Солнца и говорят ей: «Гость у нас. Зовет себя Нартом Сосланом. Хотим его зарезать, но кинжалы наши не берут его». Когда дочь Солнца услышала это имя, она сказала: «Если он Сослан, то это мой суженый». Великаны ее спросили: «А как нам узнать, Сослан он или нет?» – «У Сослана между лопатками черная родинка...»» [4, с. 105–106].

Отметина есть и у Алмаса – «у него морда и кончик левой передней лапы – белые». Как Сослан был закален в колоде с волчьим молоком, так Алмас был вскормлен волчьим молоком [30, с. 464]. У эпического Сослана были поражены ноги [4, с. 110] – в повести Казиты охотники подстреливают Алмасу лапы («Раны у Алмаса еще не зажили, на заднюю левую ногу он прихрамывал, бока запали от голода» [9, с. 38]; «Заросли, будто защищая оленя, грудью вставали у него на пути. Опутали ноги, непускают» [9, с. 45]; «чем ближе был он к цели, тем больше ослабевали ноги» [9, с. 53]).

Таким образом, Алмас в архетипической парадигме – это Абисал, у обоих доброе сердце, «Но не зря, наверное, когда говорят о добром чистом сердце, сравнивают его с собачьим» [9, с. 38].

Таким образом, М. Казиты встраивает свое повествование в мифологическую парадигму, однако образ собаки не несет каких-то специфических мифологических «животных» коннотаций, он выступает, скорее, как travestированный образ человека.

Собака в казахстанской литературе

Заглавие повести Ильи Одегова никак не связано с собакой – «Овца» (2014). Событие, лежащее в основе сюжета, – пропавшая, заблудившаяся «ярочка», которую разыскивает в горах ее хозяин Марат, делающий это больше для того, чтобы угодить своей ворчливой жене.

Место действия – аул, находящийся вблизи гор, от которого несколько часов пути до большого города, где есть улица Гагарина, торгово-развлекательные центры, университет.

По отдельным бытовым артефактам и другим маркерам читатель может определить, что это казахское селение – упоминаются *казы* (колбаса), *сурна* (суп), *утренняя молитва*, *салам алейкум* (здравствуйте), *карын* (живот), *тумар* (амулет), *мечеть*, *асык* (кость), *Наурыз* (день весеннего равноденствия), *бейбармақ*, *плов*, *манты* (национальные блюда), *токта* (остановись), *слава Аллаху* (слава богу), *дастархан* (накрытый яствами стол), *курдюк* (задняя часть барана), *ишик* (осел).

Действие не привязано ни к каким значимым событиям, чтобы определить время, изображенное в рассказе. Однако по ряду деталей можно предположить, что это современность: героиня забирается на холм, чтобы позвонить по мобильному телефону, так как в самом ауле он «не ловит»; «на флаге нашем орлу глазки пририсовал» [10, с. 138] (флаг независимого Казахстана с изображением беркута был принят в 1992 г.); от аульцев раздаются реплики: «Ментам разрешили стрелять в людей» [10, с. 137] (такое право было закреплено законом в 2013 г.); в разговорах аульцы упоминают мины, которые «подстерегают» заблудившихся людей (интернет-поисковик выдает информацию 2013–2014 гг. о случаях с «забытыми» на полигонах во время военных учений минах, от которых пострадали люди). Марат, ушедший искать ярочку, не вернулся, его жена прежде всего думает о мине, на которую мог напороться ее муж.

Небольшое происшествие – пропажа овцы – стало поводом воссоздать уровни жизни не только аула и города, куда едет Рафиза, жена Марата, в поисках помощи к его брату, сотруднику спецслужб, но и показать нравы людей: сплетничают, щелкают семечки, рассказывают «страшные» истории, пасут скот, пляшут на свадьбе – в общем, как везде, как у всех, обычная рутинная жизнь. Никому нет дела до беды Рафизы – у нее пропал муж. Милиция помочь ей не может – надо ждать пресловутых «трех суток», прочие селяне – на свадьбе, городской брат Марата не может отлучиться, ждет какого-то большого начальства, сама Рафиза боится идти в горы.

Неожиданно на авансцену выходит собака с русской кличкой Лелька. Она жила во дворе дома Марата и Рафизы как бы никем не замеченной – старая дворняжка. То ли дело алабай, которого Марат с женой искали, выбирали, заплатили за него немалую сумму – ценная собака, но украденная прямо из их двора, даже было заведено уголовное дело, безрезультирующее. А Лелька мало кому интересна. Однако именно Лелька становится главной в спасении Марата. Если условно выстроить эмпатическую шкалу, то образ Лельки стоит выше образа человека в контексте одеговского повествования.

В ночь, когда Марат не вернулся домой, Лелька проснулась и забеспокоилась. «Какое-то знакомое, давно позабытое ощущение заставило ее встать, потянуться и выйти за ворота. <...> ...Лелька отряхнулась и побежала по дороге налево, туда, где далеко впереди темнели силуэты кривых гор» [10, с. 126].

Долго бежала Лелька, всю ночь и все утро, отдыхая по пути и вспоминая, куда и зачем она бежит, пока не увидела Марата, расцарапанного, лежащего на спине, с рукой, придавленной верхушкой упавшей сосны.

«Марат открыл глаза и с недоумением уставился на собаку:

— Лелька? Лелька! Ты что здесь делаешь? Как ты меня нашла?

Лелька только виляла хвостом и преданно глядела на Марата. <...> Лельку переполняло счастье от выполненного предназначения» [10, с. 132–133].

Марат, одной рукой сумев снять с себя тумар на цепочке, надевает его на Лельку и велит ей бежать домой – так сообщить о беде, приключившейся с ним. Но Лелька ничего не понимает, гонимая Маратом, она скулит и остается рядом. «Отойдя на несколько шагов, она настороженно улеглась на землю, положила голову на передние лапы, но глаз не закрывала, а искоса все время поглядывала на Марата» [10, с. 134].

Марат от безысходности скреб свободной рукой землю с ворохом осыпавшейся хвои и бросал в сторону, давая понять Лельке, что ему нужна палка. Лелька резвилась, играла, прыгала, но, кажется, поняла, что от нее хотят.

Она спасла хозяина – толстая ветка сыграла роль рычага, и рука была освобождена. Оба, Марат и Лелька, счастливые, двинулись домой. Беда подстерегала их за поворотом: два волка рвали на куски ту самую ярочку, из-за которой Марат оказался под сосновой. Марат сумел отогнать волков, но Лелька, воодушевленная близостью хозяина, начала на них лаять и прыгать. Вдруг завизжала и опрокинулась на спину – у нее из шеи был выдран целый кусок. Лелька глядела на Марата, будто провинилась. «Марат лег рядом и заплакал. И плакал до тех пор, пока Лелька не перестала дышать» [10, с. 151–152]. Похоронив Лельку, свою спасительницу, он сложил над ее телом пирамиду из камней.

Лелька – единственная из всех персонажей повести, кто остался предан своему хозяину до конца, кто безошибочно смог отыскать Марата – получается, ценою своей жизни.

Прежде чем мы перейдем к следующему в нашей аналитике тексту о собаке Аргосе, скажем об очевидном сходстве Аргоса с Лелькой. Кличка Аргос – реминисценция из гомеровской «Одиссеи»: по возвращении домой Одиссея пес Аргос был единственным живым существом, кто узнал своего хозяина, а дождавшись его – умер. В повести И. Одегова никто, кроме Лельки, не пришел на помощь Марату, а собака спасла его и погибла.

Собака во французской литературе

Именем Одиссеева пса, ставшего символом собычей преданности, названа собака в новелле «Пес» (2013) Эрик-Эмманюэля Шмитта, франкоязычного писателя.

В одной из бельгийских провинций живет врач Сэмюэл Хейман. Когда ему исполнилось семьде-

сят, он закончил свою врачебную деятельность. Необщительного, неразговорчивого, его привыкли видеть на прогулках с собакой Аргосом. (Кличка собаки из поэмы Гомера варьируется в разных переводах «Одиссеи»: Аргус/Аргос.)

Аргос, сколько помнят жители городка, был всегда один и тот же на протяжении десятилетий – породы босерон. Сэмюэл, по смерти одного пса, брал себе другого, похожего, и кличку не менял. Придя первый раз в собачий питомник, он сказал: «Если у меня не будет собаки, я сдохну. <...> Мне не выжить без собаки» [11, с. 97]. Так было с четырьмя псами. Когда последнего Аргоса сбила машина, а Сэмюэлу было уже восемьдесят, он покончил с собой. Вся округа в недоумении: неужели смерть собаки может быть поводом для ухода из жизни?

Разгадка приходит из предсмертного письма, которое получает от Сэмюэла рассказчик, где тот повествует о своей жизни: в 1942-м за семьею Хейман пришли гестаповцы. Сестра успела спрятать маленького Сэмюэла в ящик с игрушками – один из семьи он остался жить: мать, отца и сестру, бабушку и дедушку увезли навсегда. Сэмюэла долго скрывали в пансионе для сирот. Когда на пансионеров донесли, а это был его одноклассник, всех отправили в концлагерь. «Я стал скотом, вещью в руках высшей расы, нацистов, присвоивших себе право распоряжаться мной, как им заблагорассудится» [11, с. 108], – пишет Сэмюэл.

Новелла Шмитта сопровождена посвящением: «Памяти Эмманюэля Левинаса». Этому выдающемуся философу (1906–1995) принадлежат слова: «С нас сняли человеческую кожу. Мы были не чем иным, как скоплением низших существ. В моей биографии преобладает память о нацистской мерзости» [31].

Пятнадцатилетний Сэмюэл, истощенный физически и эмоционально, мечтал согреться в той самой печи, куда увезли его семью. Неожиданно за колючей проволокой концлагеря он встречает собаку, которая тоже проявляет интерес к Сэмюэлу, зовя его играть: она ловит снежки, отправленные ей из-за проволоки подростком. Сэмюэл неожиданно для себя улыбается, ведь он думал, что уже не способен к этому, делится с собакой своим скучным пайком. «Так Сэмюэл вновь стал человеком», – пишет он о себе. С этого момента собака для него – самое близкое и родное существо, других у него уже не было, все были сожжены в печах. Когда пришло реальное освобождение от Красной армии, Сэмюэл возвращается домой с собакой, отныне ее зовут Аргосом.

«Аргос... Помнишь, кто такой Аргос? Единственный, кто узнал Улисса, когда он вернулся на Итаку после двадцати лет отсутствия» [11, с. 119], – разговаривает Сэмюэл со своим псом.

Если в текстах, рассмотренных выше, человек смиряется с уходом собак Линды и Дургена (М. Ховалыг), Алмаса (М. Казиты) в вольную жизнь, то в истории, рассказанной Шмиттом, не столько собака нуждается в человеке, сколько человек в собаке, нужда здесь приобретает не pragmaticический, а экзистенциальный характер. Когда погибает четвертый Аргос, Сэмюэл понимает, что завести еще одного Аргоса он не сможет – умрет раньше своего пса, а оставить дорогое ему существование на произвол судьбы он не может – отсюда решение уйти из жизни, без Аргоса для Сэмюэла жизни нет. (Эта и другие истории о травме Холокоста, воссозданные писателем Шмиттом, анализируются в книге о франкоязычной литературе [32].)

Заключение

Итак, в статье проанализирован образ собаки в разных этнически окрашенных прозаических текстах современной литературы: собака в *тувинском, осетинском, казахстанском* контекстах и собака в *европейском, постхолокостном* контексте, а также

факультативно – в *еврейско-курдском и крымско-татарском*. Рассмотрены мифологические коннотации образа собаки, они, как показывает наша аналитика, амбивалентны, образ собаки в метатексте культуры развивается от мифологизации к демифологизации, как все прочие мифы нового и новейшего времени [33]. Подчеркнем, что в литературных текстах воссоздан взгляд на собаку демифологизированный (кроме примера из романа Д. Рубиной); архаически-ритуальная роль собаки (как медиатора между жизнью и смертью) в современном мире утрачена, более того – отношение человека к собаке видится как мерилом нравственности.

Рассмотренные грани взаимоотношений человека и собаки, отраженные в современных литературных текстах, с одной стороны, помещены в исторические, географические, бытовые и культурные реалии, создавая индивидуальный этнический кейс, с другой стороны, проделанный анализ образа собаки в разных литературных текстах показывает единый ментальный мир человека, живущего в глобальном пространстве.

Список источников

1. Топоров В.Н. Животные // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 440–449.
2. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста, справ.-информ. аппарат, предварение, послесл. Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
3. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954 / вступ. ст., сост., подготов. текста и comment. Т.Г. Ивановой. М.: Индрик, 2004. 368 с.
4. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / пер. с фр. А.З. Алмазовой; послесл. В.И. Абаева. М.: Наука, 1990. 229 с.
5. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 703 с.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-Пресс, 1999. 448 с.
7. Тахо-Годи А.А. Кербер // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 640.
8. Ховалыг М. Под созвездием Плеяды: охотничьи рассказы / пер. с тувинского М. Кыргыс, М. Ховалыга, В. Бузыкаева // Сибирские огни. 2006. № 8. С. 96–108.
9. Казиты М. Алмас: повесть / пер. с осетинского автора // Дружба народов. 2022. № 12. С. 8–64.
10. Одегов И. Овца: повесть // И. Одегов. Тимур и его лето. М.: Текст, 2014. С. 118–158.
11. Шмитт Э.-Э. Пес: рассказ / пер. Н. Хотинской // Э.-Э. Шмитт. Два господина из Брюсселя: новеллы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. С. 72–137.
12. Рубина Д.И. Вот идет Мессия!: Роман, эссе. СПб.: Ретро, 2001. 429 с.
13. Умеров Э. Одиночество // Э. Умеров. Черные поезда. М.: Текст, 2002. С. 11–33.
14. Сайт «Собака и человек. Искусство. Религия. Общество». URL: <https://dog-info.narod.ru/iuda.htm> (дата обращения: 1.04.2025).
15. Сансызбаева С.К. Казахско-русский словарь этнографических характеристик человека. Алматы: Казахский нац. ун-т им. аль-Фараби, 2000. 87 с.
16. Aden, Zh.Sh., Akhmet, A.N., Shaimerdenova N.Zh., Sansyzbayeva S.K. The Role and Importance of Zoomorphisms in the Education and Development of Bilingual Children Ethnocultural Self-Awareness. In: J. Sib. Fed. Univ // Humanit. soc. sci. 2025. № 18(2). Р. 356–366.
17. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). СПб.: Свое изд-во, 2012. 470 с.
18. Кешифидинов Ш.Р. Коммеморация: Эрвин Умеров о травматическом событии в истории крымских татар // Наука в мегаполисе. 2024. № 8(64). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-64/literaturovedenie-i-yazykoznanie/kommemoratsiya-ervin-umerov-o-travmaticheskem-sobytiu-v-istorii-krymskikh-tatar.html> (дата обращения: 1.04.2025).

19. Кешфидинов Ш. Р. Война глазами животных в произведениях Павла Зальцмана и Эрвина Умерова // Вопросы филологии. 2022. № 2 (78). С. 87–91.
20. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: этимологическое исследование / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
21. Бахтиреева У.М., Синячкин В.П. Социокультурные особенности современного тувинского общества // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 188–195. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195
22. Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер: антология: в 7 т. / сост. С.К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. С. 220–351.
23. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Шаймерденова Н.Ж. Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен) // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 121–134. doi: 10.25178/nit.2024.1.8
24. Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Образы Плеяд в представлениях тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2024. № 16 (3). С. 563–576. doi: 10.22162/2500-1523-2024-3-563-576
25. Захаров И.А., Каштанова С.В. Тувинская овчарка – аборигенная пастушья собака Тувы // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 225–244.
26. Бурыкин А.А., Болдырева И.М., Музраева Д.Н. Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 119–132. doi: 10.25178/nit.2019.4.10
27. Минцлов С.Р. Секретное поручение: Путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1915. 277 с.
28. Leighton R. *Tuva or bust!: Richard Feynman's last journey*. New York; London: W.W. Norton & Company, 1991. 261 p.
29. Цуциев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10. С. 152–176.
30. Калоев Б.А. Сослан // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с.
31. Левинас Э., Каспер Б. Заложник для другого / под ред. А. Фабриса. Пиза: ETS Editions, 2012. URL: https://ru.wikiital.com/wiki/Emmanuel_Levinas#CITEREFostaggio (дата обращения: 1.04.2025).
32. Матенова Ю.У., Шафранская Э.Ф. Современная франкоязычная литература. Межкультурное взаимодействие: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 225 с.
33. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Шаймерденова Н.Ж. Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 61–75. doi: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

References

1. Toporov V.N. *Zhivotnye* [Animals]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes]. Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. Pp. 440–449 (in Russian).
2. Freydenberg O.M. *Poetika syuzheta i zhanra. Podgotovka teksta, spravochno-informatsionnyy apparat, predvareniye, poslesloviye N.V. Braginskoy* [Poetics of plot and genre. text preparation, reference and information apparatus, introduction, afterword by N.V. Braginskaya]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p. (in Russian).
3. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kulture. 1934–1954. Vstupitel'naya stat'ya, sostavleniye, podgotovka teksta i kommentarii T.G. Ivanovoy* [Selected Works. Articles on Spiritual Culture. 1934–1954. Introductory article, composition, preparation of the text and commentary by T.G. Ivanova]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 368 p. (in Russian).
4. Dyumezil' Zh. *Skify i narty. Perevod s frantsuzskogo A.Z. Almazovoy; poslesloviye V.I. Abaeva* [Scythians and Narts. Translation from French by A.Z. Almazova; afterword by V.I. Abaev]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 229 p. (in Russian).
5. Frezer D.D. *Zolotaya vety': Issledovaniye magii i religii. Perevod s angliyskogo M.K. Ryklina* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion. Translation from English by M.K. Ryklin]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 703 p. (in Russian).
6. Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov. Perevod s angliyskogo S. Pal'ko* [Dictionary of symbols. Translated fro English S. Pal'ko]. Moscow, FAIR-Press Publ., 1999. 448 p. (in Russian).
7. Takho-Godi A.A. *Kerber* [Kerber]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh. Tom 1* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 1]. Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. P. 640 (in Russian).
8. Khovalyg M. *Pod sozvezdiem Pleyady: okhotnich'i rasskazy. Perevod s tuvinskogo M. Kyrgys, M. Hovalyga, V. Buzykaeva* [Under the Pleiades: Hunting Stories. translation from Tuvan by M. Kyrgys, M. Khovalyga, V. Buzykaeva]. *Sibirskiye ogni*, 2006, no. 8, pp. 96–108 (in Russian).
9. Kazity M. *Almas: povest'*. Perevod s osetinskogo avtora [Almas: The Story. Translated from the Ossetian by the author]. *Druzhba narodov*, 2022, no. 12, pp. 8–64 (in Russian).
10. Odegov I. *Ovtsa: povest'* [The Sheep: A Story]. in: I. Odegov. *Timur i ego leto* [Timur and his summer]. Moscow, Tekst Publ., 2014. P. 118–158 (in Russian).
11. Shmitt E.-E. *Pes: rasskaz. Perevod N. Hotinskoy* [Dog: Story. Translation by N. Hotinskaya]. In: E.-E. Shmitt. *Dva gospodina iz Bryusselya: novelly* [Two Gentlemen from Brussels: Novellas]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2013. Pp. 72–137 (in Russian).

12. Rubina D.I. *Vot idet Messiya!: roman, esse* [Here Comes the Messiah!: Novel, essay]. Saint Petersburg, Retro Publ., 2001. 429 p. (in Russian).
13. Umerov E. *Odinochestvo* [Loneliness]. *Chernye poezda* [Black trains]. Moscow, Tekst Publ., 2002, pp. 11–33 (in Russian).
14. Sayt «*Sobaka i chelovek. Iskusstvo. Religiya. Obshchestvo*» [Website “Dog and Man. Art. Religion. Society”] (in Russian). URL: <https://dog-info.narod.ru/iuda.htm> (accessed 1 April 2025).
15. Sansyzbaeva S.K. *Kazahsko-russkiy slovar' etnograficheskikh kharakteristik cheloveka* [Kazakh-Russian dictionary of ethnographic characteristics of man]. Almaty, Kazahskiy natsional'nyy universitet imeni al'-Farabi Publ., 2000. 87 p. (in Russian).
16. Aden Zh.Sh., Akhmet A.N., Shaymerdenova N.Zh., Sansyzbayeva S.K. The Role and Importance of Zoomorphisms in the Education and Development of Bilingual Children Ethnocultural Self-Awareness. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, no. 18 (2), pp. 356–366.
17. Shafranskaya E.F. *Sindrom golubki (Mifopojetika prozy Diny Rubinoy)* [Dove Syndrome (Mythopoetics of Dina Rubina's Prose)]. Saint Petersburg, Svoje izdatel'stvo Publ., 2012. 470 p. (in Russian).
18. Keshfidinov Sh.R. Kommemoratsiya: Jervin Umerov o travmatischekskom sobytii v istorii krymskikh tatar [Commemoration: Ervin Umerov on a traumatic event in the history of the Crimean Tatars]. *Nauka v megapolis – Science in a Megapolis*, 2024, no. 8 (64) (in Russian). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-64/literaturovedenie-i-yazykoznanie/kommemoratsiya-ervin-umerov-o-travmatischekskom-sobyttii-v-istorii-krymskikh-tatar.html> (accessed 1 April 2025).
19. Keshfidinov Sh.R. Voyna glazami zhivotnykh v proizvedeniakh Pavla Zal'tsmana i Ervina Umerova [War through the eyes of animals in the works of Pavel Zaltsman and Ervin Umerov]. *Voprosy filologii*, 2022, no. 2(78), pp. 87–91 (in Russian).
20. Trubachev O.N. *Proiskhozhdeniye nazvaniy domashnikh zhivotnykh v slavyanskikh yazykakh: etimologicheskoye issledovaniye* [Origin of Pet Names in Slavic Languages: An Etymological Study]. Ed. N.I. Tolstoy. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 116 p. (in Russian).
21. Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P. Sotsiokul'turnye osobennosti sovremennoj tuvinskogo obshhestva [Sociocultural features of modern Tuvan society]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 188–195. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195 (in Russian).
22. Menhen-Hel'fen O. Puteshestviye v aziatskuyu Tuvu [Travel to Asian Tuva]. *Uryankhay. Tyva depter: antologiya: v 7 tomakh. Tom 6* [Urianhka. Tyva Depter: An Anthology: in 7 volumes. Volume 6]. Comp. S.K. Shoygu. Moscow, Slovo Publ., 2014. P. 220–351 (in Russian).
23. Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Shaymerdenova N.Zh. Otkrytiye Tuvy v orientalistkoy optike (Sergey Mintzlov i Otto Menhen-Hel'fen) [The Discovery of Tuva in Orientalist Optics (Sergey Mintzlov and Otto Maenchen-Helfen)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new Research of Tuva], 2024, no. 1, pp. 121–134. doi: 10.25178/nit.2024.1.8 (in Russian).
24. Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. Obrazy Pleyad v predstavleniyakh tyurko-mongol'skikh narodov [Images of the Pleiades in the representations of the Turkic-Mongolian peoples]. *Mongolovedenie*, 2024, no. 16 (3), pp. 563–576. doi: 10.22162/2500-1523-2024-3-563-576 (in Russian).
25. Zaharov I.A., Kashtanova S.V. Tuvinskaya ovcharka – aborigennaya pastush'ja sobaka Tuvy [Tuvan Shepherd Dog – Aboriginal Shepherd Dog of Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*, 2009, no. 4, pp. 225–244 (in Russian).
26. Burykin A.A., Boldyreva I.M., Muzraeva D.N. Sobaka v kalmytskom i tuvinskem fol'klore [Dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*, 2019, no. 4, pp. 119–132. doi: 10.25178/nit.2019.4.10 (in Russian).
27. Mintzlov S.R. *Sekretnoye porucheniye: Puteshestviye v Uryanzhay* [Secret Assignment: A trip to Urianhay]. Riga, Sibirskoye knigoizdatel'stvo Publ., 1915. 277 p. (in Russian).
28. Leighton R. *Tuva or bust!: Richard Feynman's last journey*. New York; London: W.W. Norton & Company, 1991. 261 p. (in English).
29. Tsutsiev A. Russkiye i kavkaztsy: po tu storonu druzhby narodov [Russians and Caucasians: on the other side of the friendship of peoples]. *Druzhba narodov*, 2005, no. 10, pp. 152–176 (in Russian).
30. Kaloev B.A. Soslan [Soslan]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes]. Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992, vol. 2, p. 464 (in Russian).
31. Levinas E., Kasper B. *Zalozhnik dlya drugogo* [Hostage for another]. Ed. A. Fabrisa. Piza: ETS Editions, 2012 (in Russian). URL: https://ru.wikiital.com/wiki/Emmanuel_Levinas#CITEREFOstaggio (accessed 1 April 2025).
32. Matenova Yu.U., Shafranskaya E.F. *Sovremennaya frankoyazychnaya literatura. Mezhkul'turnoye vzaimodeystviye: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Contemporary French-language literature. Intercultural interaction: Textbook and practical course for universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 225 p. (in Russian).
33. Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Shaymerdenova N.Zh. Ambivalentnyy mif o Tuve XX veka [The Ambivalent Myth of Tuva in the 20th Century]. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 61–75. doi: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5> (in Russian).

Информация об авторах

Шафранская Э.Ф., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198).

E-mail: shafranskayaef@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4462-5710; SPIN-код: 5340-6268; Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/34798060>; Профиль в Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57218706463>.

Кешфидинов Ш.Р., магистр педагогического образования, аспирант, Московский городской педагогический университет (2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, Москва, Россия, 129226).

E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-3293-3393; SPIN-код: 9550-4751; Профиль в Scopus: 1161028.

Шаймерденова Н.Ж., доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (пр. аль-Фараби, 71/27, Алматы, Республика Казахстан, 050000).

E-mail: turkology.ri@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2830-8336; SPIN-код: 1980-9105; Профиль в Scopus: 57815889800.

Information about the authors

Shafranskaya E.F., Doctor of Philological Sciences, Professor, RUDN University (ul. Mikhlukho-Maklaya, 6, Moscow, Russian Federation, 117198).

E-mail: shafranskayaef@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4462-5710; SPIN-code: 5340-6268; Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/34798060>; Scopus Profile: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57218706463>.

Keshfidinov Sh.R., Master of Pedagogical Education, graduate student, Moscow City University (2-y Sel'skokhozyaystvennyy proyezd, bldg. 1, 4, Moscow, Russian Federation, 129226).

E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-3293-3393; Scopus Profile: 1161028.

Shaimerdenova N.Zh., Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (pr. al-Farabi, 71/27, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000).

E-mail: urkology.ri@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2830-8336; SPIN-code: 1980-9105; Scopus Profile: 57815889800.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 01.04.2025; accepted for publication 20.05.2025

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 378.126
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-138-147>

Патриотизм как ценность (на материале учебно-методического комплекса «Восток» для китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный)

Ван Синхуа¹, Лю Кайдун², Сюй Чи³

^{1, 2, 3} Муданьцзянский педагогический университет, Муданьцзян, Китайская Народная Республика

¹ pavelgppu@yandex.ru, 0000-0003-0360-3512

² mdjbluesky@163.com

³ 2558647680@qq.com

Аннотация

Речь идет об углублении в сознании обучающихся представления о патриотизме средствами учебной дисциплины «Русский язык как иностранный». Данная проблематика рассматривается в ракурсе аксиологической лингвометодики: любовь к родине, родному языку и родной культуре определяются в качестве неоспоримых ценностей, которые составляют основу картины мира каждого человека – члена социума, принадлежащего какой-либо лингвокультуре. В качестве обоснования такого подхода в современной лингводидактике рассматривается идея о целесообразном распределении внимания в рамках образовательного процесса к фактам родного и изучаемого языка. Знакомство с иностранным языком на фоне сопоставления с реалиями исконной лингвокультуры позволяет обучающемуся увидеть уникальность и особенность родного языка и родной культуры, что способствует укреплению чувства привязанности к родной стране. В перечне инструментов, реализующих задачи гражданского воспитания на занятиях по русскому языку как иностранному, выделяются учебные издания. Материалом для рассмотрения в данной статье служат учебные материалы, входящие в учебно-методический комплекс «Восток», разработанный специально для китайских обучающихся. Анализируются содержательные особенности дидактических текстов, а также связанных с ними упражнений и заданий, демонстрируется их методический ресурс для реализации воспитательных и обучающих задач в их совокупности. Упражнения часто включают тексты, связанные с историей Китая, его культурой, традициями и праздниками, содержащие информацию об известных личностях. Это помогает иностранным обучающимся расширить знания о своей стране, ее ценностях и достижениях, что способствует укреплению чувства патриотизма. Одновременно формируется толерантное и уважительное отношение к чужим лингвокультурам и их представителям, иностранному языку, которым овладевают. Использование этих учебных материалов позволяет интегрировать изучение языка с воспитанием гражданственности и патриотизма, формируя не только языковые навыки, но и понимание культурного и социального контекста функционирования языка в жизни общества. В процессе изучения русского языка как иностранного обучающиеся понимают и воспринимают такие ценности, как дружба, уважение, любовь к Отечеству, что способствует формированию патриотических настроений.

Ключевые слова: лингводидактика, русский язык как иностранный, поликультурная коммуникация, воспитание, патриотизм, учебно-методический комплекс «Восток», китайские студенты

Источник финансирования: Публикация подготовлена при поддержке грантовых проектов в рамках реализации: (1) исследования и практики в контексте формирования новой гуманитарной дисциплины провинции Хэйлунцзян № 2021HLJXWP0093 «Создание и реализация модели подготовки специалистов в области русского языка как иностранного в сфере международного дела в контексте новой гуманитарной дисциплины (本文系黑龙江省新文科研究与改革实践项目“新文科背景下“三型一化”涉外俄语法律人才培养模式的构建与实践” (2021HLJXWP0093) 阶段性成果); (2) реформы в обучении иностранным языкам в провинции Хэйлунцзян № HWX2022035-C «Исследование модели подготовки специалистов в сфере специальных языков и практика в реализации концепции «Один пояс, один путь» в контексте формирования контексте новой гуманитарной дисциплины» (本文系黑龙江省本科高校首批外语教育改革创新项目“新文科背景下“一带一路”非通用语人才培养模式研究与实践” (HGX2022035-C) 阶段性成果); (3) стратегии Муданьцзянского педагогического универ-

ситета № KCSZKC-2022005 «Создание примерной учебной программы по предмету “Практический русский язык” для подготовки магистров» (Муданьцзян, 26.07.2022) (本文为牡丹江师范学院校级研究生课程思政课程项目的阶段性成果，项目编号 (KCSZKC-2022005)); (4) стратегии Муданьцзянского педагогического университета № KCSZAL-2022003 «Создание примерной учебной программы по предмету «Практикум письменного перевода: русский язык (базовый уровень)» для подготовки магистров» (Муданьцзян, 26.07.2022) (本文为牡丹江师范学院校级研究生课程思政课程项目的阶段性成果，项目编号: KCSZAL-2022003)).

Для цитирования: Ван Синхуа, Лю Кайдун, Сюй Чи. Патриотизм как ценность (на материале учебно-методического комплекса «Восток» для китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 138–147. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-138-147>

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Patriotism as a value (based on the material of the educational and methodological complex "Vostok" for Chinese students studying Russian as a foreign language)

Wang Xinghua¹, Liu Kaidong², Xu Chi³

^{1, 2, 3} Mudanjiang Normal University, China, Mudanjiang

¹ pavelgpu@yandex.ru, 0000-0003-0360-3512

² mdjbluesky@163.com

³ 2558647680@qq.com

Abstract

The article deals with the development of a sense of civic patriotism as a component of the educational process in the subject area of "Russian as a Foreign Language". This issue is considered from the perspective of axiological linguomethodology: love for the homeland, native language and native culture are defined as indisputable values, the idea of which must be formed and developed when teaching any foreign language in the context of the idea of a close relationship and equal importance of different linguacultures in the global multicultural space. Studying a foreign language in the context of their native linguaculture allows students to see the uniqueness and peculiarity of their native language and native culture, which helps to strengthen the feeling of attachment to their native country. In the list of tools that implement the tasks of civic education in classes on Russian as a foreign language, educational publications are highlighted. The material for consideration in this article are educational materials included in the educational and methodological complex "Vostok", developed specifically for Chinese students. The article analyzes the substantive features of didactic texts, as well as related exercises and tasks, and demonstrates their methodological resource for implementing educational and training tasks in their entirety. The exercises often include texts related to the history of China, its culture, traditions and holidays, containing information about famous people. This helps foreign students expand their knowledge of their country, its values and achievements, which helps to strengthen the sense of patriotism. At the same time, a tolerant and respectful attitude towards foreign linguacultures and their representatives, and the foreign language they are learning is formed. The use of these educational materials allows integrating language learning with the education of citizenship and patriotism, forming not only language skills, but also an understanding of the cultural and social context of the functioning of language in the life of society. In the process of studying Russian as a foreign language, students understand and perceive such values as friendship, respect, love for the fatherland, which helps to form patriotic sentiments.

Keywords: linguodidactics, Russian as a foreign language, multicultural communication, education, patriotism, educational and methodological complex "Vostok", Chinese students

For citation: Wang Xinghua, Liu Kaidong, Xu Chi. Patriotizm kak tsennost' (na materiale uchebno-metodicheskogo kompleksa "Vostok" dlya kitayskikh studentov, izuchayushchikh russkiy yazyk kak inostranny) [Patriotism as a value (based on the material of the educational and methodological complex "Vostok" for Chinese students studying Russian as a foreign language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 138–147 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-138-147>

Введение

В задачи лингводидактики как и любой другой образовательной деятельности входит не только обучение иностранным языкам, но и воспитание участников образовательного процесса.

Определение задач воспитания в общей структуре целеполагания образовательной деятельности в числе первостепенных обуславливает повышенный интерес ученых, как теоретиков лингводидактики, так и предметников-методистов к разработке ключевых вопросов *аксиологической лингвометодики* с последующим их внедрением в учебный процесс. Об этом активно пишут в своих работах Е.В. Архипова, Н.В. Беляева, Н.С. Болотнова, А.Д. Дейкина, Г.М. Кулаева, О.Н. Левушкина, О.И. Липина, Т.Ф. Новикова, О.А. Скрябина и др. По словам исследователя Е.В. Архиповой, данная область педагогической науки изучает вопросы «формирования у молодежи ценностных ориентаций, ценностных представлений и понятий, ценностного отношения к реалиям жизни» [1, с. 19]. Реализация задач воспитания средствами учебных дисциплин лингвистического профиля видится эффективной в силу того, что у любого национального языка – особая «миссия»: естественный язык является одновременно средством познания действительности и объектом самостоятельного изучения. Следовательно, рассмотрение языка в качестве инструмента воспитания в человеке лучших качеств, в том числе чувства гражданского патриотизма, – продуктивная установка, имеющая объективные основания. Об этом сегодня активно размышляют ученые и методисты [2–7].

Воспитание в образовательном процессе – это целенаправленный, систематический и многогранный процесс формирования у обучающихся социальных, моральных, культурных и нравственных ценностей, навыков и качеств. Этот процесс осуществляется не только через непосредственное обучение, но и через взаимодействие обучающихся с педагогами, сверстниками и окружающей средой.

Основные аспекты воспитания в образовательном процессе включают:

1. Гармоничное развитие личности, формирование ее индивидуальности.
2. Формирование социальных навыков взаимодействия с другими людьми, работы в команде, сотрудничества и эмпатии.
3. Выработку представлений о добре и зле, справедливости, честности, уважении и других моральных принципах.
4. Знакомство с культурным наследием, традициями и историей для осознания собственной национальной идентичности.
5. Наконец, становление гражданской позиции, осознание своих прав и обязанностей, ответственности за общество и окружающий мир.

Одной из воспитательных задач, реализуемых в образовательном процессе силами различных предметных областей, является укрепление чувства национальной идентичности и принадлежности государству – чувства гражданского патриотизма. *Воспитание в духе идей патриотизма* – многоэтапный, многокомпонентный процесс, отличающийся сложной структурой, постановкой разноаспектных задач и расширенной функциональной программой.

Мы поддерживаем мнение тех ученых, которые рассматривают патриотизм в перечне морально-этических экзистенциальных смыслов. Представления о патриотизме являются неотъемлемой составляющей мировосприятия и миропонимания каждым индивидом в цивилизованном социуме и относятся к ценностям аксиологического порядка. Воспитание человека-гражданина, патриота своей родины – важная часть государственной политики в развитых странах мира. Патриотизм в философском смысле определяется как «ценностное основание национальной идентичности», «сложный социокультурный феномен» (С.Ю. Иванова), «важнейшее качество личности и жизненный принцип человека» (В.И. Лутовинов) [8, с. 7].

Функция языка, понимаемого в любом из своих качеств (родного, национального, государственного), в реализации воспитательных задач огромна. Язык «соединяет разные поколения на протяжении всей истории государства и укрепляет связь между проживающими на одной территории людьми, организовывая их в народ» [9, с. 327]. Воспитание, наряду с другими компонентами образовательной деятельности – обучением и личностным развитием, воплощается при помощи педагогического и методического инструментария, используемого в разных предметных областях, в том числе предметной сфере «Русский язык как иностранный» (РКИ). Гармоничное сочетание идей этноориентированного и национального подходов в обучении иностранному языку позволяет сформировать в лингводидактическом процессе грамотную установку на овладение ресурсами иностранного языка в условиях погружения обучающегося в широкий социокультурный контекст. В этом случае факты родного языка и родной культуры, наряду с аналогичными инокультурными и иноязыковыми фактами, складываются в сознании обучающегося в единую картину мира, в которой язык занимает одну из центральных позиций, выступая мощным средством формирования системы ценностей. При этом у обучающегося вырабатывается адекватное представление о значимости разных лингвокультур: укрепляется привязанность и любовь к родной культуре, зарождается и развивается толерантное отношение к чужим лингвокультурам. Как верно отмечают С. Хэ и Ю. Гао, «теория и методика об-

учения РКИ тесно связаны с воспитанием. Невозможно говорить о том, что обучение идет отдельно, ведь изучая русский язык, обучающиеся участвуют в социокультурном обмене, воспринимая иноязычную культуру и представляя свою» [10, с. 299].

Цель статьи – рассмотрение одного из вариантов включения в образовательный процесс учебных материалов, способствующих решению задач патриотического воспитания с помощью инструментария лингводидактики.

Материал и методы

Материалом анализа выступает учебно-методический комплекс (УМК) «Восток», предназначенный для обучения китайских слушателей русскому языку как иностранному, а именно его части 4 [11] и 6 [12]. В указанных учебных изданиях в качестве дидактического фигурирует языковой материал, посвященный описанию фактов родной для обучающихся китайской лингвокультуры. Данный дидактический материал описывается в статье в качестве средства патриотического воспитания.

Методы исследования: научное описание, контекстуальный, лексико-семантический анализ, элементы лингвоконцептологического анализа, контент-анализ.

Результаты исследования

В Китае вопросы гражданского воспитания в учебных организациях всегда оценивались в числе приоритетных задач государственной стратегии [13–17] и одного из ключевых направлений национальной доктрины [18]. Китайскими методистами активно обсуждается проблема воспитательного ресурса занятий по РКИ в аудитории китайских обучающихся. Цель педагога – специалиста в области теории и практики обучения РКИ – состоит в зарождении интереса у носителей китайского языка уважения к русской культуре и русскому языку, последующем укреплении этого интереса, выработке уважительного отношения ко всем проявлениям культурной «чужести». В числе результатов предполагается укрепление гражданских позиций самих обучающихся – рост национального самосознания, выработка осознанного понимания патриотизма, усиление любви к родному языку, активизация интереса к изучению фактов национальной культуры и истории [19]. Отметим, что патриотическое воспитание неотделимо от решения обучающих задач. Предметное обучение, в том числе в лингводидактическом образовательном пространстве, сегодня базируется на основных положениях компетентностного подхода. В обучении языку первоочередной задачей является формирование и дальнейшее совершенствование у обучающихся языковой компетенции – «степени владения

языком, выражающейся, с одной стороны, в определенном уровне сформированности теоретического знания о системной организации языка, категориальных характеристиках языковых единиц разных уровней, приемах анализа и описания этих единиц; с другой – в степени практического использования ресурсов всех уровней языковой системы, их умелом применении в конкретной коммуникативной ситуации (А.Л. Бердичевский, Е.Д. Божович, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев и др.)» [20, с. 90]. В свете сказанного очевидно, что реализация компетентностного подхода в обучении РКИ должна быть вписана в контекст решения воспитательных задач. Покажем это на анализе дидактических материалов из указанных учебных изданий.

В части № 4 УМК «Восток» (урок четвертый) содержится учебный материал, направленный на тренировку развития речи, совершенствования грамматических навыков и расширения лексикона. Учебная задача в данном случае решается посредством привлечения в качестве дидактической единицы текста, посвященного великому древнему китайскому философу, мыслителю и педагогу Конфуцию [11, с. 65–87].

Формирование предметных (языковой, речевой, лингвистической) компетенций происходит с учетом лингвокультурологической направленности дидактического материала, что, в свою очередь, способствует развитию в студентах чувства патриотизма – гордости за свою страну, свой народ, свою национальную историю. Конфуций известен далеко за пределами Китая, что делает честь китайской нации и вызывает во всем мире уважение.

Формирование патриотизма китайских студентов через изучение текстов о Конфуции на уроках русского языка как иностранного можно рассмотреть через несколько ключевых тезисов: 1) изучение текстов о Конфуции способствует формированию представления об аксиологически значимых смыслах, таких как уважение к старшим, ценность семьи, здоровья, социализации, образования, которые являются основой китайской культуры; 2) знание философии Конфуция способствует осознанию обучающимися своей культурной идентичности и места Китая в мировом контексте, что усиливает справедливое чувство гордости за свою страну; 3) сравнение взглядов Конфуция с русской философией и культурными традициями может углубить понимание кросскультурных различий и общих черт, развивая тем самым умение критически осмысливать собственные традиции; 4) изучение русского языка через тексты о Конфуции может показать, как язык является средством объективации концепций и идей, что особенно важно для формирования положительного отношения к своей культуре; 5) принципы Конфуция, такие как забота

об обществе и ответственность перед ним, могут быть связаны с формированием активной гражданской позиции у студентов, что также является аспектом патриотического воспитания.

На решение данных задач направлена предтекстовая работа в рамках знакомства с информацией из рубрики «Вступительное слово» и выполнения упражнений, содержащих такие задания, как «Познакомьтесь с биографией и основными работами Конфуция», «Выучите словосочетания и переведите их на китайских языке», «Подберите прилагательные к словам *внимание, воспитание, учитель*», «Чем отличаются синонимы *образование, просвещение, обучение, учение, воспитание*». Содержание раздела «Вступительное слово» целиком реализует функцию патриотического воспитания. Приведем некоторые наиболее показательные фрагменты: «За 2,5 тысячи с лишним лет китайцы убедились в том, что в условиях своей страны учение Конфуция бессмертно потому, что оно верно. Не будучи религией, в полном смысле слова, конфуцианство стало большим, нежели просто религия. Оно формировало ум и чувства китайцев, влияло на их убеждения, психологию, поведение, мышление, восприятие, на их быт и уклад жизни» [11, с. 66]. Для изучения лексического состава предтекста был задействован контент-анализ с привлечением онлайн-платформы Voyant tools [21], работающей в режиме открытого бесплатного доступа для всех пользователей. Материалом анализа стал анализируемый предтекст. Его лексический строй проанализирован на предмет выявления наиболее частотных слов, обозначающих доминантные компоненты смысла во фрагменте картины мира носителей китайской лингвокультуры, соот-

носимых с их представлениями о Конфуции. Результаты эксперимента представлены на рис. 1.

Наиболее частотные слова в тексте, содержащем 169 слов, – *Конфуций* с учетом словоформ – 7 случаев фиксации, *учение* – 2, (*за*) *рубежом* – 2, *цы* (子) в данном случае используется для обозначения почетного статуса Конфуция – «учитель» – 2 словоупотребления. Таким образом, текст, созданный китайскими методистами для китайских же обучающихся, реализует идею значимости учения Конфуция не только для Китая, но и для цивилизации.

Основной текст как ключевой дидактический материал четвертого урока посвящен описанию биографии великого мыслителя и характеристике его учения. Основная идея текста заключается в высказывании о том, что «*Конфуций считал, что воспитание и образование для человека совершенно необходимы*» [11, с. 68]. Основные концептуальные смыслы, структурирующие содержание этого текста, можно выделить на основании контент-анализа его лексического строя. Наиболее частотные лексемы называют значимые фрагменты родной картины мира обучающихся, которые отражают их представления о положениях учения Конфуция (рис. 2).

Как показывают результаты эксперимента, в тексте, содержащем 463 слова, имя собственное *Конфуций* фигурирует с учетом вариативности словоформ 26 раз. Лексема *человек* отмечена в шести случаях, лексема *поведение* – пять, лексема (*по*) *мнению* – четыре. В целом это можно интерпретировать следующим образом: в китайской картине мира значимое место принадлежит знанию о Конфуции и его учении, которое выражается в его

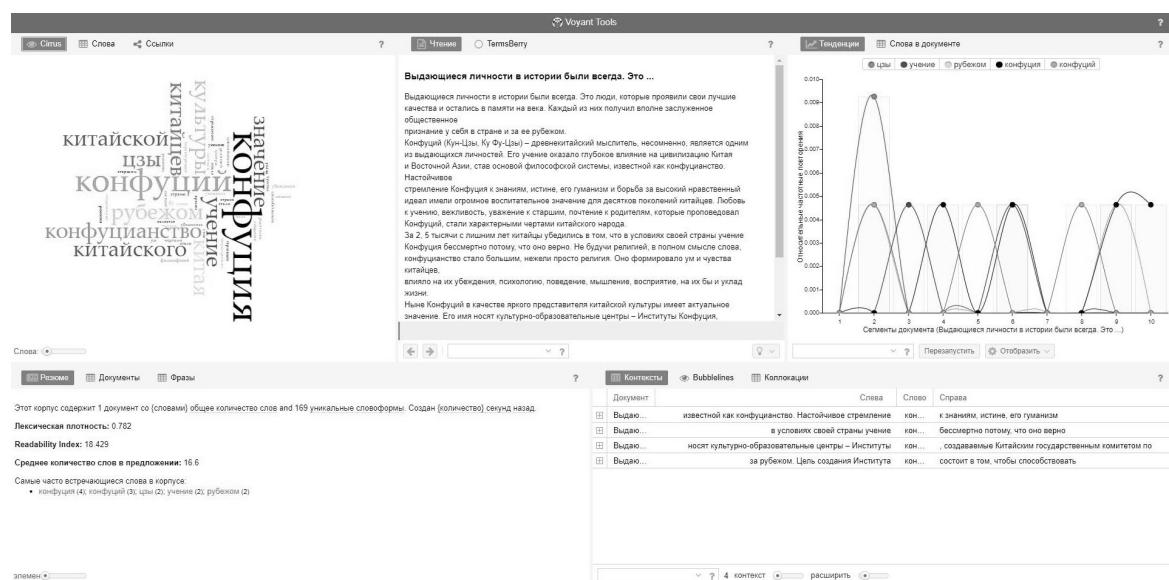

Рис. 1. Результаты контент-анализа предтекста из урока 4 УМК «Восток» (ч. 4)

Рис. 2. Результаты контент-анализа основного текста из урока 4 УМК «Восток» (ч. 4)

мнении относительно правил поведения человека в обществе. Текст, содержащий информацию об этих концептуальных смыслах, можно считать важным дидактическим средством, обладающим не только обучающим, но и воспитательным ресурсом. Точнее будет сказать о совокупном образовательном эффекте, возникающем в процессе знакомства с обозначенным учебным материалом.

Образовательные задачи при этом решаются следующие:

1. Развитие языковой способности в виде улучшения навыков чтения, перевода и анализа текста на русском языке с использованием материалов о Конфуции. После основного текста студентам предложен глоссарий русских слов, с ним связанных. Знакомство с этими словами позволит значительно расширить лексикон обучающихся. К перечню этих слов, например, относятся такие единицы, как *мыслитель* 思想家, *педагог* 老師, *нравственный* 道德, *мудрец* 聖人, *воспитание* 教養, *просвещение* 教育, *стремиться к свободе* 爭取自由, *стремиться к знанию* 努力求知, *личность* 性格, *поведение* 行為, *должный* 到期的. После текста обучающимся предлагается ряд заданий на отработку предметных навыков, например: «Объясните значение следующих выражений: нормы поведения, принципы должного поведения и др.»; «Вставьте в пропуски нужные по смыслу слова»; «Объясните значение глаголов»; «Составьте предложения со словосочетаниями»; «Переведите предложения на русский язык».

2. Формирование критического мышления посредством стимулирования обучающихся к анализу и интерпретации текстов, что поможет развить их когнитивно-языковые способности. Например, создание дискуссионных площадок на занятии —

проведение обсуждений и дебатов на основе текстов о Конфуции – будет способствовать развитию навыков аргументации и коммуникативной компетенции. Для этого предлагается выполнить задания типа: «Размышляйте и аргументируйте, потом напишите сочинение на одну из данных ниже тем: 1) Конфуций – великий педагог, теоретик и практик; 2) Конфуций – представитель китайского народа и символ китайской культуры; 3) Мне понравилась теория Конфуция о... ; 4) Обучение и воспитание в моих глазах» [11, с. 77]. Или еще такое: «Подумайте. Поспорьте. Аргументируйте. 1) Что вы думаете о педагогической мысли Конфуция? Какое значение она имеет сегодня? 2) Как вы относитесь к индивидуальному воспитанию Конфуция? 3) Как вы считаете, достоин ли Конфуций звания великого педагога мирового значения?» [11, с. 73].

3. Углубление знаний о китайской культуре, что способствует реализации воспитательной функции образовательного процесса, в частности, решению задач гражданско-патриотического воспитания. Работа с текстами о Конфуции и выполнение упражнений с использованием этой текстовой информации выступают эффективным средством в плане углубления понимания обучающимися национальной философии и национальных культурных традиций, что важно для совершенствования у них представления о своей национальной идентичности. При этом важной оказывается интеграция разного предметного содержания в рамках междисциплинарного подхода: введение в лингводидактическую подготовку культурного, исторического и философского компонентов, чтобы студенты могли видеть связь между изучаемым материалом и реальной жизнью в условиях широкого социокультурного контекста. На решение этой задачи работат-

ют такие упражнения, как, например, следующее: «Прочитайте внимательно текст, сделайте сообщения на следующие темы. Постарайтесь использовать данные ниже слова и словосочетания: 1) Разговоры между Конфуцием и его учениками; 2) Педагогические мысли Конфуция; 3) Индивидуальное воспитание и обучение Конфуция; 4) Важный принцип и цель воспитания Конфуция. Принадлежать, посвятить себя, пользоваться знаниями в практической деятельности, воспитывать народ, обучить, создать частную школу, наблюдать за учениками, развивать активность, побуждать к учению, нормы поведения, нравственные качества, образование, обучение, воспитание, индивидуальное воспитание, индивидуальные склонности» [11, с. 73].

Аналогичный лингвокультурный дидактический материал имеется в шестой части УМК «Восток». Показательно название урока, содержащего этот материал: «Урок 5. Немного о типично китайском» [12, с. 103–127]: «I. Введение в тему. II. Тексты. Текст 1. О пекинской опере. Текст 2. Секреты китайской кухни. Тема 3. «Ушу» с пиалой на голове. III. Лексико-стилистическая работа. IV. Итоговая работа» [12, с. 103]. Оформление титульной страницы урока с изображением пейзажа, отличающегося ярко выраженным национальным колоритом, уже особым образом настраивает китайских обучающихся на восприятие учебного материала (рис. 3).

Введение в тему представляет собой текст, воспитательно-патриотический ресурс которого значителен. Об этом свидетельствуют используемые в тексте слова: *Китай – великая древняя страна, история которой измеряется тысячелетиями*;

многовековое развитие; мудрая философия; дивная живопись; блестательная поэзия; сокровищница китайской цивилизации; богатейшее культурное наследие и т. д. Прочитанное дает повод для гордости своей страной, ее историей и культурой.

Раздел, посвященный Китаю, в учебнике строится методически грамотно: присутствуют предтекстовые и послетекстовые задания, как собственно языковые, так и общекультурного содержания. Содержание основных текстов по темам – китайская опера, китайская кухня и ушу – отличается обилием фактов, богатейшей информацией, которая дополняет картину мира обучающихся, расширяет их языковые и тезаурусные данные.

Заметим, что патриотическое воспитание не противоречит принципу мультикультурности: любовь к своей стране, родному языку и родной культуре неотделима от уважения к чужой лингвокультуре. Об этом свидетельствуют задания, направленные на формирование у студентов лингвокультурологической, меж- и кросскультурной компетенций. Приведем пример: «Задание 11. Переведите предложения на китайский язык. Определите значение и употребление выделенных выражений и словосочетаний и составьте с ними предложения: 1) Взять к примеру русскую кухню, она славится на весь мир своими пирогами да блинами; 2) Казалось бы, что может быть вкуснее домашнего обеда, приготовленного умелыми руками заботливой мамы; 3) В Китае старая поговорка гласит, что без спиртных напитков не обходится ни одно застолье; 4) Способ приготовления блюд, приправы, сервировка – все вместе взятое и составляет специфику китайской кухни» [12, с. 111].

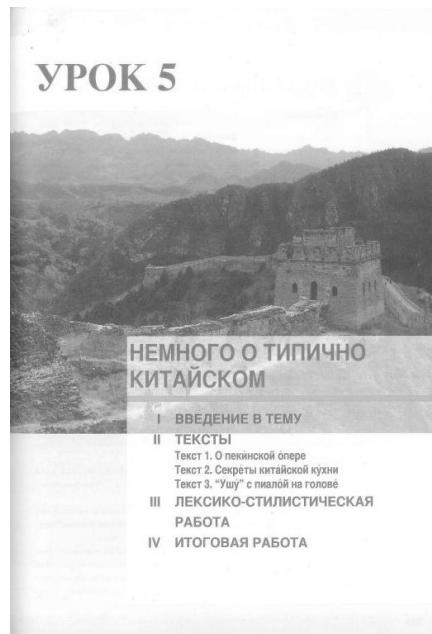

Рис. 3. Титульная страница урока 5 УМК «Восток» (ч. 6)

Заключение

Языковое образование сегодня основывается на принципах поликультурного и компетентностного подходов. Решение задачи развития способностей в сфере владения иностранным языком неотделимо от реализации стратегии, поддерживаемой каждым государством сегодня. Эта стратегия связана, с одной стороны, с укреплением в каждом своем гражданине чувства гордости за свою страну, любви к родному языку, стремления узнавать новые страницы отечественной истории, расширения осведомленности о фактах отечествен-

ной культуры. С другой – предполагается реализация задачи формирования у обучающегося активной позиции в отношении освоения инокультурных фактов и выработке к ним толерантного восприятия, в том числе с использованием педагогического инструмента «диалога культур» (Е.И. Пассов). В последнем случае речь идет об углублении в сознании обучающегося чувства принадлежности к собственной лингвокультуре, что может эффективно достигаться, в том числе через знакомство с фактами иностранного языка и чужой культуры.

Список источников

1. Архипова Е.В. Аксиологический подход к обучению русскому языку в политехнической образовательной среде // Самарский научный вестник. 2015. № 1 (10). С. 19–21.
2. Ван С., Курьянович А.В. Кросскультурный анализ в преподавании русского языка как иностранного в аспекте реализации задач патриотического воспитания // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-3. С. 62–65.
3. Борисенко Н.А. Может ли учебник воспитать патриота? (О воспитательном потенциале учебника русского языка) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 3. С. 7–17.
4. Буторина Т.С., Овчинникова Н.П. Воспитание патриотизма средствами образования. СПб.: Каро, 2004. 224 с.
5. Дейкина А.Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. Москва; Оренбург: Пресса, 2009. 305 с.
6. Закарьяева С.З., Алиева М.М. Воспитание учащихся в духе патриотизма и дружбы народов в процессе обучения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2009. № 2 (7). С. 61–70.
7. Шабдарова Н.Г. Организация воспитательного процесса на занятиях по русскому языку как иностранному // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2019. Т. 13, № 2. С. 60–65. doi: 10.31161/1995-0659-2019-13-2-60-65
8. Наливайченко И.В. Специфика патриотизма в условиях культурной глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011. 24 с.
9. Резникова К.В. К вопросу патриотического воспитания обучающихся средствами преподаваемого предмета в процессе изучения русского языка в школе // Приоритеты воспитания: историко-культурный поиск и современные практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2021. С. 325–329.
10. Хэ С., Гао Ю. Специфика сочетания теории и методики обучения и воспитания при изучении русского языка как иностранного // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 5-1. С. 294–301.
11. Восток: учебник по русскому языку: в 8 ч. / гл. ред. Ши Те Цян. Ч. 4. Пекин: Изд-во иностранных языков и исследований, 2010. 280 с. 史铁强. «东方：俄语教材4» 共八册。–北京：外语教学与研究出版社，2010. 280页。
12. Восток: учебник по русскому языку: в 8 ч. / гл. ред. Ши Те Цян. Ч. 6. Пекин: Изд-во иностранных языков и исследований, 2012. 217 с. 史铁强. «东方：俄语教材5» 共八册。–北京：外语教学与研究出版社，2012. 217页。
13. Тун Б. О патриотическом воспитании в России и Китае // Образование и право. 2020. № 9. С. 87–91.
14. Гао Ч., Ду Я. Сравнительный анализ патриотического воспитания в Китае и России // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 7 (169). С. 93–98.
15. Рожкова А.К., Факторович Т.В. К вопросу о патриотическом воспитании: опыт Китая // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 5. С. 80–86.
16. Кобачевская С.М., Чжао С. Ключевые организационно-методические аспекты патриотического воспитания в учреждениях высшего образования Китая // Лучшая исследовательская статья 2024: сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск: Новая наука, 2024. С. 93–101.
17. Чжу Г. Исследования патриотического воспитания. Пекин: Китайское изд-во общественных наук, 2008. 273 с.
18. Чжу Б. Исследование патриотизма Дэн Сяопина. Сучжоу: Изд-во Сучжоуского ун-та, 2000. 226 с.
19. Ван С. Воспитательный ресурс занятий по русскому языку как иностранному в китайской аудитории // Миссия педагога в новой реальности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.А. Семенова. Томск: Изд-во ТГПУ, 2023. С. 8–15.
20. Курьянович А.В. Психолого-педагогические, лингводидактические и методические аспекты совершенствования языковой компетенции в школе и вузе // Научно-педагогическое обозрение. 2015. № 1 (7). С. 90–101.

21. Voyant tools. URL: <https://voyant-tools.org/?lang=ru> (дата обращения: 03.12.2024).

References

1. Arkhipova Ye. V. Aksiologicheskiy podkhod k obucheniyu russkomu yazyku v polietnicheskoy obrazovatel'noy srede [Axiological approach to teaching Russian in a multiethnic educational environment]. *Samarskiy nauchnyy vestnik – Samara Scientific Bulletin*, 2015, no. 1 (10), pp. 19–21 (in Russian).
2. Van S., Kur'yanovich A.V. Krosskul'turnyy analiz v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo v aspekte realizatsii zadach patrioticheskogo vospitaniya [Cross-cultural analysis in teaching Russian as a foreign language in the aspect of implementing the tasks of patriotic education]. *Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of modern pedagogical education*, 2023, no. 79-3, pp. 62–65 (in Russian).
3. Borsenko N.A. Mozhet li uchebnik vospitat' patriotu? (O vospitatel'nom potentsiale uchebnika russkogo yazyka) [Can a textbook educate a patriot? (On the educational potential of a Russian language textbook)]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian language at school*, 2022, vol. 83, no. 3, pp. 7–17 (in Russian).
4. Butorina T.S., Ovchinnikova N.P. *Vospitaniye patriotizma sredstvami obrazovaniya* [Fostering Patriotism by Means of Education]. Saint Petersburg, Karo Publ., 2004. 224 p. (in Russian).
5. Deykina A.D. *Formirovaniye yazykovoy lichnosti s tsennostnym vzglyadom na russkiy yazyk: metodologicheskiye problemy prepodavaniya russkogo yazyka* [Formation of a linguistic personality with a value view of the Russian language: methodological problems of teaching the Russian language]. Moscow, Orenburg, Pressa Publ., 2009. 305 p. (in Russian).
6. Zakar'yayeva S.Z., Aliyeva M.M. Vospitaniye uchashchikhsya v dukhe patriotizma i druzhby narodov v protsesse obucheniya [Educating students in the spirit of patriotism and friendship of peoples in the learning process]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psichologo-pedagogicheskiye nauki – News of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences*, 2009, no. 2 (7), pp. 61–70 (in Russian).
7. Shabdarova N.G. Organizatsiya vospitatel'nogo protsessa na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Organization of the educational process in classes on Russian as a foreign language]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psichologo-pedagogicheskiye nauki – News of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences*, 2019, vol. 13, no. 2. Pp. 60–65 (in Russian). doi: 10.31161/1995-0659-2019-13-2-60-65
8. Nalivaychenko I.V. *Spetsifika patriotizma v usloviyakh kul'turnoy globalizatsii. Avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Specifics of Patriotism in the Context of Cultural Globalization. Abstract of thesis ... cand. filos. sci.]. Rostov-on-Don, 2011. 24 p. (in Russian).
9. Reznikova K.V. K voprosu patrioticheskogo vospitaniya obuchayushchikhsya sredstvami prepodavayemogo predmeta v protsesse izucheniya russkogo yazyka v shkole [On the issue of patriotic education of students by means of the subject taught in the process of studying the Russian language at school]. *Prioritetnye vospitaniya: istoriko-kul'turnyy poisk i sovremennoye praktiki: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh. Chast' 2* [Priorities of education: historical and cultural search and modern practices: materials of the All-Russian scientific and practical conference: in 2 parts. Part 2]. Voronezh, VGPU Publ., 2021. Pp. 325–329 (in Russian).
10. Khe S., Gao Yu. Spetsifika sochetaniya teorii i metodiki obucheniya i vospitaniya pri izuchenii russkogo yazyka kak inostrannogo [Specifics of the combination of theory and methods of teaching and education in the study of Russian as a foreign language]. *Pedagogicheskiy zhurnal – Pedagogical Journal*, 2023, vol. 13, no. 5-1, pp. 294–301 (in Russian).
11. *Vostok: uchebnik po russkomu yazyku v 8 chastyakh. Chast' 4* [Russian language textbook in 8 parts. Part 4]. Ed. Shi Te Tsyan. Beijin, Publishing House of Foreign Languages and Research, 2010. 280 p. 史铁强. «东方：俄语教材 4» 共八册。– 北京：外语教学与研究出版社，2010. 280页 (in Russian).
12. *Vostok: uchebnik po russkomu yazyku v 8 chastyakh. Chast' 6* [Russian language textbook in 8 parts. Part 6]. Ed. Shi Te Tsyan. Beijin, Publishing House of Foreign Languages and Research, 2012. 217 p. 史铁强. «东方：俄语教材 4» 共八册。– 北京：外语教学与研究出版社，2012. 217页 (in Russian).
13. Tun B. O patrioticheskem vospitanii v Rossii i Kitaye [On patriotic education in Russia and China]. *Obrazovaniye i pravo – Education and Law*, 2020, no. 9, pp. 87–91 (in Russian).
14. Gao Ch., Du Ya. Sravnitel'nyy analiz patrioticheskogo vospitaniya v Kitaye i Rossii [Comparative analysis of patriotic education in China and Russia]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya ku'tura – Ethnosociety and interethnic culture*, 2022, no. 7 (169), pp. 93–98 (in Russian).
15. Rozhkova A.K., Faktorovich T.V. K voprosu o patrioticheskem vospitanii: opyt Kitaya [On the issue of patriotic education: the experience of China]. *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly) – Alma Mater (Higher School Bulletin)*, 2024, no. 5, pp. 80–86 (in Russian).
16. Kobachevskaya S.M., Chzhao S. Klyuchevyye organizatsionno-metodicheskiye aspekty patrioticheskogo vospitaniya v uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya Kitaya [Key organizational and methodological aspects of patriotic education in higher education institutions of China]. *Luchshaya issledovatel'skaya stat'ya 2024. Sbornik statey II Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa* [Best Research Article 2024: Collection of articles of the II International Scientific Research Competition]. Petrozavodsk, Novaya nauka Publ., 2024. Pp. 93–101 (in Russian).
17. Chzhu G. *Issledovaniya patrioticheskogo vospitaniya* [Research on Patriotic Education]. Beijing, Kitayskoye izd-vo obshchestvennykh nauk Publ., 2008. 273 p. (in Russian).

18. Chzhu B. *Issledovaniye patriotizma Den Syaopina* [Research on Deng Xiaoping's Patriotism]. Suchzhou, Izd-vo Suchzhouskogo un-ta Publ., 2000. 226 p. (in Russian).
19. Van S. Vospitatel'nyy resurs zanyatiy po russkomu yazyku kak inostrannomu v kitayskoy auditorii [Educational resource of classes in Russian as a foreign language in the Chinese audience]. *Missiya pedagoga v novoy real'nosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The mission of the teacher in the new reality: materials of the International scientific and practical conference]. Ed. N.A. Semenova. Tomsk, TSPU Publ., 2023. Pp. 8–15 (in Russian).
20. Kur'yanovich A.V. Psikhologo-pedagogicheskiye, lingvodidakticheskiye i metodicheskiye aspekty sovershenstvovaniya yazykovoy kompetentsii v shkole i vuze [Psychological, pedagogical, linguodidactic and methodological aspects of improving language competence in school and university]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical review*, 2015, vol. 5, pp. 80–86 (in Russian).
21. *Voyant tools*. URL: <https://voyant-tools.org/?lang=ru> (accessed 03 December 2024).

Информация об авторах

Van Синхуа, кандидат филологических наук, декан факультета русского языка, Муданьцзянский педагогический университет (ул. Вэньхуа, 191, Муданьцзян, Китай, 157011).
E-mail: paveltgpu@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0360-3512.

Лю Кайдун, заместитель директора Института восточных языков, Муданьцзянский педагогический университет (ул. Вэньхуа, 191, Муданьцзян, Китай, 157011).
E-mail: mdjbluesky@163.com

Сюй Чи, магистрант, Муданьцзянский педагогический университет (ул. Вэньхуа, 191, Муданьцзян, Китай, 157011).
E-mail: 2558647680@qq.com

Information about the author

Wang Xinghua, Candidate of Philological Sciences, Dean of the Faculty of Russian Language, Mudanjiang Normal University (ul. Wenhua, 191, Mudanjiang, China, 157011).
E-mail: paveltgpu@yandex.ru, 0000-0003-0360-3512.

Liu Kaidong, Deputy Director of the Institute of Oriental Languages, Mudanjiang Normal University (ul. Wenhua, 191, Mudanjiang, China, 157011).
E-mail: mdjbluesky@163.com

Xu Chi, Master's student, Mudanjiang Normal University (ul. Wenhua, 191, Mudanjiang, China, 157011).
E-mail: 2558647680@qq.com

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 09.12.2024; accepted for publication 20.05.2025

УДК 82.0 378
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-148-156>

Формирование интеллектуально-творческого потенциала учащихся-билингвов во внеурочной деятельности (на примере олимпиады по русскому языку)

Гузель Миннезуфаровна Нуруллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
nurullinagz@mail.ru, 0000-0002-4394-8446

Аннотация

Исследуется один из актуальных вопросов современной лингвометодики – формирование интеллектуально-творческого потенциала учащихся-билингвов во внеурочной деятельности. Одной из форм внеурочной деятельности, наиболее распространенных форм обогащения интеллектуально-развивающих ресурсов образовательной среды является олимпиада, которая позволяет преодолевать трудности, погружает ученика в определенную область научного знания, помогает выявить различные стороны одаренности учащихся. Приведен опыт работы в олимпиаде по русскому языку для учащихся школ с родным (нерусским) языком обучения Республики Татарстан. Для учащихся-билингвов олимпиада по русскому языку – это один из приемов погружения учащихся в русскую языковую среду, вовлечения учащихся в активную языковую практику, один из способов повышения интереса к изучению языка, формирования, наряду с коммуникативной, речевой компетенции и культуроведческой. Целесообразным и методически верным решением при разработке олимпиадных заданий является учет дидактических принципов: научности, занимательности, доступности. Подробно раскрывается содержание каждого принципа, аргументируются выдвинутые научные положения, говорится о важности понимания терминов, сути вопроса лингвистической задачи на олимпиаде. Особое внимание уделено принципу доступности, учитывающему индивидуальные особенности учащихся и явление интерференции (влияние родного языка). В качестве материала исследования проведен анализ письменных олимпиадных работ учащихся-билингвов, выявлены их типичные ошибки. Поскольку наибольшее количество ошибок связано с написанием сочинения (сочинение – одна из форм письменной работы, в которой проверяются и знания учащихся, и их творческий потенциал), в научной работе подробно описываются трудности, с которыми сталкиваются учащиеся. Также говорится о возможной лингвометодической помощи учителям, важности реализации текстовой деятельности на уроках русского языка. Для структурного и наглядного представления выдвинутых положений составлена модель формирования интеллектуально-творческого потенциала учащихся.

Ключевые слова: интеллектуально-творческий потенциал, интерес, лингводидактика, учащиеся-билингвы, олимпиада по русскому языку, внеурочная деятельность

Для цитирования: Нуруллина Г.М. Формирование интеллектуально-творческого потенциала учащихся-билингвов во внеурочной деятельности (на примере олимпиады по русскому языку) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 148–156. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-148-156>

Formation of intellectual and creative potential of bilingual students in extracurricular activities (on the example of the Russian language Olympiad)

Guzel M. Nurullina

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, nurullinagz@mail.ru, 0000-0002-4394-8446

Abstract

The article is devoted to one of the topical issues of modern linguistic methodology – the formation of intellectual and creative potential of bilingual students in extracurricular activities. One of the forms of extracurricular activities, one of the most common forms of enriching the intellectual and developmental resources of the educational environment is the Olympiad, which allows you to overcome difficulties; immerses the student in a certain area of scientific knowledge; helps to identify various aspects of students' giftedness. The scientific article presents the experience of working in the Russian language Olympiad for students of schools with a native (non-Russian) language of instruction of the Republic of Tatarstan. Russian Language Olympiad for bilingual students is one of the methods of immersing students in the

Russian language environment, involving students in active language practice, one of the ways to increase interest (about interest as an important pedagogical tool, as a powerful incentive for learning, the article also pays great attention) in language learning, formation along with communicative, speech competence and cultural studies. An expedient and methodically correct solution in the development of Olympiad tasks is to take into account didactic principles: the principle of science, the principle of entertainment, the principle of accessibility. Thus, the scientific work reveals in detail the content of each principle, argues for the scientific propositions put forward, talks about the importance of understanding the terms, the essence of the issue of the linguistic task at the Olympiad. Special attention is paid to the principle of accessibility, taking into account the individual characteristics of students and the phenomenon of interference (the influence of the native language). As a research material, the analysis of written Olympiad papers of bilingual students was carried out, their typical mistakes were revealed. Since the greatest number of errors is associated with writing an essay (an essay is one of the forms of written work in which both students' knowledge and their creative potential are tested), the scientific work describes in detail the difficulties faced by students. As a result of the study, it is said about the possible linguistic and methodological assistance to teachers, about the importance of implementing textual activities in Russian language lessons. For a structural and visual representation of the proposed provisions, a model for the formation of the intellectual and creative potential of students has been compiled.

Keywords: *intellectual and creative potential, interest, linguodidactics, bilingual students, Russian language Olympiad, extracurricular activities*

For citation: Nurullina G.M. Formirovaniye intellektual'no-tvorcheskogo potentsiala uchashchikhsya-bilingvov vo vneurochnoy deyatel'nosti (na primere olimpiady po russkomu yazyku) [Formation of intellectual and creative potential of bilingual students in extracurricular activities (on the example of the Russian language olympiad)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 148–156 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-148-156>

Введение

Современная система школьного образования ориентирована на усиление практической направленности обучения, предполагающего реализацию системно-деятельностного подхода в образовательном процессе, формирование у учащихся компетенций, позволяющих развивать у них познавательную и творческую активность. Школьное образование направлено на воспитание личности, владеющей умениями и навыками анализировать свои действия, самостоятельно принимать решения, прогнозируя их возможные последствия. Будущий выпускник – это личность, обладающая гибкостью ума, творческими способностями, критическим мышлением, цифровой грамотностью, это личность, которая отличается мобильностью, обладает интеллектуально-творческим потенциалом. В Пояснительной записке Федеральной рабочей программы основного общего образования по русскому языку говорится о том, что «обучение русскому языку направлено на совершенствование нравственной и коммуникативной культуры обучающегося, развитие его интеллектуальных и творческих способностей, мышления, памяти, воображения, навыков самостоятельной учебной деятельности, самообразования» [1, с. 4].

В настоящей работе средством формирования интеллектуально-творческого потенциала учащегося выступает внеурочная деятельность по русскому языку, которая обеспечивает «необходимые условия для социализации личности ребенка» [2, с. 372].

Внеклассная деятельность по русскому языку подразумевает ознакомление учащихся с новыми

фактами языка, изучение которых не предусмотрено программой. Внеклассные занятия ориентированы на углубление знаний учащихся, на пробуждение интереса, любви к русскому языку, на расширение лингвистического кругозора [3, с. 298].

Одной из форм внеурочной деятельности и наиболее распространенных форм обогащения интеллектуально-развивающих ресурсов образовательной среды является олимпиада. Олимпиада по русскому языку предполагает решение сложных лингвистических задач, требующих от учащегося глубоких знаний и творческого подхода. Согласно позиции Д.А. Леонтьева, творчество отождествляется и изучается в соотношении с такими понятиями, как способности, одаренность, интеллект, талант, решение задач, дивергентное мышление [4]. Л.В. Калинина утверждает: «Олимпиадное» мышление предполагает умение выйти за очерченные границы, за рамки стандарта, действовать не по шаблону, уметь сделать «следующий шаг» [5, с. 6].

Ученые исследуют познавательный и творческий критерии олимпиады как интеллектуального соревнования, выделяют ряд положений:

– участие в олимпиаде позволяет преодолевать трудности, а трудность является необходимым условием развития мозга [6, с. 77];

– олимпиада позволяет погрузиться в определенную область научного знания, ученик демонстрирует не только знания фактического материала, но и умение применять эти знания в новых нестандартных ситуациях [7, с. 127];

– олимпиады помогают выявить различные стороны одаренности учащихся [8, с. 126].

Материал и методы

Задача данного исследования заключается в выявлении определенных критериев языковой личности одаренных детей с целью формирования у учащихся интеллектуально-творческого потенциала. В настоящей научной работе речь идет об учащихся-билингвах, участвующих в олимпиаде по русскому языку для школ с родным (нерусским) языком обучения.

В качестве демонстративного материала послужили олимпиадные задания: в научной работе приводятся примеры лингвистических задач из прошлогодних олимпиадных заданий. Кроме того, был проведен анализ работ учащихся и выявлены типичные ошибки. Следовательно, материалом исследования послужили и работы учащихся и результаты опроса, проведенного среди учащихся олимпиадников.

Основными методами исследования явились наблюдение, описание, обобщение, анализ, применение которых способствовало достижению поставленной задачи и цели.

Результаты исследования

Во многих регионах РФ на высоком уровне развито олимпиадное движение. В Республике Татарстан в г. Казани ежегодно проходит олимпиада по русскому языку для учащихся-билингвов школ с родным (нерусским) языком обучения в три этапа: школьный, муниципальный, республиканский.

Нужно отметить, что особые социолингвистические условия, межкультурная коммуникация повлияли на формирование в Республике Татарстан двух разновидностей билингвизма: «национально(татарско-)русской и русско-татарской» [9, с. 14–15]. Олимпиада по русскому языку позволяет учащимся-билингвам, которые изучают русский язык как неродной (второй язык), «раскрыть свои творческие способности, проявить языковое чутье, смекалку, продемонстрировать умение рассуждать на лингвистические темы» [10, с. 4]. «Изучение русского языка как государственного и как языка межнационального общения народов расширяет коммуникативные и познавательные возможности учащихся» [11, с. 5].

Олимпиады по русскому языку направлены на пробуждение у учащихся *интереса* к изучению лингвистических дисциплин, выявление лингвистической одаренности школьников.

В современной лингвометодике вопрос о сущности и роли интереса как мощного стимула обучения является актуальным. Интерес как педагогическое орудие «позволяет учителю модернизировать процесс овладения знаниями, умениями и навыками и сделать его более целенаправленными, продуктивными, привлекательными» [12, с. 221]. Многие известные педагоги прошлого столетия не

раз обращались к проблеме развития интереса. Так, К.Д. Ушинский писал: «Учение, лишенное всякого интереса и взятое только силою принуждения, убивает в ученике охоту к учению, без которой он далеко не уйдет...» [13, с. 429]. Понятие интереса тесно связано с *занимательностью*. Интерес зарождает мотивацию у детей, повышает внимание к изучению предмета.

Следовательно, задания составляются в первую очередь с учетом *принципа занимательности*. Задания отличаются от типовых заданий из школьных учебников, они имеют эвристический характер. Выполнение олимпиадных заданий активизирует творческую деятельность учащихся, способствует развитию логики, повышает эрудицию. Занимательность – это то, что удовлетворяет интеллектуальные запросы учащихся, развивает у них любознательность, это увлеченность выполняемой работой.

Для учащихся-билингвов олимпиада по русскому языку – это один из приемов погружения учащихся в русскую языковую среду, вовлечение учащихся в активную языковую практику, один из способов повышения интереса к изучению языка, формирование, наряду с коммуникативной, речевой и культуроведческой компетенций.

Олимпиадные задания включают в себя факты о русских писателях, поэтах, художниках. Например, в прошлом учебном году учащимся было предложено задание, в котором упоминалась важная дата – день рождения А.С. Пушкина:

В 2024 г. исполнилось 225 лет со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Прочитайте стихотворение «На холмах Грузии» А.С. Пушкина и выполните задания: 1. На какие группы можно распределить слова в зависимости от произношения звука, обозначаемого буквой *г*. 2. Какие фонетические явления в области согласных вы обнаружили в словах: *сердце, грустно?*

В некоторых заданиях необходимо вспомнить значение пословиц, фразеологических оборотов, в которых отражены культура и быт русского народа. Задания из раздела лексикологии, этимологии русского языка не только ориентированы на проверку словарного запаса учащихся, но и проверяют межкультурную коммуникацию учащихся. Например, к заданиям подобного рода относятся:

1. Какой признак положен в основу названия ягод: *смородина, черника, голубика, ежевика, земляника, брусника?*

2. Какие фразеологизмы и поговорки используют по-русски в ситуациях, когда англичане говорят:

Сердце опустилось в ботинки

Купить свинью в мешке

Черная овца

Дождь льет кошками и собаками

Знающая старая птица.

3. В современном русском языке есть исторически родственные слова, которые в настоящее время уже не воспринимаются как родственные. Заполните этимологическое гнездо исторически родственными словами.

1. Вырез в одежде для шеи	
2. Голкипер	
3. Бревно у ветряной мельницы	
4. Последовательная смена часов, дней, лет, столетий	
5. Ручное орудие для пряжи	

4. Замените наречия в предложениях на фразеологические обороты. Запишите получившиеся предложения: 1) Они жили **дружно**; 2) Он работает **старатально**; 3) До деревни **близко**; 4) У него денег **мало**; 5) Они кричали **громко**.

При составлении заданий обязательно учитываются и другие дидактические принципы:

Принцип научности. Все задания содержат определенный терминологический аппарат, вопросы формулируются с опорой на научно обоснованные факты; учащимся предлагаются задания, проверяющие подлинные, установленные наукой знания.

Работа с научными текстами – это сложная умственная деятельность, которая включает в себя восприятие, понимание научной информации школьниками, выступающими в роли читателей-реципиентов. В самом задании содержатся термины, абстрактная лексика, понимание которых требует от учащихся актуализации и систематизации знаний.

Учащимся предлагаются лингвистические задачи, выполнение которых предполагает доказательство, аргументацию выдвинутого положения. Так, учащимся на олимпиадах прошлых лет были предложены следующие виды заданий:

1. Почему в наречиях *досыта* и *досрочно* с одинаковой приставкой *-до-* пишутся на конце разные гласные? Ответ аргументируйте. Приведите по два примера с написанием в конце наречия гласных *а* и *о*.

2. Дано слово (имя прилагательное), которое имеет следующие антонимы: *твёрдый, жёсткий, суровый, черствый, яркий*. Какое слово загадано? Почему оно имеет разные антонимы? Составьте словосочетания с разными существительными, показывающими антонимичность загаданного слова с перечисленными словами.

3. Как Вы думаете, почему в слове *школа-интернат* склоняются обе части, а в слове *штаб-квартира* – только вторая часть? Ответ аргументируйте. Приведите по два примера к каждому слову.

Принцип доступности. При разработке заданий обязательно учитываются возрастные особенности учащихся. Безусловно, и по содержанию, и по объему, и по форме представления задания для учащихся разных классов отличаются. При разработке заданий составители ориентируются на одаренных

детей. Однако это не означает, что не учитываются школьная программа, индивидуальные особенности учащихся. В формулировке заданий составители стараются избегать двусмысленности в значении слов, вопросы стараются задавать четко, ясно, лаконично.

Нами было проведено анкетирование среди учащихся, принимавших участие в олимпиаде по русскому языку (речь идет об олимпиаде для школ с родным (нерусским) языком обучения). Были заданы вопросы:

1. *Всегда ли понятны научные термины, которые встречаются в заданиях?*

2. *Возникают ли сложности с пониманием сути вопроса, задания?*

В данном опросе приняло участие 120 учащихся.

На первый вопрос ответили:

«да, понятны» – 40 %;

«нет, не всегда понятны» – 60 %.

На второй вопрос ученики ответили:

«да, возникают» – 10 %;

«нет, не возникают» – 60 %;

«иногда возникают» – 30 %.

Анализ опроса показывает, что у учащихся не возникают сложности с пониманием сути задания, это означает, что задания формулируются в доступной для восприятия и понимания форме. Трудности у учащихся возникают с пониманием научных терминов. Составителям заданий необходимо прописывать значение сложных терминов, особенно для учащихся 5-х классов, которые впервые участвуют в школьной олимпиаде, и для учащихся 7-х классов, которые впервые участвуют в республиканской олимпиаде.

Приведем пример использования сложного научного термина в одном из заданий Республиканской олимпиады в 2022–2023 учебном году:

Известно, что многие писатели и поэты в своих произведениях нередко используют прием словотворчества. Так, например, в произведениях Н.С. Лескова много окказионализмов. Каково значение следующих окказионализмов в произведении Н.С. Лескова «Левша»: *мелкоскоп, клеветон, нимфозория, буретметры, долбица?* Какое языковое явление лежит в основе образования этих окказионализмов?

При выполнении данного задания у учащихся возникли трудности с пониманием термина «окказионализм» и с объяснением языкового явления, лежащего в основе образования этих окказионализмов. Учащимся следовало вспомнить, что в основе образования перечисленных окказионализмов лежит контаминация – образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Значения окказиона-

лизмов: «мелкоскоп» (микроскоп + мелко), «клеветон» (фельетон + клевета), «нимфозория» (нимфа + инфузория), «буреметры» (барометр + буря), «долбица» (долбить + таблица).

Составители олимпиадных заданий стараются учитывать при разработке заданий перечисленные выше дидактические принципы. Грамотно составленные задания, четкие, ясные формулировки заданий вызывают у участников положительные эмоции, пробуждают интерес к решению сложных лингвистических задач. Участники олимпиады не только демонстрируют знания, они еще и пополняют имеющийся багаж знаний. Любая внеурочная деятельность в первую очередь направлена на обогащение знаний учащихся в занимательной форме. Во время анкетирования большинство учащихся на вопрос «Какой опыт получаешь от участия в олимпиаде?» ответили: «Повышаю уровень знаний и расширяю кругозор».

У учащихся-билингвов возникают и другие трудности, кроме объяснения научных терминов. Нельзя не учитывать важную причину допускаемых ошибок в устной и письменной речи учащихся – явление интерференции – влияние родного (татарского) языка учащихся. Сложность изучения русского языка учащимися-билингвами обусловлена принадлежностью русского и татарского языка к разным группам. Русский язык относится к флексивным языкам, татарский – к агглютинативным. Татары используют постпозиции, а не предлоги, чтобы обозначить определенные грамматические отношения. Источником интерференции на уровнях фонетики, морфологии, синтаксиса является влияние структуры и системы татарского языка на русскую речь билингва.

Так, анализ олимпиадных заданий позволил выявить наиболее типичные ошибки, допускаемые учащимися-билингвами:

1) неверная расстановка ударения в словах.

Эта ошибка, скорее всего, связана с тем, что в русском языке ударение подвижное, а в татарском неподвижное – ударение падает на последний слог.

Так, учащимся было предложено задание:

Расставьте ударения в выделенных словах в следующих предложениях. Почему возникает подвижность ударения в словах, которые по написанию одинаковы?

Вы **повторите** правило? – **Повторите** правило!

Вы **рубите** дрова на зиму? – **Рубите** дрова на зиму!

Вы **хвалите** ребенка? – **Хвалите** ребенка!

Вы **углубите** знания? – **Углубите** знания!

Учащимся следовало ответить следующим образом:

Вы **повторите** правило? – **Повторите** правило!

Вы **рубите** дрова на зиму? – **Рубите** дрова на зиму!

Вы **хвалите** ребенка? – **Хвалите** ребенка!

Вы **углубите** знания? – **Углубите** знания!

Подвижность ударения возникает из-за различия формы слов (изъявительное наклонение и повелительное наклонение глаголов);

2) ошибки в определении категории рода существительных.

В татарском языке в отличие от русского грамматический род отсутствует, биологический род представлен мужским и женским полом. Вследствие этого наблюдается несогласованность прилагательных, местоимений, глаголов прошедшего времени с существительными. В татарском языке связь слов в словосочетании и предложении осуществляется только примыканием и управлением.

В качестве демонстративного материала приводим пример задания: Образуйте от существительных мужского рода, обозначающих профессии, парные слова женского рода, обозначающие те же профессии. У образованных существительных женского рода выделите суффиксы. От всех ли слов мужского рода получилось образовать слова женского рода? Аргументируйте свой ответ.

Санитар, пастух, техник, пилот, учитель, пианист, электрик, столяр.

Учащимся следовало ответить таким образом:

Санитарка, пастушка, учительница, пианистка.

При образовании женского рода от других слов меняется лексическое значение слова. Они обозначают либо лицо другой профессии (техника – «разг.» уборщица), либо обозначают не лицо, а предмет (пилотка, электричка, столярка);

3) трудности со знанием устаревших слов.

Задания, связанные с этимологией русского языка, переводом древнерусского текста, поиском синонимов современного русского языка к устаревшим словам, часто вызывают трудности у учащихся.

Многие исследователи в своих научных работах освещают комментирование фактов современного русского языка с точки зрения его истории и использования этого материала в школе [14–16].

К заданиям подобного рода относится, например, следующее, не требующее знаний истории русского языка:

Игра-анаграмма. Переставьте буквы в словах, чтобы узнать, какое устаревшее слово (название одежды) зашифровано. В качестве подсказки даны значения слов.

Анаграмма	Устаревшее слово	Значение
1. икак	1.	1. Женский головной убор
2. тилап	2.	2. Обувь
3. русуб	3.	3. Платок

4. шакук	4.	4. Пояс
5. гешудрея	5.	5. Жилет
6. кямар	6.	6. Мужская одежда
7. нёвапо	7.	7. Юбка
8. нузип	8.	8. Верхняя одежда у крестьян
9. маклоз	9.	9. Мужская куртка без рукавов
10. танкаф	10.	10. Старинная мужская долгополая верхняя одежда

Ответ:

1) кика; 2) лапти; 3) убрус; 4) кушак; 5) душегрея; 6) армяк; 7) понёва; 8) зипун; 9) камзол; 10) кафтан;

4) написание сочинения-миниатюры.

Наиболее сложным для учащихся является задание – написать сочинение-миниатюру на определенную тему. Обычно предлагается цитата известного лингвиста, учащимся нужно выразить свое отношение к этой цитате, написать сочинение-рассуждение.

Так, учащимся было дано такое задание в прошлом учебном году на Республиканской олимпиаде:

С.И. Ожегов утверждал: «Высокая культура речи заключается в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (то есть наиболее выразительное) и наиболее уместное (то есть самое подходящее для данного случая)». Как вы понимаете это высказывание лингвиста? Напишите сочинение-миниатюру, соблюдая: деление текста на абзацы (вступление, основная часть, заключение); логику изложения мысли; смысловую связь предложений; орфографические нормы; пунктуационные нормы.

Анализ сочинений показывает, что учащиеся чаще всего сталкиваются со следующими трудностями:

- отсутствие навыков экземплификации – неумение обосновывать, доказывать примерами приводимые положения, суждения;
- нарушение логики изложения вследствие отсутствия навыков у учащихся верного вычленения в содержательных блоках главной и дополнительной информации;
- смешение интеллектуального рассуждения и эмоционального, разговорного высказывания (доминирование экспрессивной манеры изложения; использование местоимения «я» вместо «мы»);
- стилистические ошибки (речевая недостаточность и речевая избыточность).

Овладение навыком написания сочинения как одного из видов письменной речи является сложным, длительным процессом. «Письменная речь не есть простой перевод устной речи в письменные знаки, и овладение письменной речью не есть просто усвоение письма... Письменная речь совершенно особая речевая функция, отличающаяся от письма по своему значению, строению и способу функционирования» [17, с. 151].

Существуют разные методические рекомендации, направленные на повышение качества письменной речи, в частности создание собственного текста (сочинение). Так, по мнению ученых Г.М. Нуруллиной и И.Ю. Головановой, для развития необходимых речевысмислительных навыков актуальным является «применение в практике преподавания активного учения, связанного с созданием коммуникативного текста, экстралингвистических задач. Коммуникативный текст стимулирует активизацию необходимых речевых навыков, мотивирует выбор средств выражения, речевых тактик взаимодействия с адресатом» [18, с. 1132]. Другие ученые (например, Е.Л. Ерохина, А.В. Самолина) рекомендуют обучать текстовой деятельности на уроках русского языка с использованием текстов с дополненной реальностью: «Тексты с дополненной реальностью обладают большим потенциалом для обучения школьников написанию вторичных текстов-рассуждений. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, восприятие и понимание любых текстов является не линейным, не одномоментным, а проходит через несколько слоев декодировки. Во-вторых, цифровое поколение ежедневно имеет дело с нелинейными структурами в различных сферах жизнедеятельности, что говорит об их психологической и физиологической готовности воспринимать нелинейную информацию» [19, с. 103].

Такого рода работа с текстом повышает интеллектуально-творческий потенциал языковой личности учащегося. Целесообразным является выделение критериев сформированности такого потенциала: познавательный (повышение уровня знаний; развитие интеллектуальных способностей); креативный (гибкость ума; развитие творческих способностей; критическое мышление); эмоциональный (повышение интереса к изучению языка; развитие познавательной активности). Составители заданий учитывают, что «в современном образовательном пространстве школьнику необходимо постоянно проявлять способность находить информационно-смысловые взаимосвязи текстов разного типа и формата, объединенных одной темой, проблемой, соотносить информацию из разных текстов с внетекстовыми фоновыми знаниями, критически оценивать информацию и делать собственный вывод» [20, с. 17].

Выдвинутые нами теоретические положения, практические рекомендации по разработке олимпиадных заданий и повышению навыков письменной речи у учащихся-билингвов показывают актуальность настоящего исследования. Для структурного и наглядного представления выдвинутых положений составлена модель в виде таблицы.

*Модель формирования интеллектуально-творческого потенциала учащихся
во внеурочной деятельности (олимпиады по русскому языку)*

Целевой компонент		
Цель – формирование интеллектуально-творческого потенциала учащихся во внеурочной деятельности		
Организационно-педагогические условия		
Системно-деятельностный подход в образовании	Внеклассическая деятельность – олимпиада по русскому языку	
Мотивационный компонент участия в олимпиаде		
Одаренный учащийся с развитым языковым чутьем, умением решать лингвистические задачи	Интерес к углубленному изучению русского языка	
Содержательный компонент		
Лингвистические задачи из разных разделов русского языка: фонетики, лексики, морфемики, словообразования, морфологии, синтаксиса	Текстовая деятельность Письменная речь Сочинение-рассуждение	
Дидактические принципы разработки олимпиадных заданий		
Принцип занимательности	Принцип научности	Принцип доступности
Формируемые на олимпиаде компетенции		
Коммуникативная	Лингвистическая	Культуроценностная
Критерии сформированности интеллектуально-творческого потенциала учащегося		
Познавательный: – повышение уровня знаний; – развитие интеллектуальных способностей	Креативный: – гибкость ума; – развитие творческих способностей; – критическое мышление	Эмоциональный: – повышение интереса к изучению языка; – развитие познавательной активности
Результат: сформированный интеллектуально-творческий потенциал учащихся во внеурочной деятельности		

Заключение

Таким образом, при подготовке учащихся-билингвов к олимпиаде по русскому языку важно акцентировать внимание на развитии интеллектуально-творческого потенциала учащихся. Одаренные дети могут достичь высоких результатов, если одновременно развиты у школьников и познавательный, и креативный стороны языковой личности. Наш опыт работы в качестве разработчика зада-

ний, председателя жюри муниципального, республиканского уровня олимпиады по русскому языку для учащихся школ с родным (нерусским) языком обучения позволяет говорить о необходимости оказания лингвометодической помощи учителям русского языка. В перспективе планируется издание учебно-методических пособий, монографий для учителей, учащихся с рекомендациями по подготовке к олимпиаде по русскому языку.

Список источников

- Федеральная рабочая программа основного общего образования «Русский язык» (для 5–9 классов образовательных организаций). М., 2022. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/10/01_frp_russkij-yazyk_5-9-klassy.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
- Педагогика: педагогические теории, системы, технологии: учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / С.А. Смирнов, И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов и др. М.: Академия, 2001. 512 с.
- Теория и практика обучения русскому языку: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е.В. Архипова, Т.М. Воителева, А.Д. Дейкина и др.; под ред. Р.Б. Сабаткоева. М.: Академия, 2005. 320 с.
- Леонтьев Д.А. Общее представление о мотивации человека // Психология в вузе. 2004. № 1. С. 51–65.
- Калинина Л.В. О принципах подготовки школьников к олимпиадам по русскому языку // Русский язык в школе. 2018. № 6. С. 3–7. doi: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-6-3-7>
- Слизовский Д.Е., Иванова М.Г., Мартыненко Е.В. Интеллектуальные конкурсы школьников: основные задачи и социальное значение // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 1. С. 73–88.
- Мельникова Н.М. Роль предметных олимпиад в развитии познавательной активности младших школьников // Гуманитарные исследования. 2014. № 3. С. 126–131.
- Муравьев С.Е., Скрытный В.И. Олимпиады школьников // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 126–130.
- Шакирова Л.З. Казанская лингвистическая школа и лингвометодика // Казанская лингвометодическая школа: Шакирова Лия Закировна: сб. ст. и воспоминаний, посвящ. юбилею д-ра пед. наук, проф. Лии Закировны Шакировой / сост. Н.Н. Фаттахова, З.Ф. Юсупова. Казань: Магариф-Вакыт, 2016. 196 с.
- Юсупова З.Ф. Роль олимпиады по русскому языку как неродному в развитии билингвальной языковой личности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-olimpiady-po-russkomu-yazyku-kak-nerodnomu-v-razvitiu-bilingvalnoy-yazykovoy-lichnosti>; doi: 10.17223/19996195/38/20 (дата обращения: 15.10.2024).

11. Закирянов К.З., Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. К проблеме формирования билингвальной личности в нерусской школе // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 4 (46). С. 37–45.
12. Нуруллина Г.М. О сущности интереса в обучении русскому языку (на примере реалий, обозначающих русские народные игры и игрушки) // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения академика Г.Н. Волкова / отв. ред. С.Л. Михеева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. С. 220–223.
13. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 2. 11-е изд. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. 444 с.
14. Глухих Н.В. Историко-культурный блок в системе подготовки школьников к олимпиаде по русскому языку // History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future Materials of the VI international scientific conference. 2017. С. 37–41.
15. Еремина С.А. Факультатив по истории языка как форма подготовки учащихся к всероссийской олимпиаде школьников по русскому языку // Филологический класс. 2015. № 4 (42). С. 65–70.
16. Крисанова И.В. Задания к олимпиадам по русскому языку (сектор «История русского языка») // Амурский научный вестник. 2016. № 1. С. 106–112.
17. Nurullina G., Golovanova I. The Competence-based Approach in Teaching Russian Language in the System of Modern Professional Education for Non-Philologist Students // ARPHA Proceedings. Part of: V International Forum on Teacher Education: Part II: Educational Environment and Management. 2019. P. 1131–1136. doi: 10.3897/ap.1.e1074
18. Karabulatova I.S., Polivara Z.V., Zamaletdinov R.R. Ethno-Linguistic Peculiarities of Semantic Perception of Language Competence of Tatar Bilingual Children // World Applied Sciences Journal Issue 27 (Education, law, economics, language and communication). 2013. P. 141–145. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197469818.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).
19. Ерохина Е.Л., Самолина А.В. Обучение текстовой деятельности на уроках русского языка: возможности использования текстов с дополненной реальностью // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 97–105. doi: 10.23951/1609-624X-2024-1-97-105
20. Добротина И.Н., Осипова И.В. О заданиях Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку: отбор содержания и требования к умениям // Русский язык в школе. 2021. № 82 (6). С. 16–21. doi: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-16-21

References

1. *Federal'naya rabochaya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya «Russkij yazyk» (dlya 5–9 klassov obrazovatel'nykh organizatsiy)* [Federal work program of basic general education Russian language (for grades 5–9 of educational organizations)] (in Russian). URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/10/01_frp_russkij-yazyk_5-9-klassy.pdf (accessed 12 October 2024).
2. Smirnov S.A., Kotova I.B., Shlyanov E.N. et al. *Pedagogika: pedagogicheskiye teorii, sistemy, tekhnologii: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh i srednikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Pedagogy: pedagogical theories, systems, technologies: Textbook for students of higher and secondary institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 512 p. (in Russian).
3. Arkhipova E.V., Voiteleva T.M., Deykina A.D et al. *Teoriya i praktika obucheniya russkomu yazyku: uchebnoye posobiye dlya studintov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Theory and practice of teaching the Russian language: Textbook for students of higher pedagogical institutions]. Ed. R.B. Sabatkoev. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 320 p. (in Russian).
4. Leont'ev D.A. *Obshcheye predstavleniye o motivatsii cheloveka* [A general idea of human motivation]. *Psichologiya v vuze*, 2004, no. 1, pp. 51–65 (in Russian).
5. Kalinina L.V. *O printcipakh podgotovki shkol'nikov k olimpiadam po russkomu yazyku* [On the principles of preparing schoolchildren for the Russian language Olympiads]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2018, no. 6, pp. 3–7 (in Russian). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-6-3-7>
6. Slizovskiy D.E., Ivanova M.G., Martynenko E.V. *Intellektual'nye konkursy shkol'nikov: osnovnye zadachi i sotsial'noye znachenije* [Intellectual contests of schoolchildren: the main tasks and social significance]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 73–88 (in Russian).
7. Mel'nikova N.M. *Rol' predmetnykh olimpiad v razvitiu poznavatel'noy aktivnosti mladshikh shkol'nikov* [The role of subject Olympiads in the development of cognitive activity of younger schoolchildren]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian Researches*, 2014, no. 3, pp. 126–131 (in Russian).
8. Murav'ev S.E., Skrytnyy V.I. *Olimpiady shkol'nikov* [School Olympiads]. *Vyssheye obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2017, no. 6, pp. 126–130 (in Russian).
9. Shakirova L.Z. *Kazanskaya lingvisticheskaya shkola i lingvometodika* [Kazan Linguistic School and Linguometrics]. *Kazanskaya lingvometodicheskaya shkola: Shakirova Liya Zakirovna: sbornik statey i vospominaniy, povyashchennykh yubileyu doktora pedagogicheskikh nauk, professora Lii Zakirovny Shakirovoy* [Kazan Linguistic Methodological School: Shakirova Liya Zakirovna: a collection of articles and memoirs dedicated to the anniversary of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Liya Zakirovna Shakirova]. Comp. N.N. Fattahova, Z.F. Yusupova. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2016. 196 p. (in Russian).
10. Yusupova Z.F. *Rol' olimpiady po russkomu yazyku kak nerodnomu v razvitiu bilingval'noy yazykovoy lichnosti* [The role of the Olympiad in Russian as a non-native language in the development of a bilingual linguistic personality] (in Russian). URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/rol-olimpiady-po-russkomu-yazyku-kak-nerodnomu-v-razvitiu-bilingvalnoy-yazykovoy-lichnosti doi: 10.17223/19996195/38/20 (accessed 15 October 2024).
11. Zakir'yanov K.Z., Zamaletdinov R.R., Zamaletdinova G.F. K probleme formirovaniya bilingval'noy lichnosti v nerusskoy shkole [On the problem of the formation of a bilingual personality in a non-Russian school]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2016, no. 4 (46), pp. 37–45 (in Russian).
 12. Nurullina G.M. O sushchnosti interesa v obuchenii russkomu yazyku (na primere realiy, oboznachayushchikh russkiye narodnye igry i igrushki) [Russian Russian language teaching is about the essence of interest (using the example of the realities that denote Russian folk games and toys)]. *Etnopedagogika kak faktor sokhraneniya rossiyskoy identichnosti: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika G.N. Volkova* [Ethnopedagogy as a factor in preserving Russian identity: collection of materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Academician G.N. Volkov]. Ed. S.L. Mikheeva. Cheboksary, ChGPU Publ., 2017. P. 220–223 (in Russian).
 13. Ushinskiy K.D. *Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. T. 2* [A person as a subject of education. The experience of pedagogical anthropology. Vol. 2]. Saint Petersburg, tip. M. Merkusheva Publ., 1905. 444 p. (in Russian).
 14. Glukhikh N.V. Istoriko-kul'turnyy blok v sisteme podgotovki shkol'nikov k olimpiade po russkomu yazyku [Historical and cultural block in the system of preparing schoolchildren for the Russian language Olympiad]. *History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future Materials of the VI international scientific conference*, 2017. P. 37–41 (in Russian).
 15. Eremina S.A. Fakul'tativ po istorii yazyka kak forma podgotovki uchashchihsya k vserossiyskoy olimpiade shkol'nikov po russkomu yazyku [Elective course in the history of language as a form of preparation for students participating in the All-Russian Olympiad in the Russian language]. *Filologicheskiy klass*, 2015, no. 4 (42), pp. 65–70 (in Russian).
 16. Krisanova I.V. Zadaniya k olimpiadam po russkomu yazyku (sektor «Istoriya russkogo yazyka») [Russian Russian Language Olympiad assignments (the "History of the Russian Language" section)]. *Amurskiy nauchnyy vestnik*, 2016, no. 1, pp. 106–112 (in Russian).
 17. Nurullina G., Golovanova I. The Competence-based Approach in Teaching Russian Language in the System of Modern Professional Education for Non-Philologist Students. *ARPHA Proceedings. Part of: V International Forum on Teacher Education: Part II: Educational Environment and Management*, 2019. P. 1131–1136. doi: 10.3897/ap.1.e1074
 18. Karabulatova I.S., Polivara Z.V., Zamaletdinov R.R. Ethno-Linguistic Peculiarities of Semantic Perception of Language Competence of Tatar Bilingual Children. *World Applied Sciences Journal Issue 27 (Education, law, economics, language and communication)*, 2013, pp. 141–145. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197469818.pdf> (accessed 15 October 2024).
 19. Erokhina E.L., Samolina A.V. Obucheniye tekstovoy deyatel'nosti na urokakh russkogo yazyka: vozmozhnosti ispol'zovaniya tekstov s dopolnennoy real'nost'yu [Teaching text activity in Russian language lessons: the possibilities of using texts with augmented reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 97–105 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-97-105>
 20. Dobrotina I.N., Osipova I.V. O zadaniyakh Vserossiyskoy olimpiady shkol'nikov po russkomu yazyku: otbor soderzhaniya i trebovaniya k umeniyam [About the tasks of the All-Russian Olympiad of schoolchildren in the Russian language: selection of content and requirements for skills]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2021, no. 82(6), pp. 16–21 (in Russian). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-6-16-21>

Информация об авторе

Нуруллина Г.М., кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ул. Татарстан, 2, Казань Россия, 420021).

E-mail: nurullinagz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4394-8446; SPIN-код: 3153-6410; Researcher ID: M-1924-2016; Профиль в Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56241280400>

Information about the author

Nurullina G.M., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (ul. Tatarstan, 2, Kazan, Russian Federation, 420021).

E-mail: nurullinagz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4394-8446; SPIN-code: 3153-6410; Researcher ID: M-1924-2016; Scopus Profile: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56241280400>

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 30.10.2024; accepted for publication 20.05.2025

ISSN 1609-624X

A standard 1D barcode is positioned vertically. It consists of vertical black bars of varying widths on a white background.

9 771609 624003

Издательство ИИИИ

The logo consists of a series of vertical black bars of increasing height, starting from the bottom and ending with a short bar above the 'ИИИИ' text.